

ЯНОШ М. РАЙНЕР

Имре
Надь

премьер-министр
венгерской революции
1956 года

Политическая биография

Янош М. Райнер

Имре Надь
премьер-министр венгерской
революции 1956 года

Политическая биография

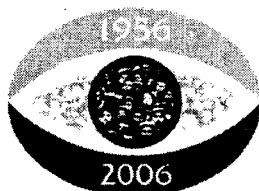
Москва • Логос
2006

УДК 323
ББК 66.(2Рос)8
P18

**MAGYAR
KULTURÁLIS INTÉZET**

Культурный, научный
и информационный центр
Венгерской Республики в Москве

E M L É K É V

Юбилейный год
в память революции 1956 года

Издание осуществлено в рамках Юбилейного года в память революции 1956 года при поддержке Министерства культуры и образования Венгерской Республики, Культурного, научного и информационного центра Венгерской Республики в Москве, а также Института истории и документации венгерской революции 1956 года

Русский перевод основан на расширенном
и дополненном автором тексте книги:
Rainer M.J. Nagy Imre. Budapest: «Vince» Kiadó, 2002.

Райнер, М. Янош

Р 18 Имре Надь — премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография / Я.М. Райнер; пер. с венг. О.В. Хавановой; автор предисл. Я.М. Бак; науч. ред. А.С. Стыкалин. — М.: Логос, 2006. — 328 с.
ISBN 5-98704-185-6

Судьба Имре Надя, который был премьер-министром Венгрии в дни революции 1956 г., сразу после его казни превратилась в одну из запретных тем для установившегося в стране режима. Именно поэтому перезахоронение праха Надя в 1989 г. стало событием, ознаменовавшим смену политического строя. Биография Имре Надя, принадлежащая перу венгерского историка Яноша М. Райнера, — это основанное на богатейшем архивном материале исследование и исключительной эмоциональной напряженности повествование о том, как вернувшийся в 1945 г. из Москвы «солдат партии» вырос в самостоятельно мыслящего политика. В то же время взгляды Надя до конца оставались коммунистическими, он хотел не иного, а «всего лишь» иначе, медленнее, без потрясений. Но именно это «всего лишь» сделало его изгоем в глазах членов коммунистической партии сталинского типа и лучом надежды для интеллигенции, а затем для широких народных масс: в 1956 г. в буквальном смысле, а в 1989 г. — символически.

ББК 66.3(2Рос)8

© Я.М. Райнер, 2006
© «Vince» Kiadó, 2002
© О.В. Хаванова, перевод, 2006
© Я.М. Бак, предисловие, 2006
© Логос, 2006

ISBN 5-98704-185-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

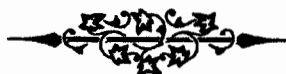

<i>Бак Я.М.</i> В чем, собственно, было дело? Цели и программы венгерской революции 1956 года	5
<i>Деак И.</i> Предисловие к английскому изданию	20
<i>Райнер М.Я.</i> Предисловие к русскому изданию	25
Список сокращений названий организаций, партий и партийных органов	35
<i>Глава 1.</i> Начала	38
<i>Глава 2.</i> Остаться коммунистом	49
<i>Глава 3.</i> Пятнадцать лет в Москве	61
<i>Глава 4.</i> Принудительный переход к социализму	76
<i>Глава 5.</i> Восхождение	92
<i>Глава 6.</i> «Новый курс»	105
<i>Глава 7.</i> Победа, поражение	118
<i>Глава 8.</i> В оппозиции	131
<i>Глава 9.</i> Революция	149
<i>Глава 10.</i> Начало конца	168
<i>Глава 11.</i> 4 ноября	186
<i>Глава 12.</i> Приговор	194
<i>Глава 13.</i> Один перед лицом смерти	206
<i>Глава 14.</i> Завещание	223
<i>Глава 15.</i> Post mortem	242
<i>Глава 16.</i> Воскрешение	251

Приложения

Сведения об архивных коллекциях	265
Список сокращений названий архивных фондов	268
Примечания к главам	269
Биографический справочник	293
Библиография	320

В ЧЕМ, СОБСТВЕННО, БЫЛО ДЕЛО?
ЦЕЛИ И ПРОГРАММЫ
ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1956 ГОДА*

Епустя полвека нелегко, а в основе своей, пожалуй, невозможно восстановить множество самых разных идей, отражавших ожидания от восстания членов различных социальных групп. В этом очерке я постараюсь кратко суммировать общее и особенное в идеях и представлениях, как они отражены в многочисленных пунктах и программах октября 1956 г. В чем был смысл этих жалоб, требований и чаяний, которые подвигли народ Венгрии восстать против почти совершенной системы подавления и несокрушимой великой державы и вступить в борьбу за цели и чаяния, выраженные в официальных и неофициальных документах?

Вопрос, в чем, собственно, было дело вплотную подводит к исторической оценке самого движения. Единственным способом оценить подлинный характер восстания и представить себе (или хотя бы порассуждать), как события могли бы развиваться в дальнейшем, остается анализ различных требований, призывов и деклараций. В главных вопросах момента венгерское общество ясно продемонстрировало поразительное (вернее, для революционных времен естественное) единодушие. Это, без сомнений, не было результатом какого-то дьявольского заговора, как того хотелось бы

* Предлагаемый вниманию читателя очерк — это переработанный вариант соответствующих разделов первой книги по истории революции после падения коммунистического режима в Венгрии, написанной в 1991 г. сотрудниками Института истории и документации венгерской революции 1956 года (в английском переводе см.: *The Hungarian Revolution of 1956: Reform — Revolt — Repression* / Ed. by György Litván. L.; N.Y., 1996. P. 123–132). При работе над рукописью я старался учесть результаты исследований, опубликованных за последние 15 лет. Вскоре я осознал, насколько мое видение событий и идей сегодня отличается от того, что, как я считал, запечатлелось в моей памяти. Подробные ссылки на программы и официальные заявления (включая необходимые цитаты) лишь перегрузили бы краткий очерк. Все материалы можно найти в учебниках, монографиях, библиографиях революции, прежде всего в электронных версиях документов на сайте Института http://www.rev.hu/history_of_56/naviga/index.htm и в созданных его сотрудниками баз данных.

кадаровской пропаганде, но скорее результатом, с одной стороны, общих страданий, а с другой — ширившегося обсуждения реформ.

В результате людям было проще всего договориться о том, чего они не хотят. Даже если масштабный полицейский террор начала 1950-х годов после 1953 г. более или менее ослабел, все были сыты по горло подавляющей подозрительностью коммунистического режима по отношению к мельчайшим деталям повседневной жизни; навязанными извне, чуждыми, раздражающими предписаниями и ритуалами; тяжелыми и унылыми буднями, низкими заработками и непомерно завышенными нормами производительности труда, устанавливаемыми неграмотными управленцами; обязательными политинформациями и партийными собраниями на рабочих местах; засильем советских фильмов на экранах; политическими мероприятиями и т. п. Крестьяне хотели избавиться от обязательных продовольственных заготовок и в особенности от сельскохозяйственных кооперативов (колхозов), в которые их принуждали вступать. Студенты жаждали покончить с практикой обязательного изучения русского языка как единственного иностранного. Людям надоели постоянные призывы следовать «примеру братского Советского Союза». Они возмущались по поводу жестких ограничений свободы передвижения, касавшихся даже соседних стран, не говоря уже о «Западе», а молодежь особенно раздражали постоянные поучения, как одеваться, что читать, какую музыку слушать и т. д.

Свобода

Большую часть этой негативной программы вобрало требование свободы. Свобода означала прежде всего свободу от политического контроля и иностранной оккупации. Хотя все списки требований содержали предложения реформировать существующую систему (речь об этом пойдет ниже), они всегда обращались к свободе и национальной независимости. Когда 25 октября журналист спросил у 16-летнего повстанца, почему тот вышел на улицу с оружием в руках, последовал типичный ответ: «Если наши борцы за свободу в 1848 г. восстали против иностранного гнета, мы не можем допустить, чтобы иноземный угнетатель чувствовал себя как дома в пределах нашего отечества». Воспоминания о 1848 г. напрашивались в 1956 г. сами собой: советская интервенция неминуемо пробуждала воспоминания вековой давности, когда Габсбурги подавили венгерскую революцию с помощью русской армии. Демонстрация началась 23 октября у памятника

генералу Бему* — герою 1849 г. При формулировании требований в 1956 г. воспоминания о революции 1848 г. обретали политическую и эмоциональную значимость. Люди не могли забыть, что воевавшие на территории Венгрии советские солдаты порой жестоко обращались с населением враждебного государства, имело место насилие, но в то же время было множество случаев, когда красноармейцы помогали жителям разрушенной, голодающей страны. Стиль требований также напоминал знаменитые «12 пунктов», выдвинутых 15 марта 1848 г.

Несомненно, еще была свежа память о поражении Венгрии во Второй мировой войне, когда страна превратилась в поле битвы. Люди не могли забыть, что воевавшие на территории Венгрии советские солдаты порой жестоко обращались с населением враждебного государства, имело место насилие, но в то же время было множество случаев, когда красноармейцы помогали жителям разрушенной, голодающей страны. Вдобавок в годы коммунистического режима ни о потерях тысяч венгров на русском фронте, ни о событиях конца войны нельзя было говорить открыто; вспоминать можно было только об освобождении Венгрии от нацистской оккупации. Необходимо помнить, что окончание войны в 1945 г. не для всех стало «освобождением». Это справедливо для социалистов, коммунистов, демократов, антифашистов и жертв хортистского режима**, но не для населения в целом, ведь у довоенного политического строя было немало (в том числе заинтересованных) сторонников. В глазах большинства среднего класса поражение в войне стало крахом, советские войска были не освободителями, а оккупантами. По национальным чувствам больно ударило то, что Венгрия, как последний союзник Гитлера (впрочем, об этом не любил вспоминать), по мирному договору потеряла те территории (Трансильванию, Воеводину, Южную Словакию, Прикарпатье), которые вернула себе «из милости» Третьего рейха, отняв у сопредельных государств. Иными словами, в отличие от соседей, которые — по крайней мере в самом конце войны, как Румыния — перешли на сторону союзников, в Венгрию советские войска и возвращавшиеся из Москвы коммунистические руководители привезли не «пряник» а «кнут». Забыть обо всем этом люди не смогли даже одиннадцать лет спустя.

* Бем Юзеф (Йожеф, 1794–1850) — польский военный и политический деятель, участник Польского восстания 1830–1831 гг., во время революции 1848–1849 гг. участвовал в обороне Вены, командовал революционными венгерскими войсками в Трансильвании. После поражения бежал в Турцию. — *Примеч. переводчика.*

** Хорти Миклош (1868–1957) — вице-адмирал, в 1920–1944 гг. регент Венгерского королевства, символ политического строя, установленного в стране между двумя мировыми войнами. — *Примеч. переводчика.*

Мероприятия первых послевоенных лет (прежде всего радикальная земельная реформа, позволившая сотням тысяч сельских пролетариев и мелких крестьян получить землю) оставили в памяти благодарный след, но и он стерся в ходе развернувшейся через несколько лет, проводившейся крайне жестокими мерами коллективизации. Молодое поколение, не знавшее ни немецкой оккупации, ни освобождения, которое принесла Красная армия, видело только одностороннюю советскую пропаганду и было сыто ею по горло. В этой атмосфере родился клич «Russki domoi!», который, возможно, стал парафразом западноевропейского левацкого лозунга «Ami go home!», широко растиражированного официальными средствами массовой информации.

Иными словами, требование свободы 23 октября означало прежде всего вывод оккупационной армии, устранение военной, политической и экономической зависимости, пересмотр договоров и соглашений, заключенных в ущерб интересам страны, и возвращение традиционной символики вместо эмблем и униформы советского образца. После интервенции 24 октября первостепенным требованием стал немедленный вывод советских войск, брошенных на подавление революции, сначала из Будапешта и крупных городов, затем — из страны в целом. 23 октября партийное руководство доказало свой окончательный отрыв от действительности, полное отсутствие понимания настроений, царивших в обществе. Об этом ясно свидетельствует просьба о вводе советских войск. Даже если те сначала не получали приказ открывать огонь, одно только их появление было сочтено провокацией и лишь углубило кризис. Вооруженная интервенция показала, что войска были введены главным образом с целью закрепить зависимое положение в Восточном блоке и служили интересам коммунистического режима в Москве, защищая его в случае необходимости с оружием в руках. Именно поэтому требование вывода советских войск было не только вопросом национальной независимости, но и необходимым условием проведения любых демократических преобразований и любого успешного выступления против пост-сталинистской диктатуры.

Нежелание зависеть от Советского Союза выражалось в требованиях пересмотреть международные соглашения, торговые договоры и тому подобные акты. Как и другие государства-сателлиты, Венгрия, помимо военной оккупации, оказалась как политически (благодаря руководству коммунистической партии из Москвы), так и экономически в полной зависимости от СССР. Общественности было почти ничего не известно о состоянии оборудования и товаров, вывезенных в 1945–1946 гг. в Советский Союз, или

о деталях репарационных выплат, навязанных Венгрии в мирном договоре. Размеры вноса Венгрии в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ, основан в 1949 г.) официально считались государственной тайной. Об этом не сообщалось ни народу, ни парламенту, ни специалистам. Между тем всякий знал или, точнее говоря, не сомневался, что венгерская экономика вот уже целое десятилетие подчиняется интересам Москвы, что страну вынудили оказывать помощь в восстановлении пострадавших от войны территорий Советского Союза и налаживании неважно функционирующей советской экономики. Людей особенно волновала судьба двух видов стратегического сырья — бокситов и урана, и вопрос, идет их добыча на пользу или во вред венгерским интересам. В дни революции вопрос о том, кто обрабатывает венгерский уран, был поставлен открыто и зазвучали призывы типа «Венгерский уран принадлежит венгерскому народу!» (Небольшая урановая шахта располагалась близ Печа, в южной Венгрии, и руда оттуда направлялась напрямик в СССР; венгерским ученым не доставалось даже образцов для научных исследований.) О том, что так называемое разделение труда между Венгрией и СССР, а также в рамках СЭВа в целом было чрезвычайно запутанным вопросом (достаточно сослаться на поставки энергоносителей), знали очень мало, и в обстановке крайнего возбуждения не было никакой возможности обсудить проблему в деталях. Однако даже если требование свободы означало в первую очередь конец советской оккупации и колониального статуса, положительная идея «свободы во имя» всегда присутствовала и включала требование свободы слова, собраний, вероисповедания, совести, образования и организации. Свобода создавать организации и созывать собрания была восстановлена де-факто возрождением свободной студенческой организации (МЕФЕС), созданием советов рабочих и революционных комитетов. Права на забастовку требовал едва ли не каждый рабочий совет. Столь же регулярно, но в разных формулировках выдвигалось требование свободных выборов. Религиозная свобода, урезанная партийной диктатурой наряду со свободой слова и свободой высказывания, напрямую упоминалась, например, в программе рабочего совета промышленного района Чепель и во многих манифестах по всей стране.

И перечень требований, и революционные выступления показывали озабоченность государственной и национальной символикой. В ряду насущных перемен назывались возвращение так называемого коштутовского герба 1848 г., который вновь стал официальной эмблемой с 1946 по 1949 г., празднование 15 марта —

дня начала революции 1848–1849 гг. и освободительной войны с Габсбургами — как национального праздника и отказ от униформы, напоминавшей советскую. Когда началось восстание, национальным праздником потребовали сделать 23 октября. Эти пункты были менее важны, чем те, что были направлены против военного, политического и экономического угнетения. После введения новой символики газетный обозреватель отмечал: «Сколь мало потребовала эта венгерская революция, и как неохотно это малое ей даровали». Можно было бы добавить: и как много значило это малое! Такие символы, как флаг, государственный герб и униформа, помогали простым людям постигать иначе неясные иерархические, социальные или религиозные смыслы. Красная звезда как символ советского коммунизма появилась повсюду в общественной и частной сфере, едва только коммунисты пришли к власти, — на флаге и на униформе, на монетах и на марках, на стенах и крышах, она украшала витрины магазинов и красовалась на памятниках в честь победы Красной армии. Понятно, что самым первым шагом на улице, в городе или на селе становилось низвержение этого символа, что нередко требовало от молодых людей сноровки скалолазов. Большим по размеру символом была громадная статуя Сталина в городском парке Будапешта, и неудивительно, что ее повалили на землю уже в первые часы революции.

Демократия и ее варианты

Наряду с положительными импликациями свободы — требованием прав человека и гражданина — наиболее часто повторявшимся лозунгом революции было восстановление демократии. Поскольку режим называл себя народной демократией (тавтологический термин, который лишь маскировал недостаток демократии в подлинном смысле слова) вполне логично было требовать осуществления той демократии, которая была прописана в конституции. Центральными элементами в политической мысли революции была парламентская система, основанная на свободных выборах и свободе выражения в устной и письменной форме. В этом все участники революции были едины. Расхождения начинались по вопросу, что означает подлинная демократия, и здесь параллельно существовали различные модели демократии и социального устройства. Однако времени для выяснения, какая модель лучше, практически не оставалось. За несколько дней свободы зародилось четыре главных интеллектуальных течения,

представлявших различные концепции политической системы и модели социально-политического устройства.

К первому течению принадлежали сторонники реформированного социализма, бывшая внутрипартийная оппозиция, большинство рабочих советов и все те, кто доверяли Имре Надю как человеку, способному обновить страну в рамках демократического социализма. Однако вскоре оформилось второе течение, не так легко отличимое от первого, которое можно назвать национально-демократическим. Его костяк составляли руководители крестьянских партий (Национальная крестьянская партия, Независимая партия мелких хозяев), в том числе выдающийся политический мыслитель Иштван Бибо, и некоторые другие политики эпохи коалиций 1945–1948 гг. Представители обоих течений были едины в том, что новая Венгрия должна строиться на принципах реформ 1945–1947 гг. и на демократической платформе антифашистского союза периода войны, отвергая восстановление довоенной политической системы. И те и другие выступали за социалистическую ориентацию в самом широком смысле слова, даже если последние по-иному расставляли акценты в своей социальной и экономической программе и опирались на собственную социальную базу.

Третье, консервативное течение появилось в последние революционные дни и, группировавшееся вокруг кардинала Миндсенти, ориентировалось на более старые исторические модели и принимало реформы, проведенные после 1945 г., с существенными оговорками. Сторонники этого течения, по сравнению с двумя первыми, выдвигали весьма отличную социально-политическую программу. Принципиальное отличие между «леваками» всех родов и консерваторами проявлялось в их оценках происшедшего. Антисталинисты из числа коммунистов, равно как демократы и популисты были едины в том, что 23 октября произошла революция и последовавшая за тем борьба с советскими войсками велась также во имя возможности фундаментальных социальных перемен. Кардинал Миндсенти и его сподвижники в силу своих убеждений отвергали понятие революции и подчеркивали исключительно национальный аспект борьбы. В своем радиообращении 3 ноября кардинал сказал: «Пусть каждый в стране осознает, что отремевшие бои были не революцией, но освободительной борьбой»*. В его глазах, не было нужды ни в каких революционных изменениях или экспериментах, вместо этого следовало вернуться

* Цит. по: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы / Ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Середя, А.С. Стыкалин и др. М., 1998. С. 540. — *Примеч. переводчика.*

к «легитимной» традиции, прерванной в 1945 г. Консерваторы, несомненно, имели широкую опору среди населения, но их представители находились в замешательстве. К тому времени, когда бывший средний класс, поддерживавший кардинала, преодолел страх, осознал свои возможности и начал действовать, по стране уже шли советские танки.

Раздавались также голоса, представлявшие агрессивный, радикальный, отчасти крайне правый, оголтелый антикоммунизм. Эти достаточно расплывчатые политические чувства, требовавшие, чтобы преступления сталинизма были немедленно отомщены, и все коммунисты, включая Имре Надя и его союзников, исчезли из политической жизни, находили выражение на улицах, но так и не оформились в политическую программу.

К этим четырем можно добавить очевидные, но так никогда и не сформулированные побудительные мотивы большинства борцов за свободу на улицах Будапешта и страны в целом. Мало кто из них имел ясные политические убеждения; они руководствовались прежде всего «негативными требованиями», о которых говорилось выше, — уныние, нищета, муштра со стороны старшего поколения и властей, отсутствие свободы выбора. С другой стороны, битва против могучего врага становилась героической, даже романтической альтернативой серости бытия в виде боевого братства с такими же, как они, молодыми (или чуть старше) товарищами по оружию. Находчивости, стойкости и героизму, готовности рисковать жизнью, методам партизанской борьбы они, по иронии, могли научиться из тех самых советских фильмов о войне, но они легко превращали это в подражание борцам за свободу 1848 г.

Модели нового начала

Специфические требования, касавшиеся повседневной жизни и будущего социально-экономического устройства, встречаются главным образом в манифестах фабричных и рабочих советов, а впоследствии у революционных организаций в сельской местности. Требования, сформулированные в промышленной сфере и в городах, содержали огромное количество деталей о ненавистной работе, несправедливых трудовых нормах и низкой зарплате, минимальных социальных гарантиях и жалком продовольственном снабжении из разрушенного села; в деревнях же и вообще в сельской местности — о губительной продразверстке, насильственной коллективизации и преследованиях крестьянства.

Советы рабочих на заводах и революционные комитеты в конторах и организациях выражали не только политические цели своих членов, но и их статус как ответственных собственников предприятий. Роли политического представительства, защиты интересов и права собственности окончательно смешались.

Установление контроля над производством одновременно фигурировало в социально-политических программах многих рабочих советов. Целью такой программы был перевод страны на новые рельсы, в то время как непосредственные политические задачи и независимость, которой предстояло добиться, стали бы основой нового социалистического порядка в классическом смысле слова. В этом случае принятие решений в промышленности, горном деле, на транспорте передавалось бы в руки производителей (рабочих, технических сотрудников и других категорий персонала); такие вопросы, как планирование производства, установление норм оплаты труда, назначение руководства, более не решались людьми со стороны, будь то банкиры, фабриканты или центральные органы управления — министерства или комитеты, созданные по указке партии. В сравнении с реальным социализмом эта идея, очевидно, не совпала с тем, что коммунистические партии понимали под социалистической собственностью, властью рабочих или социализмом. Сама идея рабочих советов была куда ближе к классическим социалистическим программам XIX — начала XX в. и социал-демократической политике, проводившейся в XX в. в некоторых западных (например, скандинавских) странах и в государстве всеобщего благосостояния вообще. Если позволить себе долю доктринерства, в этих программах можно даже обнаружить более ранние идеи рабоче-кооперативной собственности (на манер Прудона); но скорее всего многих вдохновляли туманные идеи рабочего самоуправления из югославской модели (о которой в то время знали очень мало).

Вне всяких сомнений, не все участники и сторонники революции разделяли эти «подлинно социалистические» идеи и программы. Но везде и всюду людей объединяло понимание того, что великие социальные и экономические завоевания 1945–1948 гг. — прежде всего суть радикальной земельной реформы — необходимо сохранить. «Мы отвергаем любые попытки восстановить засилье крупных землевладельцев, фабрикантов и банкиров», — повторяли люди самых разных убеждений. Бела Ковач, бывший председатель Независимой партии мелких хозяев, незадолго до восстания вернувшийся из сибирского ГУЛАГа, выступая 30 октября в Пече, сказал: «Не нужно мечтать о старом порядке. Мира графов, банкиров и капиталистов больше нет; всякий, кто смотрит на вещи так,

как если бы на дворе был 1939 или 1945 год, не имеет ничего общего с мелкими хозяевами». Ковач привел в пример два этих года, чтобы подчеркнуть: довоенная политическая система и социально-экономический порядок до земельной реформы навсегда ушли в прошлое. По его мнению, в 1956 г. политика должна была основываться на социальных и экономических реформах послевоенных лет, до того как коммунисты насильственно ввели социализм по-советски и отняли землю у тысяч и тысяч новых собственников с целью загнать их в колхозы.

Писатель Ласло Немет, авторитетная фигура в популистско-национальных интеллектуальных кругах в межвоенный период, который был вынужден замолчать в 1946 г., в статье 1 ноября 1956 г. выразил свою озабоченность возможным дальнейшим ходом событий: «Мы должны быть бдительны, чтобы в то время, как вооруженные люди заняты изгнанием советских войск, новые оппортунисты не превратили бы Революцию в контрреволюцию и не отбросили бы венгерскую борьбу за свободу в 1920 год». Это было ясным предупреждением против сторонников регента Миклоша Хорти, который возглавил контрреволюцию и белый террор 1919 г., и против последовавшего затем так называемого христианского курса 1920 г. В статье, опубликованной 1 ноября в новой популистской газете партии Петёфи «Уй Мадярсэг» («Новая Венгрия»), Немет написал, что «имеющая историческое значение» политическая форма, за торжество какой боролась революция, — это, по его мнению, «многопартийная система, которая состоит из нескольких больших партий, стоящих на общих кардинальных принципах, которая сочетала бы целенаправленность общественного строя, опирающегося на единую идейную основу, с гибкостью парламентского строя»*.

Само собой разумеется, многие ясно понимали тот факт, что налаживание разрушенной экономики было невозможно без более или менее свободного рынка. В стране не ощущалось недостатка в экономистах, управленцах и предпринимателях, имевших опыт работы при свободной и не регламентируемой государством экономике (не будем забывать, что в 1956 г. советскому социализму было меньше 10 лет!), и они понимали, что только восстановление свободы предпринимательства сможет вернуть стране экономическое процветание. Собственно, некоторые бывшие защитники плановой экономики начинали думать об альтернативах уже во время «оттепели», после 1953 г. Однако такие взгляды редко вы-

* Цит. по: Советский Союз и венгерский кризис. С. 489–490. — *Примеч. переводчика.*

сказывались в дни революции и непосредственно после. Следует учесть, что проблемы государства всеобщего благосостояния повсюду появились лишь в последние десятилетия и мир пока не испытал провала всех реформ «реального социализма».

В то же самое время многие из тех, кто искали долгосрочное решение, приходили к мысли (возможно, утопической) о так называемом «третьем пути», позволявшем — ради построения справедливого общества — не примыкать ни к одной из противоборствующих систем. Идея «третьего пути», высказанная в период между двумя мировыми войнами немецко-швейцарским экономистом Вильгельмом Рёнке, уже тогда получила положительные отклики в Венгрии. Однако идея такой альтернативы не была свободна от противоречий. Как писатель-эссеист, Золтан Сабо выразился в одном из своих лондонских радиовыступлений: «Для социалистов революция была слишком либеральной, для либералов — слишком социалистической». Если многие мечтали о Венгрии вне обоих силовых блоков, то, похоже, приходилось признать, что в этом случае можно вести речь о промежуточном положении в политике и социально-экономическом устройстве.

С этим сложным комплексом проблем была также тесно связана идея нейтралитета. Симпатии к «неприсоединившимся нациям» были довольно сильны, и даже Имре Надь в своих (в то время неизвестных общественности) аналитических записках к партийному руководству поддерживал эту ориентацию. Пусть требование нейтралитета в самом начале не выдвигалось, но пример соседней Австрии, которая ровно год назад, после подписания государственного договора (*Staatsvertrag*) и вывода всех иностранных войск, стала нейтральной, был у всех перед глазами. То, что такой курс потребовал бы, как это отмечают историки, коренного пересмотра условий сговора союзников, скрепленного в Ялте (о чем западные политики в последующие десятилетия предпочтут забыть), указывает на историческое значение 1956 г. Советская интервенция против революции, не встретившая сопротивления на международной арене, была в этом смысле фактическим подтверждением раздела Европы, о котором договорились победители во Второй мировой войне.

Понятие частной собственности, ограниченной соображениями социального порядка, идея государства всеобщего благосостояния как защитника трудящихся и нуждающихся вместе с некоторым участием рабочих в управлении компаниями были широко распространены в европейской мысли 1950-х годов. Далее, если люди в Венгрии почти ничего не знали о разных существующих схемах, эти экономические и социальные модели, образно говоря,

витали в воздухе. К тому же не следует недооценивать старых социал-демократических и профсоюзных традиций, которые не были забыты, даже если их организации после 1948 г. оказались разгромлены. Хотя социал-демократическая партия в дни революции вышла на политическую сцену относительно поздно и по понятным причинам испытывала недоверие к коммунистам-ревизионистам, в рабочих советах насчитывалось немало бывших активистов, хранивших верность старым ценностям рабочей солидарности, духу профсоюзного движения и борьбе против эксплуатации.

Несомненно, многие участники революции не разделяли идеалов «подлинного социализма» или «третьего пути», но для ситуации, сложившейся в 1956 г., было характерно, что ни одна значительная сила или личность не выступала за то, что сегодня кажется единственно возможной альтернативой, — за капиталистическую экономическую систему со свободным рынком и широкой приватизацией. Даже кардинал Миндсенти, которого сан и личные убеждения привели в консервативный лагерь, в знаменитом радиообращении 3 ноября сказал: «Мы живем под властью закона в бесклассовом обществе, мы расширяем наши демократические завоевания, и мы выступаем за принцип частной собственности, ограниченной соображениями социального порядка». В этой формулировке он выразил взгляды многих, кто отвергал любые социалистические преобразования, но — в согласии с социальными энцикликами католической церкви — не отрицал некоторые формы ограничения рыночной экономики. Заметим в скобках: то, что кардинал понимал под марксистской формулировкой «бесклассовое общество», не вполне понятно (даже если папские энциклики конца XIX и начала XX в. о социальных вопросах «*Rei Novarum*» и «*Quadragesimo Anno*» отрицали классовый антагонизм). Так или иначе, он не призывал к возврату к иерархическому социальному порядку предвоенного периода.

***Единство в сопротивлении —
расхождение в будущем***

Главным «торговым знаком» революционных дней стала нация, выступившая в едином порыве — забыв обо всех различиях во мнениях и идеологии — на защиту свободы и демократии. Исключение составляла горстка тех, кто были тесно связаны с режимом и зависели от него идеологически и финансово. Несомненно, далеко не все десять миллионов венгров с первых дней приняли

активное участие в восстании, но не будет преувеличением сказать, что, не считая пособников режима, все соглашались с базовыми требованиями.

На языке улицы национальное единство выражалось в лозунге «Кто венгр — тот с нами!» Слова эти означали, что все, кто выступили за сопротивление иностранному и тоталитарному господству, были настоящими венграми. И все-таки лозунг был подспудно направлен против любого, кому могли отказать в праве называться венгром.

Когда долгое время подавляемый народный гнев вырвался наружу, несколько революционных организаций выступили против дискриминации. Так, в комитате Бараня, где послевоенные депортации и переселения создали напряженность между старожилыми-немцами и венграми, приехавшими из Словакии и Буковины, в целом ряде деревень дошло до открытых столкновений. Местное отделение Национального комитета, в котором были представлены обе этнические группы, положило конец попыткам репараций и потребовало провести официальное расследование всех инцидентов, и только недостаток времени не позволил довести дело до конца.

В свете новейшей истории Венгрии, которая знала и десятилетия официальной антисемитской пропаганды, и попустительство депортациям и массовому истреблению евреев, было бы наивным ожидать, что в дни революции не прозвучат антисемитские голоса или не случатся направленные против евреев эксцессы. Ни для кого не было секретом, что ключевые фигуры сталинистского режима были евреи. Более того, многие пережившие Холокост евреи записывались в коммунистическую партию или правоохранительные органы в надежде, что эти организации накажут убийц их родных и близких. Удивительно, что в таких обстоятельствах открытых выпадов против евреев в дни революции было относительно немного (впрочем, разве можно даже об одном подобном инциденте не сказать «много»). Демонстрации против «евреев и коммунистов» чаще заканчивались насилием в небольших поселках, чем в столице. Сразу после падения коммунистического правительства, в условиях ex-lex искреннее недовольство (например, против агентов безжалостных реквизиций 1950-х годов, нередко бывших евреями) толкало пьяную толпу на словесные оскорбления или рукоприкладство. Абсурдность некоторых подобных стычек только усиливалась, когда люди начинали требовать убрать плакат «Ленин — еврей». (Кстати, именно тогда и Надь, и Кадар, находившиеся в рядах повстанцев, были «разоблачены» как евреи.)

В большинстве случаев новые, революционные органы и Национальная гвардия брали на себя инициативу и пресекали подобные эксцессы. В то же время из уст в уста передавались истории о том, как кого-то принимали на улице за ненавистного агента госбезопасности и отпускали только за то, что «был похож на еврея» со словами: «Мы не хотим быть как фашисты».

В чем-то сходная сдержанность может быть обнаружена в том обстоятельстве, что одна из величайших для венгров трагедий XX в. — распад исторической Венгрии, закрепленный Трианонским мирным договором 1920 г. и подтвержденный в 1946 г. в Париже, и судьба миллионов венгров, оказавшихся за пределами страны, — в дни свободы практически не становилась предметом публичного обсуждения. Озабоченность судьбами соотечественников в соседних странах в 1980-е годы и после падения коммунизма показывает, что об этом никогда не забывали. В самых разных местах (если имеющиеся в нашем распоряжении данные верны, то чаще вблизи границ; например, со Словакией) некоторые приносили слово «Трианон» в связи с требованиями перемен, но их останавливало «трезвомыслящее» (!?) большинство. Даже если пересмотр условий мирного договора оставался ключевым элементом политического дискурса межвоенных лет, за десять лет коммунизма не прозвучало ни одного высказывания на эту тему: возможно, вопрос отступил на второй план. Но предположим, что люди прекрасно знали, что в речах и радиовыступлениях словацких и румынских коммунистов венгерское восстание было заклеено как «реваншистски-фашистское», и не хотели давать почву для подобных обвинений.

Вполне естественно, что как только общие цели были достигнуты, национальное единство начало давать трещины. Представители старшего поколения, оказавшиеся не у дел после 1948–1949 гг., и убежденные консерваторы, и либерально-демократические противники любого рода социализма, решили, что пришло время действовать. Их представления о свободной Венгрии существенно отличались от представлений экс-коммунистов и их союзников. У них находились сторонники среди молодежи. Очевидно, что не случись 4 ноября интервенция, идеологические и политические противоречия обострились бы и приняли открытые формы. В отсутствие спланированной силы, каковой оказалась внешняя угроза, единство не продлилось бы долго. Можно добавить, что свободно выбранный парламент и подлинная демократия усилили бы расхождение в позициях. Однако нельзя даже отдаленно предположить, насколько возникший политический спектр напоминал бы

тот, что оформился к 1990 г. Судя по известным программам социал-демократические тенденции, пожалуй, были бы сильнее (по крайней мере в городах) и попытались бы воплотить модель реформированного социализма.

Первые признаки расхождения в политических убеждениях появились уже в последние дни перед советской интервенцией. Таким было упомянутое выше радиообращение кардинала Миндсенти 3 ноября, язык которого был куда более многозначительным, чем собственно содержание (он говорил о «наследниках павшей системы», что могло означать правительство Надя). Это позволяет предположить, что произошел отход от национального единства и начал складываться самостоятельный консервативно-католический блок. Другое направление представляло растущее политическое руководство партнеров по коалиции реформированной коммунистической партии. Эти группы поддерживали Надя в дни революции, но вопрос о том, как долго продлится союз с коммунистами антисталинистского толка, оставался открытым. Не следует также забывать, что коалиция в последнем кабинете Надя включала далеко не все партии первых послевоенных лет, прежде всего тех, кто не был категорически против прихода коммунистов к власти в 1948–1949 гг. Очевидно, что партии и политические группировки, которые жестоко ликвидированы постыдной «тактикой салями» (изничтожение «тонких ломтиков» некоммунистических партий), проводимой режимом М. Ракоши, возродились бы по мере восстановления политического плюрализма. Как уже говорилось выше, то тут то там звучали политически абсурдные, экстремистские призывы, но они так и не объединились в политическую партию.

* * *

И все-таки рассуждения о возможном исходе событий остаются не более чем догадками. Даже с учетом внутренних расхождений и обусловивших их социальных и политических причин решающим для революции стало единодушие в дни борьбы и недели последовавшего затем сопротивления. Восстание 1956 г. стоит в ряду великих народных движений за идеалы человеческих и гражданских прав, и оно стало первым крупным восстанием в Восточно-Центральной Европе, когда члены общества, пожелавшие стать гражданами, поднялись против тирании тоталитарной власти. Самое верное определение дал, пожалуй, Иштван Бибо, назвавший 1956 год «революцией в защиту человеческого достоинства».

ПРЕДИСЛОВИЕ
К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Об Имре Наде впервые узнал в январе 1945 г., когда советские войска штурмовали Будапешт, от венгерского дезертира, спасавшегося в подвале вместе с моей и сотнями других семей и от войны, бушевавшей над нашими головами, и от бесчинствующих бандитов из фашистской партии «Скрещенные стрелы». Когда мой отец начал рассуждать о том, каким будет правительство в оккупированной Советским Союзом Венгрии, солдат спокойно заверил нас, что новым руководителем страны станет коммунист Матяш Ракоши, назвал имена некоторых других видных коммунистов, в том числе Имре Надя. Для меня эти имена ровно ничего не означали, и только моему отцу удалось припомнить, что Ракоши был агентом Коминтерна, которого несколькими годами ранее венгерский суд приговорил к длительному тюремному заключению. Но даже мой отец слыхом не слыхивал о других коммунистах. Между тем 22 декабря 1944 г. советские оккупационные власти действительно создали в Дебрецене (Восточная Венгрия) первое венгерское антифашистское правительство, и Имре Надя получил в нем пост министра сельского хозяйства.

Коммунисты занимали в этом правительстве довольно скромные позиции. На пост премьер-министра был назначен генерал, служивший в армии регента Миклоша Хорти и еще несколько месяцев назад сражавшийся против СССР. Другие министры также оказались не имевшими опыта в политике кадровыми офицерами или представителями карликовых антифашистских, некоммунистических партий, действовавших в подполье. Двоим коммунистам в этом кабинете достались малозначительные посты. Однако политическое чутье должно было подсказать, что удивительная «скромность» коммунистов не продлится долго; в конце концов, лишь они обладали безоговорочной поддержкой Советов, и это в то время, когда продукты для министров правительства доставляли с полевых кухонь Красной армии. К тому же во временное национальное правительство (о чем большинство из нас тогда не догадывались) вошло больше скрытых коммунистов, чем легальных

членов партии. Например, пост министра внутренних дел, в чьем ведении находилась полиция, достался члену Национальной крестьянской партии, тайно состоявшему в компартии.

Мне кажется, что дезертир — скорее всего коммунист-подпольщик — знал об этом и, следовательно, был уверен, что рано или поздно коммунисты придут к власти.

Среди всех коммунистических лидеров особо выделялась группа так называемых москвитов, т. е. коммунистов, которые накануне или, по крайней мере, во время войны проживали в Москве. Их, вернувшихся в Венгрию в грузовом поезде Красной армии, окружала совершенно особая аура власти и непобедимости. Остальные, куда более многочисленные, оставались, так сказать, доморощенными коммунистами, которые действовали в подполье или лишь недавно вышли на свободу из разных тюрем и концентрационных лагерей. Впоследствии выяснилось, что ни один из доморощенных коммунистов не избежал преследований и арестов; только москвиты обладали неким иммунитетом. Но опять-таки в то время мы понятия не имели о том, что к 1945 г. лишь малая толика москвитов уцелела в горниле сталинских чисток, большинство же были расстреляны или томились в ГУЛАГе.

Имре Надь и его товарищ по партии, занявший пост министра торговли и транспорта, оказались двумя из горстки москвитов, переживших чистки в СССР.

Сначала мы не придали большого значения созданию правительства и Временного национального собрания, ибо власть сосредоточивалась в руках Красной армии и, в лучшем случае, назначенных оккупационными властями городских властей, под чьим надзором жизнь постепенно начала налаживаться. Между тем правительство, в которое вошел даже один представитель древнего и славного графского рода, подавало надежду на лучшее будущее под властью широкой демократической коалиции, включавшей как коммунистов, так и католических консерваторов и буржуазных либералов. Для тех, кто вообще обратил внимание на Имре Надя, он походил скорее на старомодного провинциального школьного учителя, чем на красного революционера. Остальные коммунистические лидеры тоже мало соответствовали расхожим представлениям о пролетарских революционерах. Наиболее заметные из них вышли из городского среднего класса и выглядели как интеллигенты еврейского происхождения. Ракоши как ни старался, так и не стал похожим на типичного венгерского крестьянина. Действительно, Надь выглядел иначе, чем многие его товарищи по партии, но в 1947 г. он на более или менее длительное время исчез с политической сцены, и мы почти ничего о нем не знали.

В 1948 г. я покинул страну, которая постепенно переходила под контроль коммунистов. О Наде я вновь услышал только в 1953 г., в период работы в мюнхенской редакции радиостанции «Свободная Европа». В июле того года мы с коллегами не без удивления узнали, что по инициативе советского руководства Имре Надь был назначен председателем Правительства Венгрии. Тогда стало известно, что он происходил из крестьян, работал в ремесленной мастерской, воевал в Первую мировую войну, попал в русский плен и там примкнул к коммунистическому движению.

На посту премьер-министра Имре Надь немедленно приступил к исправлению некоторых из самых злостных перегибов и бездумных нововведений тиранического режима Матяша Ракоши. Радиостанция «Свободная Европа» регулярно информировало об этих реформах, но венгерская эмиграция не спешила с их положительной оценкой. В конце концов, даже тогда мы практически ничего не знали о Наде или в этой связи о других коммунистических руководителях: все они относили свое происхождение, частную жизнь и даже семейное положение к числу строго охраняемых государственных тайн. Надь казался чуть-чуть лучше, чем все остальные: он говорил простым и убедительным языком венгерской деревни и в то же время прибегал, особенно в своих текстах, к высокопарному жаргону партийца, каковым он в известной степени был. Собственно, я начал узнавать, что в действительности представлял из себя этот человек, только из великолепной двухтомной биографии Яноша М. Райнера, написанной на венгерском языке. До этого многочисленные лакуны в познаниях заполнялись слухами и сплетнями.

Об отстранении Имре Надя от власти весной 1955 г. и о его последующей оппозиционной деятельности внутри партии на Западе знали относительно немного. Лично я узнал о подлинной истории, побудительных мотивах и целях, стоявших за поступками Надя, только из книги Яноша Райнера.

Когда 23 октября 1956 г. в Венгрии началась антисоветская революция, я был уже в США, обучался в Колумбийском университете. Через два дня Имре Надь объявил о формировании нового правительства, которое сначала назвало революцию фашистской контрреволюцией, но вскоре выразило согласие с многими лозунгами, под которыми народные массы вышли на улицы. Казалось, что Надь солидарен с вооруженными повстанцами, которые, подрывая русские танки, добились вывода частей Советской армии из Будапешта или вешали полицейских-коммунистов на фонарных столбах. Через неделю после начала революции, 31 октября,

Надь вновь реорганизовал свое правительство, в котором коммунисты теперь составляли меньшинство. Он также заявил о своем намерении вывести Венгрию из подконтрольной Советскому Союзу организации Варшавского договора.

Очевидно, что Имре Надь прошел удивительно извилистый путь: он был информатором НКВД в СССР, смог выжить в чистках, вернулся в Венгрию с группой москвитов, поднялся на вершины власти в 1953 г., осудил преступления партийного руководства; наконец, нашел в себе силы и смелость покончить с зависимостью Венгрии от Советского Союза и покончить с коммунистическим правлением. У этой истории был полный драматизма финал: кровавое подавление венгерской независимости 4 ноября 1956 г. Советской армией, интернирование в Румынии, закрытый судебный процесс, державшееся в секрете повешение в Будапеште 16 июня 1958 г. Те, кому представится возможность увидеть кадры официальной съемки судебного процесса над Надем и обвиняемыми по его делу, не должны упустить этой возможности. Они увидят Имре Надея, который как никогда ранее всем своим видом напоминал школьного учителя или университетского профессора, ибо именно этим ему следовало заняться в жизни. Исхудалый и бледный, он учил своих отвратительных судей, как профессор студентов, строго научному анализу и интерпретации важных исторических текстов. Удивительно, как он углублялся в дебри марксистско-ленинской идеологии в той мере, в какой это было необходимо для понимания его поведения или судьбы страны. Он не отступал ни на йоту. Надь ясно давал понять: ему доподлинно известно, что он будет казнен. Но Надь хотел доказать своим судьям, что он лучше них разбирался в партийной теории, был более последовательным, чем они, социалистом и другом рабочего класса. Все это, вне всяких сомнений, было истинной правдой.

Имре Надь был сложной личностью и прошел трудный путь. Собственно, в подверженной войнам, революциям, бедствиям Восточной Европе ни одна политическая карьера не складывалась гладко, как не была простой жизнь обычных людей, кому не повезло родиться в этом регионе между 1880- и 1940-ми годами. Хотя, может статься, им повезло. По крайней мере тем, кто не сгинул, выжил и смог своими глазами увидеть, как менялся мир вокруг них — от размеренного сельского образа жизни к напряженному ритму современных городов. Им довелось наблюдать взлет и крушение и нацизма, и коммунизма. В конце концов, им остается утешать себя мыслью, что они выжили. Странно, что Имре Надь, окончивший жизнь на виселице, до 1956 г. выходил целым

и невредимым из всех масштабных перипетий. Должно быть, он тоже считал себя счастливым, потому что родившись в семье, принадлежавшей к беднейшим слоям среднего класса, он жил полнокровной политической жизнью в тот период, когда мог причислять себя к авангарду человечества, за которым — будущее. Можно сказать, Надю повезло, что он не дожидаясь того, чтобы увидеть падение и едва ли не полное исчезновение на планете социализма марксистского толка.

Предлагаемая вниманию читателя биография Имре Надя — это плод многолетней кропотливой исследовательской работы в ставших доступными лишь недавно советских, венгерских и американских архивах. Книга, несомненно, привлечет к себе внимание специалистов по новейшей истории СССР и Центральной Европы и не оставит равнодушным ни одного читателя, который захочет углубиться в захватывающее повествование (напоминающее порой политический детектив) о премьер-министре венгерской революции 1956 г. Имре Наде.

Янош М. Райнер

ПРЕДИСЛОВИЕ
К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга посвящена Имре Надю, премьер-министру Венгрии во время революции 1956 г., казненному в 1958 г. по приговору режима, установившегося после ее поражения. Хотя еще в студенческие годы я много занимался историей революции и послевоенного периода, о написании биографии Надя я впервые всерьез задумался в 1989 г. Той весной мне представилась возможность непосредственно наблюдать за эксгумацией, а 16 июня — за торжественным перезахоронением останков Надя и его сподвижников. Тогда от друзей и коллег я многое узнал о политической борьбе, предшествовавшей его казни.

Мне представлялось, что о Наде, оказавшемся в период демократических преобразований центральной фигурой политического процесса в Венгрии, знаю достаточно и я без колебаний могу взяться за написание его краткой биографии, заказанной мне в мае 1989 г. редактором испаноязычного журнала «Унгрия» («Венгрия»)¹. Но по мере работы над журнальной статьей я испытывал все большее беспокойство. Мне стало казаться, что история Надя полна туманностей и неопределенностей, и вопросов не становится меньше даже в те годы (с 1953 г. по ноябрь 1956 г.), которые не совсем погружены в тень. Выходило, что Надь играл ключевую роль в тех политических процессах, самых важных в моей жизни, которые вели к установлению парламентской демократии в Венгрии. Именно в тот момент я принял решение попытаться написать полноценную биографию.

Это оказалось во многих смыслах счастливым совпадением. Тогда в Венгрии и повсюду в мире стало возможным изучать послевоенную историю, революцию 1956 г. и личность самого Имре Надя. Темы, которые раньше можно было обсуждать только на Западе или в подпольных самиздатовских публикациях, стали достоянием широкой общественности. 1989 год стал годом «архивной революции». В странах Центральной и Восточной Европы, где произошла смена политического строя, один за другим открывались государственные и партийные архивы, ранее закрытые или доступные лишь

узкому кругу ученых. В 1991 г., после распада СССР, на короткое время даже показалось, что это случится и в Москве, где хранилось немало документальных свидетельств о жизни Надя. Огромное число работ о революции 1956 г., ее предыстории и последствиях, опубликованных вне Венгрии, оказались теперь доступными и в Будапеште. В их числе было несколько важных трудов об Имре Наде, вышедших в свет в 1950-е и 1960-е годы, в том числе «Тринадцать дней, которые потрясли Кремль» Тибора Мераи, «Имре Надя: реформатор или революционер?» Миклоша Мольнара и Ласло Надя, сборник документов «Правда о деле Надя» под редакцией Петера Кенде. Позднее появилось биографическое исследование Питера Анвина «Глас в пустыне», основанное на источниках, введенных в научных оборот в 1980-е годы².

Летом 1990 г. материалы судебного процесса над Имре Надем были переданы из строго засекреченного архива Министерства внутренних дел в Венгерский национальный архив. Мне довелось быть в числе первых, кому позволили изучить показания свидетелей, протоколы следствия и документы, относящиеся к судебному процессу над Надем и его группой в 1957–1958 гг. Эти источники не просто проливали свет на полные драматизма последние месяцы жизни премьер-министра. В так называемых оперативных папках хранилось все, что осталось от письменных материалов, изъятых во время обыска в доме Надя, — тысячи страниц рукописей и статьи, включая датированные 1930-ми годами — временем его пребывания в Москве. Все это лишь укрепило меня в намерении начать работу над биографией Надя. Я был убежден, что учитывая изменившуюся ситуацию и доступность архивных источников, можно с успехом попытаться воссоздать историю его жизни.

После нескольких лет исследовательской работы в июне 1996 г., к 100-летию юбилею Имре Надя, вышел в свет первый том биографии, охватывавший период вплоть до июня 1953 г., когда он впервые занял пост председателя правительства. Второй том последовал в октябре 1999 г. и был посвящен последним пяти годам жизни Надя — прежде всего революции 1956 г. и судебному процессу 1958 г.³ Вначале я думал, что в книге речь пойдет прежде всего о зрелом политике, главным образом, в 1953–1958 гг., в то время как более раннему этапу его жизни будут уделены несколько глав. То, что первые 57 лет жизни Надя потребовали отдельного тома, было не только данью жанру биографии. По мере работы над книгой становилось все очевиднее, что в нашем распоряжении практически нет серьезных исследований о той небольшой группе венгерских коммунистических лидеров, в том числе Имре Наде,

что в конце Второй мировой войны вернулись в Венгрию после лет эмиграции в СССР, или, если оставить в стороне бесчисленные агиографические компиляции, о коммунистической партии в Венгрии. Чтобы история Надя стала понятнее, предстояло дать детальное описание людей и событий, исчерпывающее объяснение многим взаимосвязанным явлениям.

Было ясно, что двухтомная биография, насчитывающая около тысячи страниц, вряд ли станет бестселлером. Когда же спустя несколько лет одно венгерское издательство предложило написать краткую биографию Имре Надя, я с радостью взялся за эту работу и подготовил сокращенную версию. Книга вышла в свет летом 2002 г.⁴ и легла в основу польского (2004)⁵ и немецкого (2006) изданий⁶, а уже на основе последнего — английского⁷ и предлагаемого вниманию читателя русского издания. Помимо того, что я дополнил повествование новой, ставшей мне доступной уже после выхода в свет двухтомной биографии информацией, я позволил себе лишь незначительные изменения в оригинальном венгерском тексте в помощь читателю, незнакомому с новейшей венгерской историей. Изменения пришлось внести почти в каждую главу, но особенно в конце книги, где речь идет о необычной «жизни после смерти». К тому же настоящее издание снабжено биографическим указателем и библиографией, что, возможно, приблизит к пониманию (хотя бы в отношении фактических деталей) личности и окружения героя.

По ходу исследовательской работы вскоре стало очевидно, что полномасштабное использование источников не представляется возможным. Отчасти это объясняется тем, что еще не все «стены» пали (например, доступ ко многим документам в архивах Российской Федерации вновь оказался закрыт), отчасти же колоссальным объемом архивного материала. Например, бумаг, имеющих отношение к Имре Надю, в ведомстве председателя правительства оказалось так много, что на их детальное изучение уйдут годы. Третья и самая досадная проблема заключается в том, что наиболее важный тип источника — личные бумаги — в данном случае просто не сохранились.

Как и все коммунистические руководители его поколения, Надя оставил после себя очень мало личных документов. Он не вел дневник, его биографические справки написаны на партийном жаргоне тех лет, а частная корреспонденция, если и была, то не сохранилась. Когда Надя высказывался от первого лица, устно или письменно, он делал это по законам роли, которую играл, — партийный функционер или министр, ренегат или обвиняемый.

Особо ценная информация — о детстве и юности — содержится в автобиографических заметках, начатых им в начале 1957 г. в румынской ссылке. К сожалению, эти заметки довольно фрагментарны. На момент ареста он дошел только до 1918 г.⁸ Автобиографические справки, которые ему не раз приходилось составлять по разным поводам, формальны и кратки, но и в них можно заметить характерные акценты или умолчания.

Архивные материалы по венгерскому и международному коммунистическому движению даже если сохранились, рассредоточены по разным хранилищам в Российской Федерации или в оригиналах и копиях хранятся в Будапеште. Свидетельства о политической деятельности Имре Надя с 1945 по 1956 г. в Венгрии содержатся во множестве документов, как отмечалось выше, обработать их вряд ли по силам одному человеку. Самые важные документы были собраны для и во время судебного процесса 1957–1958 г. (подробнее см. ниже). Изучение венгерской революции, ставшее возможным после частичного открытия архивов в 1989 г., быстро принесло удовлетворительные результаты. Одна за другой выходили в свет публикации важнейших документов. Они включали протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС в те драматические дни — уникальные документы, позволявшие проникнуть в суть выработки решений советским руководством; другим важным изданием стали документы, отражавшие процесс принятия политических решений американской стороной⁹.

Между тем историк, который стремится к максимально широкому использованию источников, сталкивается с той проблемой, что документы в различных бюрократических структурах, с которыми Надя имел дело во время своей политической карьеры, скованы административными или партийными параметрами, диктовавшими характер дискурса и налагавшими ограничения на содержание. В то же время тексты, написанные или произнесенные после его казни, не только созданы под впечатлением трагического конца премьер-министра, но и обусловлены обстоятельством, что в тот момент не было надежды на то, что выдвинутые против Надя обвинения будут пересмотрены.

История жизни, описанная в этой книге в хронологическом порядке и в традиционной манере, является — в силу доступных историкам источников — политической биографией, притом неизбежно непропорциональной. Я сосредоточился главным образом на событиях после 1945 г., особенно подробно рассмотрел сферы деятельности Надя после 1953 г. и в дни восстания, изложив более ранние страницы из его биографии в сжатой форме.

Биографию Имре Надя, как жизнь любого человека, можно свести к результатам принципиально важных решений, каждое из которых оказывало влияние на последующий ход событий. Однако мне представляется, что в случае Надя лучше вести речь о процессах принятия решений. Хотя на всех этапах жизненного пути он приходил к тому или иному решению встававших перед ним проблем, всегда сохранялась возможность принципиально иного выбора. Всякий раз, когда ему предстояло сделать судьбоносный шаг, его собственная позиция, похоже, не играла никакой роли. Так было в 1918 г., когда, находясь в русском плену, он примкнул к коммунистическому движению, и осенью 1944 г., когда он по возвращении из Москвы взял на себя руководство Венгерской коммунистической партией, и в июне 1953 г., когда он в первый раз возглавил правительство, и, вне всяких сомнений, в октябре 1956 г., накануне революции. В нашем распоряжении нет никаких личных свидетельств, почему он поступал так и не иначе в 1918 и в 1944 гг. Однако что касается решений в июне 1953 г. и октябре 1956 г., то в Снагове, еще до того как узнал, какая судьба ему уготована, он записал следующее:

«Я был, собственно говоря, дважды *вынужден* (здесь и далее курсив мой. — Я.М.Р.) взять на себя руководство страной в момент глубочайшего кризиса и наиболее тяжелые для социализма времена. В первый раз это произошло в июне 1953 г., когда мне по предложению Президиума ЦК КПСС и *в соответствии с резолюцией ЦК КПВ пришлось принять* пост председателя правительства, чтобы *спасти страну* от катастрофы, в которую ее ввергла клика Ракоши своей безрассудной политикой. Во второй раз я *был вынужден* занять пост премьера, поскольку партия, государственная безопасность и армия оказались бессильны и народ взялся за оружие»¹⁰.

Формулировки Надя таковы, как если бы он хотел убедить в том, что и в 1953, и 1956 г. он принимал решения под давлением внешних обстоятельств и без особого желания взял на себя руководство. Из его личных записей становится очевидно, что после 1918 г. он примкнул к коммунистическому движению по чистой случайности и его собственные склонности и привычное положение не играли при этом никакой роли. Надя, входивший в небольшую группу переживавших войну и эмиграцию в Москве, не играл никакой особой роли до того момента, когда в 1944 г. неожиданно стал важным членом партийного руководства и вернулся в Венгрию как назначенный министр. Его внезапное возвы-

шение можно объяснить нехваткой кадров, и его согласие принять руководство было опять-таки принято под давлением.

Судьбоносные решения, которые влияли на жизнь Надя, довольно часто оказывались результатом стечения обстоятельств или выбором, сделанным под давлением внешних факторов. Точнее, единожды приняв решение, он был вынужден ему следовать, строго соответствовать социальному или интеллектуальному положению, вытекавшему из этого решения, и наконец, мириться с его последствиями. Внешние обстоятельства и давление со стороны играли свою роль в этих процессах, но на них нельзя списывать все, поскольку у Надя всегда была возможность отстаивать собственную точку зрения.

Первая и наиболее долгая фаза в принятии решения, включавшая поиск ответа на вопрос, *как остаться коммунистом*, длилась около пятнадцати лет — с 1921 по 1935 г. Молодой человек, вернувшийся в Венгрию из сибирского плена и имевший некоторый большевистский опыт партийной работы, увидел страну, еще не оправившуюся от поражения в войне и неудачных революций 1918 и 1919 гг., государство, где коммунистическая партия была запрещена, а социал-демократы только собирались с силами для нового старта. Сначала он попытал удачи в легальном рабочем движении в своем родном городе. Через несколько лет он осторожно установил контакты с партией в подполье, вступил в неразрешимый конфликт с узким миром доктринёрствующих «партийных стратегов» и попал в поле зрения властей. Он покинул Венгрию в конце 1920-х годов после непродолжительного тюремного заключения, с переменным успехом сотрудничал с подпольщиками и в 1930 г. сбежал от внутрипартийной борьбы в СССР, где, как профессиональный коммунист, смог посвятить себя теоретической работе над проблемами сельского хозяйства. До 1935 г., когда его жена на непродолжительное время вернулась в Венгрию, дорога к некоммунистической карьере — впрочем, довольно узкая — не была для него закрыта.

С середины 1930-х годов и до 1944 г. Надю везло: обстоятельства не требовали от него принятия решений. В Советском Союзе он остался коммунистом, и то, что Надя пережил «великий террор» и смог, как едва ли не единственный специалист по сельскому хозяйству, вернуться на родину после 1944 г. в качестве министра временного правительства, произошло в известной мере помимо его воли. Под руководством Надя в Венгрии была проведена самая радикальная в истории страны земельная рефор-

ма. Затем он занял еще более важный пост министра внутренних дел. Но у него не было ни таланта организатора, ни необходимой твердости, чтобы долгое время оставаться на этом ключевом посту после прихода к власти коммунистов. Снятый с поста, он вновь встал перед необходимостью принять кардинальное решение. Вопрос стоял так: *следует ли входить в коммунистическую элиту или отказаться от этой роли?* В 1947 г. Надь оказался втянутым в теоретическую дискуссию с партийным руководством по экономическим и сельскохозяйственным вопросам. Его заботили быстрые темпы и радикальный характер захвата власти, что неизбежно переходило в прямую критику советской модели. Надь больше не входил в высший партийный круг и подвергался постоянным нападкам; понятно, что за отстранением от политического руководства должно было последовать назначение послом или ректором университета. Однако поскольку он был частью московского ядра, с ним пока считались. Возвращение в аппарат ЦП и затем в правительство в 1950 г. стало в значительной мере его собственным решением.

Благодаря этому решению и в Москве, и в Будапеште после смерти Сталина Надя стали рассматривать как кандидата на «исправление ошибок» в политике. Он полагал, что 1953 год дал ему шанс воплотить свои политические убеждения в жизнь. По своим убеждениям, когда ему дважды (в 1929–1930 и 1947–1949 гг.) предоставлялся шанс, он всякий раз предпочитал отказаться, занимаясь самокритикой и оставаясь коммунистом и партийным функционером. Летом 1953 г., когда Надя назначили председателем совета министров Венгерской Народной Республики, оказалось, что его прежние компромиссы не были лишены смысла, поскольку руководство в Москве сделало его ответственным за проведение политической линии, в целом не противоречившей собственным убеждениям. В тот год он попытался проводить политику «исправления ошибок» — подлинно реформаторскую политику, которая натолкнулась на продолжительное и решительное сопротивление.

Когда торжествующие противники Надя попытались вынудить премьера на самокритику, тому пришлось искать ответ на вопрос, *как оставаться реформатором-антисталинистом*. Тут он столкнулся с сопротивлением на самой вершине властной пирамиды, и оппозиционность уже не была простым синтезом его прежней позиции (коммунист, функционер и реформатор) и не сводилась к решительному отказу от самокритики. Все силы были

теперь брошены на сохранение своей личной и политической автономии в большевистском движении. Это потребовало превращения постоянной и порой радикальной конфронтации в образ жизни, того, чего Надь всегда избегал. Теперь он ступил на этот путь, правда, не всегда был последователен. Он черпал силы преимущественно в своей убежденности, что антисталинистские реформы оставались единственно правильной политикой. Это его личное решение сделало Надя «компасом» и источником надежд для значительной части коммунистической интеллигенции и даже для многих некоммунистов. Надежды, связывавшие с Надем, были сродни плебисциту: вечером 23 октября его пригласили выступить перед демонстрантами в Будапеште. И когда в самом начале революции казалось, что его вновь призовут в коммунистическое правительство, именно одобрительный гул толпы удержал его от того, чтобы согласиться.

Для Надя революция создала трагическую ситуацию, такое развитие событий претило его натуре. Коммунист-функционер, реформатор по натуре, он был призван сплотить ряды открыто антикоммунистической (хотя отнюдь не антисоциалистической) революции. Некогда осторожный и рефлестирующий, подверженный вечным сомнениям человек должен был ежедневно, даже ежедневно принимать решения, каждое из которых могло стать роковым. Поскольку его программа реформ, выработанная после 1953 г., и революционные требования во многих аспектах не противоречили друг другу, Надь смог противостоять давлению собственной партии и ведущим коммунистическим державам. Вопрос, на который он в те дни искал ответ, звучал так: *как примирить коммунистическую программу реформ с радикальными требованиями общества, нашедшими выражение в массовом вооруженном восстании?*

После поражения революции и во время интернирования и тюремного заключения Надь принял последнее, возможно, самое личное решение: *как сохранить веру* — в революцию и в правоту своих прежних решений. Он не был больше хозяином своей судьбы, но в месяцы заключения, следствия и суда Надь все еще мог решать, каким станет его последний путь. В своих политических заметках, написанных в Румынии в 1956–1957 гг., он проделал этот путь мысленно и одновременно составил политическое завещание. Судя по этим текстам, веру свою он сохранил. Он также избрал стиль защиты, позволявший ему оправдать свои прежние решения. Он остался коммунистом и не отказался от социалистических убеждений. Более того, его образ мыслей не вышел

за рамки категорий реформатора-антисталиниста, он ретроспективно защищал революцию и в особенности ее цели национальной независимости. Если бы Надь признал, что его собственная карьера не была лишена противоречий, он, пожалуй, не смог бы сохранить целостность личности в последние полтора года своей жизни. Противоречия остались неразрешенными, но его смерть достойна того, чтобы о ней помнили. В тот момент никто не мог и предположить, хотя сам он все еще не терял надежды, что его послание дойдет до тех, кому было адресовано.

Спустя тридцать с лишним лет так и случилось. Имре Надь оказался едва ли не самым живым участником венгерского демократического процесса на его самой динамичной стадии. В тот момент на противоречивость жизненного пути и личности премьер-министра редко обращали внимание. Социалистический проект, включая тот его вариант, что отстаивал лично Надь, — социализм национального типа, социализм «с человеческим лицом», — исчез из политической повестки дня. Но «история смерти Имре Надя» с ее драматической развязкой не теряет своего мощного воздействия.

* * *

В годы работы над этой темой мне помогали столь многие, что я не имею возможности упомянуть всех поименно. И все-таки я должен лично поблагодарить тех, без чьей поддержки, прямой или опосредованной, я не смог бы написать эту книгу. Из первых биографов и бывших сподвижников Имре Надя меня связывает дружба с Петером Кенде, Тибором Мераи и ныне покойным Миклошем Мольнаром; я обращался к их трудам на всем протяжении исследовательской работы, и они всегда были готовы дать мне дружеский совет и поддержать. Все то время, что потребовалось для осуществления проекта, я работал в Институте истории и документации венгерской революции 1956 года, где друзья и коллеги всегда были готовы прийти мне на помощь. Особая благодарность тем, кто перед публикацией читал рукопись и высказывал свои критические соображения, в первую очередь Дёрдю Литвану, бывшему директору института, и покойному Андрашу Б. Хегедюшу. Я признателен за неоценимую поддержку, оказанную мне на начальном этапе работы, Эржебет Надь, дочери Имре Надя. Она предоставила мне автобиографические заметки, начатые ее отцом в заключении в 1957 г. Она также позволила мне изучить личное дело Имре Надя в Москве и передала мне свои собственные воспоминания об отце. Я также благодарен руководству и сотрудникам венгерских и российских архивов за серьезную помощь

в моей работе. За щедрую финансовую поддержку хочу поблагодарить Институт «Открытое общество» (программу «Research Support Scheme»), швейцарский Fonds National de Recherche Scientifique и Фонд Сороса. Русское издание книги стало возможным благодаря поддержке Министерства культуры и образования Венгерской Республики, за что я выражаю искреннюю признательность.

Наконец, я должен поблагодарить Венгерский культурный, научный и информационный центр в Москве и его директора Илону Киш за инициативу и содействие в подготовке русского издания книги; сотрудников Института славяноведения Российской академии наук Александра Стыкалина, Ольгу Хаванову, Вячеслава Середу за их помощь в подготовке в печать русского текста, профессора Яноша М. Бака (Центрально-Европейский университет, Будапешт) за согласие написать вступительную статью к русскому изданию; издательство «Логос» за издание книги.

Особая благодарность всем членам моей семьи за их великое терпение, которое они проявили в годы работы над проектом; без их поддержки я вряд ли завершил бы этот труд.

Будапешт, 2006 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПАРТИЙ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ

- АВХ** — Управление государственной безопасности (*Államvédelmi Hatóság, ÁVH*), в 1948–1956 гг. государственная тайная полиция в Венгрии; его предшественником в 1945–1948 гг. был Отдел государственной безопасности (*Államvédelmi osztály, ÁVO*).
- ВДФ** — Венгерский демократический форум (*Magyar Demokrata Fórum, MDF*), в 1989–1990 гг. ведущая демократическая партия, победила на первых свободных выборах в Венгрии после смены политического строя.
- ВКП** — Венгерская коммунистическая партия (*Magyar Kommunista Párt, МКП*) в 1945–1948 гг., после поглощения СДП преобразована в ВПТ.
- ВПТ** — Венгерская партия трудящихся (*Magyar Dolgozók Pártja, МДП*), в 1948–1956 гг. единая государственная партия после того, как СДП была поглощена КПВ.
- (В)СДП** — (Венгерская) социал-демократическая партия (*(Magyar) Szociáldemokrata Párt, (M)SZDP*), основана в 1890 г., в 1920–1944 гг. находилась в легальной парламентской оппозиции, в 1948 г. ликвидирована и «объединена» с ВКП, на короткое время возрождалась в 1956 и 1990 г.
- ВСРП** — Венгерская социалистическая рабочая партия (*Magyar Szocialista Munkáspárt, MSZMP*), действовала в 1956–1989 гг., основана в период революции как несталинистская коммунистическая партия, при режиме Кадара и вплоть до падения коммунизма в Венгрии оставалась государственной партией.
- ГПУ** — Государственное политическое управление, название советской тайной полиции (бывшей ВЧК) в 1922–1934 гг.
- ДИС** — Союз трудящейся молодежи (*Dolgozó Ifjúság Szövetsége, DISZ*), коммунистическая молодежная организация, сформированная по образцу советского комсомола. Основана в 1949 г. под руководством ВПТ.

- Загранбюро** — руководящий орган запрещенной КПВ в эмиграции, координировавший подпольную работу в Венгрии (*Külföldi Bizottság, KÜB*).
- КГБ** — Комитет государственной безопасности, наследник ЧК, ГПУ, НКВД, МГБ.
- Коминтерн** — III (Коммунистический) Интернационал, 1918–1943 гт.
- КПВ** — Коммунистическая партия Венгрии (*Kommunisták Magyarországi Pártja, KMP*) в 1919–1945 гт., после августа 1919 г. действовала в подполье и эмиграции.
- КПСС** — Коммунистическая партия Советского Союза
- МАДИС** — Венгерский демократический молодежный союз (*Magyar Demokratikus Ifjúsági Szövetség, MADISZ*), основан в 1945 г. под патронатом коммунистов как молодежное движение на коалиционной основе, служил политическим прикрытием для КПВ/ВПТ, распущен и заменен на ДИС.
- МЕФЕС** — Единый союз венгерских студентов университетов и институтов, иначе расшифровывался как Союз венгерских университетских и институтских объединений (*Magyar Egyetemisták és Főiskolások Egységes Szervezete*, иначе: *Magyar Egyetemista és Főiskolai Egyesületek Szövetsége, MEFESZ*), в 1945–1948 гт. демократическая организация студентов, постепенно перешла под контроль коммунистов, затем распущена. Возрожден в октябре 1956 г. в знак протеста против единообразного коммунистического молодежного движения (ДИС), впоследствии действовал в эмиграции.
- НЕКОС** — Всевенгерский союз народных коллегий (*Népi Kollégiumok Országos Szövetsége, NÉKOSZ*), ассоциация, объединившая коллегий (гимназии и училища), основанные в 1945 г., с некоторыми их предшественниками, существовавшими в 1940-е годы, для помощи детям крестьян и рабочих в получении высшего образования, в 1948 г. распущен за «популизм».
- НКВД** — Народный комиссариат внутренних дел, советская политическая полиция (преемник ЧК и ГПУ).
- НКП** — Национальная крестьянская партия (*Nemzeti Parasztpárt, NPP*) основана в 1945 г. как левопопулистская партия, фактически разрушена после прихода к власти коммунистов в 1948 г., ненадолго возродилась в 1956 г. как партия Петёфи.
- НПМХ** — Независимая партия мелких хозяев (*Független Kisgazda és Polgári Párt, FKGP*) основана в 1920 г., в годы между двумя мировыми войнами в оппозиции, после 1945 г. превратилась в сильнейшую партию, по сути ликвидирована коммунистами

в 1948–1949 гг., ненадолго возродилась в 1956 и 1990 г. На русский язык иногда переводится как Партия мелких сельских хозяев (ПМСХ).

Политбюро — постоянный руководящий орган в коммунистических партиях (*Politikai Bizottság*); так же мог называться Президиум ЦР/ЦК.

СДП — см. (В)СДП

СРПВ — Социалистическая рабочая партия Венгрии (*Magyarországi Szocialista Munkáspárt, MSZMP*) — партия, служившая легальным прикрытием для деятельности запрещенной КПВ в 1924–1928 гг.

ТИБ — Комитет за восстановление исторической справедливости (*Történelmi Igazságtétel Bizottsága, TIB*) основан в 1988 г., занимался реабилитацией жертв репрессий сталинского периода и после подавления революции 1956 г., главный инициатор перезахоронения И. Нады и казненных по его делу, состоявшегося 16 июня 1989 г.

ЦК — Центральный комитет — руководящий орган в коммунистических партиях в период между съездами, мог так же называться Центральное руководство (ЦР)

ЧК — ВЧК, Всероссийская чрезвычайная комиссия, специальный орган по борьбе с контрреволюцией и саботажем, политическая полиция в Советском государстве, предшественник ГПУ.

ÁVH	— см. АВХ
DISZ	— см. ДИС
FKGP	— см. НПМХ
KMP	— см. КПВ
KÜB	— см. Загранбюро
MADISZ	— см. МАДИС
MDF	— см. ВДФ
MDP	— см. ВПТ
MEFESZ	— см. МЕФЕС
MKP	— см. ВКП
(M)SZDP	— см. (В)СДП
MSZMP	— см. СРПВ и ВСРП
NÉKOSZ	— см. НЕКОС
NPP	— см. НКП
TIB	— см. ТИБ

Глава 1

НАЧАЛА

Имре Надь родился в 1896 г. в городе Капошваре, расположенном в юго-западном венгерском комитате* Шомодь. Его дед и бабушка по отцовской линии были работниками в имении к югу от озера Балатон; дед со стороны матери — крестьянин, владел 12 хольдами (6,84 га) земли в той же местности и был мастером-колёсником. Родители Надя в молодости покинули деревню, отправившись на заработки в город. Оба нашли работу в комитатской администрации в Капошваре: отец был шофером шомодьского вице-ишпана**, мать прислуживала его супруге. Так они в 1895 г. и познакомились, а в январе 1896 г. поженились. Чета снимала маленькую двухкомнатную квартиру на главной улице, неподалеку от здания комитатской администрации. Имре Надь появился на свет в результате преждевременных родов 6 июня.

Отцу Йозефу Надю было в то время двадцать семь лет, матери Розалии (в девичестве Сабо) — девятнадцать. Он протестант, она католичка. Их сына крестили, как и отца, по евангелическому, т. е. лютеранскому, обряду. В последующие годы на свет появились три сестры — Мария, Терезия и Эржебет. Две младшие сестры умерли в младенчестве. Старшая сестра Мария жила в Будапеште, где скончалась в 1939 г.

В коммунистическом движении Надь считался человеком крестьянского происхождения. В широком смысле слова это было правдой, но с социологической точки зрения не вполне верно. Жизнь родителей никогда не была напрямую связана с сельским хозяйством, и самому Надю не довелось подолгу жить в деревне.

* Комитат (по-венгерски — *megye* (до 1918 г. — *vármegye*), на латинском — *comitatus*, по-немецки — *Komitat*) — административно-территориальная единица Венгрии. Деление страны на комитаты восходит к X в. В венгерской политической культуре XIX в. комитатская система считалась одним из атрибутов государственного-политического суверенитета. — *Примеч. переводчика.*

** Во главе комитата стоял выборный или наследственный фёйшпан (*főispán*), однако полнота реальной власти нередко сосредоточивалась в руках его заместителя — вице-ишпана (*alispán*). — *Примеч. переводчика.*

Он вырос в атмосфере маленького венгерского городка рубежа веков, где жители не порывали связей с деревней и крестьянством. В 1860-е годы его родной город был все еще небольшим, с населением 6–7 тыс. жителей и преимущественно имел аграрный характер. Подъем начался только в последние десятилетия XIX в. Тогда Капошвар превратился в железнодорожную развязку, и туда переехала комитатская администрация; за тридцать лет население города выросло в четыре раза. Его внешний вид до сих пор несет на себе печать эклектичного стиля эпохи.

Как говорилось выше¹, из автобиографических заметок, написанных в 1957 г., мы больше узнаем об истории семьи Надя, детстве и юности Имре, чем о его последующей жизни.

Описание атмосферы маленького городка полувековой давности окрашено ностальгией; хотя Надь рано столкнулся с социальной несправедливостью, до конца дней он тосковал по уютному мещанскому миру своего детства и свойственной провинциалам доброжелательности. Подростком и юношей Надь проводил много времени с родителями и родственниками по материнской линии и довольно рано не понаслышке узнал о труде и образе жизни бедного, безземельного крестьянства. Его поразили не только и не столько нищета и убожество деревенской жизни, сколько невозможность порвать с этой средой. Мало кому удавалось выбиться в люди, куда чаще приходилось вести изнурительную борьбу за существование. Эта двойственность особенно очевидна в строках автобиографии, посвященных бабке: «[Она] была высокой женщиной с бледным лицом и седыми волосами, одевавшаяся по-крестьянски и ходившая босиком. Я любил ее, но, став школьником, стыдился, когда нас видели в городе вместе»².

Попытка родителей порвать с крестьянским образом жизни стала отчаянным шагом с непредсказуемыми последствиями. Когда у четы родился сын, было все еще неясно, ждет их успех или им удастся пробиться только в самые низы городской буржуазии. Имре было шесть лет, когда отец получил скромную должность на почте и стал государственным служащим, которому в перспективе полагалась пенсия. Предприимчивой натуре отца этого оказалось мало, поэтому в 1907 г. он взял кредит на постройку дома. Погашать кредит Надь-старший рассчитывал из арендной платы за три сдаваемые внаем квартиры. Однако в 1911 г. отец лишился работы и дом пришлось продать. До самой смерти, последовавшей в 1928 г., он трудился то шофером, то кладовщиком, то разнорабочим.

Мать Имре Надя надеялась, что повысить социальный статус семьи поможет образование, данное старшему сыну. Но и эта возможность оказалась по сути упущенной. По окончании начальной школы мальчика записали в капошварскую гимназию, где тот с 1907 по 1912 г. окончил четыре с половиной класса. В воспоминаниях, написанных в 1957 г., сам Надя называл себя «средним» учеником. За первое полугодие 1911/1912 учебного года Имре получил неудовлетворительную оценку по математике и тем самым лишился права на бесплатное образование. В 14 лет ему пришлось оставить школу «по желанию родителей по причине плохой успеваемости и бедности»³. Это совпало с потерей работы отцом, и подросток впервые задумался о профессии. Впоследствии Надя запишет:

«Желание уйти из гимназии возникло у меня гораздо раньше, еще в конце четвертого класса. К этой мысли меня подвело то обстоятельство, что сразу несколько моих одноклассников... решили податься в рабочие... Моя мать была решительно против и непрестанно из-за меня плакала... Я поступил учеником в слесарную мастерскую с намерением после года практики поступать в высшее техническое училище в Будапеште»⁴.

Трудовую деятельность Надя начал учеником в маленькой слесарной мастерской в Капошваре, но вскоре уехал на север Венгрии, чтобы поступить на завод сельскохозяйственных машин в Лошонце (соврем. Лученец в Словакии). Через год юноша вернулся домой, где в 1914 г. получил сертификат слесаря-сборщика. Поработав некоторое время в мастерской своего наставника, летом 1914 г. Надя уволился и, не будучи в состоянии следовать ранее намеченному плану отправиться в Будапешт, поступил в капошварское коммерческое училище. Как он вспоминал впоследствии, к этому решению его толкали родители, хотя оно не противоречило и собственным намерениям Надя. Так или иначе, исполняя мечту матери, сын окончил гимназию и получил образование, позволяющее поступить на государственную службу. Надя выбрал практически-ориентированное коммерческое образование — компромисс, открывавший дорогу к чиновничьей должности и гарантировавший попадание, по крайней мере, в средний класс. Итак, 18-летний подмастерье уволился из слесарной мастерской и летом 1914 г. нанялся подручным в адвокатскую контору.

28 июня 1914 г. наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд был убит боснийским террористом в Сараеве. Имре Надя вспоминал: «Новость дошла до нас, когда

на капошварских улицах было в разгаре народное гулянье»⁵. Его работодатель ушел на фронт одним из первых. Но война с Сербией, начавшаяся месяц спустя, пока не затронула более молодые возрастные группы. Начинаящий клерк остался в адвокатской конторе, зарабатывал деньги и исполнял ответственные поручения («я вел повседневные дела»). Учеба в коммерческом училище началась для него в сентябре, и это был последний год, проведенный Надем на студенческой скамье, — возможно, самый спокойный и мирный год во всей его жизни.

Описание тех дней, сделанное спустя сорок лет, читается как воспоминание «о старых добрых временах». Строки излучают веру в будущее, переживаемую молодым человеком, у которого не было сомнений ни в собственных силах, ни в способности противостоять грядущим испытаниям. Комментарии Надя этого краткого периода в его жизни не содержат упоминаний о бедности семьи или разногласиях по поводу планов на будущее. Трудностей с учебой тоже не было:

«Учился я хорошо, считался студентом-отличником. Старый директор... в прошлом монах-бenedиктинец, прямой и добродушный человек и хороший учитель, выказывал мне симпатию и считал меня своим лучшим учеником. Я же им восхищался»⁶.

У Надя было чувство, что он выбрал правильную дорогу, и даже мать, «которая хотела чтобы я стал образованным человеком, государственным служащим», выглядела счастливой. Он легко распрощался с несколькими годами, когда работал слесарем. Имре Надю, всю свою взрослую жизнь посвятившему рабочему движению, впоследствии не раз предоставлялась возможность порассуждать о своем происхождении и классовом положении. Из автобиографических заметок следует, что студенческие годы он помнил куда лучше, чем время, когда был рабочим. Надь с живостью описывает людей (учителей, родственников, друзей семьи) и события периода ученичества, но свидетельства о годе, что он провел в слесарной мастерской, сухи и лишены эмоций, даже если проникнуты неизменной патетикой, окружавшей понятие «рабочие». Даже рассказ о том, как он впервые столкнулся с рабочим движением, оказавшим решающее влияние на всю его жизнь, изложен довольно сухо:

«...в то время рабочая организация... располагалась во дворе гостиницы “Барань”, что на улице Фё, как раз напротив нашей мастерской... Там мы получали книги и газеты; посещали лекции и праздники. В нас зарождался новый дух,

новые мысли, это были идеи социализма. Мы принадлежали к рабочему движению и считали себя рабочим классом»⁷.

Все это было вторично по сравнению с тем, что мы узнаем о его увлечении спортом, в особенности футболом и борьбой, которое он сохранит во взрослой жизни. Можно предположить, что впоследствии Надь намеревался написать о своем отношении к рабочему движению и вообще о вхождении в политику более подробно, посвятив этому, возможно, последующие главы автобиографии. Однако из завершенных разделов мы узнаем лишь то, что в то время он приобрел некоторый политический опыт и ему еще предстояло определиться с личной позицией.

К тому же именно тогда молодой человек впервые влюбился: «Я часто бывал на аллее Шетатер, где по соседству проживали три хорошенькие девушки-ровесницы... Они были подругами, в недавнем прошлом — одноклассницами по гимназии. Я проводил с ними все свободное время и наслаждался их обществом. Они были милы и веселы». Но одна из них была ему особенно по сердцу: «Из приязни и влюбленности родилась настоящая любовь. Это искреннее мужское чувство не покидало меня ни на фронте, ни в плену, оно утешало меня в трудные времена и помогало не опускать руки»⁸.

Однако вскоре война положила конец его юношеским увлечениям. В декабре 1914 г. Надь был призван на сборный пункт и признан годным к воинской службе. Учебный год завершился в мае 1915 г., и молодого человека направили в распоряжение части еще до вручения аттестата. Имре приписали к 17-му королевскому венгерскому гонведскому* пехотному полку, расквартированному в Секешфехерваре, неподалеку от его родного города.

«Я облачился в традиционную, расшитую галуном красную гонведскую униформу, и меня прозвали “бравым солдатом”... Учеба не была мне в тягость, и я все схватывал налету. К жизни в казарме я тоже быстро привык. Уборка помещения, мытье полов и чистка сортиров не были мне в новинку, потому что мне часто приходилось убираться в мастерской. Обучение военной “науке” опять-таки не представляло собой трудностей. К солдатской жизни я привык легко и радостно»⁹.

Хорошая физическая форма молодого человека — результат труда и занятий спортом — немало облегчили ему жизнь. Господствующие настроения первых дней войны — военная истерия

* Гонвед (от венг. *honvéd*) — венгерское ополчение, формировавшееся в Австро-Венгрии наряду с императорско-королевской армией. — *Примеч. переводчика.*

и национальный подъем — охватили молодежь в целом, и Надь не стал исключением.

«Весь город был объят диким порывом, похожим на волнующееся море. Мы, молодые, находились в приподнятом настроении, подзадоривали друг друга и жаждали всех увлечь на битву... Мы плыли по течению на высочайшем эмоциональном подъеме. Как если бы все наше прошлое, наша учеба обретали смысл только в свете этого события»¹⁰.

В августе 1915 г., после трех месяцев обучения в Секешфехерваре, полк Надя был отправлен на итальянский фронт. Солдаты расположились лагерем в горах близ Манфальконе, в бухте Триеста. Спустя годы Надь вспоминал:

«Местность была скалисто-каменистая, покрытая тонким слоем красноватой глины, словно политая кровью... Вокруг не просматривалось никакого укрытия, рыть окопы в скалах было гиблым делом. Мы предпочитали громоздить камни один на другой. Чтобы соорудить хоть какое-то убежище, приходилось до изнеможения долбить ломом и долотом. Вражеские снаряды, врезавшиеся в склоны скал, крошили камень так, что обломки сыпались градом. Затем вступали гранатометчики и пушки. Камнепадом было ранено и убито больше солдат, чем вражеским огнем... Головы наши, отравленные военным восторгом, постепенно отрезвлялись. Ни у кого не осталось иллюзий: это и была настоящая война. После одного из сражений, ставших впоследствии “знаменитым”, мы стояли в долине словно окаменевшие. Нам зачитывали имена павших товарищей, и потери были ужасающими»¹¹.

В третьей битве при Изонцо* Надь получил ранение в ногу и после лечения в полевом госпитале был переведен сначала в Лайбах (соврем. Любляна в Словении), затем в Огулин в Хорватии (где его навестила мать) и, наконец, вернулся домой. В Будапеште, а потом в Пече он выучился на пулеметчика. Повестка пришла летом 1916 г., и Надь отправился в расположение 19-го пулеметного батальона, теперь уже в звании капрала, на Галицийский фронт. Его полк расположился в окрестностях Чарторека, к югу от Луцка. Австро-венгерская армия оказалась вскоре сметена прорывом русских под командованием генерала Брусилова, и Имре Надь стал участником одного из самых ужасных сражений на Восточном

* Изонцо — река на территории совр. Италии и Словении. В годы Первой мировой войны — место одиннадцати сражений, во время которых итальянским войскам не удалось прорвать оборону противника. — *Примеч. переводчика.*

фронте. Паническое, полностью дезорганизованное отступление — кошмар всех армий — произвело на него глубокое впечатление.

«Поспешное отступление вскоре перешло в бегство. Дороги были забиты стекавшимися отовсюду отступающими частями всех родов войск. Пехота, артиллерия, саперы, врачи — всё смешалось в большое, бесформенное месиво: люди бежали назад, не имея представления о том, где находятся... Приказы и угрозы наказания уже не действовали, и солдаты по пути бросали не только оружие, но и провизию, даже хлеб. Лишь немногие по-прежнему несли с собой шинели и одеяла. Эти шесть дней стали подлинным адом. Еду мы получили от силы два или три раза. Мы накладывали еду — овощное вариво и капусту — в миски прямо руками, не обращая внимания на песок и грязь. Вокруг негде было взять питьевой воды, и мы пили гнилую воду из луж»¹².

В конце июня 1916 г., после короткой передышки русские снова перешли в наступление. В авангарде шли казацкие отряды, за ними — волна за волной — русская пехота. Огневые точки венгерских пулеметчиков, которых русские особенно боялись, находились под непрерывным артиллерийским огнем. Именно тогда пулеметчик Имре Надь был ранен во второй раз. «В ногу мне попала шрапнель. Я содрал с фуражки и мундира знаки отличия пулеметчика и заляпал грязью напоминание о них — темные пятна на выцветшей одежде. Действовал я согласно приказу, потому что казаки, не колеблясь, расстреляли бы любого пленного пулеметчика»¹³.

Линия фронта смещалась по мере продвижения русских, уводивших с собой военнопленных. Раненый Надь остался лежать в поле, где разные группы, русские и венгры, бродили вперемешку в поисках своих частей. Никто не обращал внимания на раненых и убитых. Надь не упоминает в записках, как долго это продолжалось — минуты или часы.

«Я остался лежать на земле, истекая кровью. Я просил венгерских санитаров перевязать мои раны, но они лишь бежали прочь, кстати, один из них, по фамилии Гал, был мне знаком по Капошвару (больничный привратник). Именно он рассказал дома, что я погиб или попал в плен... Я ползал между трупов, обгоревших и разлагающихся трупов в поисках какого-нибудь навеса, где я мог бы укрыться. Так меня нашли русские санитары, перевязали, уложили на носилки и отнесли в пункт оказания первой помощи, расположенный в лесу»¹⁴.

Вот так Имре Надь, двадцати лет от роду, пулеметчик, холостой, студент коммерческого училища, член профсоюза венгерских рабочих-металлистов, 29 июля 1916 г. попал в русский плен в ходе одного из бесчисленных сражений на Галицийском фронте. Начинаясь взрослеть юноша навсегда оказался вырван из своего привычного мирка, но также получил отсрочку с ответами на вопросы, возникавшие на пороге зрелости, — кто он и какое направление должна была принять его жизнь. Ведь за почти пять лет, проведенных в России, прежде чем Надь смог вернуться в Венгрию, эти вопросы в силу невозможности на них ответить в значительной мере потеряли смысл.

К осени 1916 г., после Брусиловского прорыва, в русском плену находились более 300 тыс. солдат австро-венгерской армии¹⁵. Раненый Надь был помещен в полевой госпиталь, сначала в Курске, потом в Воронеже. Именно так произошла его первая встреча со страной и народом, с которыми окажется столь тесно переплетена его жизнь в будущем — при благоприятных и не совсем благоприятных обстоятельствах. Что мог двадцатилетний юноша знать о России? Для молодого венгра патриотических убеждений Российской империя ассоциировалась лишь с «жестоким карателем» освободительной борьбы 1848 г.

«О русской революции 1905 г. мы знали только по рассказам старших, но плохо понимали услышанное. Нас растили и воспитывали в духе Венгерской революции 1848 г. Я вспоминаю русско-японскую войну. У нас, детей, тоже было к ней свое отношение, выражавшееся, понятно, во время игры. Симпатии наши принадлежали японцам. Когда мы играли в войну, никто не хотел быть русским»¹⁶.

Скорее всего в его душе царили смятение и страх. Описывая обстоятельства своего пленения, он несколько раз упоминает, что боялся русских солдат, в особенности казаков, и не рассчитывал, попав к ним в руки, остаться живым. Все изменилось в госпитале.

«Полевой госпиталь (в Воронеже) располагался в здании женской гимназии и интерната... Наряду с хорошим уходом, которым нас окружили, появились и развлечения; жизнь стала веселее, разнообразнее, и мы начали привыкать к положению военнопленных. Я начал учить русский. В этом мне помогали охотно сестры милосердия. Быстро завязывались новые знакомства. При гимназии была часовня, куда раньше воспитанницы ходили к службе. Нам не запрещалось там бывать, и ежедневные посещения церкви вошли в привычку... Завязывались знакомства, складывались приятельские отношения,

вспыхивала любовь... По вечерам девушки собирались под нашими окнами и мы, зная уже по несколько слов, вели разговоры»¹⁷.

Рана на ноге заживала быстро, и Надя переправили в лагерь в Дарнице, близ Киева, потом в Рязань и, наконец, поздней осенью (в летней одежде) поездом в Сибирь. Русское военное командование обращалось с военнопленными по-разному: офицеры содержались отдельно от рядовых, как того требовала Женевская конвенция*. Вдобавок политические соображения играли свою роль при разделении пленных по национальности: на втором году войны венгры, австрийцы, немцы и турки отсылались в отдаленные уголки страны; венгры, главным образом, в Туркестан и Сибирь. Пленные славянского происхождения (чехи, словаки, поляки и боснийцы) обычно содержались в лагерях на европейской части России. (Из этих готовых к борьбе славян впоследствии формировались «легионы», включая важный в политическом и военном отношении Чехословацкий корпус¹⁸.)

Поезд, которым Надя был доставлен к месту заключения в Сибири, оказался маленьким тесным железнодорожным составом, в котором ехали 13 пассажиров и два охранника. Некоторое время он колесил по заснеженной Транссибирской магистрали, пока не прибыл в лагерь Березовка на озере Байкал, неподалеку от Улан-Удэ. Город бараков, построенный в годы Русско-японской войны, был крупнейшим «солдатским городом», рассчитанным на 30–40 тыс. жителей, с «современной инфраструктурой, мощными улицами и хорошими санитарными условиями»¹⁹. Как «студент», Надя был отправлен в «интеллигентский барак», отделенный от простых солдат, вмещавший около 300 человек с высшим образованием, офицеров-резервистов и выпускников всевозможных училищ.

Жизнь военнопленного, как и время армейской службы, способствовали воспитанию в Наде самодисциплины и, возможно, отчужденности его натуры. Эти качества были необходимы для выживания, но они также говорили о том, что беспечная юность заканчивалась, начиналась серьезная, взрослая жизнь. В лагере Надя продолжил образование, насколько позволяли обстоятельства, и хотя оно так и осталось фрагментарным, в нем пробудилась жажда познания. Его круг общения в Березовке был типичным для времени и места и подвигал к левой политической ориентации.

* Женевская конвенция — международное соглашение об облегчении положения раненых и больных военнопленных, подписанное 22 августа 1864 г. по инициативе Швейцарии представителями 16 государств. К началу Первой мировой войны еще 16 государств ратифицировали конвенцию. — *Примеч. переводчика.*

Из автобиографических заметок Надя известно, что вплоть до 1917 г. он посещал «учебный кружок», собственно, марксистскую дискуссионную группу.

Как и многие из его поколения, в том числе его будущие товарищи, Надя познакомится с большевизмом, будучи военнопленным. В декабре 1917 г. был образован оргкомитет военнопленных — социал-демократов. В феврале 1918 г. в Березовку приехали симпатизировавшие большевикам казаки и попытались убедить военнопленных и охрану «начать собственную революцию», т. е. восстать против офицеров, но получили отказ. Шло время, и пропаганда делала свое дело; например, когда около 10% заключенных примкнули к вооруженным формированиям Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (ЦентроСибирь). В их рядах оказался и Надя. С марта 1918 г. он сражался в разных частях, пока его отряд не был окружен антибольшевистским Чехословацким корпусом, так что в начале сентября он вновь оказался военнопленным. Между тем Надя вступил в коммунистическую (социал-демократическую) партию иностранных рабочих Сибири — особую организацию, поскольку РКП(б) пока не принимала иностранных военнопленных в свои ряды. В 1920 г. эта группа венгерских рабочих и крестьян (неизвестно, вошел ли в нее Надя) приняла участие в иркутском большевистском восстании. Контрнаступление белых сдерживалось до тех пор, пока 7 февраля 1920 г. в город не вступили части большевистской 5-й армии. Гражданская война для Имре Надя закончилась²⁰.

К тому времени единственным способом вернуться на родину было сотрудничество с революционным режимом в России. Однако решение перейти на сторону большевиков не всегда было единственным выбором. Надя всегда подчеркивал, что принимал решение осознанно, хотя это было заявление воинствующего члена коммунистической партии, который пользовался известными ему клише для описания своего «знакомства с движением». Возможно, молодой человек счел революционный посыл убедительным и вдохновляющим, объяснение чему можно найти в его происхождении, событиях ранней молодости, маргинальном социальном статусе и страшном опыте войны. Ожидание мира и обещание социального равенства и справедливости не могли не отозваться в сердце молодого военнопленного, который к тому же, скорее всего, находился под влиянием своих образованных и интеллигентных друзей. В том хаосе, что царил вокруг, Надя искал спокойной, лучшей жизни, и знаки нового мира, которые он мог расшифровать с помощью своих скромных познаний в русском языке, — плакаты, лозунги, транспаранты — указывали ясный путь.

Свою роль сыграло его вступление в Красную гвардию, где он мог не быть командиром, но всегда оставался «товарищем».

Его первый опыт и первые впечатления от нового революционного порядка отражали социально-политическую обстановку в Иркутске и окрестностях. Несмотря на то что Надь получил паспорт, позволявший вернуться на родину, он предпочел остаться еще на год. 12 февраля 1920 г. он стал кандидатом, а 10 мая — действительным членом РКП(б). К тому же молодой человек превратился в того, кем его всегда хотели видеть родители, — он служил в отделении Ликвидационного комитета, занимавшегося вопросами бывших военнопленных, а с лета 1920 г. — в отделении Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), которой были переданы эти функции. Надь также выступал с речами, как партийный активист, и писал для местных печатных органов венгерских коммунистов — газет «Форрадалом» («Революция») и «Рохам» («Атака») ²¹.

Десятки тысяч венгров в Гражданскую войну сражались на стороне красных, но когда война окончилась, большинство из них вернулись домой. К началу 1921 г. в СССР оставалось 3–4 тыс. венгерских большевиков. Как один из них, Надь вскоре вошел в узкий круг — группу, которую Бела Кун, свергнутый вожь Венгерской советской республики 1919 г. ²², намеревался направить на родину «для построения подпольной организации в Венгрии путем усиления и объединения существующих более мелких ячеек». В докладе, сделанном в мае 1921 г., говорилось: «Политотдел направил с разными поручениями всего 278 товарищей, большинство из которых достигли провинциальных городов Венгрии и от туда пытаются установить связи с Веной, Берлином и Москвой» ²³. В их числе был и Имре Надь. Кун доказывал, что на родине группы активистов будут мешать профсоюзам, организуют и возглавят забастовки, подготовят и начнут вооруженное восстание. Через месяц подготовки к конспиративной работе в ЧК они получили предписания. Нетрудно себе представить, как хорошо они были подготовлены к работе в подполье в стране, где коммунистическая партия находилась под запретом с 1919 г., а ее лидеры были приговорены к длительным срокам тюремного заключения ²⁴. В апреле 1921 г. Надь сел в поезд, везший бывших военнопленных на родину, и после долгого путешествия и двух недель в «фильтрационном лагере» в конце мая вступил в родной город. Некоторые из его товарищей находились под полицейским надзором, другие просто избегали встреч друг с другом и тем более с почти призрачной «подпольной партией».

ОСТАТЬСЯ КОММУНИСТОМ

Возвращение домой означало для Имре Надя расставание с той средой, в которой он, собственно говоря, возмужал. Но приехал он совсем не в тот мир, который оставил почти ребенком. Ни страна, ни провинциальный городок Капошвар не походили на дремотные, мирные годы его детства. Обществу еще только предстояло оправиться от шока, вызванного проигранной войной, двумя неудачными революциями*, кровавой контрреволюцией, иностранной интервенцией и, наконец, подписанием Трианонского мирного договора (1920)¹. Уроки, извлеченные Надем из войны, плена и русской революции, вряд ли могли пригодиться в Венгрии начала 1920-х годов. У общества в тот момент не было иной цели, кроме консолидации. Инструкции, данные Бела Куном и ЧК, оказались бесполезными. В 1921 г. быть коммунистом в Венгрии было равнозначно готовности принести бессмысленную, никому не нужную жертву.

Вскоре после возвращения Надя вступил в (Венгерскую) социал-демократическую партию ((В)СДП). В позднейших автобиографических справках он объяснял этот шаг приказом партии. Действительно, венская фракция Коммунистической партии Венгрии (КПВ) во главе с Енё Ландлером, в отличие от московской фракции Бела Куна, рекомендовала своим сторонникам эту тактику², но вряд ли молодой человек знал об этом. Коммунистическая партия в Венгрии была практически уничтожена, у Надя же не было контактов с зарубежьем. Скорее всего, он принял решение после всесторонней оценки ситуации и под воздействием обстановки вокруг: ему тоже хотелось консолидироваться. Конечно, Надя не собирался отказываться от своих убеждений и стремился сохранить целостность личности, но ему было нужно некое поле, где он мог бы стать частью целого, не идя при этом на большие жертвы.

* Речь идет о буржуазно-демократической революции в октябре 1918 г. и о пролетарской революции в марте 1919 г. — *Примеч. переводчика.*

Вначале он перебивался случайными заработками, но в 1922 г. получил должность в 1-й Венгерской страховой компании³. Впоследствии в одной автобиографии, написанной уже в СССР, он обозначил род своей деятельности расплывчатым словом «экономист». Законченного экономического образования у Надя не было, поэтому речь, по всей вероятности, шла о какой-то скромной должности для начинающего — продаже страховых полисов или составлении актов об ущербе. В любом случае, у него появилась возможность заниматься страхованием сельскохозяйственной деятельности, защитой хозяйств от стихийных бедствий или неурожаев, а следовательно, он познакомился с отношениями собственности в аграрной сфере, проблемами производства и распределения и проч. По делам службы он разъезжал по городу и окрестностям, знакомился с людьми, набирался опыта. В его распоряжении также находились архив компании и специальная литература. Так он, пусть и не сразу, добился того, о чем всегда мечтали родители, — превратился в настоящего конторского служащего. Внешность Надя в полной мере соответствовала статусу: теперь он носил черные костюмы, накрахмаленные воротнички и шляпу-котелок. Все еще безусый, но уже в пенсне, со стороны он казался вполне успешным молодым человеком. У мужчины двадцати шести лет среднего роста, который в годы войны и плена наверняка не передал, проявилась склонность к полноте⁴.

В страховой компании Надя мог с легкостью накопить тот материал, который потом использовал в своих работах по аграрной политике. Как усердный работник, проявлявший повышенный интерес к состоянию местной экономики, он ничем не вызывал подозрений у работодателей. Куда более серьезные последствия могло иметь то обстоятельство, что все свободное время молодой человек посвящал постепенному возрождению рабочего движения в городе. Это никак не входило в планы родителей, которые в свое время с враждебностью отнеслись к желанию сына-подростка податься в рабочие.

В 1920-е годы в городе не осталось такой рабочей организации, с которой Надя не установил бы контактов. Некоторое время он состоял в исполнительном комитете Рабочей атлетической ассоциации, участвовал в профсоюзных организациях металлистов и сельскохозяйственных рабочих, был секретарем рабочего клуба; наконец, принимал активное участие в работе местной организации социал-демократической партии, а в 1924 г. стал ее секретарем. Эта партия, скомпрометированная в 1919 г. союзом, заключенным с коммунистами, к 1921 г. нашла общий язык с властями и по пакту Бетлена-Пейера⁵ была близка к консолидации и прохождению

в Государственное собрание. Социал-демократия в Капошваре не только набирала силу, но и поляризовалась. Часть руководства и активистов настаивала на оборонительной тактике и предлагала закрепить достигнутое, сконцентрировавшись, главным образом, на профсоюзной работе и сотрудничестве с культурно-просветительскими рабочими организациями. В этих кругах большим авторитетом пользовалось старшее поколение семейства Эгетё, переселившегося в Капошвар из Ходмезёвашархея перед самой войной. Как и многие другие, сотрудничавшие в 1919 г. с Венгерской советской республикой, Эгетё теперь доказывали, что в сложившихся обстоятельствах следует отказаться от любых революционных экспериментов⁶. Те, кто всего на пару лет были старше самого Надя, придерживались противоположных взглядов. Молодежь предпочитала собираться в цирюльне Иштвана Шинковича, как и Надя, прошедшего русский плен и Гражданскую войну на стороне большевиков. Они рвались в бой и настаивали на более радикальной социал-демократической тактике.

Первое время Надя сохранял добрые отношения с обеими группами. Как друг Шинковича, он вскоре превратился в одного из вождей группы недовольных, которые искали повод применить свой революционный опыт. С другой стороны, он влюбился в актрису любительской труппы из рабочего клуба Марию Эгетё (она была моложе Надя на шесть лет) — дочь члена исполкома ВСДП Капошвара. До определенного момента обе группы, несмотря на горячие споры между ними, сохраняли организационное единство. Внешне Надя оставался образцовым социал-демократом вплоть до апреля 1924 г., когда на XXII съезде ВСДП в Будапеште примкнул к оппозиционному крылу партийного руководства. В своей речи он подверг суровой критике официальную линию:

«Руководство партии сделало огромную ошибку, если же речь идет о сознательном поступке, — то совершило преступление, когда поставило деятельность социал-демократической партии в зависимость от принципов парламентаризма... Когда мы видим, что борьба в Государственном собрании остается стерильной, в то время как для борьбы нам необходима боеспособная партийная организация, следует признать, что вне стен собрания в наших руках до боли слабое оружие»⁷.

Выступление Надя на социал-демократическом съезде не прошло для него бесследно. К тому времени, когда 28 ноября 1925 г. он стоял с Марией Эгетё перед алтарем, его не только вывели из парткома капошварской организации, но исключили из рядов

ВСДП. Отношения с будущим тестем испортились еще раньше: Надь находился под наблюдением полиции, его переписка перлюстрировалась⁸.

Однако им заинтересовались не только местные власти. Левая оппозиция внутри ВСДП давно обратила на себя внимание венской верхушки КПВ. После того как венгерская секция Коминтерна два года оставалась без руководства, летом 1924 г. был назначен оргкомитет в составе Бела Куна, Енё Ландлера и Дюлы Альпари⁹. Самой неотложной задачей они считали созыв учредительного съезда КПВ, где предстояло создать структуру новой партии, которая после поражения Советской Республики лишилась постоянной организации и полностью оторвалась от своих корней в Венгрии.

Руководство также рассматривало возможность создания некоей легальной рабочей партии, которая, став прикрытием для КПВ, могла бы открыто действовать в Венгрии. В 1924 г. на V конгрессе Коминтерна прозвучало: «Социал-демократия превратилась в крыло фашизма». Установив контакты с левым крылом ВСДП, руководство КПВ, похоже, одним выстрелом убивало двух зайцев: ослабляло социал-демократических «предателей» и получало контроль над легальной боеспособной организацией. Тем самым можно было хотя бы отчасти поправить ущерб, нанесенный в 1921 г. массовыми арестами деятелей коммунистического подполья, и в масштабах страны мобилизовать рассеянных и изолированных интернационалистов. Через Кароя Эри венское руководство установило контакты с лидерами оппозиционеров Иштваном Ваги и Аладаром Вейсхаусом. В апреле 1925 г. в Будапеште была основана «легальная» Социалистическая рабочая партия Венгрии (СРПВ), в рядах которой вскоре насчитывалось около трех тысяч членов. Из них 120–150 человек заявили о своей принадлежности к подпольной КПВ¹⁰.

Венгерская политическая полиция очень скоро обнаружила нити, которые вели в Вену. В июне 1925 г. арестовали Ваги и Вейсхауса, в сентябре — Кароя Эри и Игнаца Гёгёша, поддерживавших связь с коммунистическим подпольем, а также Матяша Ракоши, тайно направленного Москвой в Венгрию, чтобы тот возглавил будапештскую организацию КПВ. Впоследствии Надь вспоминал, что именно Гёгёш был тем связным, который отыскал его — в то время все еще члена СДПВ — в Капошваре¹¹. Аресты нанесли ощутимый урон организации СРПВ, но не парализовали ее деятельность. Руководство даже ставило задачу создания партийных ячеек в провинции.

Местное отделение СРПВ в Капошваре было создано Имре Надем и Иштваном Шинковичем уже в январе 1926 г. в полулегальной обстановке. При режиме М. Хорти для создания новой партии не требовалось ни регистрации в суде, ни опубликования программы или устава. Достаточно было заявить о проведении открытого собрания в местном отделении полиции и по получении соответствующего разрешения можно было приступить к работе. При первой попытке в апреле 1926 г. Надю и его товарищам не удалось получить такого разрешения, но это не помешало продолжению подготовительной работы. Несмотря на то что к тому времени все они находились под полицейским надзором, а в ряды партийцев проникло немало информаторов, в ноябре 1926 г. СРПВ в Капошваре была успешно легализована, а на парламентских выборах в декабре того же года кандидат от партии поборолся за мандат. На учредительное собрание собрались около 300 человек; петицию за кандидата — члена центрального руководства СРПВ, экономиста Арпада Мольнара — подписали 700 горожан с правом голоса. Партийная организация распространила двухстраничный памфлет. Все это было плодом руководящих усилий Имре Нады¹².

Руководство подпольной КПВ расценило работу своего единственного успешного активиста как настоящий прорыв для своей партии-прикрытия. И это неудивительно, ведь за пределами Будапешта коммунисты пользовались некоторым влиянием только в шахтерской среде и у строительных рабочих-эмигрантов из Вихаршарока (название этого города на юго-востоке страны — центра аграрного социалистического радикализма — переводится как «грозовой угол»). Вскоре блестящий партийный организатор Надь познакомился с прибывавшими из Вены лидерами КПВ — Шандором Поллом, Йожефом Ревай и Золтаном Санто. Последний прямо заявил, что Надь должен посвятить все свободное время строительству партийного подполья. В 1970-е годы Санто вспоминал, как предложил тому «в качестве представителя ЦК взять на себя руководство оргработой КПВ в пяти задунайских* городах — Пече, Дёре, Шопроне, Сомбатхее и Капошваре. Мои слова немало удивили Имре Нады, который поблагодарил за столь лестное предложение, но сообщил, что его в первую очередь интересует аграрный вопрос и он не хотел бы менять сферу деятельности»¹³.

Член СРПВ Арпад Мольнар не стал даже кандидатом в депутаты: ему не удалось заручиться подписями 10% от более чем девяти

* Задунавье (*Dunántúl*) — историческое название западных и юго-западных областей Венгрии, расположенных на правом берегу Дуная. — *Примеч. переводчика.*

тысяч зарегистрированных капошварских избирателей. Однако у местных властей и без того росло раздражение от малочисленной, но радикально-левой партии, требовавшей проведения земельной реформы, установления республиканской формы правления, защиты интересов трудящихся. Они на свой манер истолковали успехи Надя: в январе 1927 г. деятельность СРПВ запретили на том основании, что та, подобно «ассоциациям», взимает членские взносы, на что у политической партии по закону не было права. 1 февраля 1927 г. Имре Надь получил от страховой компании официальное уведомление об увольнении. В конце месяца в Будапеште полиция арестовала верхушку СРПВ — «Золтана Сабо с товарищами», и уже на первых допросах один из обвиняемых в числе «лучших партийных организаторов на местах» назвал имя Надя. Полиции, как того и следовало ожидать, также удалось установить, что деятельность СРПВ направлялась коммунистами. 27 февраля 1927 г. Надь был арестован и переправлен в Будапешт. Супруга находилась на седьмом месяце беременности их первым ребенком¹⁴.

Имре Надю повезло, что у столичных полицейских оказался иной взгляд на предъявленные обвинения, чем у преисполненных чувством собственной значимости коллег в провинции, которые самозабвенно строчили нескончаемые рапорты. В то время как все руководство СРПВ было арестовано, а несколько человек, включая секретаря действовавшей в подполье КПВ Золтана Санто, брошенный в тюрьму, «мелкую рыбешку» Надя через два месяца следствия отпустили домой, а вскоре за отсутствием улик закрыли дело. Прокуратура в Пече по делу о капошварской партийной организации приняла сходное решение.

Однако власти добились своего: партийная организация была уничтожена, многие из ее членов — «очерненные», «заклейменные» — потеряли работу. В последующие годы большинство их держались в стороне от рабочего движения. Имре Надю тоже предстояло принять решение. Безработный, без средств прокормить новорожденную дочь и оставившую работу жену, он находился под полицейским надзором, не имел права покидать город и принимать участие в публичных собраниях. Все это были весомые доводы в пользу того, чтобы распрощаться с политикой и начать строить новую, частную жизнь. То, что Надь не пошел по этому пути, говорит о силе тех связей, которые он установил в России. Именно тогда в его жизни произошел первый серьезный поворот: речь шла не о том, «быть или не быть» коммунистом, но как «остаться коммунистом». Личный опыт лишь подкреплял его

представления об общественном и политическом устройстве и подпитывал более узкий интерес к аграрной и крестьянской политике. Свою роль играли и доводы рационального свойства: оказавшись вовлеченным в работу маленькой, замкнутой партии, он чуть не лишился возможности вести цивилизный образ жизни; наконец, ему становилось все очевиднее, что, не имея образования и серьезного профессионального опыта, он вряд ли сможет удовлетворять свои растущие интеллектуальные запросы вне праворадикальных кругов.

Хотя Надь поддерживал постоянные контакты с руководством коммунистического движения, которое наконец-то начало с ним считаться, на этом этапе своего политического развития он балансировал на грани легального и нелегального положения. Он боролся за осуществление «подрывных» целей и одновременно очень медленно осваивался в публичной сфере. В лучшем случае он смутно догадывался, что для сплоченного ядра проживавших в эмиграции коммунистов все, за что боролась СРПВ, — демократические реформы, направленные на улучшение положения крестьянства меры, единый фронт с социал-демократами на предстоящих парламентских выборах, лозунг введения республиканской формы правления — имело не более чем тактическое значение.

Более того, в 1927 г. в руководстве КПВ окрепла уверенность в том, что «партия-прикрытие» только способствует распространению оппортунистических взглядов и отвлекает от подпольной работы лучших людей. В числе таковых назывался и Надь, который, находясь во главе небольшой партийной ячейки, продолжал поддерживать связь с Будапештом и переписываться с руководством СРПВ. Летом 1927 г. к нему обратился Бела Санто (брат Золтана Санто) — член вновь созданного подпольного секретариата КПВ в Будапеште. В секретной переписке между Веной и Будапештом Надь все еще фигурировал под своим собственным именем, и следовательно, руководство КПВ пыталось оставить его на легальном положении¹⁵. В пользу этого предположения говорит то, что Надь в то время искал работу и вскоре получил должность страхового агента в компании «Феникс». Это позволило ему кормить состоявшую теперь уже из трех человек семью.

Когда же в декабре 1927 г. полиция вновь арестовала Надя (через три дня его отпустили¹⁶), он окончательно выбирает нелегальное положение. В марте 1928 г. руководство КПВ пригласило Надя на встречу, и тот, тайно перейдя австрийскую границу, прибыл в Вену. Загранбюро КПВ предложило ему стать партийным экспертом по аграрной политике и возглавить работу партии в провинции. На этот раз Надь принял то предложение, с которым

к нему год назад уже обращался Золтан Санто и получил отказ. Очевидно, Надь думал, что партийное руководство в Вене в первую очередь интересуют его опыт и знания. Весь месяц до отъезда и первый месяц в Австрии он провел за составлением аналитических записок о состоянии венгерской деревни, положении крестьянства, рабочем движении на селе¹⁷.

В Вене Надь попал в совершенно ему незнакомую среду — замкнутый круг малочисленных, но пламенных профессиональных революционеров-эмигрантов. Руководство КПВ тратило немало сил и энергии на поддержание связей с венгерским подпольем, насчитывавшим в тот период от силы 300 человек. Оставшееся время они проводили в бесконечных дебатах о проектах программы своей по сути не существующей и не играющей никакой политической роли группы. Имре Надю, который и прежде сталкивался с практической стороной партийной жизни, теперь внезапно пришлось излагать свои мысли на бумаге и вступать в нескончаемую полемику с людьми, которых прежде знал только по их партийным псевдонимам. Собеседников Надя мало интересовало положение дел на родине, для них куда важнее были марксистско-ленинские теории и нарисованные в Москве глобальные перспективы международного рабочего движения. В этом вопросе Надь разбирался довольно слабо.

Сразу по приезде в Вену он активно включился в работу по созданию сети ячеек КПВ у себя на родине, для этого в сентябре 1928 г. Надь тайно, по подложным документам, вернулся в Венгрию. Там он пробыл девять месяцев, действуя под руководством сначала Эрнё Мюллера — своего первого партийного секретаря в Иркутске, затем — Йожефа Реваи, наконец, Дёрдя Лукача. Все они были деятелями венской эмиграции, лишь время от времени навещавшими в Венгрию. Сам Надь, ненадолго вернувшись в Вену, в сентябре 1929 г. снова отправился в Венгрию, а в декабре нелегально отбыл в Москву с целью принять участие в работе II съезда КПВ.

Надя как главу вновь созданной аграрной секции КПВ ждал успех. В конце концов у него за спиной был год плодотворной работы в подполье, что удавалось далеко не каждому. В 1920-е годы венгерская полиция располагала разветвленной сетью информаторов (один проник даже в ЦК КПВ); это обстоятельство, помноженное на постоянные ошибки в конспирации, вело к тому, что членов партийного руководства и простых партийцев одного за другим арестовывали и приговаривали к тюремным срокам. Недоверие, поиск шпионов в партийных рядах, взаимные и часто безосновательные подозрения безнадежно ослабляли движение, но Надь

держался в стороне от внутрипартийной борьбы. По понятным причинам ему не удалось создать дееспособную организацию, зато он обзавелся многочисленными связями в провинции. В 1929 г. ему даже удалось наладить выпуск легального печатного органа «Парасток лапья» («Крестьянский журнал»). Хотя свет увидело только три номера, выпуск журнала стал единственным относительно успешным начинанием партии: издание направляло мысли восприимчивых читателей на селе в леворадикальное русло¹⁸. И все-таки большую часть времени Надь был вынужден проводить за написанием писем и составлением справок, посвящать политическим дебатам о стратегии и тактике КПВ.

Участники этих дискуссий были едины в том, что в Венгрии назревает революционная ситуация и смена социально-политического строя — вопрос ближайшего будущего. Мнения разделялись, когда речь заходила о том, «в каком направлении» должна двигаться партия — к пролетарской диктатуре, как в 1919 г., или в каком-то ином. Как произойдет «переход» от капиталистической общественной формации к коммунистической? Классики марксизма-ленинизма, к сожалению, не давали ответа на этот вопрос, и в распоряжении склонного к ортодоксии движения не было простого и ясного «учения». Накануне съезда Д. Лукач в знаменитых «тезисах Блюма» (получили название от партийного псевдонима автора) предложил на переходный период вместо пролетарской диктатуры установить более «мягкий» политический и экономический режим — так называемую «рабоче-крестьянскую демократическую диктатуру»¹⁹. В то время подобные дискуссии все еще были возможны. Советская модель пока не стала обязательной, тем более что в СССР только предстояло дать оценку экономике и обществу переходного периода. Борьба за власть в среде старой ленинской гвардии и схватка не на жизнь, а на смерть между последователями И.В. Сталина и сторонниками Н.И. Бухарина стремительно приближалась к развязке. В 1929 г. наступил «великий перелом»: в апреле на XVI конференции ВКП(б) Сталин изложил содержание первого пятилетнего плана и объявил о начале политики индустриализации²⁰. В повестке дня стоял и аграрный вопрос, т. е. отмена последних элементов нэпа, сохранявшегося крестьянского сельскохозяйственного производства и рыночной экономики. В противовес группе Бухарина, которая не шла дальше требований ограничения кулачества («сельской буржуазии»), Сталин выступил с собственной программой аграрных преобразований, и начались жестокая коллективизация и ликвидация кулаков. В 1929 г. Н.И. Бухарин — главный редактор газеты «Правда»

и председатель Коминтерна — был снят со всех постов по обвинению в «правом уклоне». На рубеже 1929—1930 гг. бухаринская оппозиция потерпела окончательное поражение, крестьян начали насильственно загонять в колхозы²¹.

В 1928—1929 гг. образ мыслей Имре Надя мало чем отличался от взглядов Бухарина и Лукача, но его позиция основывалась не столько на изучении теоретических источников, сколько на опыте политического организатора. В 1928 г. Имре Надь, подобно Лукачу, представлял себе переход к социализму в виде двух стадий. По его мнению, на первой — демократической — стадии союзником пролетариата в борьбе с феодальными пережитками является крестьянство в целом, и только на второй стадии борьбы за установление диктатуры пролетариата союз будет возможен лишь с беднейшим, безземельным крестьянством. Поэтому, рассуждал Надь, при работе в деревне КПВ должна отдавать предпочтение демократическим, а не революционным требованиям. В ноябре 1928 г. в статье «Наша работа в деревне» Надь писал:

«Мы должны объять деревенскую жизнь во всей ее полноте. Вопрос о земле, сложнейшие вопросы налогообложения, администрация, кредиты, кооперативы, формы социальной и политической организации на селе — все это поле для битвы»²².

Он упорно настаивал на важности легальной политической деятельности (пресса, местные предвыборные коалиции, левodemократические крестьянские партии и проч.), прекрасно понимая, что нелегальные формы политической работы в современной венгерской деревне были невозможны.

Когда в этой связи его обвинили в «правом уклонизме», он пошел в атаку, критикуя структуру партийной организации, ее диктаторский стиль руководства и несостоятельные и противоречивые решения. Ему претил лишенный удобств и полный опасностей образ жизни в подполье. Это не ускользнуло от внимания венского руководства. В конце 1928 г. Йожеф Реваи докладывал заграничному ЦК:

«[Надь] заявил, что, по его мнению, ему пора возвращаться на легальное положение, ибо в противном случае невозможно заниматься крестьянской работой. К этому добавились личные мотивы. Правда, я, как давний венский житель, склоняюсь к фрейдистскому объяснению, что личные мотивы стоят на первом месте, а к ним пристегнута великая теория легальности. Он спросил, как долго еще должен здесь оставаться, ведь ему нужно увидеться с женой... Что ему отвечать жене, которая желает остаться вместе с ним?»²³

Профессиональный революционер-аскет с плохо скрываемым скептицизмом смотрел на слабого в теории, привязанного к земле товарища по партии, который важные политические вопросы рассматривал сквозь мелкобуржуазные очки семьи (жены, годовалой дочки). Через полтора года, уже в Москве Ференц Боер накануне II съезда КПВ, во время споров о персональном составе ЦК высказал ту же мысль с еще большей прямотой: «Вы, кажется, хотите избрать Шимони (в то время псевдоним Надя. — Я.М.Р.) в Центральный Комитет? Сам он и все вокруг утверждают, что он полон социал-демократических пережитков и воплощает в партии правую угрозу»²⁴.

Ни одному из участников дискуссии не приходило в голову, что предмет спора имел мало общего с объективной реальностью. В теоретических спорах верх, как правило, одерживали крайние леваки — сторонники Бела Куна со времен Венгерской советской республики 1919 г., в то время как единомышленники Енё Ландлера (умер в 1928 г.) Лукач, Реваи и др. неизменно терпели поражение. Однако победа Бела Куна не была безоговорочной: в руководство КПВ пришла ультрарадикальная группа молодых рабочих во главе с 24-летним обойщиком Шандором Серени. В общем и целом они стояли на платформе Куна, но хотели положить конец всяким дебатам (которые считали проявлением духа фракционности), требовали, чтобы партия вышла на бой «с открытым забралом», мечтали о массовых демонстрациях и политических забастовках. Все это было риторикой, не имевшей ничего общего с политической реальностью, потому что члены партии, нелегально возвращавшиеся в Венгрию, неизменно попадали в руки полиции через два месяца пребывания в стране²⁵.

Именно в такой обстановке в феврале 1930 г. Имре Надь приехал в подмосковную Апрелевку, где несколько десятков делегатов проводили II съезд КПВ. Истерия, вызванная арестами в Венгрии, докатилась до советской столицы. Заседание начали в атмосфере глубокой конспирации, и к поискам провокаторов подключились даже советские органы госбезопасности (ГПУ). Имре Надь получил выговор еще на стадии подготовки за то, что попытался сгладить разногласия между делегатами от сельскохозяйственных рабочих. На самом съезде он подвергся резкой критике со стороны партийного руководства. Докладчики обвиняли Надя в том, что он потакает «половинчатым требованиям» крестьян, не выступает против требования венгерского правительства провести ревизию мирного договора. Некоторые вспомнили, как в Вене, когда Надя раскритиковали в пух и прах в духе постановления Коминтерна, тот ответил, что «не собирается стоять перед Коминтерном навзятжку».

Надь был растерян и подавлен; на общей дискуссии он выступил с самокритикой, потом замкнулся в себе и замолчал. За это ему вновь вынесли порицание и обязали принять участие в специальной сессии ЦК, посвященной обсуждению аграрной политики. Тезисы, над которыми Надь столь старательно работал в течение двух лет, представил съезду Йозеф Реваи²⁶. 16 марта 1930 г. Надь — после ритуальной самокритики — вновь обратился к ЦК с просьбой позволить ему остаться в СССР, ибо в свете его «оппортунистических уклонов» он не видел смысла в дальнейшей своей работе в аграрной секции КПВ, а возвращение на легальное положение сопряжено с неизбежными трудностями. Его просьба была удовлетворена, хотя в ходе дискуссии в ЦК раздавались голоса, что его просьба — не что иное как «бегство от работы»²⁷.

Конфликт Имре Надя с движением, с которым он уже отождествлял себя настолько, что во имя общего дела готов был идти на риск, привел к тяжелому кризису. Он попытался отодвинуться от «линии огня», что значило дистанцироваться от партии, которая по политическим мотивам ставила под вопрос его профессионализм, от фракционной борьбы, от гнетущей атмосферы всеобщей подозрительности. Остаться в СССР не было для Надя крайним средством: Советский Союз 1930 года, где только что началась «вторая революция», казался ему, как и многим другим европейским коммунистам и сочувствующим, «землей обетованной». Свою изоляцию Надь считал временной и представить себя вне практической политики не мог.

В 1928–1929 гг. Надь написал работу «Тенденции развития в венгерском сельском хозяйстве»²⁸, основанную на богатом статистическом материале и знании местных реалий. Руководство «дочернего предприятия» Коминтерна — Крестьянского Интернационала (Крестинтерна)²⁹ проявило к ней интерес; таким образом, забрезжила возможность решения его проблемы. Когда Акош Хевеши³⁰, один из секретарей Крестинтерна, и Бела Кун порекомендовали Надя, как специалиста, московскому Международному аграрному институту (МАИ) — это стало миссией, которая позволила ему дать положительный ответ на вопрос, остается ли он коммунистом. Вместо того чтобы становиться партийным политиком, ему необходимо было укрепить свои позиции в партийных структурах в качестве эксперта, как он сделал это десятью годами ранее в Венгрии. Аграрный институт давал ему возможность сохранить коммунистические убеждения, воссоединиться с женой и ребенком, которых за прошедшие два года почти не видел, и, наконец, примирить политический выбор с интеллектуальными предпочтениями.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ В МОСКВЕ

*И*сторики до сих пор точно не знают, сколько венгерских эмигрантов проживали в Советском Союзе в 1930–1940-е годы. Можно с уверенностью утверждать, что их было несколько тысяч; возможно, даже более десяти тысяч. Одни из них попали в русский плен в годы Первой мировой войны и по той или иной причине не вернулись на родину. Другие были квалифицированными рабочими, которых привлекла возможность получить в СССР работу в период выполнения первого пятилетнего плана. Коммунистическая политическая эмиграция составляла явное меньшинство¹.

В конце 1920-х годов в ВКП(б) насчитывалось около полутора тысяч членов из Венгрии. Из них собственно политической работой были заняты всего несколько сотен человек, в том числе партийные активисты и специалисты, работавшие в советских или коминтерновских структурах. Также неясно, сколько из них пережили сталинские чистки и Великую Отечественную войну. После 1944 г. в Венгрию вернулись 200–250 человек с партийными билетами. В их числе Имре Надь, который приехал в СССР в конце 1920-х годов как эмигрант и в течение 15 лет жил и работал в стране не как партийный функционер, а как советский «партийный специалист»

В 1930 г., вскоре после II съезда КПВ в Апрелевке, высказывались предложения поставить Имре Надя во главе венгерской коммунистической эмиграции во Франции². Зимой 1931–1932 гг. и годом позже рассматривалась возможность отправки Надя на родину для руководства аграрной секцией венгерского подполья³. Однако дальше разговоров дело не пошло. В 1930–1932 гг. Надь участвовал в работе над аграрной программой КПВ и в этой связи постоянно взаимодействовал с Бела Куном. Последний с неиссякаемой энергией вел идеологическую борьбу внутри собственной партии и по-прежнему считался важной фигурой в Коминтерне. Кун считал Надя «своим человеком», поскольку ультрарадикалы

во главе с Ш. Серени на съезде КПВ их обоих исключили из партийного руководства. Жребий переменялся в 1931 г.: Кун вернул себе утерянный авторитет и расправился с противниками вполне в духе той эпохи: Серени и его сторонники были арестованы советскими органами государственной безопасности⁴. Проведя успешную чистку партийных рядов, Кун предложил Имре Надю возглавить венгерский сектор международных ленинских курсов — коминтерновской кузницы кадров⁵, рассчитывая, что тот поможет нейтрализовать противников. Официальное назначение последовало в мае 1932 г., но Надя, похоже, не проявлял интереса к новой работе⁶. С этого момента его связь с КПВ становится все слабее.

Зато связь Надя с Венгрией не прерывалась никогда. С 24 апреля 1930 г. по 1 февраля 1936 г. он, как сотрудник коминтерновского Международного аграрного института, занимался проблемами сельскохозяйственного развития и положения крестьянства в Венгрии. Этот институт был одной из теневых, неафишировавшихся структур Коминтерна, изучавших в сравнительной перспективе мировой опыт в области сельского хозяйства и политики в отношении крестьянства. Впрочем, сотрудники занимались сельскохозяйственными науками не абстрактно, а имели задание помочь коммунистическим партиям по всему миру сформулировать их политику в крестьянском вопросе. Для этого необходимы были исследования по двум направлениям: состояние сельского хозяйства в отдельных странах по данным статистики и положение сельского населения, его социальное расслоение, условия жизни, специфические социальные и политические проблемы и различные политические движения и группы интересов внутри крестьянства. Здесь готовили или анализировали соответствующие разделы программ отдельных коммунистических партий; здесь же писали брошюры и памфлеты о крестьянах и для крестьян.

Имре Надя был уважаемым, но скромным, а потому — как казалось или считалось — малозначимым сотрудником института. Он писал основательные статьи, публиковавшиеся в печатном органе КПВ «Серп и молот» («Sarló és Kalapács») и в изданиях института. В 1933 г. на русском языке, а через год на венгерском языке вышла в свет его брошюра «Положение венгерского крестьянства»⁷. Владимир Михайлович Турок* — коллега и один из многих русских друзей Надя — в 1970 г. вспоминал:

* Турок-Попов Владимир Михайлович (1904–1981) — советский историк, автор трудов по истории Австрии. Подробнее см.: Славяноведение. 1995. № 1. С. 89–105. — *Примеч. переводчика.*

«Из Международного аграрного института я прекрасно помню человека по имени Имре Надь... Мы сидели в одной комнате, друг напротив друга. Имре Надь произвел на меня впечатление, во-первых, своею статью, во-вторых, так сказать, располагающим выражением лица, в-третьих, веселым нравом, в-четвертых, он, как всякий нормальный венгр, любил женщин. Он довольно хорошо говорил по-русски... Когда через много лет я узнал, что Имре Надь стал председателем Совета министров Венгерской Республики, в первый момент был крайне удивлен (таково было не только мое, но общее мнение, поэтому, думаю, что я был объективен), потому что мы видели в нем политика средних дарований и образованности, который, впрочем, прекрасно понимает крестьянский мир и умеет говорить с крестьянами»⁸.

Институт неоднократно подвергался реорганизациям, менялись имена начальников и название отдела Западной и Центральной Европы, а Надь занимал всю ту же должность, медленно поднимаясь по служебной лестнице. Младший научный сотрудник стал научным сотрудником первого разряда, его месячный оклад вырос со 150 до 325 рублей⁹.

В первые месяцы пребывания в Москве Надь ночевал у друзей. В августе 1930 г. из Вены приехали жена и дочь. Сначала им разрешили поселиться в здании Международного аграрного института. Но уже в конце 1930 г., скорее всего при посредничестве Международного общества Красного Креста Надям выделили «квартиру» в центре Москвы, в доме, известном как «Малый Париж». До революции здесь располагалась гостиница, а теперь селились мелкие функционеры Коминтерна. Квартира состояла из комнаты размером 12 кв. м, душевая и туалет находились в конце коридора. В 1934 г. Надь с семьей перебрались в более новое здание на Хамовнической площади. Им выделили 18-метровую комнату в коммунальной квартире, где проживала еще одна русская семья. По меркам московской партийно-государственной номенклатуры, это считалось несколько ниже среднего уровня, зато Надю сразу же провели телефон.

В годы героического воспеания советской женщины-труженицы Мария Эгетё (или, как ее полагалось называть в замужестве Надь Имрене) ни дня не работала; несмотря на развернувшуюся в 1934 г. кампанию, направленную на повышение рождаемости, у Надей по-прежнему был только один ребенок. Скорее всего это было не столько сознательным решением супругов, сколько следствием заболевания Марии. Появление первых признаков

прогрессирующего недуга совпало с ее приездом в Москву. Помимо прочего, он, очевидно, был спровоцирован самой жизнью в эмиграции. В молодости Мария Эгетё состояла членом молодежной социал-демократической организации, но потом не только не имела ничего общего с коммунистами, но и вообще отошла от политики и даже в Москве не вступила в партию. Возможно, зарплату мужа и гонораров, которые он получал за статьи, семье вполне хватало. Круг общения супругов состоял главным образом из венгров, а в число ближайших друзей входили бывший руководитель полулегальной СРПВ Иштван Ваги, еще более давние знакомые (по Иркутску) Андор Шугар, Эрнё Виммер и Ференц Мюнних. Надь любил с товарищами слушать радио по приемнику Шугара, особенно по вечерам, когда сигнал из Будапешта ловился лучше. Вся компания обожала цыганскую музыку. Мюннихи бывали у Надеи особенно часто. Ференц колдовал на кухне, иногда даже пек торт. Бездетный Мюнних охотно возился с Эржебет — маленькой дочкой Надеи. Их, должно быть, связывала крепкая дружба: отправляясь в составе интернациональной бригады в Испанию, он просил Надею позаботиться о его больной жене¹⁰.

По целому ряду признаков можно судить, что теперь Имре Надь намеревался интегрироваться в советское общество если не навсегда, то, по крайней мере, на долгое время. К середине 1930-х годов он покончил с описательными статистическими исследованиями (которые служили убежищем бывшему «уклонисту»: не было необходимости публично занимать ту или иную позицию) и задумал написать более крупную работу об аграрной политике венгерской социал-демократии. Объявленная в мае 1935 г. антифашистская политика Народного фронта давала возможность осторожно заявить: он по-прежнему верит в возможность демократической стадии перехода к социализму. В 1935 г. Надь с жаром принялся за работу над книгой, которую надеялся защитить в качестве кандидатской диссертации. Однако уже в следующем году ситуация самым внезапным образом переменилась: не только его планы потерпели крах, но и само пребывание в Москве оказалось под угрозой.

На годы, когда Надь обустроивался в Москве, пришелся период складывания политической системы, впоследствии известной как «классический сталинизм». Неотъемлемыми частями этой системы стали шпиономания и ксенофобия, хотя постоянные призывы к «интернационалистской солидарности» позволяли надеяться скорее на помощь иностранным коммунистам. Можно предположить, что уже в момент прибытия Надя в Москву по его

кандидатуре (в дополнение к обязательным рутинным процедурам) проводилось специальное расследование органами НКВД. Советская политическая полиция в поисках предателей, затесавшихся в ряды руководства КПВ, основываясь на информации, предоставленной этим самым руководством, обнаружила и уничтожила многих из тех, с кем Надя был знаком лично.

Первая волна чисток была связана с борьбой Серени и Куна за власть и пошла на спад с победой Куна. Когда в самом начале 1936 г. над Имре Надем сгустились тучи, за год, прошедший после убийства Кирова, волна террора все нарастала. Она еще не достигла эмигрантов, но следствие по делам членов партии и активистов Коминтерна велось вовсю. «Дело Надя» было заведено в связи с нарушением партийной дисциплины и, на его счастье, не перешло в разряд политических.

Осенью 1935 г. супруга Надя обратилась в Венгерское посольство в Москве с заявлением о замене просроченного паспорта и затем отправилась в Венгрию, чтобы навестить больного отца и самой пройти курс лечения. Через пару недель Надя Имрене вернулась в Москву, но о ее поездке (тогда это еще не стало исключением из правил) муж не проинформировал ни КПВ, ни руководство Коминтерна. Возможно, он считал это частным делом, но нельзя исключать возможность, что Надя таким образом хотел избежать пристального внимания к своей семье, ибо мог вынашивать планы сначала отправить на родину семью, а затем самому покинуть СССР. Вдобавок ко всему он отказался от советского гражданства, предложенного ему в 1936 г.¹¹ Бела Кун не преминул сообщить об этих двух обстоятельствах партийному руководству. Его письмо может с полным правом считаться доносом, особенно если учесть, что расследования в КПВ в то время шли полным ходом¹². В результате изучения партийных документов 8 января 1936 г. Имре Надя был исключен из партийных рядов¹³. 1 февраля он был уволен с работы: в институте шла реорганизация, сопровождавшаяся сокращением кадров. Естественно, что в первую очередь избавлялись от чем-либо запятнавших свое имя¹⁴. В конце месяца специальная партийная комиссия, созданная для изучения дел венгерских иммигрантов, охарактеризовала Надя как разложившуюся личность и предложила выслать его из Москвы¹⁵.

Сегодня все это представляется крайне тревожным симптомом. В начале 1936 г. происходившее не внушало оптимизма, но тогда еще не была исключена возможность, что вопрос о нарушении партийной дисциплины неожиданно примет счастливый оборот. Однако Имре Надю повезло. Он немедленно опротестовал

исключение из партии, подал прошение о советском гражданстве и еще до конца 1936 г. его получил. Летом Надю предложили работу по трудовому соглашению в Центральном статистическом управлении при Совете министров СССР¹⁶. Там ему предстояло проводить сравнительный анализ статистических данных по сельскому хозяйству. Наконец, несмотря на исключение из КПВ, Надь получил от Международного аграрного института положительную характеристику, в которой он назывался дисциплинированным, сознательным и надежным работником, который следует линии партии и не отклоняется от нее¹⁷.

Можно предположить, что благоприятный поворот в его судьбе оказался парадоксальным образом связан с его более ранними конфликтами. Бела Кун и другие члены ревизионной комиссии вскоре сгинули в бездне ГУЛАГа. У Надя были постоянные конфликты с теми участниками венгерского коммунистического движения, которые впоследствии пали жертвой репрессий. Он не был «их человеком», как раз наоборот. Не исключено, что отношение к более ранним «отклонениям» Надя сразу после падения Куна было пересмотрено.

После VII конгресса Коминтерна 1935 г., провозгласившего политику «единого народного фронта» против растущей угрозы фашизма, позиция Надя по аграрному вопросу, которую тот отстаивал начиная с 1920-х годов, оказалась по сути востребованной. В советскую систему Надь интегрировался не как венгерский партийный руководитель, но как квазисоветский интеллигент, который в то же время не принадлежал к «старой интеллигенции» и не имел ничего общего с фракционной борьбой в рядах ВКП(б). Рассмотрение его заявления, опротестовывавшего исключение из партии, длилось три года. В это время ему снова повезло: на место Бела Куна как представителя КПВ в Коминтерне (по сути — руководителя партии) были назначены люди, которых Надь прекрасно знал со времен руководства организацией СРПВ в Капошваре, — Шандор Полл и Золтан Санто. Последний после смерти Полла занял руководящий пост в КПВ и не раз поддерживал Надя в 1937—1938 гг., направлял о нем самые лестные отзывы в отдел кадров Коминтерна¹⁸.

Несмотря на это, 4 марта 1938 г. Имре Надя арестовали, но через четыре дня отпустили. Такое в СССР конца 1930-х годов все еще случалось. Из венгров краткосрочному тюремному заключению подвергались, например, Ласло Рудаш и Дёрдь Лукач. За них тогда заступились высокие партийные чины¹⁹, но по делу Имре Надя никаких подобных свидетельств обнаружить не удалось. Зато к его судьбе проявило интерес московское Управление госу-

дарственной безопасности НКВД, ссылавшееся на то, что они многие годы получали информацию по десяткам людей, главным образом о проживавших в Москве венгерских коммунистах, от агента по имени «Володя», т. е. от Имре Надя. Всех этих людей, за редким исключением, арестовали и расстреляли в 1938 г.²⁰

Досье о связях Надя с органами госбезопасности СССР было, вне всяких сомнений, составлено в 1989 г. с понятной целью — дискредитировать главного героя и мученика венгерской революции 1956 г. в момент крушения коммунизма и перехода Венгрии к демократии²¹. С другой стороны, многие документы в досье являются подлинными. Отдел кадров Коминтерна официально находился в постоянном контакте с органами НКВД. В любом случае Имре Надь был обязан предоставлять информацию об отдельных людях. Например, когда он приехал в СССР, органы госбезопасности были заняты выявлением и уничтожением шпионов и вражеских агентов в подпольном движении. В 1933–1934 гг. Надь входил в состав партийного комитета Международного аграрного института и ему неизбежно приходилось писать отчеты, справки, характеристики, стекавшиеся и оседавшие в неразрывно переплетенных друг с другом коминтерновских, партийных, государственных и карательных органах. Нет никаких сомнений, что все коммунисты-эмигранты без исключения были связаны с органами государственной безопасности. С одной стороны, потому, что если их приглашали к сотрудничеству, у них не было иного выхода; с другой стороны, предоставление запрашиваемой «информации» подавляющее большинство коммунистов, включая Надя, считали долгом коммуниста. В рукописной автобиографии Надь признал, что с 1933 г. (до 1941 г. или даже вплоть до возвращения в Венгрию) состоял секретным осведомителем органов госбезопасности. Позднейшие заявления советского руководства подкреплялись донесениями НКВД и его правопреемников об Имре Наде. Во время дисциплинарного расследования органы государственной безопасности заинтересовались им снова. Его арест и последующее освобождение были связаны с этим интересом. В 1939–1940 гг. от него потребовали написания детальнейшей автобиографии, где необходимо было перечислить всех, прежде всего проживавших за границей родных и знакомых, в отдельном списке заставили назвать всех московских друзей²². В 1989 г. этот список предъявили общественности в качестве списка «жертв» его деятельности как информатора. Подобная информация, естественно, использовалась при проведении незаконных следственных действий, но будет наивным утверждать, что тот или иной арест проводился на основании одного-единственного доноса.

В марте 1938 г. срок трудового соглашения Имре Надя с ЦСУ СССР истек и он стал внештатным сотрудником Иноиздата (Издательства иностранной литературы). Он зарабатывал на жизнь переводами и статьями, публиковавшимися главным образом в журнале КПВ «Уй ханг» («Новый голос»), где состоял в редакционном активе. 3 февраля 1939 г., после трехлетнего перерыва Надь был восстановлен в партии. За несанкционированную поездку супруги в Венгрию он получил дисциплинарное взыскание, но в то время это считалось минимальным наказанием²³. Через год, в феврале 1940 г., Надь (опять по инициативе Золтана Санто) вернулся в ряды советской партийной номенклатуры — в венгерскую редакцию Всесоюзного радио²⁴.

О значении своих исследований той поры Имре Надь в 1946 г. говорил:

«В то время цель моей работы мне виделась в том, чтобы еще до наступления переходного периода (в это мы верили свято) помочь прояснить проблемы и объединить усилия в такой важной области демократии, как аграрный вопрос. Расстояние между Москвой и Будапештом и преграды, возводимые реакционными венгерскими правительствами, не позволяли моим работам на родине сыграть более существенную роль в формировании интеллектуальных течений или их идейном столкновении. И потому мои научные изыскания были полезны прежде всего для прояснения моей собственной позиции»²⁵.

Проверенная исследовательская методика Надя — опора на подробные статистические данные, умение вписать современность в исторический контекст — теперь (или снова) использовалась для обоснования аграрной политики коммунистической партии. Он приходил к выводу, что в процессе перехода венгерского сельского хозяйства к капитализму проявились две параллельные тенденции, описанные в марксистской науке, — «пруссский путь», при котором крупные помещичьи хозяйства (латифундии) превращаются в капиталистические, и «американский путь», когда во главе развития становятся мелкие крестьянские хозяйства. Для развития капитализма второй путь гарантировал более благоприятные условия. Столь же двойственными оказывались и «классовые противоречия» в деревне: с одной стороны, бедные и зажиточные крестьяне объединяются против крупных землевладельцев; с другой стороны — неизбежен антагонизм между «вытесненным» с земли сельским пролетариатом и классом землевладельцев, будь

они латифундистами или фермерами американского типа. Интересно, что в своем детальном анализе категорий крестьянства Надя ни разу не использует русское слово «кулак», имевшее тогда в СССР широкое хождение. Решающую роль «на данной стадии развития» Надя отводил конфликту между крупными землевладельцами и противостоящими им крестьянскими массами, из чего следовал вывод о возможности совместного выступления крестьян против латифундистов, и в венгерской деревне мог возникнуть крупный класс крестьян — земельных собственников. Он полагал, что социалистические преобразования в деревне и создание социалистических предприятий не подходили для первой фазы переходного периода в Венгрии. В своей полемике с Эриком Мольнаром по аграрному вопросу в начале 1938 г.²⁶ Надя писал:

«В наши дни в Венгрии расцвела пышным цветом “социологическая” (аграрная) литература, которая, обработав горы материала, показала яснее ясного (и в этом основное значение подобных исследований), что первостепенной задачей в Венгрии является демократизация аграрных отношений и что демократическое переустройство деревни еще далеко от завершения. В противном случае рабочий класс перепрыгнет такую важную стадию своего сегодняшнего развития. Тогда он окажется в изоляции от широких демократических масс, которые *сегодня* идут в бой ради исполнения своей миссии — *демократического* преобразования аграрных отношений... В сегодняшней Венгрии, таким образом, задачи и проблемы лежат не в плоскости капитализма и социализма, или мелкого и крупного предприятия. Речь идет о том, пойдет ли развитие по “прусскому” или “американскому” пути»²⁷.

Как следует назвать это демократическое решение — реформой или революцией — у Надя не было никакой уверенности. В одной статье он называл «прусский путь», т. е. планы аграрных преобразований, предполагавших доминирование крупной земельной собственности (например, идеи низкопроцентной аренды, правительственные дебаты по земельной реформе в 1939 г.), «аграрной реформой», а передел земли по «американскому пути» — «аграрной революцией». В другой статье он называл первый вариант «буржуазно-феодальным», второй — «пролетарско-крестьянским». Еще в одной работе он определял демократическое решение, т. е. передел земли, как «коренную земельную реформу, дробящую крупное землевладение на мелкие кусочки». Понятно, что во всех трех случаях речь шла об одном и том же. Путаница в словоупотреблении происходила из того внутреннего напряжения, которое

возникало между партийной революционной идеологией и представлениями о будущем, с одной стороны, и реформистскими целями — с другой. Но и в вопросе о «переходном периоде» не было никакой уверенности: как долго должна продолжаться фаза, предшествующая началу «настоящей» пролетарской социалистической революции? В 1930-е годы Надь, как и десятью годами ранее, полагал, что Венгрию ждет длительный переходный период. Критикуя Йожефа Реваи, который в книге «Марксизм и популизм»²⁸ не сводил сотрудничество коммунистов с демократическими силами исключительно к борьбе за земельную реформу, Надь, тем не менее, стоял на коммунистической доктринерской позиции, «предостерегая» от союза с популистами. Полемизируя с Реваи, он, в частности, писал:

«Он пытается обосновать необходимость реформ и неизбежность их проведения тем, что, по его мнению, аграрный вопрос, по сравнению с защитой независимости, остается второстепенным, подчиненным. И поскольку широкие слои населения можно объединить только вокруг реформы, защита независимости требует национального единства — т. е. реформы. Вопрос о революционном решении должен оставаться открытым. Он попал под идеологическое влияние мелкобуржуазных демократов, некритически перенял их взгляды, которые по сути являются взглядами зажиточного крестьянства... Реформа — не наш путь. Революция невозможна! Так чего же мы хотим?»²⁹

Возможно, прав был Эрнё Герё, когда в августе 1939 г. писал об Имре Наде, что среди венгерских товарищей, которые разбираются в деталях (аграрного. — *Я.М.Р.*) вопроса, он один из лучших, но в его работах царит неразбериха, из чего следует вывод: хотя он и читал Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, пока не разобрался в целом ряде политических вопросов³⁰. Впрочем, как можно было в чем-то «разобраться» в Москве 1939 г., в условиях партийных чисток и безжалостной борьбы с «уклонистами», не говоря уже о сюрпризе года — подписания пакта Молотова–Риббентропа?

Новость о нападении Германии на Советский Союз застала Имре Нада в здании редакции Венгерского радио. Не прошло и нескольких недель, как он явился на призывной пункт и 7 июля 1941 г. был мобилизован. Как человек, говоривший на венгерском, знавший страну, объявившую войну СССР, наконец, как проверенный товарищ, работавший в важном, с политической точки

зрения, учреждении, он был приписан к специальному подразделению НКВД, готовившему диверсионные акции в тылу противника. К выполнению каких конкретных заданий готовилось это подразделение, было трудно сказать и тогда, и теперь. Одни полагают, что из них готовили кадровых офицеров для Венгерского легиона, другие — что политруков. Согласно одной заметке от 1942 г. разрабатывался план переброски в Венгрию 12 человек, в их числе Имре Надя, Ференца Мюнниха, Золтана Биро (брата Матяша Ракоши) для проведения «партийной и партизанской работы» в тылу врага — иными словами, организации саботажа и помощи предполагаемому коммунистическому движению сопротивления в стране³¹. Будь этот план осуществлен (до этого не дошло), все трое, несомненно, погибли бы. О дальнейшем прохождении Надем военной службы мы узнаем из автобиографии, написанной в 1943 г. В ней он пишет, что из подразделения НКВД осенью 1941 г. был переведен в Пятый (разведывательный) отдел Генерального штаба Красной армии. Это могло означать, что их группу также готовили для выполнения шпионских заданий. У Надя с товарищами было бы немало возможностей для такой деятельности среди все возраставшего числа венгерских военнопленных. Впрочем, он надолго не задержался в этом ведомстве. Произошла очередная смена в руководстве КПВ в Москве, его положение тоже изменилось.

В 1939 г. руководство партии перешло от покровителя Надя — Золтана Санто к Эрнё Герё, которого в свою очередь в 1942 г. сменил Матяш Ракоши, двумя годами ранее обмененный (после 14 лет, проведенных в венгерской тюрьме) на гонимые знамена, взятые в качестве трофеев царской армией в 1849 г. В последующие полтора десятилетия Герё оставался вторым человеком в партии, ее «серым кардиналом», Санто же был снят со всех постов. В 1939 г. в партийной характеристике Санто (в то время лидер партии) еще считал Надя неспособным к «самостоятельной руководящей работе», — того самого Надя, которого за пару месяцев до начала Второй мировой войны назначил своим заместителем. Теперь Санто сняли, а Надя остался без руководящей работы. В феврале 1942 г. он вернулся к редакционной работе на радио (студию эвакуировали в Тбилиси). В мае 1943 г. Коминтерн прекратил свое существование и его функции перешли к «научно-исследовательским институтам», известным по присвоенным им номерам. Надя числился в штате института № 205, координировавшего радиовещание на иностранных языках. Он стал заместителем главного редактора венгерской радиостанции «Кошут», где под его началом трудились четыре сотрудника³².

Новый секретарь КПВ Матяш Ракоши, который по прибытии в Москву в 1940 г. застал численно уменьшившуюся и дезорганизованную группу венгерских коммунистов-эмигрантов, уже тогда начал готовиться к послевоенному времени, к своему возвращению на родину. После победных сражений под Сталинградом и Курском и наступления Красной армии по всем фронтам следовало ожидать, что КПВ вскоре начнет играть важную политическую роль. Неожиданным образом разрушительные внутрипартийные споры двадцатилетней давности вновь обрели смысл. Главное, в чем ощущался недостаток, были люди. Именно нехваткой кадров в московской организации можно объяснить то, что Ракоши попытался «продвинуть» Имре Надя. Еще в марте 1944 г. Ракоши предлагал поставить Надя во главе радиостанции «Кошут» (Реваи ему требовался в первую очередь в Политбюро ЦК КПВ). Тогда не удалось заручиться согласием советского руководства, но уже 16 сентября 1944 г. Надя занял новую должность³³.

Все это происходило как раз тогда, когда советские войска уже вели бои на территории Венгрии. Немецкие войска оккупировали Венгрию 19 марта 1944 г., приведя к власти коллаборационистское правительство и арестовав всех политиков-антифашистов. В последующие месяцы еврейское население за пределами Будапешта было интернировано и депортировано в лагеря смерти. По всей стране бесчинствовали эсэсовцы. Наблюдая за победами союзников в условиях отпадения Румынии от держав «оси», регент адмирал Миклош Хорти предвидел гибельное для страны военное поражение и пытался спасти положение. В сентябре 1944 г. в Москву с предложениями о заключении мира была направлена правительственная делегация. Однако 15 октября плохо подготовленная, нескоординированная попытка регента выйти из войны провалилась. Ультраправая партия «Скрещенные стрелы» устроила путч, венгерские фашисты фактически отстранили Хорти от власти, установили режим открытого террора и продолжили войну на стороне Гитлера³⁴.

Между тем венгерские коммунисты в как никогда благоприятствовавшей им обстановке собрались для того, чтобы обсудить свою будущую политическую программу³⁵. Многие из участников этих дискуссии затем вернутся в Венгрию, но никогда не получат высших партийных должностей. Имя Имре Надя не встречается в стенограммах этих собраний. Между тем именно он как раз в это время работал над партийной программой земельной реформы, политическое значение которой подчеркивали в проекте программы Реваи и Герё, а также участники дискуссии³⁶. После

всего вышесказанного более чем странно, что из представителей, в лучшем случае, второго эшелона венгерской коммунистической эмиграции в Москве Имре Надь в короткий срок превратился в ключевого министра в первом послевоенном правительстве Венгрии.

А между тем так и случилось. 9 октября 1944 г. Ракоши предложил, чтобы Надь присоединился к Герё, которому ранее было поручено приступить к воссозданию коммунистической партии на территории Венгрии. Герё, Реваи, Надь и Михай Фаркаш вылетели из Москвы 17 октября 1944 г. и через пару дней приземлились в Сегеде, на юге Венгрии, откуда уже через два дня Герё и Надь вернулись в Москву, чтобы дать отчет о впечатлениях, полученных в освобожденных областях. Одновременно они включились в переговоры о заключении перемирия, проходившие между советским руководством и делегацией, направленной в Москву регентом Хорти. В документах МИД СССР, датированных 29 ноября 1944 г., имя Надя фигурирует в списке предполагаемых членов Освободительного комитета — будущего временного правительства Венгрии. С 1 по 5 декабря Надя вместе с Ракоши и Герё пригласили в Кремль, где в ходе дискуссий со Сталиным, Димитровым и Молотовым были окончательно определены персональный состав и основные направления политики формируемого в Дебрецене будущего временного венгерского правительства.

Маловероятно, чтобы в предшествующие 15 лет Имре Надя хоть раз приглашали в Кремль. Наверняка он видел Сталина издалека на парадах 1 мая или 7 ноября. Семейная легенда гласит, что 5 декабря 1944 г. после обмена приветствиями Сталин подошел к Надю со словами: «Поздравляю, товарищ Надь, только что мне сообщили, что Красная Армия освободила Ваш родной город Капошвар!» После встречи Эрнё Герё составил отчет о высказываниях вождя. Там, конечно же, нет никакого упоминания о личном обращении к Надю, зато цитируются слова Сталина о временном венгерском правительстве, что «в него не нужно включать обменянных» (т. е. тех венгерских коммунистов, которые в 1920-е — начале 1940-х годов были вызволены из венгерских застенков советским правительством. — *Я.М.Р.*). «Их будут считать людьми, зависимыми от Москвы. Дома — другое дело. Пусть их выбирает народ». Партийным руководителям Сталин хотя и посоветовал действовать самостоятельно, дал такое напутствие: «Не надо жалеть слов, но и запугивать не надо. Когда достаточно окрепнете, тогда делайте следующий шаг!»³⁷

12 декабря 1944 г. Имре Надь, практически утвержденный на посту будущего министра сельского хозяйства во временном национальном правительстве Венгрии, сел на поезд в Дебрецен — город на востоке страны, уже освобожденный Красной армией. Чтобы быть утвержденным в должности министра, необходимо было создать новый легитимный источник власти — Временное национальное собрание, которое еще только предстояло избрать. Все это было пустой формальностью. Правительство, в которое предстояло войти Надю, было сформировано в Москве, и в данных обстоятельствах вряд ли могло произойти иначе. Даже тогда, когда ни у кого не оставалось сомнений, что война бесповоротно проиграна, Венгрия оставалась верной союзницей нацистской Германии. Согласно договоренности держав-победительниц страна теперь оказывалась в сфере интересов СССР.

Должность министра Имре Надь получил скорее всего не благодаря своим выдающимся способностям, но в силу сложившихся политических обстоятельств. В 1944 г. Матяш Ракоши остро нуждался в партийных кадрах. Во всей Москве тогда насчитывалось от силы 200–300 венгров, и советские работодатели в условиях военного времени не желали отпускать их на родину, теряя рабочие руки. С коммунистами в Венгрии он был знаком плохо: в лучшем случае встречался с некоторыми в 1925–1941 гг., во время тюремного заключения, но не располагал информацией, кто из них до сих пор жив. Партия придавала аграрному сектору стратегическое значение, потому что запланированная реформа должна была стать ее большим политическим успехом. Нет сомнений, что в партии не было никого, кто знал бы сельскохозяйственную специфику (по крайней мере, аграрную политику коммунистов) так же глубоко, как Имре Надь. Мало кто признавал за ним организаторские способности, и только впоследствии выяснится, что их у него вообще не было. В пользу Надя парадоксальным образом говорила его «неприметность». Более яркие коммунистические лидеры предпочитали занять высокие партийные посты — те, что обеспечили бы большее влияние в многопартийной системе, которая получила название народной демократии и соответствовала интересам СССР в Венгрии. Они зарезервировали для себя номенклатурные должности, оставив правительство фигурам поскромнее. Так, Йожеф Габор, еще менее известный, чем Имре Надь, стал министром транспорта, а Ференц Эрдеи, бывший член Национальной крестьянской партии, получил портфель министра внутренних дел. К тому же Молотов во время дискуссий дал ясно понять, что советское руководство не желало бы видеть в венгерском

коммунистическом правительстве евреев из бывших эмигрантов. Это стало еще одним обстоятельством в пользу Надя, который был «христианином». Мнение советских органов (партия, политическая полиция, бывшие члены Коминтерна) значило немало. Против кандидатуры Имре Надя, у которого после чисток осталось лишь небольшое пятно на биографии (то же самое можно сказать про любого коммунистического лидера) и который всегда демонстрировал лояльность ВКП(б), советскому государству и его органам безопасности, не могло быть никаких серьезных возражений. С тех пор как он в 1930 г. приехал в Москву, его положение в партии резко изменилось. Но его партия, некогда представлявшая собой маленькую секту, теперь возвращалась домой как единственный признанный союзник держав-победительниц и готовилась прийти к власти как многочисленная армия.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД К СОЦИАЛИЗМУ

В 1930 г., после поражения в идейном споре Имре Надь покинул родину. В 1944 г. он вернулся домой не потому, что восторжествовала его точка зрения, но теперь он по крайней мере мог сказать, что время доказало его правоту. В 1945 г., как министр сельского хозяйства, Надь получил шанс осуществить великую мечту всей своей жизни, а теперь и мечту коммунистической партии — аграрную реформу. Он полагал, что с этого начнется первый этап мирного вхождения в социализм. В Венгрию после многих лет суровых испытаний Надь вернулся зрелым, скрытным, дисциплинированным человеком с твердыми убеждениями. Советское руководство и пример СССР он принимал полностью и без всяких оговорок. Его вера в возможность человеческого, приспособленного для жизни социализма была непоколебима, даже если это противоречило личному опыту. Он полагал, что социализм как общественная система был не только теоретически возможен, но практически достижим и что людей — и вождей, и их сторонников — можно воспитать, словно жадных до учебы студентов. Именно оптимизм не в последнюю очередь добавлял открытости его суровому облику, приоткрывал защитную оболочку, скрывавшую светлые грани замкнувшегося за эти пятнадцать лет человека, побуждал его открыться новым людям и впечатлениям. Оптимизм Надя объяснялся тем особым, «промежуточным» геополитическим положением, в котором оказалась Венгрия после 1945 г.

В краткий период между победой во Второй мировой войне и началом войны «холодной» Сталин рассматривал буферную зону соседних государств, включая Венгрию, в качестве пояса безопасности между СССР и Западом. На этой территории Сталин обладал всеми необходимыми инструментами политического и военного контроля (первое гарантировали Союзная контрольная комиссия (СКК) под председательством маршала К.Е. Ворошилова

и ВКП*, для последнего служили оккупационные силы), и его конечной целью, по всей вероятности, была советизация региона. Впрочем, этот контроль позволил Венгрии и Чехословакии в течение нескольких лет поэкспериментировать с переходным строем¹. В рамках политической структуры, получившей название «народная демократия», были проведены радикальные преобразования: таковой стала венгерская земельная реформа или национализация некоторых секторов венгерской экономики, которые отчасти шли в русле мировых тенденций (после великой депрессии государственное вмешательство повсюду возрастало), отчасти диктовались тотальным дефицитом послевоенных лет. Повсеместно усилилось влияние коммунистических партий, их представители заняли ключевые посты. Так, в венгерском временном правительстве портфель министра сельского хозяйства был стратегически важен, пост министра внутренних дел был еще весомее, и в 1944–1946 гг. Надь в разное время занимал обе эти должности. Вместе с тем сохранялись черты демократической в основе своей политической системы, где было предусмотрено поле для выражения взглядов и отстаивания позиций, где выборы в той или иной мере были открыты для общественных наблюдателей. Сталин же не спешил раскрывать свои более смелые планы. Современники не могли прийти к единому мнению о том, как долго просуществует новый порядок, станет ли он чем-то вроде «третьего пути», сочетающего буржуазную и социалистическую демократию, как полагал авторитетный социальный философ и современный историк Иштван Бибо² и многие другие, или окажется всего лишь переходным периодом, ведущим к социализму советского образца и сохраняющим, возможно, некоторые центрально-европейские черты. Немаловажным оставался вопрос: если переход, то насколько он растянется — на несколько лет или на несколько поколений?

Имре Надь рассматривал «народную демократию» как длительный период перехода к социализму. По этой причине он считал необходимым защищать ее структуры и институты, будь то ограниченная многопартийная система, сформированный на ее основе парламент и ответственное правительство или до определенной степени автономные структуры гражданского общества. Их следовало сохранить, но поставить в определенные рамки. Нет никаких свидетельств, что, пока Матяш Ракоши и его сторонни-

* Венгерская коммунистическая партия была восстановлена на территории Венгрии в сентябре 1944 г. — *Примеч. переводчика.*

ки — пусть по тактическим соображениям и весьма непродолжительное время — разделяли эти взгляды, у Надя возникали бы с ними непреодолимые разногласия.

Начальная стадия оказалась особенно трудной. На посту министра Надю в первую очередь приходилось проводить линию партии, и как член правительства, он на собственной шкуре почувствовал, сколь узка его юрисдикция, поскольку ее ограничивает тот самый СССР, который ввел его в это правительство. Проигранная война, разруха, выполнение репарационных требований представляли собой колоссальные трудности, в то время как ему приходилось принимать принципиальные решения, которые должны были изменить политический строй.

На внеочередном заседании правительства 17 марта 1945 г. Надь представил проект декрета председателя правительства № 600/1945, суть которого заключалась в том, чтобы «осуществить многовековую мечту венгерского земледельческого населения, подтвердить их древние права и передать им землю в собственность». В преамбуле к декрету акцент делался на отмене «феодалного» крупного землевладения, но и не замалчивались другие цели — явно политического характера. Одной из «главных задач» реформы называлось «сокрушение врагов» нового порядка. Совет министров единогласно утвердил проект, опубликованный в тот же день. Отпечатанный на пишущей машинке чистовик Надь лично отнес в правительственную типографию. Редактор Золтан Сабо вспоминал в 1958 г., что Надь показал ему текст «с нескрываемым торжеством... “Я принес тебе то, что ты с удовольствием напечатаешь”, — сказал он, пожимая мне руку и широко улыбаясь в свои густые усы»³.

Хотя отныне в ВКП Имре Надя называли «министром земельной реформы», его личный вклад (по сравнению с возможностями) оставался минимальным. Основные положения в целом оставили без изменений; пожалуй, несколько смягчили и опубликовали в форме законодательной инициативы Национальной крестьянской партии (НКП). Председатель СКК маршал К.Е. Ворошилов торопился с проведением земельной реформы: он надеялся, что тогда венгерские части, все еще сражающиеся на немецкой стороне, массово сложат оружие. Именно по причине спешки не стали созывать временное Национальное собрание и первый принципиально важный законодательный акт новой власти был оформлен как простое правительственное постановление. Раздача земли началась 29 марта 1945 г. в имени графов Паллавичини в Пустасере.

По легенде, после завоевания территории бассейна Карпат в 896 г.* здесь встретились вожди венгерских племен, чтобы провозгласить свои права на землю. Во время официальной церемонии Имре Надь сравнил земельную реформу с новым обретением родины, и событие это, как бы к нему ни относились, положительно или отрицательно, воспринималось как историческое.

Земельная реформа в первую очередь была мерой политической, имевшей мало общего с экономическим рационализмом в узком смысле этого слова⁴. Ее важнейшей целью, как это неоднократно подчеркивал и сам Надь, было уничтожение системы крупного землевладения, тесно связанной с прежним строем. Однако перераспределение земли затронуло и другие группы. Конфискация владений крупных корпораций была направлена против большого бизнеса и одновременно становилась шагом вперед по пути осуществления антикапиталистической программы коммунистической партии. К тому же у конфискаций была и карательная функция, поскольку они затрагивали владений тех, кто обвинялся в военных преступлениях, включая коллаборационизм — прежде всего членство в союзе венгерских немцев «Фольксбунд» (Volksbund), запятнавшем себя сотрудничеством с Третьим рейхом.

Перераспределение земли проводили комиссары — в большинстве своем молодые коммунисты, — в то время как общее руководство осуществлял министр Надь. Одновременно ему приходилось преодолевать многочисленные трудности, связанные с налаживанием в стране мирной жизни, — обеспечивать начало весенних полевых работ, выполнять требования Красной армии, выходявшие за рамки установленных в официальных соглашениях реквизиционных норм, заботиться о поставках продовольствия городскому населению. К тому же Надь не мог оставаться в стороне от политических споров в правительстве (где он, кстати, жестко отстаивал линию коммунистической партии) и в партийном руководстве. Например, когда коллеги-министры — представители других партий подняли вопрос о полицейских злоупотреблениях, он безоговорочно встал на сторону полиции. Изменения в руководстве ВКП были проведены на партийной конференции в мае

* Год прихода союза венгерских племен в бассейн Карпат — 896 г. — был вычислен Венгерской академией наук в конце XIX в. в качестве условной точки отсчета для определения даты празднования тысячелетнего юбилея этого события. В венгерской традиции оно известно как *honfoglalás*, что на русский язык принято переводить «обретение родины». В ходе торжеств в 1896 г. в Пустасере был установлен памятник вождям семи племен во главе с Арпадом — основоположником первой княжеской (впоследствии — королевской) венгерской династии. — Примеч. переводчика.

1945 г. 25 членов Центрального руководства (ЦР) начали превращаться в своеобразный «партийный парламент», далее впервые был избран более узкий и оперативный руководящий орган — Политбюро, куда вошли пятеро «москвитов» — члены будущей «квадриги» (М. Ракоши, Э. Герё, М. Фаркаш, Й. Ревай) и Имре Надь, шестеро членов Венгерского фронта* (Ласло Райк, Янош Кадар, Иштван Ковач, Карой Кишш, Иштван Кошша, Мартон Хорват) — все главные действующие лица грядущих десятилетий. В число членов секретариата Политбюро Надя уже не включили; там наряду с Ракоши — генеральным секретарем, работали два «москвиты» (Фаркаш и Ракоши) и два представителя Венгерского фронта (Райк и Кадар). Уменьшение политического влияния Надя было очевидно связано с усилением «немосквитов», в первую очередь Райка. Отныне Надь не был единственным членом руководства ВКП, воплощавшим более приемлемый для венгерского общественного мнения тип руководителя ВКП нееврейского происхождения.

Оттеснение Надя на второй план продолжалось в последующие месяцы и годы. Этот успешный и на первый взгляд образцовый министр-коммунист снова и снова вступал в конфликт со своей партией, первое время, впрочем, по весьма незначительным вопросам. Руководство коммунистической партии, аппарат и так называемый актив занимались политическими вопросами неохотно, на одном революционном рвении. Этого Имре Надь понять не мог: ему, в прошлом чиновнику, куда ближе был предсказуемый и неторопливый стиль работы парламентских комитетов и правительственных департаментов. Он с трудом выдерживал рабочий ритм, задаваемый его аскетическими товарищами по партии, без энтузиазма участвовал в постоянных собраниях. Надь все чаще отсутствовал на совещаниях и даже позволял себе не появляться на обязательных мероприятиях, таких как большой митинг 20 августа 1945 г. в Кечкемете, где его присутствие было объявлено заранее⁵. Свою роль играло и то, что его организму оказалось нелегко справляться с гораздо большими, чем когда-то в Москве, физическими и эмоциональными нагрузками, войти в новый ритм жизни. Именно тогда он впервые стал жаловаться на боли в сердце — недуг, который будет сопровождать его всю жизнь. В августе 1945 г. Секретариат ВКП обязал его «незамедлительно пройти медицинское обследование и курс лечения»⁶.

* Венгерский фронт — союз антифашистских партий, образованный в мае 1944 г. в подполье, в условиях нацистской оккупации Венгрии. — *Примеч. переводчика.*

Первые успехи восстановительного периода вскружили голову руководству ВКП. Но Надь и тут шел не в ногу: когда в августе 1945 г. М. Ракоши предложил как можно скорее провести выборы в Государственное собрание, Надь, напротив, предложил повременить⁷. Генерального секретаря и без того крайне раздражал министр сельского хозяйства. 3 сентября в письме к бывшему генеральному секретарю Коминтерна Георгию Димитрову в Москву Ракоши писал:

«У нас сложилась неприятная ситуация с товарищем Надем, который ссылается на загруженность работой и с трудом вовлекается в партийную работу. В своем министерстве он попал под влияние старых бюрократов, а три дня назад нам сообщили, что он направил ноту Союзной Контрольной Комиссии, потребовав у Красной Армии продовольствия и зерна в большом количестве. Эта нота может вызвать недовольство и возмущение, почему мы раньше не предприняли серьезных мер для того, чтобы получить необходимое из собственного урожая. За это его ждет суровое партийное взыскание»⁸.

В ноябре 1945 г., на первых свободных парламентских выборах коммунистическая партия потерпела чувствительное поражение. Она получила всего 17% голосов, в то время как Независимая партия мелких хозяйев (НПМХ), поддержанная странным конгломератом несоциалистических сил (демократы, выступавшие за «третий путь» популисты, сторонники старого режима), набрала 57%. Хотя НПМХ располагала абсолютным большинством, было вновь сформировано коалиционное правительство, в котором Имре Надь занял пост министра внутренних дел. В партии считали, что портфель должен достаться известному своей твердостью Ласло Райку, но его кандидатура была отвергнута партнерами по коалиции. Советские власти информировали исполком НПМХ, что в государстве народной демократии пост министра внутренних дел может занимать только коммунист. Имре Надь стал компромиссной фигурой, устроившей руководство НПМХ, и вошел в кабинет Золтана Тильди, а позднее, когда Тильди был избран президентом республики, проложил работу в кабинете Ференца Надя.

Надю становилось все труднее выполнять поручения и играть роли, не согласующиеся с его характером и образом мыслей. За четыре месяца, проведенные в должности министра внутренних дел, он не добился никаких заметных успехов, что — в свете достижений его преемников (Райка и Кадара), которые без колебаний

поддерживали любые действия государственной безопасности и полиции, — скорее говорит в пользу Надя. Политическая полиция, образованная в начале 1945 г., действовала независимо от министерской бюрократии, в соответствии с инструкциями руководства КПВ и (или) распоряжениями советских властей. Иштван Бибо, возглавлявший в те месяцы отдел подготовки законопроектов Министерства внутренних дел, писал о главе своего ведомства: «Он был очень располагающим к себе человеком, но не умел отдавать распоряжения. Я не получал от него никаких особых директив»⁹. Полицейские акции против «реакционеров» (очень растяжимое понятие, введенное коммунистами в период коалиции и использовавшееся произвольно, против любых оппонентов) не прекращались, и министр Надя, регулярно становившийся объектом резкой критики в стенах Государственного собрания, не мог или не хотел давать отчетов, хотя по закону его к этому обязывал парламентский регламент.

Закон о принудительной депортации этнических немцев разрабатывался в период, когда Надя руководил министерством. В партийных структурах он занимался данным вопросом уже в апреле 1945 г., в то время, когда венгерское правительство еще не получило приказа союзников принять меры против венгерских граждан немецкого происхождения. Соответствующее распоряжение правительства было опубликовано летом 1945 г. Правительство не делало секрета из своего намерения выслать из страны руководство «Фольксбунда» и членов СС; все они уже находились под полицейским надзором или были арестованы. В законопроекте, датированном декабрем 1945 г., исключение делалось только для тех немцев, в отношении которых более раннее расследование доказало их участие в антифашистском сопротивлении. ВКП также рекомендовала, чтобы те венгерские немцы, кто еще до окончания войны поддерживали демократические партии (около 40 тыс. человек), не подвергались депортации. Хотя даже в министерстве Надя раздавались голоса, осуждавшие принцип коллективной вины (например, И. Бибо), в стране не было ни одного политика, писателя или публициста, который не одобрял бы готовящейся депортации. Надя также поддерживал тезис о коллективной вине, хотя и не предпринял никаких мер против несогласного Бибо. Так или иначе, приказ о депортации остается единственным значительным «достижением» Надя на посту министра внутренних дел. Однако партия осталась им недовольна, и в первые недели 1946 г. он подвергся неллицеприятной критике за то, что не очистил администрацию и полицию от «старых реакционеров»¹⁰.

После выборов в Государственное собрание в ноябре 1945 г. ВКП сделала вывод, что ее главная задача — «корректировка» их неблагоприятных результатов всеми доступными внепарламентскими (политическими и иными) средствами. В этой связи начал играть заметную роль созданный в марте 1946 г. «левый блок», в который вошли коммунисты, социал-демократы и представители НКП. Это если и не покончило с коалицией, в которой у НПМХ было 9 из 18 министерских постов, но раскололо ее надвое. Тогда-то Имре Надь понял, что настало время «спасаться бегством». Сославшись на «сильно подорванное здоровье», он 18 марта подал в отставку с поста министра внутренних дел. Надь и в самом деле вскоре перенес операцию по поводу грыжи, но вряд ли это обстоятельство подвигло его на подобный шаг. Скорее, Ракоши со товарищи решили, что далеко не «железный» Надь плохо подходит для создания органа, предназначенного стать «кулаком партии»¹¹.

Похоже, что сам Надь представлял свое место в партийном и государственном руководстве как эксперта-аналитика. Однако ВКП требовались люди другого сорта, и поскольку выяснилось, что Надь — далеко не «универсальный» руководитель, то было неясно, как с ним поступить. Некоторое время казалось, что он нашел свое место: был введен в Секретариат КПВ (курировал сельское хозяйство), руководил подразделениями аппарата (отделом, комитетом), ответственными за работу в деревне, и таким образом вновь стал в партии главным специалистом по сельскому хозяйству. В этом качестве Надь с энтузиазмом и полной отдачей трудился над такими планами и проектами (политика в отношении кооперативов или малых населенных пунктов), которые большинство коллег рассматривали как временные, краткосрочные. Заходила речь о переводе Надя на дипломатическую работу — назначении послом в Бухарест. После выборов в августе 1947 г. он был избран председателем Государственного собрания. В этот по преимуществу протокольный период своей жизни он также не совершил ничего выдающегося. Именно на это время пришлось сворачивание парламентаризма и многопартийной системы в Венгрии. Собственно, этот процесс начался раньше, с ликвидации НПМХ в первой половине 1947 г. и августовских выборов, отмеченных явными и скрытыми нарушениями. За этим последовал отзыв мандатов у депутатов от Венгерской партии независимости — последней значительной силы, противостоявшей коммунистическому перевороту; их судьбу вскоре разделили представители других демократических партий. Ко времени прекращения срока

работы Государственного собрания, в 1949 г., число депутатов не только сократилось на 50 человек, но и среди оставшихся 364 избранных 120 были «новыми лицами», занявшими места исключенных или арестованных парламентариев¹². Ко всему этому лично Имре Надь не имел никакого отношения, но как председатель Государственного собрания, он был вынужден официально представлять перед внешним миром политику принудительного перехода.

В глазах членов собственной партии главная ценность Надя заключалась в его приятных «профессорских» манерах, идеально походивших для того, чтобы внушать доверие крестьянскому населению и интеллигентским кругам. Непохожесть Надя на типичного партийного руководителя бросалась в глаза не только товарищам-коммунистам, критиковавшим его на этом этапе не столько за политические взгляды, сколько за пассивность и замкнутость. То, что посторонним казалось в Наде интересным и располагающим, в партийных кругах вызывало подозрительность и ставило в заведомо невыигрышное положение по сравнению с молодыми, растущими кадрами (по линии сельского хозяйства — Ференц Донат, Михай Эрдеи, Андраш Хегедюш).

Ференц Надь, председатель правительства и член НПМХ, в мемуарах, написанных им в самом начале вынужденной эмиграции, в 1948 г., писал: «В те дни Надь был министром внутренних дел. Изо всех министров-коммунистов его вперед других можно назвать венгром. Он много лет прожил в провинции и усвоил принятую там дружелюбную манеру общения. Его нельзя было назвать крупным политиком, но распоряжения партии он выполнял не раздумывая»¹³. Сходные чувства Надь вызывал у члена НКП Имре Ковача, в 1949 г. писавшего: «Имре Надь не представлял опасности, по возвращении из эмиграции он быстро освоился в новых условиях, действительно любил простой народ, никогда не стыдился своего крестьянского происхождения»¹⁴. Иштван Бибо в цитированном выше биографическом интервью, относящемся к 1970-м годам, отметил разительные отличия: «Во всех коммунистах, вышедших из Москвы, из тени Сталина, было, за исключением Имре Надя, что-то бесчеловечное»¹⁵.

В упоминавшемся докладе Ракоши в Москву тот отметил, что Надь попал под влияние «реакционеров» из бюрократического аппарата. Это означало, что у Надя отсутствовала важнейшая черта коммунистического руководителя — классовое по своей природе, обращенное против всех и вся политическое недоверие. Впрочем, это было не совсем так, по крайней мере сначала. Один из слу-

жащих в Министерстве сельского хозяйства смотрел на нового министра глазами образованного представителя среднего класса.

«Он был здесь полным чужаком. Не только потому, что многие годы прожил в Москве и плохо знал Венгрию, главным образом по работам, которые сам же писал. У него не было специального образования, поскольку крестьянское происхождение — а он всегда с гордостью говорил: “Я сын шомодьского кузнеца” — вряд ли может дать знания, необходимые для организации экспорта сельскохозяйственной продукции... Во-вторых, он был страшно подозрителен. Эту черту он привез из Москвы. В то время в Министерстве сельского хозяйства уже не осталось тех, кто сочувствовал правым, там работали по преимуществу мелкие земельные собственники. Сотрудники происходили из зажиточных городских слоев или были младшими сыновьями небогатых помещиков. К ним-то Надя и проявлял обязательное в таких случаях недоверие»¹⁶.

«Обязательное», но не ко всем и не всегда. Его государственный секретарь Ференц С. Сабо, член Национальной крестьянской партии, писал о своем начальнике: «Он не был угодливым льстецом, который все выполняет немедленно и самолично. Он, так сказать, посвящал нас во все и обо всем спрашивал наше мнение»¹⁷. Золтан Сабо, редактор официального печатного органа Временного правительства, который много времени провел с Надем в 1944–1945 г. в Дебрецене, вспоминал:

«Сидя за одним столом с министром в гостинице «Бика», я узнал Имре Надя как человека с неторопливыми движениями и ровным голосом, который не любил споров и не стремился выделиться. В его натуре было что-то успокаивающее, что объяснялось отчасти отсутствием высокомерия и амбиций, отчасти здравым смыслом, свойственным всем выходцам из Задунавья... Надя отличало то, что он казался искренним человеком... Несомненно, что в группе “москвитов” он был единственным, кто умел так разговаривать с крестьянином или рабочим, что тот признавал в нем “своего”, пекущегося о благе родной страны»¹⁸.

До тех пор, пока эти исключительные человеческие качества требовались партии, КПВ использовала Надя. Он регулярно выступал на собраниях, по радио, в прессе. Тогда же он начал преподавать в Сельскохозяйственном университете и Экономическом колледжуме, выступать с лекциями на бесконечных семинарах.

Он явно получал удовольствие от педагогической деятельности, охотно встречался с людьми, особенно с молодежью, тщательно готовился к лекциям, по многу раз выступал с одним и тем же текстом, написанным по тому или иному поводу. Возможно, именно поэтому Надь стал популярен в студенческой среде, в первую очередь в кругах слушателей крестьянского происхождения, заполнивших университеты.

К 1947–1948 гг. слишком многое указывало на то, что представления о длительном демократическом переходе к социализму уступают место требованию построения — быстро и без всякой жалости — системы сталинского типа. По мере эскалации «холодной войны» у советского руководства явно подходил к концу запас терпения: отличное от советской модели общественно-политическое устройство «прифронтовых государств» теперь рассматривалось как возможная опасность. Представляется, что в тот период сталинское руководство могло удовлетвориться ликвидацией политического плюрализма (в Венгрии на это указывала советская «помощь» в уничтожении Независимой партии мелких хозяев, в том числе факт ареста и содержания в ГУЛАГе в течение десяти лет активиста НПМХ Бела Ковача) и введением более жестких механизмов контроля. М. Ракоши и другие руководители компартии не хотели в полной мере воспользоваться сложившейся ситуацией, при этом они нередко забывали о золотом правиле сталинской политики: семь раз отмерь — один отрежь.

Можно предположить что в 1948–1950 гг. Ракоши не получал от Сталина никаких инструкций относительно внутренней политики. Тогда в них не было необходимости. Как «*homo cominterpicus*», он в своих действиях руководствовался глубоко усвоенными идеологическими и культурными нормами и ценностями. Члены руководства КПВ не знали иной формы общественного устройства, кроме советской модели, и в любой другой системе вели себя, как чужаки на вражеской территории¹⁹. Но вождь народов не доверял им ни на минуту, и в этом причина, почему в 1949–1950 гг. СССР построил в Венгрии собственную, исключительно разветвленную и многообразную систему слежки. Помимо «нормального» дипломатического представительства, военной оккупационной машины и становившихся все более тесными контактов на межпартийном уровне, в государственные структуры, экономику, но в первую очередь венгерскую армию и аппарат госбезопасности внедрялись легальные «советники» и секретные агенты. На этих людях также лежала печать поведенческих норм и идеологических ценностей большевистского движения. К тому же они об-

ладали высокоразвитым чувством военной дисциплины и комплексом превосходства, свойственным советскому гражданину.

Имре Надь оказался на перепутье. Хотя он не мог не понимать, что импульсы к ускорению темпов и построению диктатуры поступали прямиком из Москвы, он все-таки пытался этому противодействовать. В конце 1947 г., во время развернувшейся в коммунистической партии дискуссии о руководящих принципах экономической политики, Надь публично заявил о своем несогласии с официальной линией, убеждая, что нет необходимости форсировать переход к «государственному капитализму». Весной 1948 г., согласно донесению советского посла, он выступил против объединения двух рабочих партий — коммунистической и социал-демократической²⁰. В том же году, с провозглашением политики ускоренной коллективизации, преобразования непосредственно затронули сферу компетенции самого Надя.

В руководстве коммунистической партии, куда он по-прежнему входил, Надь оказывался во все большей изоляции. Те, кто в той или иной мере разделяли его взгляды на переходный период (например, Йожеф Реваи) уже «пересмотрели» свою позицию. В этих условиях Надь пытался по крайней мере сохранить демократический характер аграрной политики и в первую очередь тот слой, который считал самым важным в свете грядущих преобразований, самым ценным в структуре венгерской деревни, — крестьян-середняков. Он также осуждал меры, направленные против зажиточного крестьянства, которое, следуя примеру СССР в коммунистическом движении, традиционно ненавидели и, используя советскую терминологию, называли кулачеством. Согласно мнению Надя речь следовало вести не о «ликвидации» этой группы, но о введении в отношении нее «ограничений». Наконец, он не мог смириться с проведением насильственной коллективизации. Дискуссия по вопросу аграрной политики началась в сентябре 1948 г., примерно в то же время, когда в Польше отстранили Владыслава Гомулку, выступавшего за более длительный «переходный период» и защищавшего национальную специфику²¹. В сложившейся ситуации Политбюро обязало Надя изложить свои взгляды руководству партии²².

Не в первый и не в последний раз в своей жизни Имре Надь подошел к опасной черте. Мнений, расходившихся с линией партии, в те годы не терпели ни в Будапеште, ни где-либо еще в Восточном блоке. Первый секретарь Ракоши был морально готов не только сажать в тюрьму, но и даже приговаривать к смерти по причине возникавших разногласий. Ласло Райк, министр внут-

ренных дел с 1946 по 1948 г., бывший послушным исполнителем воли генерального секретаря, 15 октября 1949 г. был казнен по обвинению в фантастических преступлениях — от шпионажа в пользу империалистических разведок до поддержки отказавшегося покориться Москве югославского лидера И. Броз Тито. Возможно, от подобной участи Надя спасла его наивность теоретика и очевидная из его аргументации преданность делу партии. У него полностью отсутствовала всепоглощающая жажда власти, поэтому ему и в голову не пришло группировать вокруг себя потенциальных сторонников. Весной 1949 г. он обобщил свои взгляды в объемистом исследовании, богато украшенном цитатами из Ленина и Сталина, как если бы речь шла не о политическом вопросе принципиальной важности, но о сугубо ученой полемике где-то в академии марксизма-ленинизма. Теперь его недруги могли быть спокойны: он уйдет тихо, не нарушая партийного ритуала.

Так и произошло 2 сентября 1949 г. после продолжительных дискуссий. Надь принял поражение, не теряя самообладания: он выступил перед ЦР ВКП с самокритикой и отказался от своих взглядов. За этим последовало исключение из Политбюро (пост в ЦР за ним сохранили). На том же заседании новый министр внутренних дел Янош Кадар объявил о подготовке судебного процесса над своим предшественником — арестованным в мае того же года Ласло Райком²³. Докладчиком по пункту повестки дня «об уклонизме Имре Надя» был Ференц Донат — в то время его принципиальный оппонент, который спустя годы превратится в его союзника. Хотя не сохранилось документов, способных подтвердить эту гипотезу, но по всем признакам государственная безопасность готовила судебный процесс над Надем²⁴. Летом 1949 г. Михай Фаркаш в разговоре с советским партийным функционером упомянул, что верхушка ВПГ вплотную занялась вопросами идеологии и в этой связи хочет исключить «т. Надь Имре как явного бухаринца» из Политбюро²⁵. Можно предположить, что Ракоши и его приближенные думали об аресте Надя.

Поскольку Имре Надь входил в узкий круг руководителей, направленных в Венгрию из СССР, для его устранения непременно следовало заручиться согласием Москвы. Однако никакой реакции на материалы дискуссии по аграрному вопросу, которые Ракоши направил советскому руководству, не последовало. Бела Сас — один из свидетелей, проходивших по делу Райка, а впоследствии сам обвиняемый по другому секретному процессу, слышал о планах относительно Надя, и его оценка ситуации представляется убедительной.

«...в случае осуждения любого из венгерских москвитов Кремль, с одной стороны, расписывался в несостоятельности собственных методов воспитания, признавал, что отступники встречаются и в Советском Союзе, с другой же стороны, людей, много лет изолированно проживших в СССР, нелегко было обвинить в связях с западными разведками; пойдя на это, Кремль признавался бы в собственной слабости, позволяя думать, что Запад глубоко прорвал политическую оборону СССР»²⁶.

Проведя в Москве пятнадцать лет, Имре Надь, знакомый с социализмом советского образца не понаслышке, после 1945 г. искал такую «альтернативную модель», которая не порывала бы с отдаленными целями международного коммунистического движения. Потребность в ином варианте советской модели стала следствием длительных размышлений, о чем он долгое время не решался заговорить. В этом Надь не был одинок. Многие (в том числе Дёрдь Лукач и Евгений Варга, Владыслав Гомулка и Георгий Димитров и даже Йожеф Реваи) искали ответ на вопрос, каким отличающимся от советской модели образом и за какой период можно построить «социализм» в странах, входящих в советскую сферу влияния. Некоторое время дискуссии о «характере переходного периода» велись и в Советском Союзе. Те, кто искали иной путь, хотели теоретически обосновать отличия образовавшихся после войны в Центральной и Восточной Европе специфических народно-демократических режимов от советского строя. С одной стороны, они исходили из предположения, что в советском сценарии переходного периода также содержалась известная двойственность: наряду с революционной большевистской экономической моделью (военный коммунизм) в 1920-х годах широко применялись методы новой экономической политики. «Народная демократия», «новая демократия» (сам Имре Надь пользовался выражением «демократические отношения собственности») была гораздо ближе к нэпу, чем к социализму, построенному в СССР в 1930-е годы. Иными словами, социализм оставался конечной целью, однако — никто не скрывал — достижение ее было делом далекого будущего.

Другим аргументом в пользу особого пути оказывалась международная обстановка, сильно изменившаяся после 1917 г. Здесь речь шла не столько о факте существования и геополитическом весе Советского Союза, сколько об изменениях в облике самой капиталистической системы, ее «демократизации», в пользу чего

говорило, например, вхождение коммунистов ряда западных стран в послевоенные коалиционные правительства, законодательное оформление того, что стало известно как «государство благосостояния», вообще расширение государственного вмешательства в экономику, появление отдельных элементов плановой экономики²⁷.

Наконец, третья группа аргументов основывалась на «двойном» отличии центрально- и восточноевропейского региона от России. С одной стороны, эти страны были экономически и социально более развитыми. (В качестве факторов, затрудняющих введение коллективного хозяйствования, Имре Надя ссылаясь на высокое развитие у венгерских крестьян частнособственнического сознания, почти полное исчезновение традиционных общинных форм хозяйственной деятельности.) В этом случае сравнение проводилось с царской Россией. С другой стороны, как раз наоборот: в силу характерных для уровня экономического и социального развития данного региона многочисленных «пережитков феодализма» переход к новому строю должен был проходить постепенно. (Для Имре Нады это означало революционное преобразование, но только после демократической земельной реформы и введения надежной защиты для демократических отношений собственности.) Однако какой бы ни была аргументация, «искатели третьего пути» приходили к одному и тому же выводу: новая, или народная, демократия оказывалась особым, непохожим на советский образец путем, таким же, как революция, но благодаря «освободительной» миссии СССР полностью бескровной или с весьма ограниченным применением насилия. Переход был равноценен революции, но без ее всеобъемлющего характера. «Искатели» видели в обществе стремление к компромиссу вместо поляризации (на этом основывалась теория Нады о венгерской деревне, в которой наблюдался численный рост и повышение удельного веса среднего крестьянства). В этих условиях руководящая роль авангарда, коммунистической партии и коалиций (пусть даже речь шла о существующих псевдокоалициях, в которых доминировали коммунисты) называлась в числе стабилизирующих факторов переходного периода.

«Искатели» альтернативной модели *впоследствии* все до одного, включая Имре Нады, оказались «политическими мечтателями», «политически наивными» людьми, которые пытались основывать свои теории на тактических соображениях великой державы. К тому же им постоянно приходилось доказывать, что они — не подозрительные и клеймимые, как еретики, ревизионисты, по-

этому они постоянно приспосабливались к советскому образу мыслей, понятийному аппарату и формам поведения. Они отрицали свое идейное родство с мыслителями, находившимися вне марксистско-ленинской парадигмы. Поэтому нам сегодня крайне трудно понять, о чем они говорили в 1940-е годы. Тогда же лишь те, кто хорошо знали историю партии, понимали, что речь идет не о чем ином, как о продолжении дискуссий, прерванных в конце 1920-х годов, но в уже новых условиях. На какое-то мгновение показалось, что коммунизм советского образца можно сместить в сторону большей демократии. Имре Надь безоговорочно подписывался под этой идеей, хотя начиная с осени 1949 г. не представлялось ни малейшего шанса для ее осуществления.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Занятый «поисками пути», Имре Надь на некоторое время исчез из публичной политики. Между тем после ликвидации СДПВ на «объединительном» съезде, в июне 1948 г., он вместе с 65 товарищами был избран членом Центрального руководства вновь созданной партии. Большинство из них не оказывали влияния на принятие политических решений, и хотя Надь регулярно посещал все более редкие заседания ЦР, практически всегда хранил молчание. Он стал профессором и возглавил кафедру аграрной политики Будапештского экономического университета. Ученое звание Надь получил примерно за год до своего поражения, а с 1949 г. стал также читать лекции в Сельскохозяйственном университете. Должности заведующих кафедрами в университетах входили в номенклатурные списки постов, подлежавших утверждению партийными органами, и Надь вряд ли получил бы такое назначение без согласия высших партийных чиновников. Впрочем, к концу 1940-х годов эти списки включали более четырех тысяч позиций.

Даже в 1948 г. назначение на должность профессора не могло не быть политическим решением. При этом Надь не соответствовал ни одному из формальных требований к соискателям подобной должности: у него не было не только ученой степени или диплома о высшем образовании, но даже аттестата зрелости. Удивительно, что в ближнем круге его учеников считалось, что университет он окончил в Москве (не исключено, что преподавал?) и там же защитил кандидатскую диссертацию или что-то в этом роде. К 1948 г. внушительный список его не вполне научных публикаций, включавший многочисленные книги, брошюры, статьи и выступления в прессе, служил доказательством серьезной исследовательской работы. Как бывший министр сельского хозяйства, он располагал практическим опытом, которым мог поделиться с университетской кафедрой. К тому же за ним давно закрепилась

слава блестящего оратора. Назначение Надя примечательно с точки зрения начавшейся в 1948 г. реорганизации университета, которая не пошла на пользу ни преподавателям, ни учебному процессу. Новый университет рассматривался в первую очередь как кузница марксистских кадров, где еще в большем, чем в партийных школах, масштабе готовились бы кадры для руководящих постов в экономике.

Как правило, Надя читал лекции по очень подробным конспектам (в этих случаях лекции стенографировались, перепечатывались и передавались ему на утверждение), но нередко собственноручно писал их заранее, точно так же, как когда ему предстояли важные доклады перед партийным руководством¹. Такая тщательность при подготовке к занятиям объясняется как свойствами его характера, так и привычкой, приобретенной в ходе внутривнутрипартийных дискуссий. Даже при отступлениях и импровизациях, неизбежных в лекционном процессе, Надя старательно избегал двусмысленностей или политически невыдержанных высказываний. В своем курсе по аграрной политике он рассказывал об истории предмета (довольно общий историко-экономический обзор, теоретические основания аграрного вопроса), рассматривал опыт решения аграрного вопроса в СССР и Венгрии, но особое внимание уделял взглядам «классиков» на крестьянский вопрос: в первую очередь Сталина, затем Ленина и Энгельса и, наконец, Маркса. В 1948 г. в одной из лекций Надя разделил весь материал на четыре части: теоретическую, политико-практическую, историческую и кооперативную, отметив, что последняя — как важный и очень сложный вопрос — заслуживает открытия специальной кафедры. Впрочем, лекции Надя были посвящены по преимуществу теоретическим вопросам, а также практическим аспектам сельского хозяйства в СССР и земельной реформы в Венгрии. Получалась четкая и логически выверенная конструкция, не допускавшая разночтений и не признававшая исключений.

Профессору Надю были хорошо известны те изменения, которые претерпел университет в период, когда он был принят туда на службу. В разговоре с Анталом Денешем, преподававшим в 1948–1949 гг. в Экономическом университете, а с 1951 г. в Сельскохозяйственном университете, Надя как-то заметил: «Когда ты там работал, можно было открыто высказывать взгляды. В 1949 г. с твоим уходом все переменилось»². До тех пор, пока это было возможно, Надя стремился противостоять однообразию. «Он был хорошим лектором, студенты любили его лекции, которые легко воспринимались на слух. Когда Имре Надя заменял какой-то

другой преподаватель, студентам это не нравилось, поскольку тот говорил ясно и у него был приятный тембр голоса, он всегда готовился к занятиям», — вспоминал Ференц Фекете, его бывший студент, впоследствии — аспирант и ассистент³.

Студенты образовали вокруг Нады круг общения, который до некоторой степени избавлял политика, недавно вернувшегося из Москвы, от одиночества. У Нады не сложилось теплых, дружеских отношений ни с одним из первых лиц в коммунистическом руководстве. Ни с кем из коллег по аграрному сектору ВКП—ВПТ он так и не сдружился. Исключение составляли Лайош Фехер (впоследствии — полулиберальный политик кадаровской эры) и Дюла Надь. Жизнь Нады ограничивалась семьей, в которую в 1946 г. вошел зять Ференц Яноши — бывший протестантский священник, а ныне член коммунистической партии и деятель культуры. Он оставался вернейшим другом Нады до последних дней его жизни. Многие верные друзья и коллеги, а после 1953 г. — политические советники и единомышленники начинали как его студенты, аспиранты и ассистенты. В этой связи в первую очередь необходимо упомянуть доцента Дюлу Уйхейи — ближайшего друга и коллегу Нады, соавтора в издании университетских лекций по аграрной политике⁴. Многие из его студентов, обучавшихся в Коллегиуме Дёрфи или принадлежавших к ассоциации НЕКОС, впоследствии преподавали, в том числе Ласло Хорват, Янош Кешерю, Отто Шанди, Бела Дёрфи, Дюла Надь, позднее Эрнё Чизмадиа, Ференц Фекете, Этелька Берци (в замужестве Кешерю). Большинство из них, вступив во взрослую жизнь, поддерживали отношения со своим профессором⁵.

Несмотря на то что Надю очень нравилась новая работа, она осталась не более чем эпизодом в его карьере. Между тем это был для него едва ли не последний шанс кардинально изменить жизнь и судьбу. Слишком интеллигентный, чтобы побеждать во внутривнутрипартийной борьбе, в университете он получал возможность стать «интеллектуалом-аппаратчиком». Задержись он в высшей школе подольше, интеллектуальные горизонты и круг знакомств непременно расширились бы.

В начале 1950 г. «по призывному слову партии» Имре Надь начал поэтапное возвращение в руководящие органы, хотя и не на самый высокий уровень. Планы относительно его новых назначений стали появляться сразу после того, как он был выведен из состава Политбюро. Уже в ноябре 1949 г. отдел кадров и международный отдел передали в Секретариат ВПТ предложение назначить Нады послом в Китай⁶ как раз тогда, когда победа Мао превратила эту страну во вторую по мощи державу в коммунисти-

ческом блоке. Такое назначение требовало партийного и государственного решения. В этот раз кандидатура Надя была отклонена, но сам факт свидетельствовал о том, что партийное руководство считало «ссылку» Надя на университетскую кафедру временной. В начале лета 1950 г. Эрнё Герё — главный оппонент Надя в дискуссиях 1947–1949 гг. — предложил назначить его ректором Сельскохозяйственного университета и директором Сельскохозяйственной академии в Жамбеке⁷. Из этой затеи тоже ничего не вышло. Однако 1 июня 1950 г. Политбюро одобрило предложение Ракоши реорганизовать по примеру Советского Союза центральный аппарат партии и поставить Надя во главе административного отдела, надзиравшего за работой партийных органов в армии⁸.

Впоследствии, в особенности при Кадаре, этот отдел приобрел большое значение, но в начале 1950-х годов его роль была скромной. Армия подчинялась Михаю Фаркашу, АВХ «находилось в ведении» Матяша Ракоши, поэтому мнение самого последнего советского советника значило больше, чем состоявшего из трех-четырёх сотрудников административного отдела. Лично Имре Надь в качестве главы отдела, судя по его бумагам, был больше занят подготовкой в печать своих университетских лекций, которые в 1950 г. вышли под заголовком «Исследования по аграрной политике». Тем не менее важность этого шага была очевидна всем. В конце жизни Янош Кадар вспоминал: «На одном из заседаний Политбюро Ракоши спросил у меня, как бы я отнесся к возвращению Надя в партийный центр. При этом он выразился так: “Имре Надь — это осколок московского гранита”. Я парировал, что, по-моему, в его отстранении мало пользы»⁹.

В декабре 1950 г. Имре Надь по прошествии четырех лет вновь вошел в правительство в должности главы Министерства продовольствия, вскоре переименованного в Министерство заготовок. В феврале 1951 г. на II съезде ВПТ его избрали в Центральное руководство, затем включили в Политбюро и даже в Секретариат — в то время подлинный властный центр.

Первейшей задачей Министерства продовольствия, созданного в конце 1950 г., было руководство государственными заготовками. Само слово «заготовки» стало обобщающим понятием, обозначающим централизованное изъятие продовольствия в пользу государства и последующее перераспределение на различные цели (потребление, экспорт, создание необходимых запасов). Все это осуществлялось разными путями: через натуральный налог на землю и через обязательные продовольственные поставки, через централизованную закупку сельскохозяйственной продукции по договорным или фиксированным ценам и через особую плату

за обмолот зерна или помол муки и т. п. Власти главным образом прибегали к обязательным закупкам продукции по ценам, которые обычно были ниже себестоимости. Их размеры определялись земельным налогом, который на деле оказывался другой формой предписанных из центра реквизиций. Первые карательные меры против «кулаков» последовали летом 1948 г. К ним были отнесены не только собственники более чем 10 га (впоследствии еще меньшего надела). Даже те, кто имели дополнительные источники дохода от продажи вина или сдачи в аренду молотилки, попадали под определение «классовый враг»¹⁰.

Система заготовок усложнялась с каждым годом, и после беспрецедентно скудного урожая 1952 г. подавляющее большинство крестьянских хозяйств испытывало сильнейшие трудности. Безжалостные агенты без колебаний отнимали и прожиточный минимум, и семенной фонд, не гнушаясь подбирать в амбаре все, до последнего зернышка. Венгрия, никогда не знавшая проблем с заготовками зерновых и в некоторые годы продававшая излишки за границу, теперь оказалась вынуждена импортировать пшеницу. Имре Надь исполнял обязанности, налагаемые на него занимаемой должностью, но не принимал участия в собраниях и все то время, что реквизиции нарастали, оставался довольно безликим администратором. В своих ежеквартальных речах он предостерегал против «перегибов», призывал вместо того, чтобы шарить по чердакам, вести «политико-просветительскую работу» в массах. Однако областное начальство, ответственное за заготовки, и направляемые из Будапешта в деревню министерские комиссары получали иные инструкции, где говорилось о важности выполнения экономического плана, повышении государственной дисциплины и строжайшем выполнении предписанных норм. Не должно было быть никакого снисхождения к расхлябанности, недостаточной бдительности или «вражеской деятельности».

Система заготовок объединила крестьянство в сопротивлении режиму. Специалисты, работавшие с Надем, не могли не видеть, что постоянное повышение требований из центра создавало все большие трудности. Позднее, в июне 1953 г., на заседании ЦР ВПТ Имре Надь так говорил об этих проблемах: «Мы ясно видели ошибки и не старались их замалчивать. Мы всегда выступали против неверных и ошибочных методов Госплана, против неральных производственных планов, против завышенных норм по сбору продовольствия. Мы говорили о проблемах и их возможных последствиях соответствующим партийным властям... Но в ответ не получали ничего, кроме упреков, в первую очередь от Ракоши и Герё»¹¹.

Система заготовок в начале 1950-х годов превратилась в важнейший элемент сталинской экономической политики, которая нанесла венгерскому крестьянству тяжелый урон. Той самой экономической политики, которая с применением грубой силы изымала первоначальный капитал, необходимый для форсированной индустриализации, в первую очередь из сельского хозяйства. Той экономической политики, с которой Имре Надь, судя по его заявлениям конца 1940-х годов, не был согласен. Система отъема продовольствия у населения превратилась в часть социальной политики режима Ракоши, которую лучше всего можно охарактеризовать как «военное положение». Пожалуй, именно теперь, как никогда, для Надя имело смысл посвятить себя преподаванию в университете или даже занять должность ректора, чтобы умыв руки наблюдать за тем, как жизнь подтверждает его правоту, как мелкое крестьянское хозяйство, на которое после земельной реформы возлагались большие надежды, рушится, не выдерживая свалившихся на него ударов (параллельно с заготовками набирала силу насильственная коллективизация). В этом был единственный шанс в будущем избежать худшего.

Случилось по-другому. Надь превратился в безликого исполнителя той аграрной политики, против которой он еще в самом начале восставал в одиночку. Вопрос: почему? Ответ не может быть однозначным. В то время в личности Имре Надя все еще доминировали черты «функционера», безоговорочно преданного «делу партии». После того как партия однозначно осудила его метания и искания, он полагал, что у него нет другой возможности служить делу, кроме как подчинившись, спрятав свои сомнения и даже убеждения. Во все более гнетущей атмосфере, когда одного за другим тайно арестовывали высоких партийных и государственных руководителей, Надь мог опасаться, что открытое противостояние может навлечь беду на его семью. Сфальсифицированные судебные процессы, московские воспоминания и собственная судьба научили Надя тому, что при жизни Сталина не может быть и речи о переменах, но и потом они станут возможны, если сам он «останется на поверхности». Это ему удалось, он даже поднялся на несколько ступенек вверх, в ноябре 1952 г. получив должность заместителя председателя правительства в недавно сформированном кабинете Ракоши. В ведении Надя оказались три министерства, ответственные за сельское хозяйство.

Классический сталинский режим потерпел в Венгрии крах довольно быстро: с момента его окончательного установления не прошло и нескольких лет. Это произошло не вследствие политического сопротивления, но по причине волонтаристской реоргани-

зации экономики, в первую очередь сельского хозяйства. Именно Имре Надь в день смерти Сталина, 5 марта 1953 г., внес на обсуждение Государственного собрания закон об увековечении памяти диктатора¹². Наследники Сталина, прежде всего Георгий Маленков и Лаврентий Берия, ясно ощущали угрозу приближавшегося кризиса и особенно опасались дезинтеграции на периферии советской империи. Во имя стабилизации обстановки они были готовы на ряд реально-политических уступок, например на замедление бездумных темпов «строительства социализма». Берия даже не исключал возможности отказа от восточногерманского «народного государства» ради уменьшения бремени, связанного с ведением «холодной войны»¹³.

В начале июня 1953 г. советское руководство вызвало в Москву венгерскую делегацию во главе с Матяшем Ракоши: трех из пяти заместителей председателя Совета министров (Э. Герё, И. Надя и И. Хидаша), руководителя секретариата Совета министров (Б. Салаи), министра сельского хозяйства (А. Хегедюш), первого секретаря Будапештского горкома партии (Р. Фёльдвари), председателя Президиума ВНР, формально беспартийного И. Доби. 13 июня венгров приняли влиятельнейшие члены ЦК КПСС Г.М. Маленков, Л.П. Берия, В.М. Молотов, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, А.И. Микоян. Для обсуждения было предложено три круга проблем: некоторые вопросы экономического развития, выбор кадров и злоупотребление властью.

Во вступительной речи Ракоши представил дело так, как будто большая часть допущенных ошибок уже исправлена. Однако его собеседники ожидали совсем не этого. «У нас сложилось впечатление, что венгерские товарищи недооценивают свои недостатки», — сказал председатель Совета министров Маленков и назвал ситуацию с сельскохозяйственными кооперативами, перегибы с реквизициями и многочисленные судебные процессы против крестьян. Другие советские руководители тоже говорили главным образом о катастрофическом положении в сельском хозяйстве, негативных последствиях форсированной индустриализации, размахе репрессий. Берия решительно осудил Ракоши за то, что он лично возглавил государственную безопасность, вмешивался в следственный процесс и даже отдавал распоряжения о применении пыток. Он потребовал, чтобы Ракоши уступил пост председателя Совета министров Имре Надю. Хрущев заявил, что Ракоши один несет ответственность за допущенные ошибки. Тот попробовал было оправдаться хотя бы по нескольким пунктам обвинений, ссылаясь на директивы, полученные от Сталина и других советских руководителей, но безрезультатно. Берия несколько раз недвусмысленно

дал понять, что советские товарищи не желают иметь ничего общего с покойным диктатором¹⁴. Участники дискуссии были едины во мнении, что назначение Имре Надя председателем Совета министров ознаменуется решительными переменами в высшем руководстве. Будущий глава венгерского правительства Андраш Хегедюш так описывал сложившуюся ситуацию в своих мемуарах:

«В тот момент мы считали пост председателя Совета министров более важным, чем должность Генерального секретаря, также как мы видели в председателе Совмина Маленкове главу советского руководства. Подтверждением тому стал короткий обмен репликами, когда мы покидали помещение. Имре Надь посторонился, пропуская Ракоши, но тот подтолкнул его со словами: “Иди вперед, Имре, теперь ты главный!”»¹⁵.

Советское руководство по сути дало указание, чтобы венгерские товарищи подготовили письменный план мероприятий по исправлению допущенных ошибок и предложения по кадровым перестановкам в руководстве. Оба документа венгерская сторона подготовила еще в Москве. По настоянию Надя в ряду необходимых мер упоминались уничтожение кулацких списков и гарантированное право на выход из сельскохозяйственных кооперативов. Во время второго раунда переговоров, 16 июня, делегация обсудила проект партийной резолюции с советскими руководителями. Те настаивали на том, что документ должен содержать прямое указание на личную ответственность Ракоши, Герё, Фаркаша и Реваи. По предложению Молотова в текст резолюции включили пункт о возможности роспуска насильственно созданных колхозов.

Весть о забастовке и восстании в Восточном Берлине настигла венгерских руководителей уже в Будапеште¹⁶. Под впечатлением от услышанного Ракоши заявил, что если венгерское руководство не предпримет «немедленный поворот», это грозит «тяжелейшим кризисом». 27 июня на свое заседание собралось Центральное руководство. Ракоши признал свою ответственность за совершенные ошибки, осудил культ личности, авторитарный стиль руководства, практику сосредоточения власти в руках нескольких приближенных к нему людей, дискриминацию кадров венгерского происхождения (т. е. преобладание евреев в руководстве)¹⁷, доминирование партийных органов над государственными. Имре Надь в своем выступлении пошел дальше поверхностной критики в духе Ракоши советских руководителей, ища ответ на вопрос, почему такие масштабные злоупотребления вообще оказались возможны. Он заявил, что «ошибки, за которые в первую очередь несет ответственность товарищ Ракоши как руководитель партии,

проистекают из того, что партия в своей внутренней жизни, руководящих принципах и практической деятельности отошла от основ марксизма-ленинизма, грубо их попрала... Мы нарушили основополагающие принципы народной демократии в том, что касается отношений между партией и государством, государством и массами». Он не употреблял выражения «партийное государство», но говорил о «теневом правительстве» и «полицейском государстве». Экономическую политику он назвал не иначе как авантюристской¹⁸. Однако хотя большинство поддержало резолюцию, для многих ее принятие осталось пустой формальностью: члены ЦР не выказывали никакого желания принять выступление Имре Надя всерьез и хотя бы попытаться понять, в чем «корни ошибок»¹⁹.

Окончательную формулировку резолюции ЦР поручило новому составу Политбюро. Что же касалось вопроса о придании ей гласности, Ракоши еще по ходу заседания получил на этот счет распоряжение из Москвы. Как он впоследствии вспоминал, «товарищи позвали меня к телефону, сказали, что ознакомились с резолюцией, и предлагают не обнародовать ее до тех пор, пока не появятся результаты»²⁰. Так родилось решение, что новую политику провозгласят не через публикацию о заседании ЦР, но на заседании Государственного собрания в качестве программы нового правительства.

Резолюция ЦР состояла из четырех частей. В первой речь шла о допущенных ошибках, во второй — об их причинах, в третьей — о неотложных мерах в экономической политике, в последней же говорилось о необходимых организационных мерах²¹. В первой части отмечалось, что в экономике проводилась сектантская политика, направленная на «социалистическую индустриализацию любой ценой, когда интересы рабочего класса, трудового народа не принимались во внимание. В этих условиях в экономической политике стали проявляться известные черты мегаломании и авантюризма, поскольку форсированное развитие национальной тяжелой промышленности предполагалось проводить на основе источников и сырья, которых не было в нашем распоряжении». Особенно тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве из-за уменьшения капиталовложений, репрессивных мер против неколхозного крестьянства (налоги, реквизиции, штрафы), неоправданного давления на кулачество, ускоренного темпа коллективизации, «ставшего тем большей ошибкой, что внутри партийного руководства товарищ Имре Надь выступил против этого курса, но вместо того, чтобы прислушаться к его доводам, руководство партии несправедливо назвало его позицию «оппортунистической» и применило к товарищу Надю меры взыскания».

В результате резко понизился уровень жизни населения. Общество было парализовано массовыми репрессиями. Личная ответственность за эти ошибки, в том числе за злоупотребление репрессивными методами управления, была возложена на Ракоши, Герё, Фаркаша и Реваи. Необходимо было коренным образом менять экономическую политику партии, снижать темпы индустриализации, прежде всего в тяжелой индустрии, следовало пересмотреть планы развития народного хозяйства и в этой связи размеры капиталовложений. В аграрном секторе предстояло отменить кулацкие списки, существенно облегчить положение неколхозного крестьянства и гарантировать право выхода из кооперативов.

В последней, четвертой части речь шла об организационных изменениях в политическом руководстве. Партийная верхушка видела Имре Надя на посту председателя Совета министров. Фаркаш и Реваи исключались из Политбюро, но в целом его состав не претерпевал существенных изменений. Ракоши по-прежнему занимал должность первого секретаря, а Герё на посту заместителя председателя правительства и министра внутренних дел даже усиливал свою власть.

Что заставило Москву обратить внимание на Имре Надя? Его знали как крупнейшего специалиста по аграрному вопросу в Венгрии, а положение в сельском хозяйстве советские лидеры считали важнейшей причиной кризиса. Москва также нуждалась в таком человеке, которого там «знали», т. е. чье прошлое, склад характера, политические взгляды были бы «предсказуемыми». Имре Надь жил в СССР с 1930 по 1944 г. Более того, именно он в 1948–1949 гг. оказался единственным членом венгерского руководства, который в вопросах реорганизации сельского хозяйства отстаивал — в полемике со сторонниками форсированной индустриализации Ракоши и Герё — принципиально иную «платформу», превратившуюся теперь в глазах Москвы в лекарство от кризиса.

Новое Государственное собрание, избранное 17 мая 1953 г., приступило к работе 3 июля. Утром следующего дня было сформировано новое правительство, после чего Имре Надь выступил с программной речью, запись которой в 8 часов вечера без купюр передало венгерское радио. К тому времени из выпусков новостей стало очевидно, что заседание Государственного собрания и речь председателя правительства (которым в предшествующие годы не уделялось большого внимания) станут заметным событием. Вся страна застыла в ожидании у радиоприемников²².

Речь Имре Надя прежде всего основывалась на третьей части резолюции ЦР от 28 июня 1953 г., посвященной неотложным задачам. Впрочем, он дополнил первоначальный текст и в нескольких

местах изменил политическую интонацию. «С открытием сессии вновь избранного Государственного собрания, — заявил он, — начинается новый этап в нашем развитии, который должен привести к более четко выраженному суверенитету народа, к увеличению роли парламента в жизни государства, в определении принципов и целей ответственного правительства, наконец, в использовании парламентом своих парламентских прав». Исходным материалом для политико-экономического раздела речи также служила упомянутая партийная резолюция:

«Мы должны признать перед лицом всей страны, что завышенные показатели, обозначенные в пятилетнем плане, в целом ряде случаев нам не по силам... Правительство пересмотрит народнохозяйственный план с точки зрения производства и капиталовложений и выступит с предложением о соответствующем уменьшении показателей. Также следует пересмотреть направление развития народного хозяйства. Ничто не может оправдать форсированной индустриализации и попыток промышленной автаркии, в особенности если мы не располагаем необходимыми базовыми ресурсами».

В области аграрной политики Надь пошел дальше партийного документа и провозгласил изменение в стратегии: «Общеизвестно, что наше сельскохозяйственное производство зависит прежде всего от индивидуальных хозяйств... Правительство всеми силами стремится к тому, чтобы укрепить безопасность крестьянского хозяйства и крестьянской собственности». Он заявил, что правительство разрешит частное предпринимательство и выдачу патентов на индивидуальную трудовую деятельность.

Надь также обратился к таким слоям и категориям населения, как старая интеллигенция и верующие, о которых в последние годы говорили в презрительном (если не враждебном) тоне: «Необходимо проявлять большую терпимость в религиозных вопросах. В этой области применение административных методов недопустимо». Затем последовало высказывание, которое запечатлелось в памяти современников дословно: «Следует уделять куда большее внимание народному просвещению, наращивать капиталовложения, увеличивать число школ, классных комнат и преподавателей, чтобы создать как можно лучшие условия для начального образования нашей главной надежды — маленьких венгров». Это несколько сентиментальное выражение — «маленькие венгры» настолько разительно отличалось от привычного партийного жаргона, что все обратили на него внимание. Между тем самая важная

часть обращения, затрагивавшая общество в целом, прозвучала только теперь: «Деятельность правительства во всей своей полноте основывается на закреплённом в конституции правопорядке и законности. Основой нашего народно-демократического государственного устройства, экономической и общественной жизни служит социалистическая законность, строгое соблюдение записанных в конституции гражданских прав и обязанностей и законов нашей народной республики». Перед словом «законность» Имре Надь поставил определение «социалистическая», что большинству слушателей показалось nonsensом. Однако то, что прозвучало далее, недвусмысленно называло все своими именами:

«В деятельности наших судебных и правоохранительных органов, в работе наших местных советов часто нарушался базовый принцип государства и правительства народной демократии — законность... Большое число судебных и полицейских расследований, широкое применение административных санкций, массовые нарушения и злоупотребления, связанные с заготовками, налогообложением, кулацкими списками и тому подобными явлениями, оскорбляли общественное чувство справедливости, ставили под сомнение веру в законность... Порой правильные, справедливые и законные меры осуществлялись так, что вызывали в народе чувство горечи... Укрепление законности — это одна из самых неотложных задач правительства».

Иными словами, речь шла не о чем ином, как о конце войны, объявленной правительством обществу. Подавляющее большинство венгров выслушало обращение с радостью, облегчением и надеждой. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что впервые после 1945 г. из уст коммунистического лидера прозвучали слова, которые одобряло большинство населения страны. Только те, кто извлекали пользу из политического курса предшествующих лет, опасавшиеся за свои большие или малые привилегии, отнеслись к правительственной программе с предубеждением. Между тем Надь ни словом не обмолвился о коренных преобразованиях, об изменении политического строя. Своей целью он видел такое смягчение, корректировку, которая обеспечила бы системе жизнеспособность. Однако это фактически означало, что в условиях фронтального противостояния с обществом даже сталинская тирания не была в состоянии принудить к «построению социализма». Это также предполагало, что коммунизм сам по себе не однороден, но может существовать в виде нескольких вариантов и не исключает реформы и реформаторов. В данных весьма напряжен-

ных обстоятельствах это было огромным шагом вперед. Прежде всего появлялась надежда, что в Венгрии вновь обретают смысл (пусть в усеченном виде) политическая деятельность и дискуссии.

Имре Надь после смерти Сталина не только ждал перемен, но и делал немало для того, чтобы их приблизить. Информация, поступавшая Маленкову, Берии и другим советским руководителям из Венгрии через посла СССР в Будапеште Е.Д. Киселева, могла исходить и от Имре Надя — заместителя председателя Совета министров, курировавшего аграрный сектор. О том, что перемены обретут такой размах, Надь, конечно, помыслить не мог. Когда Государственное собрание в соответствии с решением ЦК ВПТ избрало его на пост заместителя председателя правительства, у него могло возникнуть чувство, что давние убеждения и выстраданная личная позиция наконец-то совпали с политической волей наверху и его идеи могут стать реальностью. Он мог думать, что не зря соблюдал внутривластные правила игры. Ему могло показаться, что возвращение на путь мирного и постепенного перехода к социализму вновь стало возможно — путь, похожий не на дисциплинированный марш под знаменами, но на безболезненный учебный процесс. Венгерское общество в свою очередь обратило внимание на того коммуниста, который, ведя речь о социализме как конечной цели, не забывал о народных нуждах, который хотя и не обещал вывода советских войск, но, рассуждая о народном просвещении, упоминал о «главной надежде — о маленьких венграх» в стране, где несколько лет назад отменили национальный праздник 15 марта, увековечивавший революцию 1848 г. Таким образом, его главный посыл был, несомненно, услышан.

«НОВЫЙ КУРС»

Епустя всего пару дней после того, как Имре Надь провозгласил программу правительства, 7 июля 1953 г., советское руководство вызвало новую венгерскую «тройку» (Надя, Ракоши и Герё) в Москву, где их проинформировали о снятии Л. Берии с поста министра внутренних дел и выдвинутых против него обвинениях. По воспоминаниям М. Ракоши, Хрущев подчеркнул, что «разоблачению Берии во многом содействовало его поведение при обсуждении венгерского вопроса»¹. Ракоши немедленно попытался добиться пересмотра результатов июньских консультаций, но не встретил поддержки советских руководителей. Под впечатлением от поездки в Москву родилась идея созыва в Будапеште 11 июля совещания партийного актива. До сих пор общественное мнение знало об изменении политического курса исключительно из программной речи Имре Нады. Это обстоятельство придало особое значение первому публичному выступлению партии.

На партийном активе первый секретарь ВПТ Ракоши выступил с энергичной, воинственной речью, которую слушатели (прежде всего функционеры, которые, не получив партийных инструкций, в последние дни находились в смятении) приняли благодарно и восторженно, неоднократно прерывали докладчика аплодисментами. Ракоши не уклонялся от критики, но постарался свести ее к минимуму. По поводу повышения в 1951 г. нормативов пятилетнего плана он заявил просто, что их следовало повысить, но, возможно, не так резко. О руководстве ВПТ он, в частности, заявил: «Опыт нескольких прошедших дней убеждает нас в том, что было бы правильнее... объявить о программе преобразований сначала от имени партии»². Речь Ракоши транслировалась по радио, и все те, кто после 1948 г. занимал руководящие посты, проводил в жизнь официальную политику, получал выгоду от новой власти, жадно ловили каждое слово первого секретаря, в особенности когда тот говорил о том, что прежние цели и лозунги остаются без изменений, будь то индустриализация или производственные кооперативы и (повышенная) бдительность. На его

фоне речь Имре Надя могла показаться товарищам безвольной и плохо подготовленной. Он повторил, что резолюция ЦР содержит программу, которой руководствуется в своей деятельности правительство, упомянул об успехах, но не говорил о «нападках врагов» и о проблемах, возникших после провозглашения «нового курса». Вместо этого он рассказал о первых шагах правительства (списание крестьянской задолженности по заготовкам, уменьшение объема обязательных поставок) и изложил суть мер, намеченных на ближайшие дни. Свою речь он закончил, как и начал, признанием важности единства и сплоченности партийных рядов³. После собрания стало ясно: либо партия меняет свою политику с поразительной частотой, либо в высшем руководстве нет единства мнений.

Позднее Имре Надь писал: «Речь Матяша Ракоши на будапештском партийном активе 11 июля 1953 г. показала, что необходимо считаться с сопротивлением в партийном аппарате и в административно-хозяйственных органах управления»⁴. Таким образом, он чувствовал, что собрание в Будапеште — это всего лишь увертюра. Между тем первые практические шаги были сделаны довольно быстро, в том числе объявление ограниченной амнистии, увеличение дозволенного размера семейной собственности крестьян-колхозников до 0,5 га, внесение изменений в план инвестиций 1953 г., снижение цен на продовольствие, пересмотр основных положений бюджета 1953 г. и проч. Не обошлось без споров в правительстве прежде всего о том, нужно ли издавать декреты с такой скоростью. Между тем Имре Надь не терпел возражений, его не страшили заявления некоторых министров в духе Ракоши, что это порождает «неопределенность». Так, министр продовольствия докладывал, что поставки на грани срыва⁵. Но Надь не сдавался. Однако главным центром сопротивления стало Политбюро, которое под руководством товарища Ракоши делало все возможное, чтобы помешать выполнению правительственной программы. В то время как в правительстве Надь мог действовать решительно и энергично, в Политбюро он был неувереннее и осторожнее.

Председатель правительства обратился за помощью к советскому руководству в Москве, откуда через посла Киселева была обещана полная поддержка в осуществлении «нового курса»⁶. Правительству тем временем удалось добиться немалых успехов, в том числе ввести должность генерального прокурора, закрыть исправительно-трудовые лагеря и т. п. На руку Надю было и то, что председатель Совета министров Г. Маленков 8 августа 1953 г. представил Верховному Совету СССР правительственную программу. Остановившись в своей речи на внутренней и внешней

политике, он охарактеризовал меры по смягчению режима, принятые после смерти Сталина. Маленков не говорил открыто о смене курса, но упоминание в речи политики повышения уровня жизни, акцент на легкую промышленность и сельское хозяйство не оставляли сомнений, что после падения Берии возврата в прошлое не будет⁷. Содержание речи Маленкова и избранная им форма обращения (не партийная резолюция, но правительственная речь) только укрепляли позиции Имре Надя в Венгрии.

Он выступил с инициативой расширить Секретариат ЦК ВПТ, состоявший в то время из трех человек, включив в него Михая Фаркаша — недавно вышедшего в отставку министра обороны. Советское руководство не возражало; более того, возможно, что сама идея родилась в Москве. 12 августа 1953 г. Фаркаш был введен в состав Политбюро и Секретариата. Не исключено, что Надю было что-то известно о личном конфликте, вспыхнувшем в 1951 г. между Фаркашем и Ракоши, когда об интригах последнего узнал даже Сталин⁸. До и после перестановок в правительстве в июне 1953 г. Фаркаш неоднократно выступал с самокритикой, фразеология которой поразительно совпадала с критическими речами Надя. Председатель правительства думал, что бывший министр обороны принадлежит к числу его сторонников. Однако в перспективе это решение оказалось ошибочным: такой союзник, как Фаркаш, принимавший непосредственное участие в организации показательных судебных процессов, бросал тень на репутацию Имре Надя.

Ракоши не удалось добиться немедленного пересмотра партийных резолюций конца июня — июля 1953 г., поэтому он предпочел изменить тактику. Он предлагал как можно скорее подготовить серьезный аналитический документ, в котором рассматривались бы причины допущенных ошибок и давались бы рекомендации относительно необходимых корректировок, и только на его основании принимать решение о дальнейших действиях. Надь, со своей стороны, всячески поддерживал идею сбалансированного подведения итогов и был уверен, что оттого ряды сторонников «нового курса» лишь возрастут.

Благодаря сложившейся к тому времени централизованной системе командного управления экономикой политика «нового курса» начала претворяться в жизнь относительно быстро. Причины политического характера лишь ускоряли проведение экономических мер: необходимо было ослабить напряженность в обществе, грозившую экономическим крахом или социальным взрывом. Одни перемены стали очевидны немедленно, другие — лишь спустя длительное время.

Первый пакет реформ был нацелен на то, чтобы часть фонда накопления направить на цели народного потребления. Сокращались капиталовложения в тяжелую промышленность, высвобождавшиеся средства направлялись в сельское хозяйство, легкую и пищевую промышленность, жилищное строительство и сферу услуг. Несколько крупномасштабных проектов, таких как строительство будапештского метро или возведение металлургического комбината в Сталинвароше, были остановлены немедленно. В целом же последствия этой политики начали сказываться через год-полтора⁹.

Второй пакет реформ касался повышения заработной платы и снижения цен. Рост окладов (в среднем на 100 форинтов, или 10–11% в месяц) коснулся 928 тыс. работающих, что составило 981 млн форинтов. Снижение цен в июле 1953 г. потребовало дополнительных бюджетных затрат в 1 млрд форинтов. Последствия не заставили себя ждать: возросшая покупательная способность повлекла немедленный рост потребительского спроса. Необходимые объемы поставок удавалось обеспечивать только благодаря централизованной системе распределения и лишь в той мере, в какой это позволяли скудные товарные запасы. Нельзя было исключать и возможности негативных последствий: первый пакет реформ грозил парализовать экономику, второй — нарушить экономическое равновесие.

Третий пакет реформ был нацелен на уменьшение налогового бремени на население, в первую очередь крестьянство, притом не только путем директив из центра, но до определенной степени с помощью экономических рычагов. Во второй половине 1953 г. положению в сельском хозяйстве было посвящено около полусотни решений правительства. Проблемы промышленности должны были решаться путем установления «более сбалансированных» плановых показателей, т. е. посредством снижения обязательных заданий. В аграрном секторе набор мер был более разнообразным. В первую очередь в июле–августе крестьянам списали или существенно уменьшили сумму непомерно разросшегося долга (включавшего налоги и недоимки по ним). Осенью дошла очередь до мер по повышению урожайности. Так, крестьяне-единоличники, ранее передавшие государству свою землю, теперь могли получить ее обратно. Наделы размером до 12 га не облагались налогом. Началась разработка правительственного постановления, в котором объемы заготовок фиксировались на более длительную перспективу (1954–1956 гг.), в отличие от прежней практики их ежегодного пересмотра. Это позволяло крестьянам лучше планировать работы. И хотя закон был принят только в декабре, т. е. после завершения

1953 хозяйственного года, он немало способствовал облегчению налогового бремени.

Целью как политических, так и экономических реформ было уменьшение напряженности в обществе. Первый пакет был нацелен на существенное ослабление политических и экономических репрессий¹⁰, второй — сделал возможным выход из производственных кооперативов.

Ослабление репрессий началось с меры, копировавшей так называемую «бериевскую амнистию» в СССР, где после смерти Сталина были амнистированы осужденные за уголовные преступления. Следующим шагом должна была стать политическая амнистия. Об этом свидетельствует прекращение следственных действий по так называемому «делу врачей» и освобождение обвиняемых в организации крупного сионистского заговора (на самом деле реабилитация приговоренных по политическим делам в СССР произошла несколько позднее, после завершения борьбы за власть и устранения Берии)¹¹. Венгерская амнистия во многом походила на советскую, ибо касалась только тех, чьи сроки не превышали двух лет, а также малолетних и пожилых преступников. Она изначально не могла распространяться на подавляющее большинство политических заключенных, поскольку приговоры по таким делам предполагали гораздо более длительные, чем два года, сроки заключения.

В то же время ослабление репрессий затронуло многих из тех, кто формально был осужден за мелкие уголовные или «экономические» преступления, но по сути стал жертвой политических «карательных кампаний». Одни были приговорены к штрафам и тюремным срокам за такие «преступления», как задержка с поставками продовольствия; другие — за «плановые преступления», или осуждение за невыполнение установленных планом норм; третьи — за «самовольное оставление рабочего места». Но что особенно важно, отменялись выселения и интернирования — особые формы превентивного политического преследования, применявшиеся против «врагов народа». Этот шаг с полным правом можно назвать ограниченной политической амнистией, о чем не могло быть и речи в любой другой стране, где у власти стояли коммунисты. Осенью 1953 г. прекратил свое существование венгерский ГУЛАГ: исправительно-трудовые лагеря, в том числе лагерь в Хортобадской пусте* для «классовых врагов», выселенных в эту

* Хортобадская пуста — равнинная область близ Дебрецена, один из древнейших районов пастбищного скотоводства в Венгрии. В настоящее время — Национальный парк. — *Примеч. переводчика.*

отдаленную область из больших городов. Отменялась обязательная регистрация по месту жительства. Согласно совместному докладу заместителя министра внутренних дел Ласло Пироша и генерального прокурора Кальмана Цако от 18 ноября 1953 г. так или иначе амнистия затронула «примерно 748 тыс. человек»¹².

27 октября 1953 г. Имре Надь встретился с представителями конференции католических епископов. По нескольким вопросам согласие удалось достичь сразу же. Например, правительство, вопреки своим более ранним намерениям, обещало не сокращать долю государственных субсидий церкви. Государство брало на себя заботу о пожилых священниках, гарантировало денежную компенсацию за национализированные церковные земли, обязывалось вернуть отнятые служебные помещения. Председатель правительства пообещал, что монахам и монашенкам распущенных в 1950-е годы орденов будет разрешено «включиться в производственный процесс». Церкви возвращали конфискованные у нее административно-хозяйственные архивы. В больницах вновь разрешалось соборовать умирающих. Имре Надь пообещал, что издание книг для наставления в вере будет возобновлено. Не удалось договориться о размере тиражей духовной литературы, и не поднимался вопрос о возможном пересмотре приговоров для отбывавших тюремное заключение эстергомского архиепископа кардинала Йожефа Миндсенти и калочайского архиепископа Йожефа Грѣса¹³.

Осенью 1953 г. был облегчен порядок получения патента на частное предпринимательство. Те, кто располагали таким патентом, могли рассчитывать на кредит. В 1949 г. в стране насчитывалось около 200 тыс. мелких предпринимателей, к началу 1953 г. эта цифра уменьшилась в 4 раза, к 1954 г. перевалила за 100 тыс. Правительство устанавливало фиксированные квоты для каждой отрасли, чтобы держать под контролем разрастание частного сектора экономики. Впрочем, эти квоты постепенно повышались.

Одним из важнейших положений июньской партийной резолюции и правительственной программы было право свободного выхода из сельскохозяйственных производственных кооперативов (колхозов). В правительственном заявлении Надь пообещал, что выход станет возможен уже к концу 1953 г. Он подчеркнул, что с принудительным членством покончено, и обозначил курс на укрепление «хорошо хозяйствующих» кооперативов. Однако поскольку в официальных документах не проводилось различий между «хорошими» и «плохими» хозяйствами, весь кооперативный сектор по-прежнему получал государственную поддержку.

Неорганизованный выход из кооперативов начался сразу же после программной речи. В целом ряде мест колхозы были попросту распущены, их члены спешили забрать домой принудительно обобщественный скот и инвентарь. В результате руководство страны столкнулось с дилеммой: применить силу и тем самым положить начало полному краху кооперативной системы или специальным распоряжением обеспечить более весомые преимущества коллективного хозяйствования и одновременно затруднить механизм выхода. В конце концов выбрали второй путь. Согласно министерскому распоряжению, изданному ранней осенью, желающим выйти из кооператива не возвращались их земельные наделы, но на общем собрании решалось, где и какой участок выделить им в виде компенсации. Они обязывались наравне с членами кооператива участвовать в погашении кредитов и выплате иных долгов в зависимости от размеров собственности, внесенной в коллектив, и вдобавок по 50% недоимок с каждого члена семьи. Таким образом, те, кому удавалось выйти из кооператива, выплачивали налог в двойном размере¹⁴.

К концу 1953 г. из более чем 5000 кооперативов распущены были всего 688 (12%), но число их членов уменьшилось с 376 тыс. до 250 тыс. человек. Площадь колхозных земель сократилась к концу года на 25%. Эти показатели продолжали падать и в 1954 г., пусть и не с такой скоростью. Однако кооперативный сектор удалось удержать от коллапса¹⁵.

ЦР ВПТ на своем заседании 31 октября 1953 г. подвел первые, предварительные итоги «нового курса». Отчет М. Ракоши стал личным триумфом Имре Надя: первый секретарь поддержал июньскую резолюцию, осудил прошлые ошибки и детально остановился на случаях сопротивления «новому курсу». Основные показатели плана экономического развития на 1954 хозяйственный год говорили о том, что сторонники Надя одержали победу. Из общего объема капиталовложений (13–14 млрд форинтов) 24–26% направлялись в сельское хозяйство; инвестиции в отрасли, производящие товары народного потребления, выросли по сравнению с предшествующими годами с 37 до 40%, доля национального дохода, расходуемая на повышение благосостояния населения, увеличивалась с 58 до 70%¹⁶.

В конце октября венгерская партия и правительство обратились с письмом к советскому руководству с просьбой о предоставлении 200-миллионного рублевого кредита со сроком погашения до 1957 г. Потребность в кредите объяснялась возросшим долгом Венгрии. В последние годы расходы на развитие тяжелых отраслей промышленности и содержание армии частично покрывались

за счет кредитов. Неурожаи и «реструктуризация» сельского хозяйства вынудили прибегнуть к закупкам продовольствия за границей. Новый советский кредит предполагалось потратить в первую очередь на обслуживание западных кредитов и (в меньшей степени) на погашение задолженности другим государствам социалистического лагеря. В этой связи в декабре 1953 г. в Москве прошел новый раунд консультаций. В итоге венгерская сторона получила всего 100 тыс. рублей. Судя по нескольким более поздним высказываниям Имре Надя, можно сделать вывод, что он, со своей стороны, был более чем доволен политическими результатами переговоров. Советское руководство не только поддержало намеченные изменения в венгерской экономике, но и торопило с их проведением¹⁷. Сходные процессы проходили в других странах Восточного блока.

Для наблюдателя извне перемены в Венгрии не выглядели как основополагающие. Политики и пресса на Западе полагали, что «новый курс» — не что иное, как тактический маневр коммунистического руководства, с одной стороны, направленный на ослабление социальной напряженности, с другой — представляющий собой венгерский вариант советской «модели реорганизации»¹⁸. В такой позиции было рациональное зерно. Даже Имре Надь — самый последовательный из всех коммунистических политиков сторонник «коррекции» — не планировал, что пойдет дальше того, что уже было достигнуто к осени 1953 г. Его речь 23 января 1954 г. в Государственном собрании была, главным образом, посвящена успехам правительства; он лишь кратко остановился на трудностях и не сказал ни слова о планах дальнейших реформ¹⁹.

И все-таки у венгерского пути «коррекции» было две особенности, которые придавали процессу реформ известную необратимость. Во-первых, самокритика режима, хотя бы отчасти, стала достоянием гласности. Во-вторых, перемены в трех сферах — сельское хозяйство, тяжелая промышленность и политические репрессии — достигли такого размаха, что грозили ослабить внутреннюю целостность («когерентность») режима. При этом обострялись противоречия, которые охватывали все новые области политических и общественных подсистем. Например, насильственное изъятие ресурсов из сельского хозяйства, принесение деревни и крестьянства в жертву развитию тяжелой промышленности долгое время определяли характер, организационные формы и принципы работы всей административной машины. Не один год структура промышленности и «философия» управления национальной индустрией определялись задачами непрерывного развития и требованием неуклонного роста количественных показателей. Как

только этот порядок вещей подвергся пересмотру высшим руководством, на более низких социальных уровнях образовались группы интересов, разгорелись дискуссии. Раньше такого нельзя было даже представить.

Еще летом 1953 г. Венгрия, в глазах первого после смерти Сталина советского руководства, казалась «образцово-показательной страной». Когда же борьба за власть в СССР с падением Берии приняла иной оборот, у венгерских противников «нового курса» все в той же Москве появились серьезные покровители. По крайней мере, Ракоши ждал «попутного ветра». Имре Надь не мог не замечать происходящего, но пришел к выводу, что политику «нового курса» следует укреплять изнутри. Изменения в экономической политике следовало дополнить осторожным пересмотром и видоизменением политической системы. В этом процессе ключевым понятием становилась «законность», понимаемая не только как строгое соблюдение существующих законов, но и как исключение произвола из правоприменительной практики. Выдвигалась задача ни больше ни меньше чем реформа структуры политической власти.

Реабилитация жертв сфальсифицированных судебных процессов началась в январе 1954 г., когда из тюрем вышли первые политические заключенные. Имре Надь проинформировал советского посла Е.Д. Киселева, что против бывшего министра внутренних дел Габора Петера возбуждено уголовное дело. «Петер до процесса в трибунале давал показания, что дело Райка и Кадара, как и многих других, было сконструировано самим Ракоши. Все это заставляет нас... еще и еще раз думать, как нам разрядить обстановку и обеспечить к съезду правильные взаимоотношения в Политбюро»^{20*}. Режим Ракоши во многих отношениях был незаконным. Однако в глазах его сторонников и проводников не было ничего более незаконного, чем утверждение: сфальсифицированные процессы были актом беззакония, и за них кто-то должен понести ответственность. Представления Надя о «законности» в самом начале определялись борьбой за «новый курс». Заключив тактическое соглашение с министром внутренних дел Э. Герё, он попытался устранить Ракоши с поста первого секретаря, и реабилитация незаконно осужденных коммунистов казалась лучшим оружием в этой борьбе. Тем самым он выпустил джина из бутылки. Реабилитация превратилась в главнейшую морально-этическую проблему для партийной интеллигенции и активистов.

* Здесь и далее документы из сборника «Szovjet nagyköveti iratok Magyarországról 1953–1956» цитируются в оригинале, любезно предоставленном составителем сборника Магдольной Барат. — *Примеч. переводчика.*

Герё не исключал возможности устранения Ракоши с его поста, но инициатива Надя вызывала у него озабоченность. Он и сам обратился к советскому руководству, правда, в надежде, что из Москвы ответят: все следственные дела закрыть, тех, чья вина недоказуема, выпустить на свободу. Руководству ВПТ придется смириться с тем, что вопрос исчерпан. Рецепт Герё состоял в сглаживании противоречий (что было на руку Ракоши) и подводил к мысли, что «единственно правильным решением» может быть назначение его, Герё, первым секретарем²¹. Политическая борьба в высших эшелонах власти поставила советское руководство в положение арбитра. Надь еще в январе 1954 г. предложил провести новый раунд консультаций в Москве. Формальным поводом служил созыв очередного съезда ВПТ, намеченный на весну. Однако в Москве не видели причин для такой спешки и посоветовали венгерским товарищам отложить совещание и сначала преодолеть свои внутренние разногласия.

В результате обсуждение реальных, практических проблем на съезде весной 1954 г. уступило место открытым политическим столкновениям в высшем партийном руководстве. И Матяш Ракоши, и Имре Надь готовили отдельные отчетные доклады. Ракоши получил задание показать отличия «нового курса» от предшествующего периода. Он надеялся построить свое выступление так, чтобы не пришлось слишком жестко критиковать себя самого за авторитарное руководство. Надь по понятным причинам настаивал на строгой критике последствий тех лет.

В своем отчетном докладе, посвященном вопросам государственного и местного управления, Надь попытался подытожить свои недавние размышления о том, как продолжить политику «нового курса». В конечном итоге «новый» означало (в его собственном понимании) возвращение к «старому» — на «органический» путь «мирного перехода к социализму», с которого страна сошла в 1948–1949 гг. В тезисах доклада Надь особо подчеркивал, что особенностями народной демократии является сохранение некоммунистических партий, коалиционный характер правительства и осуждал вытеснение партнеров по коалиции из политической жизни. Однако он воздержался от того, чтобы открыто предложить вернуть эти формально так и не запрещенные партии на политическую арену. Даже если его рассуждения вели к идее восстановления многопартийной системы, она касалась лишь партий-сателлитов бывшего Левого блока, действовавших теперь под руководством коммунистической партии в рамках Народного фронта. Если учесть, что в Венгрии не осталось и следа политического плюрализма, это уже означало движение вперед. В то же

время Надь признавал, что интересы отдельных классов и групп побуждают власть искать пути их согласования. Впрочем, он подчеркивал, что «Народный фронт должен основываться на демократических принципах»²² и в качестве цели выбирать «осуществление задач народной демократии». Иными словами, он всячески избегал выражения «построение социализма». Очевидно, что в сложившихся обстоятельствах руководство Народного фронта состояло бы из глав партий-попугачиков, но не исключено, что они обладали бы большей самостоятельностью, чем члены правительства Ракоши до июня 1953 г.

Острота политических дискуссий возрастала по мере ухудшения положения в экономике. Партийный и государственный аппарат молчаливо саботировал проведение реформ. Суровая зима 1953–1954 г. обещала скудный урожай, к тому же вызывала постоянные перебои с подачей электричества, поставкой сырья на промышленные предприятия и товаров населению. По мере того как инвестиции в другие страны Восточного блока (вследствие политики, похожей на венгерский «новый курс») постепенно сокращались, надежды на развитие внешней торговли таяли. Правительства соседних стран одно за другим отказывались от экспорта в Венгрию своего сырья и не желали закупать (в соответствии с уже подписанными контрактами) венгерские машины и промышленные товары, но одновременно торопили с поставками венгерского продовольствия. Во втором квартале 1954 г. внешнеторговый баланс страны оказался отрицательным. Звучали предложения обратиться к СССР с просьбой о пересмотре графика кредитных траншей (скорейшем перечислении сумм, запланированных на более поздний период). Эти и подобные проблемы причислялись к негативным последствиям «нового курса» и обостряли споры вокруг экономических вопросов. Например, в феврале 1954 г. Имре Надь предложил отложить пуск Сталинварошского металлургического комбината — одного из самых амбициозных инвестиционных проектов первой пятилетки (1950–1954). Когда же комбинат по настоянию Политбюро был торжественно открыт, это стало символическим поражением для политики «нового курса». Все те круги, которые после временной приостановки строительства в июне 1953 г., казалось, потерпели фиаско, теперь воспрянули духом.

Ранней весной 1954 г. участились нападки на другое приоритетное направление «нового курса» — социальную политику, в особенности в связи с «непомерно возросшим уровнем благосостояния» в сельской местности. Партийные органы на местах буквально завалили центр докладами соответствующего содержания.

Это привело к серьезным спорам о приоритетах второго пятилетнего плана (1955–1959), в особенности о сельскохозяйственных кооперативах. Еще в декабре 1953 г. по инициативе Надя и при участии ведущих специалистов, в том числе его университетских коллег и бывших учеников, была составлена программа развития сельского хозяйства на ближайшие три года, которая тогда же получила одобрение партии²³. Авторы исходили из того, что положение, сложившееся к концу 1953 г., останется неизменным и в длительной перспективе. С января по апрель 1954 г. Политбюро снова и снова пересматривало свое отношение к отдаленным целям и задачам. В результате появилась резолюция, согласно которой доля кооперативов в областях, наиболее благоприятных для земледелия, к концу второй пятилетки возрастала с 18 до 51%. Жаркие дебаты увенчались компромиссным решением: о кампании по коллективизации решили не упоминать, ограничившись «созданием новых кооперативов».

Советское руководство пришло к выводу, что расхождения во взглядах между венгерскими товарищами мешают сохранению внутреннего мира в Восточном блоке как раз в тот момент, когда необходимо сосредоточить внимание на гораздо более важных вопросах. После того как в 1953 г. Маленков объявил об успешном испытании в СССР водородной бомбы, первая половина 1954 г. складывалась для советского «мирного наступления» как нельзя более удачно. Впервые за почти пять лет министры иностранных дел великих держав встретились в Берлине, чтобы обсудить германский вопрос и положение в Индокитае. Предложение СССР о создании единой и нейтральной (притом непременно с «левыми» у власти) Германии было отклонено, но и об интеграции Федеративной Республики Германии в формирующиеся военные и политические структуры договориться не удалось. Членов Президиума ЦК КПСС мало интересовали «новый курс», «коррекция», «социалистическая законность» или специфически-венгерская политическая структура; во всем этом им виделось не более чем сведение личных счетов.

Члены Президиума приняли венгерских руководителей в Москве 5 мая 1954 г. Согласно отчету, подготовленному венгерской стороной по результатам переговоров, советские руководители вновь показали свою осведомленность, но не проявили интереса к деталям. Ни слова не было сказано о создании Народного фронта, о роли мелкого и среднего крестьянского хозяйства в сельском хозяйстве Венгрии или даже об определении содержания политики «нового курса». Куда больше советских лидеров волновало состояние венгерской экономики и борьба за право опреде-

лять направление развития в венгерском руководстве. По первому вопросу Микоян заявил, что как заложенные во второй пятилетний план большие инвестиции в тяжелую промышленность, так и замораживание более ранних капиталовложений являются ошибкой. «Расходы нужно соразмерять с доходами», — заявил он. Каганович добавил: «Вы живете не по средствам. Социализм нельзя строить в долг». О внутрипартийной борьбе за власть Хрущев заметил: «Товарищ Ракоши приукрашивает положение, которое было до июня... Он заявляет, что на критику ошибок его спровоцировал Берия, и думает, что если мы расстреляли Берию, нужно расстрелять и критику. Так дело не пойдет!.. Товарищ Надь впадает в другую крайность. Его оценки верны, но мало видеть одни только ошибки». Решение, предложенное Хрущевым, было на удивление простым. «Товарищу Надю нужно больше говорить об успехах, а товарищу Ракоши — о недостатках. Если так и будет, то люди поймут, что нет двух направлений».

Аналогичным образом Хрущев трактовал вопрос о реабилитациях. Он действительно считал, что безвинно осужденные должны обрести свободу. В то же время он был уверен, что в интересах СССР снять накал страстей в Венгрии. Он не мог не знать, что аресты санкционировал лично Ракоши. Однако от формулы, предложенной Хрущевым в духе всего сказанного выше (Ракоши должен «отнестись к делу по-мужски», исправить допущенные ошибки, но так, чтобы «авторитет товарища Ракоши не пострадал, потому что это и авторитет партии тоже»), было мало пользы. Впрочем, Хрущев добавил: «Если товарищ Ракоши не исправит допущенные ошибки, это должен сделать коллектив, потому что иначе окажется подорван авторитет не только товарища Ракоши, но и Политбюро и партии. Если он не встанет во главе исправления ошибок, то вопрос будет решен через его голову, а для политика это означало бы катастрофу»²⁴.

Ракоши был глубоко разочарован, и не только из-за этих слов. Он, собственно, надеялся устранить Имре Надя с поста председателя правительства. Пока этого сделать не удалось. Однако и Надь не чувствовал себя победителем. Хрущев хотел придерживаться духа июньской партийной резолюции; во имя этой цели он старался соединить две политические линии — желание вернуться к положению до июня 1953 г. и стремление идти дальше. Он не понимал, что это уже невозможно.

ПОБЕДА, ПОРАЖЕНИЕ

24 мая 1954 г. в Будапеште открылся III съезд ВПТ. Речь Имре Надя была посвящена «нерушимому идейно-политическому единству партии и ее руководства», названному докладчиком «гранитным основанием». На съезде, как это вообще бывает на подобных протокольных мероприятиях, не было недостатка в единстве.

Отчетный доклад первого секретаря М. Ракоши был посвящен главным образом достижениям «десяти лет народной демократии». Он лишь вскользь коснулся экономических и политических ошибок, сославшись на то, что большинство из них уже исправлены по следам июньской резолюции 1953 г. Ракоши заявил, что после завершения в 1954 г. первой пятилетки вторая начнется с годичным перерывом, в 1956 г. По поводу принципов второго пятилетнего плана он не сказал ничего, кроме общих мест, но в заключение с воодушевлением произнес, что по его выполнению в 1960 г. «мы зложим основы социализма в нашей стране»¹.

Имре Надь выступил с докладом о двух этапах народной демократии — буржуазно-демократическом и социалистическом. Обилие цитат из В.И. Ленина делали его выступление больше похожим на лекцию в высшей партийной школе. Ближе к концу оратор, тем не менее, сформулировал два политических вывода. Он назвал диктатуру пролетариата «широким классовым союзом», который также включает «интеллигенцию, мелкую буржуазию, непролетарские слои населения, активно участвующих в построении социализма»². Это определение было полемически заострено против сталинской формулировки о неуклонном обострении классовой борьбы. Необходимые рамки для такого союза может предоставить Народный фронт — демократическое по своей природе движение, обладающее представительствами в центре и на местах и допускающее не только коллективное, но и индивидуальное членство. Надь высказался негативно о высокой степени бюрократизации высшего государственного руководства, мелочной регламентации из центра деятельности местных советов.

Одобрив оба отчетных доклада, съезд постановил принять их в качестве руководящих принципов работы партии. Надь высказался за изменения в персональном составе ЦР, но из предложенных им кандидатур съезд избрал только Золтана Санто членом, а Лайоша Фехера — кандидатом в члены ЦР. Таким образом, соотношение сил осталось неизменным, съезд не принял никаких принципиальных решений.

Равновесие, достигнутое к началу III съезда ВПТ, летом 1954 г. по трем важнейшим вопросам (пересмотр приговоров по показательным судебным процессам, экономическая политика и Народный фронт), нарушилось в пользу противников «нового курса». Сразу после съезда Герё заявил, что положение в экономике чрезвычайно серьезное, что инфляцию нужно остановить с помощью экономии, урезания лишних расходов и увеличения норм производительности труда (иными словами, за счет уменьшения заработной платы)³. Переработанный план на 1954 г. Госплан передал 16 июня 1954 г. на рассмотрение Политбюро. Чиновники ведомства отмечали: основная причина экономических трудностей в том, что план на 1954 г. изначально не предполагал структурной перестройки экономики. При этом едва ли не на каждой странице рассуждали о «заметной расслабленности, наблюдаемой едва ли не во всех секторах экономики», «либерализме» и «недостатке государственной дисциплины». Предлагалось ограничить импорт, проводить жесткую заготовительную политику и сократить некоторые социальные расходы. Высказывалось мнение о возможности ограничения свободной торговли сельскохозяйственной продукцией⁴.

Вскоре, когда Надь находился в отпуске, председатель Госплана Бела Салаи передал в Политбюро проект плана на 1955 г. В этом документе вместо роста благосостояния населения приоритет отдавался увеличению капиталовложений, повышению темпов экономического роста (по крайней мере на 5%) и обеспечению положительного сальдо внешнеторгового баланса. План на 1955 хозяйственный год предполагал экономию средств государственного бюджета по крайней мере на 2 млрд форинтов, в том числе за счет сокращения социальных расходов — на 1,5 млрд форинтов. Особо подчеркивалось: «Недопустимо, чтобы соотношение реальных доходов крестьянства и рабочего класса нарушалось за счет последнего». Политбюро в неполном составе (кроме Надя отсутствовал еще Михай Фаркаш) проголосовало за проект Салаи. В резолюции, в частности, говорилось, что для успешного выполнения плана 1955 г. необходимы чрезвычайные экономические меры.

Для детальной проработки этих мер была создана специальная «ad hoc комиссия» из шести человек под председательством Герё. Четыре ее члена принадлежали к числу решительных противников «нового курса», и двое считались сторонниками⁵. Свои первые соображения комиссия внесла на рассмотрение Политбюро уже 25 августа 1954 г. Экономии средств предполагалось достичь путем сокращения расходов на школьное образование, социальную защиту населения. Доходы рабочих и служащих в денежном измерении сокращался в 1955 г. на 3,6%, реальные доходы падали на 8%. По поводу крестьянства в докладе комиссии говорилось: «Необходимо разработать систему мер, которые в первую очередь путем снижения рыночных цен существенно сократили бы доходы крестьянства... При необходимости следует разработать предложения об административных мерах по сокращению денежных доходов крестьянства (повышение налогов и сборов, в том числе введение новых местных налогов и проч.)»⁶.

На заседании Политбюро 28 июля 1954 г. вновь обсуждали вопрос, что, во-первых, в Народный фронт следует включить «партии, которые некогда входили в Венгерский национальный фронт независимости и еще не полностью лишились своих корней»; во-вторых, Коммунистическая партия не должна в нем участвовать. Члены Политбюро отметили обе идеи и сошлись на том, что лояльные политики из бывших коалиционных партий могли бы получить места в комитетах Народного фронта⁷. Судя по заключительному документу, новому движению не отводили никакой политической роли. Структура, задачи и порядок создания Народного фронта были окончательно утверждены 18 августа. Относительно участия церкви использовали форму прежних партий: как организация — нет, отдельные же «преданные народной демократии священники» (конечно, исключительно в случае положительной характеристики от Государственного управления по делам церкви) могут участвовать в работе комитетов Народного фронта на местах. Наконец, решили, что движению не нужна программа, достаточно будет извещения о созыве Патриотического народного фронта⁸.

В первые дни сентября 1954 г. Имре Надь вернулся из отпуска. На заседании Политбюро ВПТ 8 сентября 1954 г. он подчеркнул, что недавние решения прямо противоречат общей политической линии «нового курса». Он раскритиковал проект документа, извещавшего о создании Отечественного народного фронта, и назвал меры, предложенные «ad hoc комиссией», непродуманными. Большинство членов Политбюро немедленно приняли сторону Имре

Надь (с точностью до наоборот, в сравнении с летом), сам же он рвался в бой⁹. На ближайшем заседании Политбюро, 15 сентября, премьер заявил: в экономической политике столкнулись две концепции. «Согласно одной мы — “страна железа и стали”, согласно другой — “страна нового курса”»¹⁰. 1 октября 1954 г. на неоднократно откладывавшемся пленуме ЦР ВПТ сторонники «нового курса» одержали, наконец, политическую победу по вопросу об экономической политике. В речи Золтана Ваша прозвучали даже некоторые идеи, сформулированные группой профессиональных экономистов, работавших над проектами реформ. Так, они резко критиковали централизованную командную систему плановой экономики и предложения привязать цены и заработную плату к закону о стоимости¹¹. На заседании Имре Надь говорил о том, что необходимо положить конец нестабильности, промедлениям и недвусмысленно заявить, что партия стоит на платформе июньской резолюции и «нового курса». Прежняя экономическая политика «не обращала внимания на трудящиеся массы», с этим больше мириться нельзя, о понижении уровня жизни населения не может быть и речи. «Что же это за социализм, если он не дает куска хлеба?» — вопрошал он¹².

После заседания Ракоши отправился в Москву «на лечение» и пробыл там до конца ноября. Герё с начала сентября по сходным причинам почти не вникал в вопросы текущей политики. Поступки Надь в эти дни свидетельствовали, что с 1953 г. он вырос как политик. Он опубликовал партийную резолюцию в газете «Сабад неп» и организовал кампанию в прессе, торопил с подготовкой проекта экономических реформ. В секретариате правительства первый дискуссионный вариант был разработан уже в октябре, а к концу ноября более узкая рабочая группа написала документ (около 150 с.), озаглавленный «Тезисы о формировании рабочей программы экономической политики»¹³ — в то время так и не осуществленную программу реформ. Председатель правительства также попросил других экономических руководителей дать экспертную оценку и высказать предложения по реструктуризации. Он приступил к реорганизации руководства экономикой, сопровождавшейся кадровыми перестановками. Фигуры из ближайшего окружения Эрнё Герё, до сих пор определявшего экономическую политику (Бела Салаи, Иштван Фриш, Андраш Хегедюш и др.), лишились своих должностей. Сам Герё пока сохранил свои позиции, но в начале октября Надь поставил в известность советского посла Ю.В. Андропова: «В партии считают Герё непосредственно ответственным за ошибки, допущенные в области

экономической политики»¹⁴. На правительственные должности стали назначать людей, которых с Имре Надем связывали узы дружбы или годы совместной работы. Но в целом ему до сих пор приходилось в значительной мере опираться на партийные кадры, знакомые по московской эмиграции. Именно их он намеревался ввести в состав Политбюро в качестве противовеса более молодым сторонникам Ракоши и Герё (Лайош Ач, Бела Салаи, Иштван Хидаш, Иштван Бата, Бела Вер), избранным в высший партийный орган в начале 1950-х годов.

После консультаций в Москве в мае 1954 г. начался пересмотр приговоров по делам политзаключенных-коммунистов¹⁵. Большинство, в том числе Я. Кадар, вышли на свободу летом, целый ряд жертв были реабилитированы посмертно. Ключевое значение приобрело дело Ласло Райка. Расследование показало, что все обвинения, послужившие основанием для смертного приговора в октябре 1949 г., — откровенная ложь. Однако признаться в этом было невозможно, потому что из-за международных (прежде всего советских) интересов и прямого вмешательства в дело Ракоши пошатнулись бы основы сталинистского режима. Ракоши любой ценой пытался прекратить начавшийся процесс. Причастные к беззаконию руководители АВХ пытались переложить вину сначала на главу ведомства Габора Петера, затем — на Михая Фаркаша. Одновременно предпринимались попытки доказать, что даже если Райк и его товарищи не были «предателями» и «шпионами», они не перестают оставаться преступниками. Надь прилагал все усилия для реабилитации группы Ласло Райка, но без согласия на то советского руководства не смог добиться даже того, чтобы назначить дату пересмотра дела. В начале ноября 1954 г. Надь приступил к подготовке политической амнистии и для этого запросил у генерального прокурора информацию о состоянии вопроса и о наиболее важных находках. Он также отдал приказ провести служебное расследование о причастности к фабрикациям, прежде всего в рядах сотрудников органов государственной безопасности. В его намерения входило распространить амнистию на социал-демократов. 19 ноября выпустили на свободу (точнее, под домашний арест) крупнейшего лидера венгерской социал-демократии Анну Кетли¹⁶.

Осенью 1954 г. на улицах Будапешта стали появляться освобожденные из тюрем коммунисты. Арестованный в 1951 г. Янош Кадар — за годы заключения он похудел и волосы его поредели — промелькнул в кадрах кинохроники, в репортаже о создании Отечественного народного фронта. Однако партия продолжала хранить

молчание. О решимости Надя говорил тот факт, что он предал гласности результаты расследования, прежде строго засекреченные. В газете «Сабад неп» от 20 октября 1954 г. он писал, что «июньские партийные резолюции претворяются в жизнь, помимо прочего, в реабилитациях, в том, что мы вытаскиваем из тюрем наших невинно осужденных товарищей, возвращаем их для партии, для жизни, для работы. Серьезные ошибки в этой сфере должны быть исправлены, и мы исправляем их. Кто невиновен, должен выйти на свободу... У партийного руководства было и остается достаточно сил, чтобы совершенные в прошлом грехи никогда не повторились в будущем». Надя не считал вопрос о реабилитации закрытым и однозначно вел речь не только и не столько об ошибках, сколько о «грехах». В конце статьи звучала мысль, что в будущем партийному руководству, «которое оторвалось от широких масс» и считало их «незрелыми», необходимо информировать общество о важных вопросах государственной политики и шире привлекать к ее выработке рядовых членов партии. Речь, таким образом, шла ни больше ни меньше как о том, что вслед за демократизацией руководства следует приступить к демократизации партии в целом. Надя напрямую обращался к партии с призывом поддержать его и его курс¹⁷.

I съезд Отечественного народного фронта открылся 21 октября 1954 г. в Будапеште. Обратившись с трибуны съезда к делегатам, Имре Надя заявил: «Центральное Руководство Венгерской Партии Трудящихся и правительство положили конец неопределенности... Июньская политика восторжествовала, и планы тех, кто предрекал ее провал, потерпели позорное поражение»¹⁸.

Временное затишье, наступившее в борьбе за власть в Москве, вряд ли играло заметную роль в наступлении, которое повел Надя. Успеху «нового курса» в первую очередь способствовали самоотверженность Имре Надя, раскол, споры, идейные искания в венгерском руководстве. Осенью 1954 г. появился новый политический фактор — общественность, поскольку абсолютный контроль за общественным мнением ни внутри, ни вне партии больше не работал. И там, и там сторонники Надя были в большинстве. Еще недавно находившийся в изоляции премьер собрал вокруг себя в аппарате правительства группу сторонников. Никогда ранее ему не удавалось с такой легкостью сходить с людьми, привлекать на свою сторону, убеждать в своей правоте. Ракоши и его окружение после 1947 г. разучились вести себя в обстановке политической конкуренции, а в самой партии им никогда не приходилось защищать свою позицию в открытом идейном споре. Их реакция

была раздражительной и неуклюжей, что лишь усиливало позиции сторонников «нового курса». Однако период успехов продлился недолго, не более двух месяцев.

Провал «нового курса» прежде всего принято объяснять внешними факторами — соотношением сил в Кремле, охлаждением международной политической атмосферы осенью 1954 г. На самом деле, с точки зрения внешней политики и государственной безопасности, венгерский «новый курс» почти никак не затрагивал интересы СССР. Надь передал вопросы национальной обороны любимцу советского руководства министру Иштвану Бате (о сокращении численности венгерской армии удалось договориться еще в июне 1953 г. в Москве). Внешнеполитических инициатив Надь не выдвигал. Международные последствия были неоднозначными. В октябре 1954 г., как раз во время созыва съезда Отечественного народного фронта, был фактически решен вопрос о вступлении Федеративной Республики Германии в НАТО. На тот момент подготовка к подписанию Варшавского договора велась около полугода. Параллельно со временным обострением германского вопроса усилились факторы, способствовавшие разрядке международной напряженности. Между СССР и Западом не прекращались консультации на уровне министров иностранных дел, всюю шла подготовка к примирению с титовской Югославией. И все-таки вступление ФРГ в НАТО вызывало в памяти советских руководителей, всегда уделявших особое внимание традициям и аналогиям, угрозу аншлюса. В их глазах, Венгрия с легкостью могла превратиться в прифронтовое государство. Даже в случае подписания Австрией государственного договора и декларации о вечном нейтралитете (об этом осенью 1954 г. еще нельзя было говорить с полной уверенностью) западная граница Венгрии превращалась в западную границу советского военного альянса. В этой ситуации СССР был заинтересован во внутренней стабильности страны куда более, чем в 1953 г. или весной 1954 г.¹⁹

Надь в первую очередь искал опору в проявившихся в советской политике тенденциях к десталинизации, которые хотя бы отчасти совпадали с его попытками реформ 1954 г. Кроме того, он свято верил, что это придадо бы режиму бóльшую стабильность, чем если бы Ракоши, придя к власти, пустился в новые экономические авантюры или позволил себе полномасштабное использование методов и инструментов полицейского государства. Ракоши объяснял наметившуюся дестабилизацию тем, что «новый курс» — это «отклонение». Его поездка в Москву осенью 1954 г. была, возможно, не чем иным, как попыткой повлиять на позицию советского руководства. Имре Надю, напротив, говоря

словами Т. Хайду, «и в голову не приходило, подобно Ракоши, без приглашения отправиться в Москву, заявиться в Кремль, привлечь к себе внимание и попытаться денонсировать Ракоши»²⁰.

«Новый курс» в полном смысле этого слова всколыхнул венгерское общество. Первые признаки появились уже летом 1953 г., когда деревня первой откликнулась на ослабление репрессий — открыто и спонтанно. Во второй половине 1954 г. центр активности переместился в Будапешт. Теперь, наряду с жертвами политических репрессий, все отчетливее звучал голос тех, кого власть ставила в привилегированное положение — еще недавно послушных проводников воли партии писателей и ведущих журналистов. 4 июля 1954 г. в Берне сборная Венгрии по футболу («золотая команда») проиграла сборной ФРГ со счетом 3:2 финальный матч за звание чемпиона мира. В последующие дни в городе прошли многотысячные демонстрации, вызванные отчасти разочарованием от поражения своей «золотой команды», отчасти ложными слухами, будто игроки, тренеры и даже государственное руководство были подкуплены. Ходили слухи, что партийные боссы «продались» за 50-ю модель «Мерседеса». По иронии, Венгрия действительно впервые закупила такие автомобили, и в них, конечно, ездили партийные и государственные деятели²¹. На самых разных спортивных состязаниях (например, на универсиаде или советско-венгерском матче по водному поло) неоднократно происходили антисоветские выпады²². Спонтанные манифестации не ограничивались стадионами. Осенью 1954 г. в знак протеста против выселения из самовольно захваченных квартир сотни, а временами тысячи людей стихийно собирались у зданий районных советов²³. Дело нередко доходило до столкновения с органами правопорядка. Ранней осенью сторонники «нового курса» переместились на поле политической публицистики, где наряду с «Иродалми уйшаг» («Литературной газетой») тон задавал еженедельник Министерства народного просвещения «Мювелт неп» («Образованный народ»). Союз венгерских писателей выступил с инициативой социографического изучения страны. В ноябре 1954 г. пятнадцать молодых писателей обратились к партийному руководству с петицией «О венгерской молодежи». В документе звучала критика монолитной молодежной организации «Союз трудящейся молодежи» (ДИС), говорилось о бессодержательности и бюрократическом стиле ее работы²⁴. С 22 по 25 октября 1954 г. партийная организация газеты «Сабад неп» провела трехдневную конференцию, настрой которой лучше других выразил в своем выступлении Тибор Мераи: «В этой стране ощущается потребность в очистительной грозе, которая бескомпро-

миссно смое т грязь и скверну, сметет всякое сопротивление и зло вообще». Резолюция съезда требовала поименно назвать организаторов противодействия «новому курсу», привлечь рядовых членов партии к обсуждению политических вопросов²⁵.

Надь и идеологи «нового курса» пассивно и даже с опаской взирали на приходящее в движение общество. Находившийся на лечении в Москве Ракоши время от времени навещался то к одному, то к другому партийному руководителю, пересказывая новости с родины, и те начинали взирать на Венгрию со все возрастающей озабоченностью. Их особое внимание привлекли речь Надя на учредительном съезде Отечественного народного фронта и его статья в газете «Сабад неп». Позднее Ракоши вспоминал: «В конце концов советские товарищи согласились: то, что Имре Надь и его сторонники творят в Венгрии, направлено против партии и народа, и с этим пора кончать»²⁶.

Матяш Ракоши вернулся в Будапешт 29 ноября 1954 г. и через два дня на заседании Политбюро ВПТ пошел в наступление на «новый курс». Он заявил, что Венгрия создает серьезные проблемы социалистическому лагерю и виноват во всем Имре Надь. Статья, опубликованная премьером 20 октября в газете «Сабад неп», и процесс реабилитации в целом могут быть обращены против партии, лично против Ракоши и даже против Советского Союза. Нужно действовать без промедления, потому что если «исправление таких ошибок затянется не на одну неделю», это станет свидетельством слабости партии. В первую минуту Имре Надь отреагировал с несвойственной ему твердостью. Он, как того требовал ритуал, согласился, что к критике советских товарищей необходимо прислушаться, но политическую ситуацию назвал «такой стабильной, какой она никогда не была за прошедшие пять лет»²⁷. От своего мнения Надь не отказался и на ближайшем заседании Политбюро, 9 декабря 1954 г. Поскольку его члены не без колебаний, но приняли позицию Ракоши, у Надя оставалась только надежда на более широкий орган — Центральное руководство, где ему в октябре уже удалось одержать победу. Однако Ракоши предложил провести еще один раунд «консультаций» в Москве. После продолжительной дискуссии его точка зрения восторжествовала²⁸.

8 января 1955 г. все девять членов Президиума ЦК КПСС сели за стол переговоров с венгерской делегацией в составе Ракоши, Надя, Ача, Салаи и Фаркаша. Позиция советского руководства была предельно ясна: в не терпящей возражений манере и не стесняясь оскорбительных выражений, они обвинили во всем одного

Имре Надя. Звучали определения: «не коммунист», «мелкобуржуазный», «агрессивное» поведение, бухаринские взгляды. О состоянии венгерской экономики, за исключением нескольких общих мест, всерьез речь зашла только в двух случаях. Во-первых, в связи с пресловутой статьей Надя в «Сабад неп», которую назвали фракционной платформой, раскалывающей единство партийных рядов. Во-вторых, после признания Надя, что он больше не может работать с Ракоши. Президиум счел такое заявление неприемлемым. Хрущев заявил: «Даже Ваша отставка с поста и молчание окажутся направлены против партии. Молчание будет означать: я слаб, хотел как лучше, но мне не позволили»²⁹. Хрущев не хотел, чтобы Надя уходил с поста, но требовал от него самокритики и участия в исправлении ошибок.

Вновь, как в июне 1953 г., венгерская делегация еще в Москве подготовила состоявшийся из восьми пунктов проект резолюции. Там, помимо прочего, подчеркивалось, что в основе экономической жизни лежит индустриализация, что необходимо наращивать число производственных кооперативов. В документе содержались пространные рассуждения о гражданской дисциплине, повышении производительности труда, воспитании молодежи (в особенности спортсменов) в духе пролетарского интернационализма и тому подобных вещах. Резолюция содержала следующее принципиально важное заявление: «Следует пресекать любые попытки поставить под вопрос деятельность партии до июня 1953 г. или умалить достигнутые в то время великие достижения»³⁰. Иными словами, «новый курс» закончился в январе 1955 г. в Москве. Измученный и раздавленный, Имре Надя вместе с остальными членами делегации поставил свою подпись под документом, выносившим смертный приговор его убеждениям. От него самого требовалось только лично объявить на очередном заседании Центрального Руководства о прекращении своей политики.

Однако Ракоши испытывал разочарование, потому что рассчитывал на снятие Надя с занимаемой должности еще в Москве. Вскоре эта оплошность оказалась роковым образом исправлена. 1 февраля Имре Надя пережил инфаркт и наверняка получивший соответствующие инструкции врач предписал ему строгий постельный режим. Он оказался под фактическим домашним арестом, лишенный возможности вмешаться в происходящее. В этом время Ракоши взял в свои руки председательство на заседании ЦР. Ни у кого не осталось сомнений, что он выступит с докладом, объявляющим об окончании политики «нового курса». Заседание Центрального руководства состоялось, наконец, 2 марта 1955 г.

На нем присутствовал один из секретарей ЦК КПСС, М.А. Суслов, хотя никогда ранее советские партийные руководители не появлялись на официальных заседаниях органов венгерского партийного руководства. Доклад Ракоши отличался от текста составленной в Москве резолюции только тем, что называл виновного — Имре Надя. В начале трехдневного заседания некоторые члены ЦР выразили свое несогласие, но в конце концов появилась единогласно принятая резолюция с осуждением правого уклона, грозившего партии и социализму³¹. Надь направил собранию письменное заявление, в котором дал ясно понять, что не желает отречься от своих политических убеждений³².

Политическое поражение стало для Имре Нады стрессом, вызвавшим 8 марта второй, более серьезный инфаркт. На следующем заседании ЦР была единогласно принята новая резолюция, где утверждалось, что его «антимарксистские, антиленинистские, антипартийные взгляды превратились в систему» и для ее воплощения Надь не гнушается прибегать «к неприемлемым, откровенно вредным для партии, даже фракционным методам», поэтому партия исключает его из Политбюро и освобождает ото всех занимаемых должностей³³. Сессия Государственного собрания 18 апреля сместила Надя с поста премьер-министра и избрала главой правительства Адраша Хегедюша. За этим последовало лишение парламентского мандата, поста в руководстве Отечественного народного фронта, звания профессора, членства в Академии наук. Реставрацию можно было бы назвать полной, не хватало только — в соответствии со сталинским каноном — детальной (само)уничжительной самокритики Имре Нады.

Надь и его сторонники изначально не мыслили в категориях слома или видоизменения сталинской модели, они просто хотели замедлить слишком быстрые темпы ее построения, вернуться в прежнее медленное, но верное русло. Они полагали, что до начала 1953 г. Венгрия в своем развитии при «переходе к социализму» перескочила через одну ступень. Точнее, что так называемый народно-демократический переходный период оказался непродуманно сокращен, и вместо него восторжествовала политика, характерная для последующего, более развитого периода. У этой теоретической модели был, тем не менее, один серьезный недостаток, обнаружившийся в процессе практической деятельности. После 1947–1948 гг. в венгерской политике, экономике и обществе произошли глубокие изменения. Для начала Имре Надю нужно было (бы) изменить всю существующую систему.

После того как в соответствии с рекомендациями, данными в 1953 г. в Москве, в Венгрии провели частичную либерализацию («коррекцию») режима, напряженность в стране заметно ослабла. Один из возможных сценариев предполагал остановиться на достигнутом, скорректировать руководство и сохранить систему без изменений. Но дело приняло иной оборот. В середине 1954 г. проявились признаки нового кризиса в экономике; дебаты вокруг экономической политики, не прекращавшиеся с лета 1953 г., к концу года переросли в открытый политический конфликт. Это нельзя объяснить иначе как природой самого режима. По мнению экономиста Яноша Корнаи, сила сталинского режима «в сплоченности, но в этом же его слабость. С долей преувеличения мы могли бы сказать, что сталинизм плетет такую ткань, что если потянуть за одну ниточку, раньше или позже расплетется все полотно»³⁴. Реформаторские устремления привели к противоположному результату. Они не устраняли препятствия, но расшатывали систему. Попытки исправить положение венчались новыми трудностями: на том же самом (или в совсем другом) месте появлялись новые, нередко более серьезные сбои в работе. Обратной стороной видимой сплоченности становилось полное отсутствие гибкости. К началу 1954 г. Имре Надь и его политические сторонники вели битву не на жизнь, а на смерть с противниками даже самых умеренных корректировок. Он попытался было перейти от исправления ошибок к реформам (в полном смысле этого слова) но потерпел поражение и весной 1955 г. был снят со всех постов.

Наиболее важным историческим итогом борьбы 1953–1955 гг. стала полная и окончательная утеря венгерским сталинистским руководством уверенности в себе. Вслед за показной самокритикой, исправлением допущенных ошибок, поиском альтернатив сначала отдельные партийные руководители, затем аппарат и, наконец, все более широкие слои партийной интеллигенции оказывались вовлечены в процесс переоценки ценностей, самокритики и ревизии³⁵. В этот период высшее руководство ВПТ голосовало «то так то сяк», неизменно поддерживая ту линию, которая в данный момент считалась более сильной или про которую думали, что ее поддерживают в Москве. Выяснилось, что у большинства членов коммунистического руководства нет устойчивых политических убеждений. Хотя после поражения Имре Надя они вели себя так, будто ничего не произошло, болезненная реакция на малейшую критику рождала ощущение двойственности и пустоты.

За это время ряды сторонников Имре Надя пополнились не только коммунистами-реформаторами. Он стал символом и воплощением политики «нового курса» для тех, кто ставил целью смену существующего строя. Для них Надь и «социализм с человеческим лицом» (если воспользоваться выражением столь же неудачливого реформатора А. Дубчека) были первым шагом на пути, ведущем к конечной цели — демократии. На смену страху, подавленности и достойной удивления вере в чудо, характерным для режима Ракоши, стало возможно ставить понятные и осуществимые политические цели и даже совершать действия. События весны 1955 г. не могли уничтожить эти настроения, как не могли предотвратить провал стиля руководства, символом которого служил Ракоши. Самым главным и долгосрочным последствием «нового курса» стало превращение реформаторских устремлений Имре Надя в точку отсчета для новых, более радикальных перемен.

Однако в момент своего политического поражения человек, с именем которого связывались перемены, не представлял себе этих «последствий». Весной 1955 г. Надь был измотан, изможден двумя годами безжалостной политической борьбы, страдал от сердечной недостаточности, как человек и политик оказался загнанным во «внутреннюю ссылку». Многое из того, во что он верил, было попорно, но вера в социализм не претерпела изменений. Скорее всего именно в эти годы она окончательно окрепла. Политическое поражение превратилось, в его глазах, в трагедию, провал высокого предназначения, избранность особого свойства. В 1957 г. в воспоминаниях, написанных в снаговской ссылке, Надь видит себя трагическим героем и спасителем (впоследствии эти строки ошибочно считали последними словами): «Я был, собственно говоря, дважды вынужден взять на себя руководство страной в момент глубочайшего кризиса и наиболее тяжелые для социализма времена. В первый раз это произошло в июне 1953 г., когда мне... *пришлось принять* пост председателя правительства, чтобы *спасти страну* от катастрофы, в которую ее ввергла клика Ракоши своей безрассудной политикой»³⁶.

Глава 8

В ОППОЗИЦИИ

За несколько дней до своего 59 дня рождения Имре Надь скатился туда, где он стоял 20 лет назад, в начале 1936 г. в Москве, когда сразу лишился и должности, и партийного билета, и средств к существованию. На апрельском пленуме ЦР Ракоши не преминул заметить, что за сходные проступки простого коммуниста давно исключили бы из партии, в то время как Имре Надя всего лишь вывели из высшего руководства. Возможно, перед его мысленным взором прошли события 1936, 1938 и 1949 гг. Письмо в адрес Политбюро и Центрального руководства ВПГ от 4 мая 1955 г. свидетельствует о глубочайшем духовном кризисе и по крайней мере отчасти может быть объяснено самокритикой. Надь писал, что «проанализировал свои политические взгляды и поведение» и полностью поддерживает принятые резолюции. Высказанные в его адрес оценки он назвал «справедливыми и соответствующими линии партии». Он заверял, что полностью поддерживает партию «в искоренении всех намерений и устремлений, которые хотели бы использовать мои правые антимарксистские и антиленинские ошибки для ослабления или уничтожения идейного и организационного единства партии, подрыва дисциплины или против интересов нашей республики и социалистического строительства». Он не хотел избегать «глубокой критики в духе партии», но, сославшись на состояние здоровья, попросил об отсрочке¹.

Если Ракоши удовлетворился бы этим письмом (которое, кстати, он намеревался придать гласности), Надь оказался бы в крайне затруднительном положении. Моральная позиция лидера оппозиции оказалась бы уязвимой еще до того, как он оказался во главе оппозиции. Но Ракоши жаждал не просто политической победы, но унижения; глубочайшего унижения Имре Надя. Ему требовалось не коротенькое письмо с невнятным признанием вины, но публичное покаяние, чтобы ни у кого не оставалось сомнений

в том, что оппонент и соперник повержен. Политбюро на заседании 12 мая 1955 г. отклонило письмо Надя, сочтя самокритику «недостаточной»².

К концу весны состояние здоровья Надя существенно улучшилось, и он все чаще задумывался о собственном будущем. У сотрудников партийного аппарата, время от времени его навещавших, он интересовался, нельзя ли, как в 1949 г., перейти на преподавательскую работу в университет. Однако посетители и слышать об этом не хотели. На неоднократные письменные просьбы дать оценку документам периода 1953–1955 гг. руководители ВПТ неизменно отвечали отказом. От их взора не укрылось, чего добивается бывший председатель правительства: под предлогом самокритики он хочет подвести «сальдо» своей работы в правительстве. Мало того, вместо критических суждений в свой адрес он вынашивает идею написания оправдательного документа, что само по себе равносильно нападению. Именно в этот момент на свет появился Имре Надь — внутрипартийный оппозиционер³.

Радикализация Имре Надя объясняется целым рядом обстоятельств. Во-первых, отстранение от власти дало ему ощущение «организационной» дистанции: не будучи больше членом партийного руководства, он получил возможность смотреть на него со стороны. Во-вторых, он нарушил большевистский ритуал, ибо к концу лета 1955 г. окончательно и бесповоротно отказался подвергнуть себя самокритике. То был мужественный, новый шаг, свойственный скорее интеллигенту, чем партийному функционеру. Его политической и человеческой изоляции пришел конец, потому что сторонники реформ «нового курса» по-прежнему считали его своим вождем и искали встреч с ним. Наконец, первая волна разрядки международной напряженности, процессы десталинизации, сопровождавшие не прекращавшуюся борьбу за власть в СССР, создавали для него благоприятную обстановку. Хрущеву, лишь недавно помирившемуся с Югославией, не пошло бы на пользу, если бы против политика-коммуниста начали расследование за особое мнение.

Первым в тот момент еще глубоко больного Имре Надя навещал Геза Лошонци, осужденный в 1951 г. по ложному обвинению и после освобождения сам еще не оправившийся от серьезного недуга. Весной 1955 г. к Надю приходили Шандор Хараст и Миклош Вашархейи. Летом в его квартире появились Миклош Гимеш и Дёрдь Фазекаш. Число посетителей росло день ото дня. Большинство из них оказались в 1955 г. «проигравшими» как руководители внутрипартийной оппозиции, образовавшейся сразу

после перемены власти в 1955 г.⁴ Посетители отставного премьер-министра (сам он называл их «единомышленниками», ставя ударение на обе части слова) представляли партийную интеллигенцию — писателей, журналистов, которые осенью 1954 г. горячо поддержали политику «нового курса». После его провала они открыто выражали свое недовольство на партийных собраниях и в разговорах с руководством. Весть о зарождавшемся сопротивлении, естественно, проникала во все более широкие круги интеллигенции и в конечном итоге (пусть и опосредованно) влияла на общественное мнение. Отставка Имре Надя вызвала в обществе недовольство и несогласие. Теперь выступление части коммунистической интеллигенции вселяло надежду, как вселило надежду выступление Имре Надя летом 1953 г. Формировавшаяся внутрипартийная оппозиция, конечно же, не поднимала перед представителями курса 1955 г. на реставрацию вопросов о судьбах венгерского общества, но требовала отчета за попрание «коммунистических идеалов», «беззакония», отстранение Имре Надя. Именно это порождало разочарования и угрызения совести. К активным действиям представителей этой группы побуждала прежде всего нравственная неудовлетворенность, что дало повод Миклошу Мольнару (в то время также партийному оппозиционеру) двадцать лет спустя назвать их «эмоциональной элитой»⁵.

Как только Ракоши доложили, что Надь пошел на поправку, тот поспешил закрыть «дело Имре Надя» раз и навсегда. На заседании Политбюро 11 августа была создана комиссия из трех человек для рассмотрения «дела». К осени были сделаны все необходимые приготовления, чтобы исключить Надя из партии: ему предъявили обвинение в нарушении партийной дисциплины (за отсутствие из-за сердечного приступа на заседании Центрального руководства в марте и направление вместо этого письменного обращения), далее — во «фракционизме» (на тех же основаниях) и в поведении, недостойном члена партии (за то, что в 1946 г. присутствовал на венчании дочери с Ференцем Яноши). Параллельно велось расследование деятельности Надя на посту председателя правительства; особое внимание уделялось выплатам с личных банковских счетов. Наконец, органы государственной безопасности в Капошваре расследовали его давнишние связи в этом городе. Не оставалось никаких сомнений, что подготовка к показательному суду была в самом разгаре⁶. В это время Надь засел за письменный стол: готовился аргументированно защищать себя и «новый курс». Сначала он адресовал выступление партийному руководству, но Политбюро было настолько увлечено сбором

обвинений в адрес Нады, что надобность в глубоком анализе ситуации отпадала сама собой. Тогда он вступил в прямую переписку с Центральным руководством, где отвергал выдвигавшиеся в его адрес обвинения и требовал прекратить начавшуюся в апреле 1955 г. кампанию нападок на него в прессе.

С июня по сентябрь 1955 г. Надь трудился над более чем сотней страниц убористого машинописного текста. Всего — 19 работ. Широкая общественность узнала о них только в 1957 г., когда рукописи нелегально переправили на Запад и там издали на нескольких языках⁷. В этих публикациях соединилось несколько пластов творческого наследия Нады. Впервые он свел воедино свои выступления в октябре 1955 г., внося незначительные исправления в оригинальные тексты. Редакторы издания 1957 г. позволили себе включить в рукопись, подготовленную Надем в октябре 1955 г., несколько более поздних работ.

Первые 19 текстов, написанные на одном дыхании, родились из тематического наброска, датированного еще июнем 1955 г. По жанру и стилю эти работы весьма напоминали материалы к дискуссии 1949 г. Как и тогда, Надь сначала перечислил обвинения, выдвинутые против него в мартовской и апрельской резолюциях 1955 г. и получившие широкое отражение в печати. Затем перешел к их последовательному опровержению.

Надь выстроил свою защиту по трем совершенно разным направлениям. Во-первых, он противопоставил обвинениям свои опубликованные речи, отчеты и даже более ранние работы 1953—1954 гг. Аргументация Нады следовала логике обвинений: если в них говорилось, что по тем или иным вопросам его позиция была ошибочной, он с использованием пространных цитат доказывал, что как раз наоборот — правильной. Во-вторых, от нападок личного характера он оборонялся с помощью высказываний классиков марксизма, главным образом Ленина, но также (правда, в четыре раза реже) Сталина. В ряде случаев Надь прибегал к тексту резолюций ВКП(б), принятых до 1929 г., т. е. до окончательного отказа от нэпа. Цитаты из Сталина, кстати, все они относились именно к этому периоду. В-третьих, Надь показал, в чем выдвинутые против него обвинения противоречат более ранним, но не отмененным нормативным документам ВПТ — прежде всего июньской резолюции 1953 г., а также обладавшим статусом резолюции докладом на III съезде ВПТ в мае 1954 г. и, наконец, резолюции ЦР, принятой в октябре 1954 г. Затем следовали цитаты из протоколов «консультаций» с руководителями КПСС, проведенных в июне 1953 г. и мае 1954 г. Похоже, эти материалы, как

минимум, в виде заметок находились в его распоряжении. Итак, структура и аргументация были оборонительными, а избранный метод — «цитатология» с упором на авторитеты.

Главной темой полемических текстов оставалась экономика и связанный с ней круг проблем (одиннадцать из девятнадцати), в восьми работах речь шла о политических и теоретических вопросах. В ряду более или менее одинаковых по объему сочинений особняком стоит в два раза более длинная работа о социалистических преобразованиях в сельском хозяйстве. Объем рукописей в собственную защиту уже вполне мог составить книгу, когда в течение сентября–октября 1955 г. Надь написал еще пять выходящих за рамки оправдания по выдвинутым обвинениям, теоретических статей. Речь в них шла о некоторых актуальных вопросах «использования марксизма-ленинизма», мирном сосуществовании двух мировых систем, политике в области культуры и литературы. Свой труд Надь снабдил сходным по тематике введением и заключением, из которых становилось очевидным, что этот сборник предназначался не для узкого круга партийного руководства, но открывал собой широкую общественную дискуссию. До публикации дело не дошло, и с рассуждениями Надя осенью 1955 г. ознакомились только единомышленники, круг которых все расширялся.

Надь отказался от старого лозунга «Назад, в 1947–1948 годы» и вместо этого провозгласил: «Назад, к “новому курсу”» июня 1953 г. Суть его теории заключалась в «возврате» к незамутненному источнику, к решениям, предложенным, но не вступившим в законную силу в 1945 и 1953 гг., с превращением горечи за ошибки и злоупотребления в движущую политическую силу. В сочинениях этой поры Надь с особой убежденностью говорит о необходимости отхода от советской модели социализма, не порывая при этом с самой социалистической идеей. Так, он писал:

«Выражение “венгерский социализм” используют обычно, чтобы осудить произвольное использование научного социализма, однако это не что иное, как венгерский вариант социализма, состоящий в применении марксизма-ленинизма к специфическим венгерским условиям, в сохранении в социалистическом строительстве всего неизменного и основополагающего, т. е. общего, в использовании иных путей и форм строительства социализма, в освобождении научного социализма от отживших догматов во имя его обогащения новым опытом, в том числе основанным на опыте нашей страны»⁸.

По понятным причинам политическое сопротивление курсу Ракоши на реставрацию черпало вдохновение в реформаторской программе партии 1953 г. и солидаризировалось с Имре Надем. У других социальных групп не было возможностей высказывать свою политическую волю. Все, что не содержалось в программе 1953 г., могло оказаться не политической альтернативой, но предметом разбирательства в органах государственной безопасности. Надь ни на минуту не примкнул бы к движению, которое выходило за рамки коммунистической партии и марксистско-ленинской риторики. Тем временем к партийной оппозиции, кругу «единомышленников» Надя примкнули такие фигуры, как Силард Уйхейи (в то время директор Главного управления по кинематографии), журналисты Пал Лёчеи и Тибор Мераи (сотрудники газеты «Сабад неп», исключенные в 1955 г. из партии), писатели Тибор Дери, Золтан Зелк, Лайош Коня, Ласло Беньямин, Тамаш Ацел. Вместе с Гезой Лошонци, Шандором Харасты, Миклошем Вашархейи, Ференцем Яноши, Миклошем Гимешем и Дёрдем Фазекашем они составили «ближний круг». Их отношения с Имре Надем основывались как на единстве политических взглядов, так и на личной приязни. Но процесс на этом не остановился. Из числа осужденных по ложным обвинениям и реабилитированных коммунистов, профессоров сельскохозяйственных и экономических университетов, выпускников «народных колледжумов» образовывались, нередко перекрывая друг друга, все новые «кружки единомышленников»⁹.

Первой организованной акцией партийной оппозиции стал «Меморандум» к Центральному руководству в октябре 1955 г. 59 влиятельных представителей интеллигенции — писатели, журналисты, кинематографисты — выступили в поддержку «нового курса» и осудили цензуру и практику конфискации печатных изданий в сфере культуры. «Меморандум» означал открытую конфронтацию с линией на реставрацию и потому вызывал у партийного руководства резко негативную реакцию. Уже отстранение Надя и риторическое ужесточение политической линии сопровождалось крайне отрицательными откликами на международной арене. Еще больший резонанс вызвали вопросы, рассмотренные в «Меморандуме», — запрет к исполнению ряда произведений венгерских классиков — композитора Белы Бартока, драматурга Имре Мадача — и современных писателей, таких как Ласло Немет, конфискация тиража еженедельного печатного органа Союза писателей «Иродалми уйшаг».

Авторы «Меморандума» связались с авторитетнейшим из реабилитированных политиков, в то время первым секретарем Пештского обкома партии Яношем Кадаром. Осенью 1954 г. он уклонился от сближения с Имре Надем и предпочел встать на сторону Ракоши. Год спустя Кадар уже был в числе первых читателей политических сочинений Надя. Некоторые мемуаристы утверждают, что и тематически, и содержательно «Меморандум» был во многом инспирирован Кадаром. Впрочем, другие полагают, что идея «Меморандума» принадлежала все-таки Надю, опасавшемуся исключения из партии. Текст в его окончательной редакции был написан Гимешем, Вашархейи и Харасты, и большинство подписавших входили в ближний круг Имре Надя, были его «единомышленниками»¹⁰.

В начале ноября 1955 г. на заседании ЦР ВПТ Ракоши осудил протесты интеллигенции, и некоторые участники собрания предположили, что за этим стоит Имре Надь. Был составлен план мероприятий по борьбе с внутрипартийной оппозицией: приняли резолюцию о правооппортунистических явлениях в литературной жизни, провели собрание партийного актива, не забыли и об ужесточении партийной дисциплины. По предложению Ракоши особой резолюцией постановили, чтобы «Центральная Контрольная Комиссия привлекла Имре Надя к ответственности и исключила из партии» за его «фракционную деятельность», несогласие с политикой партии и взгляды, враждебные марксизму-ленинизму. 3 декабря 1955 г. ЦКК исполнила постановление Политбюро¹¹. Спустя полгода Надь запишет: «Члены ЦКК, присутствовавшие на заседании, поставили меня в известность, что Политбюро не считает необходимым или целесообразным рассмотрение моего партийного дела на заседании ЦР». Надь, со своей стороны, предложил передать в ЦКК материалы, подготовленные им для Центрального руководства, но получил отказ. Впоследствии Надь писал: «Мне сообщили в устной форме, что я исключен из партии за допущенные ошибки, однако о самих ошибках не было сказано ни слова»¹².

Исключение из партии Имре Надь воспринял крайне болезненно. О дате заседания было известно многим, и друзья искали повод, чтобы в тот день оказаться рядом. Ацел и Фазекаш стали свидетелями глубокой подавленности, плохого самочувствия, сердечных приступов и рыданий. «Другой был бы рад порвать с группой злодеев, в которую к тому времени превратилась ВПТ, — писал в 1958 г. Тибор Мераи. — Но то был Имре Надь — коммунист с сорокалетним стажем»¹³. Человек и коммунист в тот момент

чувствовал, что исключен из круга, важность которого по силе и искренности чувств была сопоставима только с семьей; теперь же его, можно сказать, лишили самой жизни. Однако политического мыслителя это роковое обстоятельство только раззадоривало. Именно тогда на свет появились самые радикальные его труды, задуманные (по крайней мере в теоретическом плане) как программные документы. В работе, посвященной нравственным вопросам венгерской общественной жизни, Надь сформулировал требование смены сталинистского партийного руководства как нелегитимного, т. е. регулярно нарушающего этические принципы коммунистического движения. В другой работе, посвященной мирному сосуществованию и венгерской внешней политике, он высказался за национальную независимость Венгрии и ее внеблочный, активный нейтралитет. Тем самым Надь нарушил табу, которое прежде и он сам, и прочие еретики от коммунистического движения свято соблюдали, — не ставить под вопрос роль СССР¹⁴. На одно историческое мгновение могло показаться, что вера Надя в более просвещенную политику Москвы после Сталина не была лишена оснований.

Пока Надь и его товарищи по оппозиции размышляли, не является ли исключение из партии прелюдией к более серьезной расправе, 14 февраля 1956 г. в Москве начал свою работу XX съезд КПСС. О серьезных сдвигах свидетельствовали содержащиеся в отчетном докладе Н.С. Хрущева тезисы о возможности избежать мировой войны и о мирном соревновании двух систем, а также критика теории неуклонного обострения классовой борьбы. Выступление Микояна ясно показало, что КПСС готова в той или иной мере порвать с наследием сталинских идей и методов. Обнадеживающие признаки подтвердились меньше чем через месяц, когда в партийных организациях с сокращениями (на западных радиостанциях — полностью) зачитали «секретный доклад» Хрущева об ошибках и преступлениях Сталина, сделанный на закрытом заседании 25 февраля.

Под впечатлением от съезда на заседании ЦР ВПТ 12–13 марта 1956 г. несколько проверенных членов партии, в том числе Золтан Санто, Янош Кадар, Йожеф Кёбёл, Мартон Хорват, Йожеф Реваи, более или менее открыто выступили против Ракоши, который в отчетном докладе заявил, что в Венгрии уже осуществлено все то, к чему еще только приступают в СССР. «Непримиримые» члены партии по сути отказали партийному руководству в доверии. Кадар поднял особенно чувствительный для себя вопрос о показательных процессах: во время суда над Л. Райком он занимал

пост министра внутренних дел, но вскоре сам оказался жертвой фальсификаций. Впрочем, Кадар постарался переложить вину на отсутствовавшего в тот момент Михая Фаркаша, и за эту спасительную мысль уцепился Ракоши: быстро была создана специальная партийная комиссия для изучения дела М. Фаркаша под председательством Иштвана Ковача, в задачи которой входило выяснить роль Фаркаша в нарушениях законности. Появилась и другая платформа для консолидации: «непримиримые» горячо поддержали нападки на Имре Надя¹⁵.

XX съезд КПСС стал колоссальным политическим капиталом для венгерской внутрипартийной оппозиции, ряды которой весной 1956 г. росли день ото дня. Между тем непосредственные контакты с Имре Надем поддерживали только ближайшие «единомышленники». От любых организационных форм политической деятельности (Миклош Гимеш, например, предложил создать более узкий координационный комитет) Надь открещивался самым решительным образом. Зато в Союзе писателей, редакциях газет «Беке эш сабадшаг» («Мир и свобода») и «Мадяр немзет» («Венгерская нация»), некоторых профессиональных ассоциациях, где оппозиционеры составляли большинство, сами собой появлялись неформальные оппозиционные «организации». Складывались кружки вокруг Лошонци, Вашархейи и Гимеша. Число активных членов внутрипартийной оппозиции возросло до нескольких сотен, и они действовали как сила, осуществляющая политическое давление неформальными методами. Эти люди не занимали руководящих постов в средствах массовой информации, но сеть личных контактов была поистине впечатляющей. Им был досконально известен противник (ведь сами вели происхождение оттуда), знакомы все его уязвимые стороны. Весной 1956 г. в ходе массовых выступлений, на заседаниях Союза писателей, в статьях, написанных для «Иродалми уйшаг», «Беке эш сабадшаг», «Мадяр немзет», «Мювелт неп» или других печатных органов, на собраниях Союза трудящейся молодежи (ДИС), в ходе дискуссий под эгидой кружка Петёфи они, ссылаясь на XX съезд КПСС, критиковали венгерское руководство по целому ряду вопросов — экономической политике, гласности, политическим судебным процессам, культурной жизни и проч. Многие общественные организации и подавляющее большинство политически активной партийной интеллигенции (в первую очередь те, кто был моложе сорока) попали под влияние оппозиции. За происходящим с возрастающим вниманием следила та часть общества, которая была далека от партии и даже враждебна ей¹⁶.

Ни в одном из подобных мероприятий Имре Надь не принимал личного участия, он «ушел в тень», стал осторожен и даже после исключения из партии продолжал вести себя, как ответственный партийный работник. Так, он считал для себя, исключенного из партийных рядов, неприемлемым появляться на любых собраниях, организованных под эгидой или при участии партии. Участники кружка Петёфи просили, чтобы он посетил хотя бы одно из заседаний, пусть в качестве рядового слушателя, но Надь остался в стороне. После XX съезда КПСС он вновь считал себя партийным политиком, поэтому наложил на себя добровольное дисциплинарное взыскание и тем самым поставил себя в более жесткие, чем на самом деле, даже в более жесткие, чем следовало ожидать, рамки. В эти представления идеально вписываются его ритуальные прогулки весной 1956 г. в историческом центре города, его поездки на автобусе № 5, появления в театре, в опере, на концертах. Напротив, участие в политическом дискурсе оказывалось совершенно неуместным, даже если это не выходило за очерченные для себя самого рамки партийного поведения. Несмотря ни на что Имре Надь был в центре любого политического спора или публичного выступления. Вне зависимости от того, упоминалось его имя или нет, ни у кого не оставалось сомнений, что речь всегда шла «именно о нем». Кстати, такого же мнения придерживалось и партийное руководство: волнения в кругах интеллигенции «подстрекает» не кто иной, как Имре Надь.

Это не значило, что Надь не делал ничего, кроме как с удовлетворением ловил на себе сочувственные взгляды обитателей Будапешта, отвечал на приветствия, обменивался рукопожатиями и на неизменные вопросы («Когда же Вы приступите к работе, господин премьер-министр?») давал расплывчатые ответы, сопровождавшиеся многозначительной улыбкой. В то время как политическая и общественная жизнь вращалась вокруг сенсационно смелых «акций» внутрипартийной оппозиции, Надь на свой особый манер тоже организовывал «акции»: позволял максимально большому числу людей ознакомиться с собственными сочинениями. Только весной 1956 г. их прочли более ста человек. С помощью друзей-журналистов — через работавших в Будапеште представителей югославской прессы и дипломатов — Надь передал свои труды президенту Тито¹⁷. Секретарь Будапештского горкома партии Имре Мезё во время официальной поездки в Москву нашел возможность передать Хрущеву детальный отчет Надя о положении в партии¹⁸.

Главным образом Надь вел разговоры, обсуждал все значительные и незначительные политические события в узком кругу единомышленников, не пропускал ни одной новости или слуха. Для вовлеченных в активную политику, будь то небольшие кружки или широкая общественность, такие разговоры служили источником идейного вдохновения и подсказывали направление действия. Руководители кружка Петёфи — секретарь Габор Танцош и его заместители Андраш Б. Хегедюш и Балаж Надь — тщетно пытались добиться от Нады конкретных рекомендаций, однако получали от него некие ориентиры. В 1980-е годы А.Б. Хегедюш вспоминал: «Организатором выступал Миклош Вашархейи, а к Гезе Лошонци, как к первому после Имре Нады абсолютному духовному и нравственному авторитету, мы скорее обращались с идеологическими вопросами. Мы считали Миклоша звеном, связующим кружок Петёфи с Имре Надем: через него можно было обратиться к Нады и получить ответ»¹⁹. Тот живо интересовался проходившими в кружке Петёфи дискуссиями, друзья в один голос убеждали его посетить одну из них, но тщетно.

Все более частые и порой довольно острые споры разгорались не только по организационным вопросам или в связи с возможностью появления Нады на публике. Спустя четверть века Вашархейи сказал:

«До 23 октября мы были куда более радикальными, чем Имре Надь. Политические взгляды Нады определялись идеей возврата к 1948 году, и это... открывало новые возможности, но и накладывало ограничения. Коалиционная система предполагала наличие обладающих политическим весом партий и одновременно отводила им роль трансмиссионного ремня... Однажды я стал свидетелем ожесточенного спора между Имре Надем и Миклошем Гимешем, в котором Гимеш с присущими ему прямотой и эмоциональностью заявил, что воля венгерского народа — превыше всего. Народ должен возглавить тот, кого сам народ сочтет достойным и изберет или назначит. На что Надь возразил: “Как Вы себе это представляете? А что если после всего, что случилось в нашей стране, из-за отвратительного партийного руководства и всех тех ошибок, что были совершены, венгерский народ изберет [кардинала] Миндсенти, нам придется принять это как должное?” [Тогда Гимеш:] “Тем хуже венгерскому народу, пусть пройдет через это, если он вынес все, что произошло до сих пор, вынесет и это. Со временем станет ясно, что [Миндсенти] не способен

решать проблемы". Они рассорились не на шутку, поскольку было совершенно очевидно, что речь шла не о тактических, а о стратегических вопросах и в их лице столкнулись два мира»²⁰.

В Москву по информационным каналам приходили сигналы, что в Венгрии усиливается партийная оппозиция, и от кремлевских хозяев не укрылось, что Ракоши загнан в угол публичными нападками и внутривластными интригами. 7 июня 1956 г. в Будапешт прибыл М.А. Суслов. Он приструнил интриговавших против Ракоши членов партийного руководства и назначил ответственным за показательные судебные процессы единолично Михая Фаркаша. Суслов высказался за пополнение Политбюро товарищами Реваи и Кадаром, тем более что последний не настроен отрицательно к СССР, «введение же его в Политбюро значительно успокоит часть недовольных, а самого Кадара морально свяжет». По поводу отстранения Ракоши советский эмиссар высказался в том духе, что это дало бы «пищу враждебным элементам»²¹. Вместе с тем руководство ВПТ так и не добились от Суслова ответа на вопрос: как поступить с Имре Надем и оппозицией?

В день прибытия Суслова в Будапешт, 7 июня 1956 г., Имре Надь дома, в кругу более сотни друзей — писателей, журналистов, ученых и даже двух членов ЦР — отметил свое 60-летие. Спустя три недели, 28 июня 1956 г., несколько тысяч человек пришли в кружок Петёфи наблюдать за дискуссией о прессе и средствах массовой информации²². Обсуждение, которое впоследствии назовут «дискуссией о прессе», завершилось под утро и предложило широкий круг самых неожиданных вопросов. Писатель Тибор Дери, например, вывел социальные недуги из структурных пороков существующего строя и призвал к коренному общественному переустройству. Геза Лошонци воспользовался представившейся возможностью, чтобы извиниться за свое участие в сталинистской культурной политике 1940-х годов, из зала же раздавались голоса, требовавшие возвращения Имре Нады на пост председателя правительства. Ю.В. Андропов, советский посол в Будапеште, в донесении, отправленном в Москву, сделал совершенно точный вывод, что «указанная дискуссия по существу превратилась в демонстрацию против руководства партии»²³.

30 июня 1956 г. Центральное руководство ВПТ собралось на чрезвычайный пленум, призванный стать «первым шагом [sic] на пути борьбы с оживившейся правой оппозицией». Направлением главного удара был избран кружок Петёфи. Большинство выступавших под впечатлением от шока, вызванного восстанием рабочих

в Познани 28 июня, говорили в воинственном тоне и с нескрываемой агрессией. Так, А. Хегедюш упомянул «организацию Имре Надя» и высказался за уголовное преследование ее членов. Двоих радикальных ораторов на «дискуссии о прессе», Тибора Дери и Тибора Тардоша, исключили из партии²⁴. По городу поползли слухи о скорых арестах членов партийной оппозиции, о некоем списке из четырехсот человек, возглавляемом Имре Надем и видными членами оппозиции.

Ракоши и в самом деле готовился к ответным действиям. Впрочем, молва преувеличивала его первые неуверенные шаги. На заседании секретариата ВПГ 2 июля 1956 г. действительно постановили составить не один, а два списка: в первом фигурировали бы те, «кто посетил прием, устроенный по случаю дня рождения Имре Надя», во втором — члены «вооруженных формирований», которые «присутствовали на недавнем заседании кружка Петёфи [читай: дискуссии о прессе] и аплодисментами приветствовали антипартийные высказывания»²⁵. 6 июля Герё в разговоре с послом Советского Союза сообщил, что «министру обороны дано поручение принять меры, которые бы обеспечили “организованное поведение” войск в деле поддержания общественного порядка на случай возникновения каких-либо вражеских провокаций»²⁶. На заседании Политбюро 12 июля Ракоши изложил содержание своего доклада Центральному руководству, заседание которого было назначено на 16 июля. Он в резких выражениях раскритиковал правооппортунистические выступления. Например, западные радиопередачи позволили ему заключить, что на дискуссии о прессе «в числе участников были и такие, кто поддерживает связи с врагом»²⁷. Об административных (читай: полицейских) мерах не было сказано ни слова. Между тем в столице не было секретом, что политические оппоненты, опасаясь чисток, предоставили Андропову компрометирующие Ракоши материалы и отставка первого секретаря не за горами.

Против Ракоши и в самом деле оформился некий придворный заговор, однако его главные действующие лица — первый секретарь Будапештского горкома партии Иштван Ковач и Эрнё Герё, по всей видимости, в первую очередь разыгрывали карту его ответственности за суд над Райком. Они сообщили советскому послу «новость», которая ни для кого не была секретом: что, со слов осужденного в 1954 г. бывшего главы АВХ Петера Габора ответственность за дело Райка и другие сфальсифицированные судебные процессы лежит на Ракоши. Герё также признал, что

в настоящее время Центральное руководство фактически расколото²⁸. По получении донесения Андропова Президиум ЦК КПСС 12 июля направил в Будапешт А.И. Микояна с поручением «по делу Райка — облегчить положение Ракоши»²⁹. В тот же день Политбюро ВПТ вернуло Ракоши упомянутый выше отчетный доклад на доработку, что в практике коммунистических режимов означало вотум недоверия.

Наряду с общими инструкциями Микоян получил от Хрущева довольно широкие полномочия: по прибытии на место ему разрешалось действовать не столько в строгом соответствии с буквой резолюции, сколько по собственному усмотрению (возможно, имелось в виду: в интересах Хрущева). Ознакомившись с положением дел, уже в первой телеграмме из Будапешта от 13 июля Микоян признал, что Андропов в своих донесениях ничуть не сгущал краски. На совещании 13 июля члены Политбюро по предложению Микояна высказались за целесообразность отставки Ракоши. В качестве преемника советский эмиссар предложил Хегедюша, Ракоши — Кадара, в то время как большинство членов Политбюро предпочли бы видеть на посту первого секретаря Эрнё Герё. Микоян не оставил никаких сомнений, что в Москве считали и считают ошибкой исключение Имре Надя из партии, и предложил восстановить его в партии, если тот, конечно, откажется от своего фрондерства³⁰. На пленуме Центрального руководства 18 июля Ракоши, ссылаясь на состояние здоровья, попросил освободить его от занимаемой должности. После непродолжительной срежиссированной дискуссии (некоторые непосвященные не скрывали своего удивления) его желание было удовлетворено, и вскоре он вылетел в СССР (на родину он больше не вернулся). Первым секретарем был избран Эрнё Герё, в Политбюро кооптировали Яноша Кадара (одновременно избран секретарем ЦР), Кароя Киша, Йожефа Реваи и Дёрдя Марошана. Михай Фаркаш был исключен из партии. Решения пленума уже на следующий день опубликовали в печати. Таким образом, как члены партии, так общество в целом получили ясный «сигнал». Затем члены Политбюро включились в продолжительную «дискуссию», где каждый рьяно расхваливал формулу, только что предложенную Герё, — «начать с чистого листа», что означало отказ от политических и этических споров о прошлом³¹. Руководство ВПТ пребывало в полной уверенности, что все разрешилось наилучшим образом. На самом же деле неискренние решения по персональному составу свидетельствовали о его полной недееспособности. Случилось не что иное, как заключение готовившегося все последние месяцы

союза между сторонниками Ракоши и «непримиримыми», вновь вышедшими на политическую сцену после XX съезда (Кадаром, Реваи и др.), только уже без Ракоши. ЦР прислушалось к совету Микояна, и начались бесконечные переговоры о том, как «восстановить Имре Надя в партии». Впрочем, на определенных условиях. От него требовали выступить с самокритикой (за давностью не слишком пространной) и дистанцироваться от единомышленников. Надя с готовностью принял протянутую руку, но из этого последовали только новые конфликты с партийной оппозицией и серьезная потеря времени.

Замена Ракоши на Герё, как и следовало ожидать, не решила ни одной проблемы; более того, кризис лишь усугубился. Политбюро оставалось, как и прежде, расколотым, его члены не могли выработать консолидированную позицию ни по одному из насущных вопросов, а следовательно, большинство проблем так и оставались нерешенными. Вдобавок число группировок, недовольных руководством, все возрастало. Партийная оппозиция ожидала, что Герё публично представит свою политическую программу и в первую очередь сделает жест в сторону Имре Надя. Однако ничего подобного не произошло. В конце августа ЦР ВПТ выпустило абсолютно пустую резолюцию об интеллигенции, в которой, помимо убогой самокритики, содержались весьма туманные обещания. С этого момента оппозиция начала ожесточенную кампанию в прессе против партийного руководства. Главные требования сформулировал Геца Лошонци в статье, опубликованной 1 сентября в газете «Мюлвелт неп»; начатые в июле кадровые перестановки необходимо продолжить на более низких уровнях партийного аппарата, наверху необходимо пересмотреть политику партии в целом, отменить любые доиюльские постановления, противоречащие «духу» XX съезда КПСС, в творческих союзах провести демократические выборы, довести до конца процесс реабилитации жертв политических репрессий³². В последующие недели оформилось массовое демократическое движение, требования которого выходили даже за рамки партийной оппозиции. Осенью 1956 г. по всей стране набирала силу критика правящего режима, звучало осуждение его преступлений в ставшей фактически независимой прессе, на дискуссионных форумах, заседаниях Союза писателей, в университетах. С уходом Ракоши, наконец-то, нарушился психологический запрет на упоминание табуированных тем.

6 октября 1956 г. останки Ласло Райка были торжественно преданы земле. Сотни тысяч людей, пришедших проводить в последний путь самого знаменитого коммуниста, павшего жертвой

режима Ракоши, видели в церемонии предтечу похорон самой сталинской системы. Спустя несколько дней, 13 октября, партийное руководство решило без всякой дальнейшей политической дискуссии восстановить Имре Надя в партии. Еще несколько недель назад «реабилитация» бывшего премьер-министра привела бы к смене политического курса, теперь же ход событий определялся динамизмом массового движения. Для него же обновление партии уже было недостаточным. 16 октября на общем собрании студентов Сегедского университета было решено создать независимый от ДИСа Союз венгерских университетских и институтских объединений (МЕФЕС). Монолитная организационная структура дала трещину, и ее нельзя было восстановить с помощью партийных резолюций. 22 октября в Будапешт пришла весть о том, что в руководстве польских коммунистов произошли кадровые изменения. В борьбе со сталинистской верхушкой ПОРП победителем вышел Владыслав Гомулка — политик, ставший жертвой политических репрессий и исповедовавший взгляды, близкие к Имре Надю. Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев срочно вылетел в Варшаву, Вооруженные силы СССР были приведены в боевую готовность, только консолидированная позиция польского руководства (и твердое заверение Гомулки о лояльности Варшавскому договору) предотвратили угрозу вооруженного конфликта³³.

Руководство ВПТ с возрастающими опасениями наблюдало, как партийная оппозиция и массовое движение берут под свой контроль прессу, радио и вообще общественное мнение. Однако вместо проведения внутривнутриполитических реформ партия сочла более насущной задачей укрепление позиций страны в Восточном блоке. В сентябре Герё отправился в Крым, где имел беседу с маршалом Тито и договорился о венгерско-югославской встрече на высшем уровне в октябре. В середине месяца венгерское партийное руководство в полном составе (Герё, Хегедюш, Кадар, Ковач и проч.) отбыло в Белград и вернулось только 23 октября. В эти дни на страницах венгерской печати появились программные требования студентов. Они добивались кардинального изменения политики, даже смены политического строя. Большинство этих требований будет звучать в дни революции, только лозунг вывода советских войск появится в самый последний момент. Настал момент, когда Имре Надь был обязан прервать добровольный обет молчания, ибо точкой отсчета во всех программах было его возвращение к руководству страной; сам же он готовился к тому моменту, когда поступит приглашение занять свое место в Политбюро. События в Варшаве также вселяли в него надежду: могло

показаться, что «просвещенный Советский Союз» готов принять «национальный коммунизм» как данность.

Преданные соратники Надя во главе с деятельным Золтаном Вашем приступили к работе над программой, включавшей в себя элементы «нового курса» 1953 г., реформ осени 1954 г. и некоторые идеи из интеллектуальных дискуссий 1956 г. К ним вскоре присоединился Ференц Донат — бывший идейный противник Надя, осужденный в 1951 г. по сфальсифицированному обвинению и реабилитированный в 1954 г. Ваш назначил встречу группы на 23 октября³⁴. На массовом митинге студентов Будапештского технического университета накануне вечером прозвучал призыв провести на следующий день политическую демонстрацию в знак солидарности с польскими реформами. Прозвучал целый ряд радикальных требований, теперь уже включая вывод советских войск³⁵. Сформулированные студентами «16 пунктов» и план столичной общеуниверситетской демонстрации оттеснили анонсированные Вашем мероприятия. Имре Надь (который провел два предшествующие дня на празднике молодого вина в сельской местности) встретился с друзьями утром 23 октября, чтобы выработать рекомендации по кадровым назначениям с учетом польского опыта, весьма актуального в Венгрии тех дней. Он также набросал программную речь, закончить которую ему не хватило времени³⁶. Члены группы выступили за коалицию, но не с партиями или независимыми политиками, как в 1945–1947 гг. Они определили персональный состав партийного руководства, не оставлявший сомнений, что Имре Надь как председатель правительства намеревался вступить в коалицию с кадаровской группой непримиримых. Новое Политбюро включало Надя, Харасты, Доната и Лошонци от внутрипартийной оппозиции, Кадара, Кёбёла, З. Санто и Киша от «непримиримых». По сходной формуле в Центральное руководство должны были войти «единомышленники» — писатели Лайош Коня и Дюла (Юлиус) Гай, Ласло Кардош (бывший председатель Всевенгерского союза народных коллегий), Юлия Райк (вдова Ласло Райка), Имре Мезё и некоторые другие³⁷.

В самый последний момент перед народным восстанием все действующие лица на политической сцене питали иллюзии относительно себя самих и окружающих и не имели представления о собственной свободе маневра. Советские лидеры полагали, что в Будапеште они не столкнутся с более серьезными, чем в Варшаве, трудностями. Даже если события пойдут по непредсказуемому

сценарию, незначительные общественные волнения удастся сдержать демонстрацией силы. Имре Надь, убежденный в готовности к проведению реформ всех участников процесса, надеялся, что у него будет достаточно времени, чтобы сформулировать свою политическую программу. Венгерское партийное руководство не могло определить, что для них опаснее — народное восстание или победа Имре Надя, который достанет из кармана жилета усовершенствованный вариант правительственной программы 1953 г. и, конечно, проскрипционный список. Толпа, хлынувшая на улицы Будапешта 23 октября, скандировала: «Имре Надя — в руководство!» и рассуждала сходным образом: они думали, что Надь предъявит им рецепт ото всех недугов и несправедливостей. Но день еще не закончился.

РЕВОЛЮЦИЯ¹

Ме, кто 23 октября собрались в доме Г. Лошонци, — Ш. Харасты, С. Уйхейи, М. Вашархейи, Ф. Яноши и М. Гимеш, а также Имре Надь — в час пополудни прослушали сводку новостей по радио, где говорилось, что студенческую демонстрацию солидарности с поляками запретили. Но не прошло и получаса, как объявили, что акция, в конце концов, разрешена. Никому из присутствующих не нравилась идея массового выступления, но они почувствовали облегчение, потому что считали запретительные меры совершенно недопустимыми. Большинство из них были в тот момент озабочены, как бы демонстрация не вылилась в какую-нибудь «провокацию». Некоторые полагали, что Надь должен отправиться к памятнику Ш. Петёфи, где массовая студенческая манифестация была уже в самом разгаре, и в той или иной форме принять в ней участие. Однако Надь был непреклонен: это будет «неправильно». Когда через пару часов собравшиеся покидали дом Лошонци, Надь заметил, что «у этой демонстрации могут оказаться серьезные последствия»².

Надь вернулся в свой дом на улице Оршо в будайском квартале Пашарети в сопровождении Яноши. В то время как зять отправился в город, он пообедал и прилег для послеобеденного сна. О причинах его столь странного поведения можно лишь догадываться: стало ли это следствием привычки, или предписанного врачами «щадящего режима», или усталости от дискуссии, затянувшейся накануне глубоко за полночь. Не исключено, что погружение в послеобеденную дрему было добровольным бегством от напряженной ситуации. В конце дня начали поступать все новые известия о толпах демонстрантов, собравшихся на площади Кошута перед Государственным собранием (парламентом) и у здания радиокomiteта. Они хотели, чтобы по радио прозвучали их требования и выступление Имре Надя. Тем временем в доме на улице Оршо собрались Д. Фазекаш, Ф. Яноши, П. Вереш, Т. Дери, Т. Ацел; туда же явилась «делегация от молодежи» — очевидно,

группа студентов, митинговавших на площади Кошута. Надь и слышать не желал о том, чтобы отправиться в Государственное собрание, пока после неоднократных просьб заместителя председателя правительства Ф. Эрдеи не переговорил по телефону с двумя членами Политбюро также в ранге вице-премьеров — Йожефом Мекишем и Иштваном Хидашем. Около восьми часов вечера Мекиш передал Надю «официальную» просьбу Политбюро пойти и выступить. Только в этот момент Надь окончательно решился произнести речь³.

Для начала следовало подготовиться: он неспешно прошел в свой кабинет и набросал тезисы короткого выступления. Текст был немедленно зачитан присутствовавшим, которые дружно сочли его слабым, пустым и в данных обстоятельствах неуместным. Однако Надь не захотел вносить никаких изменений. Руководитель секретариата Совета министров Йожеф Халас отвез Надя на правительственной машине к заполненной народом площади Кошута, где им с трудом удалось пробиться сквозь толпу к зданию Государственного собрания. Тем временем по площади разнеслась весть, что прибыл тот, кого так долго ждали. Окружение Имре Надя, с математической точки зрения, было многочисленным. На самом деле, в политическом смысле, он приехал в полном одиночестве, его путь пролегал через толпу, но вышел он не из масс. В его постепенно вырисовывавшиеся планы не входили народные движения. Речь, которую он обдумывал все последние дни, была обращена не к сотням тысяч демонстрантов, но к нескольким десяткам членов Центрального руководства.

Когда Надь зашел в здание парламента, его проводили в северное крыло, в одну из комнат на верхних этажах, где помогли взобраться в оконный проем, чтобы тот мог обратиться к толпе. К девяти часам вечера на площади в спешном порядке установили громкоговорители, но большинство собравшихся все равно едва могли разобрать слова оратора. «Увидев то крайнее возбуждение, которым была объята вся площадь, я вдруг понял: вместо того, что я собираюсь им сказать, нужны совсем иные слова, ибо это не удовлетворит собравшихся», — признавался он весной 1957 г.⁴ Впоследствии сам Надь и многие очевидцы вспоминали, что он выступил с импровизированной речью, лишь в малой степени отличавшейся идейно, лексически и стилистически от заранее заготовленного текста. Примечательно, что он выбрал обращение «Товарищи!», на что толпа отреагировала если не враждебно, то без энтузиазма. Если верить Надю, «часть собравшихся, по-моему,

меньшая их часть, освистала меня, но большая — радостно приветствовала». Тем, кто были в то время на площади, запомнилась недвусмысленная реакция собравшихся — дружное «Мы — не товарищи!», «Нет больше товарищей!», крики, свист. Надь попытался было исправить положение: «Дорогие юные друзья!», на что услышал отчетливое: «Здесь весь Будапешт! Здесь нация!» Настроение толпы, пребывавшей в течение часов в полном надеждоожидании, резко сменилось на растерянность, разочарование, даже враждебность.

В своей речи Надь поприветствовал «венгерскую демократическую молодежь», которая своим выступлением хочет устранить препятствия «с пути дальнейшего развития социалистического демократизма». Необходимы здравомыслие и ответственность, продолжил он, ибо без них «наши демократические завоевания» окажутся под угрозой. Согласно Надю, «возможность развития — во внутривнутрипартийном диалоге и очищении», именно поэтому «нет ничего важнее, чем сохранять здравомыслие». Он пообещал, что Центральное руководство и правительство незамедлительно примут решения, необходимые для «развития»⁵. Очевидно он надеялся, что партийная оппозиция вскоре окажется в том положении, когда сможет осуществить свою программу.

Речь Надя многократно прерывалась шумом, гамом, свистом, хотя сама по себе она была удачным риторическим выступлением. Однако в том месте и в то время этого было недостаточно. Речь выразила ошеломление Имре Надя, показала его озабоченность и испуг, вызванные непредсказуемостью волновавшейся внизу неведомой силы. Собравшимся же на площади Кошута хотелось перемен, и успокоить их могли только убедительные слова Надя. Он и сам это видел; единственное, чего он не понимал, что демонстранты ожидали увидеть в окне парламента не партийного работника, обещающего им перемены от имени давно обанкротившихся Центрального руководства, правительства и Государственного собрания, но сравнимого с Кошутом государственного мужа, достойного этого места и этого момента, который, подобно революционному поэту Ш. Петёфи, принесет им священную клятву «никогда не быть рабами, никогда»*. Он пообещает им победу, возможно, спросит, дают ли они ему поддержку (или о чем угодно еще), на что они в едином порыве, единым духом смогут ответ-

* Слова из «Патриотической песни» Ш. Петёфи в переводе Л. Мартынова. — *Примеч. переводчика.*

ствовать: «Даем!»⁶. Надь сказал: «Найдутся те, кто встанут во главе движения», — вместо того, чтобы, отвечая чаяниям слушателей, заявить: «Я возглавлю движение и сделаю все, что должно». Единственным правильным жестом, который собравшиеся встретили с одобрением, стал призыв в конце речи спеть национальный гимн, после чего толпа с плохо скрываемым разочарованием начала покидать площадь.

Не успел Надь вернуться в кабинет вице-премьера Эрдеи, как ему сообщили о перестрелке, начавшейся у здания радиокомитета. Первой мыслью было немедленно отправиться к месту событий, но присутствовавшие члены Политбюро запретили ему это самым решительным образом. Они пешком проводили Надя в здание ЦР ВПТ на улице Академии. С ним остался только зять — ближайший друг и доверенное лицо. В этот момент прервалась связь между Надем и его «единомышленниками» из партийной оппозиции.

Без четверти десять Надь встретился с девятью членами Политбюро в кабинете Эрнё Герё. По более позднему свидетельству Надя, как раз в этот момент Герё говорил с руководством КПСС по прямому проводу. На допросах в 1957 г. Надь заявил:

«После доклада [Герё] родилось решение обратиться к расположенным в Венгрии советским войскам за помощью в восстановлении порядка. Более того, из телефонного разговора Герё с советским руководством я смог заключить, что этот вопрос он поднимал и ранее и ему была обещана помощь. По окончании телефонного разговора [Герё] объявил, что советские войска получили приказ выдвинуться в направлении Будапешта. Слова Герё все присутствовавшие выслушали, не проронив ни слова»⁷.

Так Надь стал пассивным свидетелем, молчаливым наблюдателем кульминации длившегося несколько часов процесса выработки решения. По мере того как демонстрация обретала массовый характер (примерно в пять часов пополудни), посол СССР в Будапеште Ю.В. Андропов, главный советский советник Министерства обороны ВНР генерал-лейтенант Тихонов вступили в переговоры с командованием советским контингентом, расположенным в Секешфехерваре, в Западной Венгрии (в 1956 г. в Будапеште не было советских частей). Они также сообщили в Москву, что события приняли угрожающий оборот. Так же поступил и Герё. Из-за отсутствия документов нельзя говорить с полной уверенностью, что

Герё официально обратился к Андропову или Хрущеву с просьбой ввести советские войска в Будапешт. Расквартированные в Венгрии советские войска начиная с 18 октября находились в состоянии боевой готовности из-за событий в Польше. Советское политическое руководство 21 октября проголосовало против военной операции в Польше и отменило боевую готовность (хотя вопрос о возможном применении силы в Польше оставался открытым вплоть до начала венгерских событий). Когда 23 октября около 11 часов ночи в Москве получили срочное сообщение от советского военного командования в Венгрии, еще продолжалось заседание Президиума ЦК КПСС, где обсуждали события того дня в венгерской столице. Хрущев немедленно высказался «за ввод войск в Будапешт», даже не упомянув венгерских «товарищей» или обращение Герё⁸. В Будапеште Имре Надь появился на заседании Политбюро как раз в тот момент, когда Хрущев сообщал Герё по телефону решение Президиума ЦК КПСС.

Возникает вопрос: почему Надь не выступил против? На суде 9 июня 1958 г. он заявил: «Я не был согласен с вводом советских войск. Но не было ни намека на то, что я буду услышан. Герё не имел привычки советоваться с кем-либо. Я самоустранился, как если бы меня это не касалось»⁹. Возможно, еще не прошел шок от столкновения с неведомой силой — толпой на площади Кошута, где Надь просто «не сумел подобрать нужных слов». Возможно, он еще не осознал, что значит пустить колонны советской бронетехники на улицы Будапешта. Возможно, ему передались панические настроения, царившие в здании ЦР ВПТ на улице Академии. Не исключено, что Надь сдался без боя, потому что, как всегда в критических ситуациях, ему захотелось ретироваться, словно дезертиру. Но может быть, он поступил так намеренно, зная, что сопротивление в данных обстоятельствах не только породит недоверие, но и приведет к поиску козла отпущения. Его возражения словно бы подтверждают, что они с товарищами подстрекали молодежь и теперь саботируют «смелые» шаги, предпринятые с целью разрядить обстановку. Или же Имре Надь в этот момент находился «в полном ступоре»?

На расширенном заседании Центрального руководства, приступившем к работе в 11 часов ночи, Имре Надь отсутствовал. Всего удалось собрать около 50 членов¹⁰. Герё доложил о результатах разговора с Хрущевым. В Будапешт были вызваны советские войска, в то время как реорганизацию Политбюро отложили до следующего дня. О последнем — до прибытия советской деле-

гации, направленной в Будапешт для урегулирования кризиса — попросил лично Хрущев. Ожидался приезд не только членов Президиума ЦК А.И. Микояна и М.А. Суслова, но и первого заместителя начальника Генштаба Вооруженных сил СССР генерала армии М.С. Малинина и председателя КГБ И.А. Серова. На ночном заседании Герё предложил ввести чрезвычайное положение, что было одобрено Центральным руководством. В вопросе реорганизации партийного и государственного руководства Герё допустил ошибку: ни словом не обмолвился о том, что по просьбе из Москвы кадровые вопросы отложены до прибытия советской делегации. Тогда Мартон Хорват, поддержанный рядом участников пленума, предложил безотлагательно и кардинальным образом пересмотреть персональный состав ЦР и правительства. В этот момент в зал пригласили томящегося ожиданием в коридоре Имре Надя, который, таким образом, оказался свидетелем дискуссии. Как ни в чем не бывало, пленум сформировал избирательную комиссию, после чего Надя снова попросили выйти в коридор, так что он отсутствовал при выборах Военного комитета (так называемого штаба) и иных временных структур, созданных для противодействия вооруженному восстанию¹¹.

Избирательная комиссия до самого утра тянула время в кабинете Герё. Уже удалось достичь согласия по вопросу о персональном составе Политбюро и о том, что во главе правительства вновь встанет Имре Надя, которого вернули в партийное руководство. Прилет советской делегации из-за тумана задерживался, между тем ЦР торопило с принятием решения. Тогда в зал вновь пригласили Надя, который предложил немедленную отставку Герё и избрание первым секретарем Яноша Кадара. Тот отказался, и Надя, наконец, согласился возглавить правительство, даже при условии, что Герё сохранит за собой пост первого секретаря, а заместителем председателя правительства станет нынешний премьер-министр Андраш Хегедюш. По окончании заседания ЦР, в 8 часов 13 минут, по радио передали сообщение о кадровых перестановках. Кроме Имре Нады в ЦР кооптировали Ференца Доната, Гезу Лошонци, Дёрдя Лукача и Ференца Мюнниха, в остальном его состав остался без изменений (даже отсутствовавший Матяш Ракоши сохранил членство). Таким образом, из Политбюро были исключены наиболее одиозные сторонники Ракоши, в том числе министр обороны Иштван Бата, Иштван Ковач, министр внутренних дел Ласло Пирош и (по настоянию Нады) Йозеф Реваи. Теперь в Политбюро наряду со старыми членами (Антал Апро, Герё, Кадар, Марошан, Хегедюш) входили те, кто (предположительно) поддерживал Надя, — Шандор Гашпар, Дюла Каллаи,

Карой Кишш, Йозеф Кёбёл, Золтан Санто, а также «кандидаты в члены» (без права голоса) Геза Лошонци и Шандор Реваи. Секретариат, в который уже входили Кадар и Герё, расширили за счет Доната и Каллаи. Надь стал членом Политбюро и председателем сохранившего полномочия правительства.

Еще до официального объявления об изменениях в партийном и государственном руководстве в коммюнике, изданном в 5 часов утра от имени «Совета Министров Венгерской Народной Республики», события предшествующего дня в Будапеште были названы «фашистским реакционным [спустя час — контрреволюционным] вооруженным нападением». Около 9 часов утра, после объявления от имени вновь назначенного председателя правительства о кадровых перестановках и введении чрезвычайного положения, было передано новое сообщение (на этот раз без подписи), что «в соответствии с решениями Варшавского договора “правительственные органы” обратились к расположенным в Венгрии советским Вооруженным силам с просьбой о помощи»¹². Ввод советских войск придал событиям в Венгрии новое, необратимое направление. Это обстоятельство стало тяжелым бременем для Имре Надя: он полагал, что обязан предотвратить столкновение между сверхдержавой и страной, в которой революция превращалась в освободительную борьбу.

Утром 24 октября после бессонной ночи, под нажимом Герё и Хегедюша Надь действительно поставил свою подпись под декларацией о введении чрезвычайного положения. На следствии потом он заявил: «Я был уверен, что военное положение было направлено не против демонстрантов, а против принимавших участие в бандитизме, убийствах, грабеже и разбое»¹³. Для премьер-министра, в течение последующих дней буквально запертого в здании ЦР ВПТ, это стало вопросом вопросов. Кто открыл стрельбу у здания радиокомитета? Кто ранним утром напал на колонну советских танков на подступах к Будапешту? Иными словами, кто такие повстанцы? Чего они добиваются? Что, собственно, творится там, на воле? В последующие дни Надь по сути самоустранился от важных заседаний, чтобы лично встречаться с делегациями «оттуда» и, таким образом, понять, где же пролегает граница между толпой, которую он наблюдал на площади Кошута, и «бандитами». В своем первом радиообращении в статусе председателя правительства, переданном в первой половине дня 24 октября, он заявил, что те, кто в интересах предотвращения дальнейшего кровопролития в тот же день до 14 часов прекратят борьбу и сложат оружие, не предстанут перед чрезвычайным судом. Он пообещал, что правительство приложит «все усилия» для осуществления июньской

правительственной программы, призвал к порядку и спокойствию; наконец, заверил, что как только в Будапеште восстановится порядок, советские войска будут выведены из столицы¹⁴.

Однако все случилось как раз наоборот. Утром 24 октября в Будапеште спонтанно началась всеобщая забастовка. Общественный транспорт был парализован, не вышли газеты. (Зато телефонная связь работала исправно все время восстания!) Советские воинские формирования появились в городе в ранние утренние часы 24 октября. Судя по тому, как они перемещались по улицам и вели себя в отношении населения, у них не было приказа вмешиваться, по крайней мере изначально. Похоже, расчет был сделан на то, что тактика, с успехом примененная во время восстания 1953 г. в Берлине, — «запугивание через демонстрацию силы» — принесет свои плоды и в этот раз. Повстанцы, противостоявшие войскам, были малочисленны: в первые часы борьбу вели несколько тысяч вооруженных людей. Они набрасывались на танки, по мере того как они продвигались к центру города, и даже вывели несколько машин из строя. Им удалось возвести несколько внушительных баррикад как в Буде, так и в Пеште. Большинство вооруженных повстанцев были молодые рабочие и студенты, многие — еще подростки. С поразительной смелостью они шли против танков с весьма примитивным оружием и «коктейлями Молотова». Главным было то, что они могли полностью рассчитывать на практическую помощь и, что особенно важно, моральную поддержку населения. Пока их положение не выглядело безнадежным, они не собирались сдаваться; попытки выкурить из мест укрытия ни к чему не приводили, и группы, разбежавшись, вскоре воссоединялись вновь.

Выпуски новостей из столицы мобилизовали людей по всей стране, и начиная с 24 октября демонстрации и митинги протеста проходили повсюду — в городах и маленьких поселках. Поскольку Центральное руководство оказалось парализовано, а местные формирования армии и государственной безопасности не имели большого желания браться за оружие, власть на местах нередко спасалась бегством. В разных частях страны создавались комитеты; одни называли себя революционными советами, другие — национальными комитетами. Они брали контроль за ситуацией на местах в свои руки. В Будапеште рабочий совет на электроламповом заводе «Эдъешюлт Иззо» был избран уже 24 октября и, принимая во внимание общенациональный характер забастовки и чрезвычайность ситуации, вызванной вооруженным сопротивлением, он взял управление заводом в свои руки. Весть об этом облетела всю страну, и в последующие несколько дней временные

рабочие советы были созданы на всех промышленных предприятиях. В крупных районах революционные комитеты состояли из представителей рабочих и студенческих советов. В некоторых случаях в комитеты также включались представители коалиционных партий периода до 1948 г. или особо уважаемые люди, занимавшие в прошлом те или иные публичные должности. Эти комитеты повсюду брали на себя властные функции. Так за несколько дней возникла новая когорта руководителей, легитимированных революцией. Эти активисты были в большинстве своем молодыми людьми, обладавшими необходимыми качествами, чтобы взять на себя ответственность за благосостояние жителей своих округов в чрезвычайно сложных обстоятельствах. Собственно говоря, страна разделилась на две части. По одну сторону стояли революционные органы, включая рабочие советы, вооруженных повстанцев и сочувствующее население, выразившие чаяния народа, в первую очередь о выводе советских войск. По другую сторону находился властный центр в Будапеште, пытавшийся выполнять свои функции с помощью тех ограниченных средств, которые оставались в его распоряжении.

24 октября между часом и двумя пополудни в здание ЦР ВПТ в Будапеште прибыла делегация Президиума ЦК КПСС. Судя по первым телеграммам в Москву, сначала гости оценили положение весьма оптимистически, даже не почувствовали напряженности в отношениях между Герё и Надем. Вечером в присутствии советских товарищей во главе с Микояном прошло заседание Политбюро ВПТ, где речь шла о мерах по нормализации обстановки. В соответствии с принятыми накануне решениями утром 25 октября правительство в особом обращении призвало прекратить забастовку и возобновить работу общественного транспорта. Когда в 9 часов утра члены Политбюро вновь собрались на свое заседание, до них впервые донеслись звуки перестрелки, происходившей в непосредственной близости от здания ЦР ВПТ, а одна шальная очередь даже прошла стену в зале. Вскоре начали поступать вести о массовом кровопролитии на площади Кошута, где советские войска и части венгерской госбезопасности, стянутые на защиту здания правительства, открыли огонь по мирной толпе, собравшейся у здания парламента. Более 100 человек были убиты, многие получили ранения. В том числе и под впечатлением от произошедшего Политбюро сместило Герё с поста первого секретаря ВПТ и избрало на эту должность Яноша Кадара. На заседании Имре Надь предложил дать оценку недавним событиям: «Я также поставил вопрос об использовании советских войск, объясняя, что они провоцируют крайнее возмущение в массах»¹⁵.

Около полудня на заседании появился Ференц Донат, который накануне вместе с Гезой Лошонци отказался войти в состав Политбюро в знак протеста против сохранения за Герё поста первого секретаря. Вместе с Йожефом Кёбёлом он потребовал вывести Герё из состава Политбюро. Кёбёл также предложил, чтобы в следующем радиообращении Надь объявил о выводе советских войск из Венгрии (после восстановления порядка). Этому решительно воспротивились члены делегации из Москвы. Несмотря на это в речи, переданной по радио 25 октября в 15 часов 30 минут, Надь заявил о необходимости широкой и обоснованной программы реформ и реорганизации правительства на основе сплочения самых широких демократических национальных сил обновленного Отечественного народного фронта. Далее он пообещал, что «правительство выступит с инициативой проведения переговоров об отношениях между Венгерской Народной Республикой и Советским Союзом, в частности, о выводе советских войск, находящихся на территории Венгрии»¹⁶. Хотя крайний срок для сложения оружия, и так неоднократно продлевавшийся, давно истек, Надь повторил, не упоминая об ультиматуме, что те, кто незамедлительно прекратят борьбу и сдадут оружие, не будут преданы чрезвычайному суду.

Ни речь Имре Надя, ни отставка Герё не привели к желаемым переменам. События развивались не по воле партийного руководства или правительства, ход истории определяли вооруженные повстанцы, сражавшиеся на улицах Будапешта, а также участники проходивших по всей стране демонстраций и всеобщей политической забастовки. Имре Надь хотел получить информацию из первых рук. Во второй половине дня 25 октября он встретился с группой будапештской молодежи и представителями рабочего совета из Мишкольца во главе с первым секретарем Боршодского обкома партии Рудольфом Фёльдвари. Диалог показал, сколь по-разному смотрят на одни и те же события осторожный в своих заявлениях премьер-министр и представители повстанцев. Последние требовали немедленного вывода советских войск, выхода Венгрии из организации Варшавского договора, скорейшего разоружения формирований государственной безопасности, проведения подлинно демократических выборов на многопартийной основе¹⁷. На стенах домов в Будапеште стали появляться плакаты, изображавшие русскую марионетку «Имрова Надя». Тогда же по городу разнеслась молва, что Надя держат «в застенках АВХ» и он зачитывает свои радиообращения под дулом пистолета. Так разочарованные народные массы пытались обелить в своих собственных глазах национального кумира.

К 26 октября Имре Надь так или иначе поборол свое смятение и к нему постепенно стало приходить смутное понимание, что положение следует исправлять не военными, а политическими средствами. В этот день он продлил запрет на привлечение сложивших оружие к чрезвычайному суду и приостановил подготовку к штурму базы повстанцев в районе кинотеатра «Корвин», неизбежно повлекшему бы немалые жертвы среди мирного населения. Он попытался включить в состав формировавшегося правительства тех людей, которых 23 октября намеревался ввести в состав партийного руководства, — кроме Доната и Лошонци, также секретаря кружка Петёфи Габора Танцоша, своего бывшего университетского ассистента Антала Денеша, начальника городской полиции, ведшего переговоры с восставшими, Шандора Копачи. Из партийного руководства выбор пал на Золтана Вашу, Йожефа Кёбёла, Кароя Понграца. Наконец, Надь подумал о бывшем секретаре Независимой партии мелких хозяев Беле Коваче, лишь недавно вернувшемся в Венгрию из советского ГУЛАГа. Впрочем, ЦР «зарубило» буквально всех его кандидатов, так что перестановки в правительстве ограничились включением в него Денеша, Ковача, Лукача и бывшего президента республики Золтана Тильди (также члена НПМХ). Все это недвусмысленно свидетельствовало о слабости позиций Имре Надя и о силе сталинистов в партийном руководстве.

На заседании Политбюро 26 октября Ференц Донат предложил установить контакты с участниками «массового движения», чтобы «удовлетворить справедливые требования масс. Партия не должна противопоставлять себя массовому движению, которое стремится к построению социализма демократическим путем, скорее, она должна возглавить это движение»¹⁸. Это предложение поддержали не только Надь, Лошонци и Кёбёл, но даже Герё и Хегедюш. На следующем, довольно сумбурном заседании Центрального руководства, где речь спонтанно заходила то о составе нового правительства, то о новой политической линии, Кадар предложил принять предложение Доната за проект резолюции: обсуждению подлежат все требования, кроме вывода советских войск. По непонятным причинам Надь не проявлял никакого интереса к дискуссии, даже несколько раз покидал зал заседаний. Ранее он сообщил Микояну и Сулову, что повестка дня заседания Политбюро была ранее одобрена партийным руководством. Ссылаясь на Надя, Микоян сообщил в Москву: «Перед нами два возможных пути: отклонить все эти требования, не вносить изменений в состав правительства, опираясь на части Советской армии... Если мы пойдем по этому пути, мы пропадем. Поэтому вен-

герские товарищи считают приемлемым второй путь: это вовлечь в состав правительства нескольких видных демократов, сторонников народной демократии как из бывших мелкобуржуазных партий, так и интеллигентов, студентов, рабочих»¹⁹. Между тем на заседании ЦР члены Военного совета под председательством первого секретаря Будапештского горкома Иштвана Ковача пошли в атаку на «пораженческую» линию. Надь ненадолго вернулся в зал заседаний и дал увлечь себя в дискуссию с Шандором Ногради и Ковачем о том, кто и от чьего имени имеет право издавать законные или незаконные решения. «У вас военный аспект стоит выше политического»²⁰, — жестко заявил председатель правительства, однако затем, когда в его присутствии возникла особая необходимость, вновь (как нельзя некстати) оставил заседание, чтобы встретиться с делегациями Союза писателей и студенческого революционного комитета. Они всего лишь хотели изложить свои требования, которые в целом не изменились по сравнению с прошедшими днями, но здесь их постигло разочарование. Премьер-министр «выглядел бездеятельным, и такое поведение здорово нас разозлило», — признавался на допросе спустя девять месяцев член студенческого комитета университетский ассистент Иштван Пожар. Надь ограничился обещанием донести их позицию до руководства и собрался было уйти. Один из участников встречи вспоминал, как кто-то из студентов крикнул ему вслед: «Вы должны представить ее в качестве премьер-министра Венгрии!»²¹.

Тем временем заседание Центрального руководства подошло к концу. Была единогласно принята декларация ЦР ВПТ, где, с точки зрения переоценки событий, не содержалось ничего нового. Во главе партии поставили «чрезвычайную комиссию» (Директорию) в составе Кадара, Надя, Хегедюша, Апро, Мюнниха и Санто²². Донат и Лошонци заявили, что после того как потерпели поражение в ЦР и сталинисты обозвали их предателями, они подадут в отставку. Надь следил за происходящим в состоянии глубочайшей эмоциональной подавленности. Донат писал в мемуарах: «Слезы текли по его щекам. Он производил впечатление благонамеренного, добропорядочного человека, верного своему народу, своей стране и делу социализма, который в сложной ситуации оказался совершенно бессильным перед лицом событий»²³. Но во второй половине дня, когда члены Политбюро и советская делегация собрались на совещание, у Надя как будто наступил новый прилив сил. Создание Директории вместо изможденного ЦР и бездеятельного Политбюро стало верным политическим решением. Микоян доложил в Москву о том, что Имре Надь спокоен, как если бы утренней дискуссии не было вовсе. «Мы решили, — сказал

Имре Надь, — наряду с вооруженным подавлением мятежа проводить политику примирения и сближения с нами интеллигенции и народных масс, пойти навстречу народному движению и национальным чувствам»²⁴. Складывалось впечатление, что Надь наконец-то понял, что только его собственная решимость может спасти совершенно безнадежную ситуацию.

По инициативе США, Великобритании и Франции (несмотря на протесты СССР и ВНР)²⁵ на 28 октября в Нью-Йорке было назначено заседание Совета Безопасности ООН. В повестке дня стоял вопрос о военном вмешательстве Советского Союза во внутренние дела Венгрии. По инициативе Москвы в стенах ЦР ВПТ спешно подготовили письмо, датированное 24 октября, в котором венгерское правительство просило о вмешательстве советских войск. Герё попытался утром 27 октября получить подпись Нады под письмом, но премьер-министр наотрез отказался под тем предлогом, что в тот момент еще не стоял во главе правительства. В конце концов, письмо подписал Андраш Хегедюш²⁶, у Нады же случился сердечный приступ. Премьер-министра настолько возмутила беззастенчивая попытка его скомпрометировать, что с этой минуты поведение Нады радикально изменилось. Тому же немало способствовала встреча с видными деятелями партийной оппозиции Т. Ацелом, М. Гимешем, П. Лёчеи и Й. Силади, которым, наконец, удалось встретиться с Надем. Чтобы проникнуть в здание ЦР ВПТ, тем не менее, им пришлось прибегнуть к «уловке» — присоединиться к группе молодых рабочих под видом «делегатов от района Андялфёльд». Друзья изложили Надю свое понимание того, что он сделал и чего не сделал, начиная с 23 октября, в первую очередь те инициативы (ультиматум о разоружении повстанцев или ввод советских войск), которые люди на улицах приписывали Надю. Друзья побуждали его покинуть здание ЦР ВПТ, дистанцироваться от руководства, выйти в город и своими глазами увидеть, что творится на улицах. В сложившейся крайне напряженной обстановке Надь переживал глубочайший душевный кризис. По словам Гимеша, премьер-министр не мог сдерживать слез, однако в конце встречи с непривычной для него твердостью заявил, что еще в течение дня предпримет решительные шаги²⁷.

Вечером 27 октября состоялось заседание Директории. Протокольная запись о нем довольно скупа: «Обмен мнениями по центральному вопросам. (Тов. Надь обобщит по материалам дискуссии)»²⁸. Впрочем, из сохранившихся источников становится ясно, что Надь по результатам дискуссии с «делегатами от Андялфёльда» изложил ранее известные революционные требования. Сохранилась собственноручная записка Нады, в которой он оце-

нил положение весьма реалистично: «Мы не можем управлять. Мы не можем избежать вооруженного столкновения. У нас не осталось иного выбора, как опереться на советские силы. Поддержки народа мы лишились. Общественное мнение в стране отвернулось от нас». В другой записке он констатировал: «Если мы восстановим порядок с помощью трудящихся, советские войска можно будет вывести... Вопрос о Ракоши. Вопрос о Герё. Советские войска. ЦР. Народный фронт. Новое правительство. Нужны решительные политические шаги. Более ранние требования. Независимость»²⁹. Несомненно, Надь встал на платформу Доната – Лошонци, 26 октября предложивших формулу: «политические переговоры вместо военных действий». Консолидированная позиция Директории заключалась в том, что ни венгерские органы охраны правопорядка, ни советские войска не должны переходить в наступление, что партия или правительство должны согласиться с частью революционных требований и что недавние события нельзя оценивать просто как контрреволюционные.

Поздним вечером Имре Надь и Янош Кадар провели многочасовое совещание с Микояном и Суловым в здании посольства СССР. Им удалось добиться устного согласия на выполнение решений Директории. От этой встречи, которую сами участники называли не иначе как «поворотный момент», не сохранилось никаких документальных свидетельств. Скорее всего Надь сообщил о том, к какому выводу пришел 26 октября, и изложил, о чем шла речь на заседании Директории. Есть веские основания полагать, что Кадар поддержал премьер-министра по всем вопросам. Возможно, он опасался полного развала партийного руководства, а также того, что профсоюзы перейдут на сторону революции. (Кадар всегда уделял повышенное внимание рабочему классу. Впрочем, под этим он понимал в первую очередь низшее партийное и профсоюзное руководство «из рабочих».) Советские переговорщики согласились с переменной курса, но это не означало, что революция победила.

Это стало ясно уже на следующий день, когда на рассвете 28 октября советские и венгерские части предприняли совместную атаку на самый укрепленный центр сопротивления будапештских повстанцев — в районе кинотеатра «Корвин». Надь немедленно оценил, что здесь имеет место последняя попытка сталинистов развязать кровавую бойню и помешать мирному развитию, поэтому приказал прекратить операцию. Какой бы быстрой ни была его реакция, она оказалась бессмысленной: повстанцы отразили наступление, выведя из строя авангард советских танков. Тем же утром на заседании Политбюро Кадар доложил о согла-

шении, достигнутом накануне вечером, относительно пересмотра политической оценки событий. Он пытался преуменьшить значение «поворотного момента» и представить дело так, как если бы партия хотела всего лишь скорректировать ошибочную позицию профсоюзов, поскольку именно они вели речь о революции. Он добавил, что перемирие необходимо для продолжения переговоров с повстанцами о сложении оружия.

Имре Надь в очередной раз с необъяснимым безразличием взирал на двух сталинистов — Герё и Хегедюша, которые вновь, как и двумя днями ранее, пытались предотвратить то, что сами называли «пораженчеством». Шандору Ронаи даже пришлось спровоцировать Надя: если «поворотный момент» понимать как заявление правительства, то премьер-министру необходимо изложить свою позицию. Когда Надь, наконец, взял слово, он говорил жестко, решительно, агрессивно. Председатель правительства критиковал Директорию и беспрецедентным образом выразил несогласие с советской делегацией. «Товарищ Микоян, обращаясь ко мне, сказал, что нужно стоять тверже. Но я не буду твердо стоять там, где интересы партии требуют идти дальше». Надь снова подчеркнул: «Если движение, опирающееся на широкую базу, мы будем считать контрреволюцией, как мы и оценивали его поначалу, то не останется другой возможности, как подавить его с помощью оружия, танков и артиллерии. Это трагедия. Теперь нам уже ясно, что это не наш путь». Он заявил, что правительственная декларация будет включать в себя немедленное и полное прекращение огня, вывод советских войск из зоны боев, организацию новой демократической полиции с опорой на студенчество (которое в партии не без оснований считалось движущей силой революции и с куда меньшими основаниями отождествлялось с вооруженными повстанцами) и, наконец, реорганизацию органов государственной безопасности и амнистию для повстанцев и политических заключенных³⁰. Тон выступления Надя преопределил отсутствие дискуссии. Функции ЦР и Политбюро перешли к Президиуму в составе шести человек — все члены Директории, за исключением Андраша Хегедюша, которого после непродолжительных прений заменил Карой Кишш. В состоявшемся утром того же дня последнем заседании ЦР ВПТ Имре Надь даже не принял участия.

Надь, вне всяких сомнений, решил, что для него со старым партийным руководством покончено. В последующие сорок восемь часов он, по преимуществу, был занят тем, что разъяснял общественности от имени правительства суть «поворотного момента» во имя восстановления мира, спокойствия и порядка — первой-

шей цели его внутренней и внешней политики. В 13 часов 20 минут по радио передали заявление о немедленном и всеобщем прекращении огня, подписанное премьер-министром И. Надем. Тем временем в здании ЦР ВПТ не один час продолжалось редактирование текста правительственной декларации. По требованию Надя к работе были привлечены некоторые видные члены партийной оппозиции. Из-за множества «нянек» и постоянных консультаций с Президиумом ВПТ и советской делегацией документ в три с половиной страницы рождался в ходе многочасовых дискуссий.

Надь связывал со своим публичным заявлением большие надежды и ждал подлинного прорыва; для этого у него были все основания. Определение «контрреволюция» в документе отрицалось, происшедшее называлось «грандиозным народным движением» и «широким национальным демократическим движением, охватившим весь наш народ и сплотившим его воедино». Причиной восстания назывались ошибки и преступления, «имевшие место в последнее десятилетие». В декларации правительство обещало немедленно принять меры для решения наиболее важных вопросов — повсеместное немедленное прекращение огня, амнистия всем сложившим оружие повстанцам, договоренность с советским правительством о выводе в кратчайший срок советских войск из Будапешта. Текст также содержал много других обещаний: повышение заработной платы и пенсий, жилищное строительство, поддержку сельского хозяйства, конец «нарушениям законности», допущенным в ходе кооперативного движения и размежевания земельных участков³¹. Премьер приветствовал образование рабочих советов на промышленных предприятиях, обещал «поддержку» местным революционным советам и комитетам и их включение в систему государственного управления. Надь заверил, что венгерское правительство проведет переговоры об отношениях между Венгерской Народной Республикой и Советским Союзом, в частности, о выводе находящихся на территории Венгрии советских войск. Он также пообещал сформировать новые органы охраны общественного порядка «из вооруженных отрядов рабочих и молодежи». «После восстановления порядка» премьер-министр намеревался приступить к организации новой независимой государственной полиции и ликвидировать Управление государственной безопасности. В речи затрагивались вопросы восстановления республиканского флага и герба (оба носили название «кошутовских») и празднования 15 марта. Произнеся эти слова, Надь исполнил многие из революционных требований и дал слово исполнить другие в ближайшее время. С другой стороны, он ничего не сказал

о политической системе (одно- или многопартийная) и свободных выборах и не проронил ни слова о виновных и уготованном им наказании. Его образ мыслей и, соответственно, программная речь были в последний раз утверждены решением партийного руководства — резолюцией, не содержащей упоминаний об изменении политической структуры³².

Первое заседание правительства началось во второй половине дня 28 октября с чтения программной речи. Затем Надь отправился в радиостудию в парламенте, чтобы записать выступление. Не успел он вернуться в свой кабинет, как к нему пришел Золтан Тильди с целым рядом новых предложений: немедленное прекращение практики размежевания земельных участков, критический пересмотр учебников, изменение налогообложения мелких производителей. Тильди был единственным членом правительства, называвшим недавние события «революцией», хотя и в довольно необычном контексте: «Прекратить революцию в интересах нации, когда ее можно прекратить мирным путем, а не кровопролитием». В отличие от Имре Надя, Тильди, похоже, отдавал себе отчет в политическом значении первого дня работы нового правительства. Тем не менее премьер-министр отклонил все предложения, не вписывавшиеся в рамки правительственной программы, в том числе детально проработанный проект отмены обязательных продовольственных поставок, поданный министром заготовок Анталом Денешем³³.

Нетрудно догадаться, почему Надь был столь осторожен, если принять в расчет фактор, о котором на заседании правительства даже не упоминали, — внешнеполитический. Даже если Надь не мог ничего знать о решении Президиума ЦК КПСС от 28 октября, где по предложению Хрущева было решено в качестве временной меры принять изменившуюся ситуацию и вывести советские войска из Будапешта³⁴, у премьера были все основания проявлять осторожность. Он желал ни в чем не нарушить соглашения, достигнутые с делегацией Микояна. Советские товарищи в тот день оказали еще одну любезность — вывезли вечером из Будапешта Герё, Хегедюша, Ласло Пироша и Иштвана Бату. В тот же день, 28 октября, Совет Безопасности ООН рассмотрел венгерский вопрос, которому вскоре присвоили статус «*sine die*» (т. е. бессрочного). Теперь стало совершенно очевидно, что дело касается не только Венгрии или Восточного блока, но стало фактором мировой политики. С этой точки зрения, Имре Надь был не только венгерским партийным руководителем и главой правительства, ведущим переговоры с советскими «товарищами», но

и первым человеком маленькой страны, оказавшимся в свете прожекторов на сцене мировой политики.

Ночь с 28 на 29 октября Надь провел в здании ЦР ВПТ. Утром следующего дня он встретился с делегацией Революционного комитета венгерской интеллигенции, затем отправился в здание парламента. Там он собрал своих «единомышленников», чтобы с их помощью сформировать политический совещательный орган и секретариат председателя правительства. Участник этой встречи Тибор Мераи писал, что Надь выглядел «свежим, отдохнувшим, уверенным в себе и — нетерпеливым»³⁵. Собравшиеся заверили его в том, что сказанное им накануне вечером правильно, но недостаточно. Представитель интеллигенции и радикальный член партийной оппозиции Гимеш говорил о многопартийной системе и свободных выборах. Реакция Надя была негативной. Из тех, кого председатель правительства пригласил в свою команду, Гимеш и Вашархейи отклонили приглашение, остальные вошли в состав секретариата премьер-министра, во главе которого встал Йозеф Силади.

От ближайшего дружеского окружения Надь получил первое подтверждение тому, что различные «пункты», сформулированные 23 октября, уже выкристаллизовались в несколько взаимосвязанных базовых требований: вывод советских войск, роспуск АВХ, национальная независимость и политическая демократия. Надь все еще верил, что партия пошла на существенные уступки и он сможет на основе правительственной декларации вести политическую (а если потребуется — вооруженную) борьбу против «экстремистов», которые, к сожалению (для него это было очевидно), заразили некоторых его идеологически нестойких друзей. В первую очередь премьер-министра волновал вопрос, какими вооруженными силами располагает правительство на этот случай, останутся ли силы и какие, которые не примут его сторону. Сам Надь больше занимался нейтрализацией повстанцев, чем организацией новых Вооруженных сил. Эту задачу он возложил на министра внутренних дел Ференца Мюнниха и министра обороны Кароя Янзу, что в свете последующих событий оказалось серьезной ошибкой. Ни того ни другого не волновали спонтанно сформировавшиеся при университетах части национальной гвардии. Руководство армией было дезорганизовано, занималось не восстановлением порядка, а внутренними интригами. Поведение Мюнниха было более чем противоречивым. На совещании в Министерстве внутренних дел вечером 28 октября он сначала хвалил подразделения армии и полиции за твердость, проявленную «в борьбе с враждебными элементами», затем объявил об роспуске государственной

безопасности, ненавистного АВХ. Одновременно он приказал личному составу оставаться на постах. Ни об одной из этих мер он не упомянул в своем радиообращении 29 октября.

Еще накануне, вечером 28 октября, начались прямые переговоры с руководителями повстанцев в VIII и IX пролетарских районах венгерской столицы, а на следующий день Имре Надь принял их в здании парламента. Председатель правительства готовился не к политическому диспуту, а к переговорам о сложении оружия. Командиры повстанцев, со своей стороны, — в том числе Ласло Иван Ковач и Эден Понграц, сражавшиеся в районе кинотеатра «Корвин», Иштван Андял с улицы Тюзолто и еще пятнадцать человек — хотели изложить свои требования. Премьер-министр терпеливо разъяснял, что невозможно выполнить все требования сразу, что необходимо учитывать сложное положение, в котором оказалась страна, и пытался убедить повстанцев — большинству из них было не более 20 лет — сложить оружие: «Ребята, неужели вы думаете, что я не такой же венгр, как вы?»³⁶. В заключение все присутствовавшие заверили правительство в своей поддержке и пообещали сдать оружие венгерской армии, когда советские войска покинут Венгрию.

Но уже через пару часов только что достигнутые договоренности были нарушены: боевые группы не сдали оружие частям венгерской армии, не распустились и, напротив, потребовали включить их во вновь формируемые полицейские части. Только 30 октября удалось договориться с повстанцами в районе кинотеатра «Корвин», что некоторые бойцы поступят в правоохранительные органы, несовершеннолетние будут зачислены в военные училища, остальные сложат оружие. Но и это соглашение ни к чему не привело: оружие никто не сдал, число вооруженных повстанцев росло. Возможно, Надь понял, что на фоне плохо подготовленной и экипированной армии и полиции повстанцы оказывались единственными вооруженными формированиями, которых признавала «улица». Однако в тот момент у него не было никакой возможности найти для них приемлемую организационную форму.

Вечером 29 октября — впервые за прошедшие шесть дней — Надь отправился домой. Прежде чем отойти ко сну, он наверняка поинтересовался, как «там», в народе, восприняли то, что он сделал в последние 36 часов, сочтут они это поворотным моментом или половинчатой мерой на пути к подлинному повороту.

НАЧАЛО КОНЦА

Правительственную декларацию от 28 октября страна восприняла со смешанными чувствами облегчения и разочарования. «Для полного восстановления спокойствия и создания атмосферы доверия прежде всего необходимо, чтобы прозвучало недвусмысленное заявление по поводу тех требований, которые пока остались без ответа», — писала, подводя итог настроениям в стране, 29 октября газета «Хетфёи хирлап» («Вести понедельника»). Того же требовали (правда, не в таких вежливых выражениях) выпущенные в тот день листовки и самиздатовские плакаты, часть которых, несомненно, попала в секретариат председателя правительства. В них шла речь о коренной реорганизации правительства, немедленном выводе советских войск со всей территории страны, проведении свободных выборов и — в качестве нового требования — запрет на службу в органах безопасности для сотрудников распущенного АВХ. Раздавались отчаянные призывы объявить бессрочную забастовку «до окончательной победы», сообщалось о создании различных национальных комитетов в сельской местности, но немало рукописных листовок призывали вернуться на работу, оказать поддержку правительству и лично Имре Надю. Будапештское радио, подконтрольное правительству, пыталось создать впечатление постепенного восстановления порядка, но на радиостанциях в Дьере и Мишкольце, находившихся в руках революционных комитетов, тон был совсем иным. Наряду с новостями здесь передавались местные политические требования и призывы к забастовке. Радио Дьера от имени местного национального совета сообщало, если правительство не прекратит борьбу с повстанцами, «народ Западной Венгрии, все как один, поспешат на помощь бойцам в Будапеште»¹.

Войдя 30 октября в половине десятого утра в свой кабинет в здании парламента, Имре Надь был полон решимости не только продолжить начатое им дело, но и предпринять нечто новое — добиться стабилизации, но на иных принципах. Он сразу вступил

в дискуссию с Яношем Кадаром, Золтаном Тильди и Ференцем Эрдеи о формировании нового правительства. Зачинщиком выступил Тильди, советовавший вернуться к коалиционному принципу. Пока спор не зашел слишком далеко, Кадар предложил поднять этот вопрос сначала на президиуме; Кадар и Надь отправились в соседнее здание ЦР ВПТ, где внесли предложение возродить коалицию 1945 г. из четырех партий. Решение касалось не только возрождения многопартийной системы, но, «между прочим», имело следствием объединение рабочих партий, т. е. ревизию ликвидации СДП в 1948 г.

В своих мемуарах и в ходе следствия Надь называл попытку вернуться к многопартийной системе в 1956 г. необходимым и неизбежным компромиссом, но и «серьезным шагом назад». В теории он, вне всяких сомнений, оставался сторонником многопартийной системы для периода перехода к социализму. В июне 1957 г. на одном из допросов он заявил: «Я был уверен, что в тех странах, где в процессе социального развития сформировался широкий средний класс, многопартийную систему можно принять как выражение интересов этого общественного слоя»². Теперь же его действия определялись не требованием гражданских свобод, но доводами прагматического характера. Он думал, что если политически активная часть общества больше не верит единственной партии, что та осуществит поворот к демократии, партия может вернуть себе утраченное доверие путем альянса с бывшими демократическими партиями, потому что на их фоне тоже будет выглядеть демократично.

Утром 30 октября на заседании Президиума ВПТ не было принято никаких официальных документов. Это примечательно и крайне печально, потому что развернувшаяся там дискуссия была одним из ключевых моментов в истории венгерской революции. Между тем помимо вопросов «коалиционного правительства» и вывода советских войск на сессии обсуждалось предложение о роспуске Венгерской партии трудящихся (ВПТ) и создании новой коммунистической партии. О ходе развернувшейся дискуссии Надь и Кадар периодически информировали Микояна и Суслова, находившихся в том же здании. По странному стечению обстоятельств именно эта телефонограмма советских эмиссаров в Москву не сохранилась. В распоряжении историков есть только протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС со словами Жукова: «Надь ведет двойную игру» — и кратким комментарием Хрущева, сделанным после телефонного разговора с Микояном: «Кадар ведет себя хорошо, 5 из 6 твердо держатся. О выводе войск — идет

борьба внутри Президиума»³. На самом деле советские войска получили приказ «Не стрелять!» только около шести часов вечера 29 октября, а не «немедленно», как об этом сообщил Надь на заседании правительства днем ранее. До этого самого момента все еще имели место случаи перестрелок. О выводе войск не могло быть и речи, поскольку части нигде в городе не покинули занятые позиции.

По возвращении в здание парламента решения Президиума ВПТ были дословно повторены в резолюциях правительственного президиума (премьер-министра и его заместителей), затем в 14 часов 28 минут Имре Надь в своем радиообращении объявил о новых, поворотных изменениях. Однако изменения оказались половинчатыми. За типичным для коммунистического политика обращением («Трудовой народ Венгрии! Рабочие, крестьяне, интеллигенция!») последовала резкая смена стиля: «Все шире развертывающаяся в нашей стране революция, грандиозное движение демократических сил поставило нашу родину перед выбором. Национальное правительство при полном одобрении со стороны президиума Венгерской партии трудящихся приняло судьбоносное для жизни венгерской нации решение, которое я хочу довести до сведения трудового народа Венгрии. В интересах дальнейшей демократизации жизни страны мы ликвидируем однопартийную систему и устанавливаем правление на основе демократического сотрудничества коалиционных партий, возрожденных в 1945 г. В соответствии с этим в рамках Национального правительства создан узкий кабинет, членами которого являются Имре Надь, Золтан Тильди, Бела Ковач, Ференц Эреди, Янош Кадар, Геза Лошонци и один представитель, который будет позже назначен социал-демократической партией». Относительно вывода советских войск не только из Будапешта, но и с территории страны правительство обещало начать переговоры с Москвой «незамедлительно». В заключение Надь призвал стоять «на страже завоеваний революции» и восславил «свободную, демократическую и независимую Венгрию». Прилагательного «социалистическую» премьер-министр не употребил⁴. Тем самым он признал начавшееся 23 октября народное движение источником легитимности для правительства и себя самого. В этот момент было выполнено требование будапештских демонстрантов «Имре Надя — в правительство!», ибо хотя Надь и раньше стоял во главе правительства, но оно все еще было коммунистическим, а не таким, каким его представляли участники народного движения.

Впрочем, поворот и теперь не был окончательным. Министры предшествующего правительства по-прежнему занимали свои должности, а персональный состав многопартийного кабинета (нечто вроде правительственного президиума) отражал более ранние представления Нады о коалиционном правительстве как конституционной основе «народной демократии». Трое из шести членов кабинета были коммунистами (правда, в тот момент они поддерживали линию Нады), лишь двое принадлежали к НПМХ, притом Тильди, как представитель «мягкой» тактики в отношении коммунистов в 1945–1948 гг., был скорее разобщающей, чем объединяющей фигурой; Ференца Эрдеи из НКП все считали скомпрометировавшим себя «попутчиком», входившим в состав правительства при Ракоши.

В последующие 36 часов Надь одновременно пытался сделать свой кабинет более «приемлемым» и на основе новой, революционной легитимности продолжать консолидацию того, что уже было достигнуто. Теперь он отставал от частых изменений в общественных настроениях «всего» на несколько часов, но на фоне радикализации требований даже такое опоздание иногда оказывалось роковым. Ослабление напряженности, наблюдавшееся 28 октября, на следующий день замедлилось и к 30 октября сменилось нетерпеливым раздражением. Несмотря на то что советские войска начали, наконец, постепенно покидать Будапешт, повсеместно звучало требование, что Венгрия должна немедленно выйти из организации Варшавского договора и объявить о своем нейтралитете. Революционные комитеты в столице и по всей стране не только не поддерживали правительство, но и отказывали ему в доверии до тех пор, пока не будут выполнены новые требования. Вооруженные группы отказывались сложить оружие даже перед венгерскими вооруженными силами и требовали гарантий, что войдут в новые воинские формирования. Рабочие советы относительно окончания забастовки заняли выжидательную позицию. Звучало требование: пока русские не уйдут, никто не должен возвращаться к работе. 30 октября в Дьере произошло знаменательное объединение всех революционных организаций. Задунайский национальный совет попытался взять под свой контроль все части, расположенные в Западной Венгрии, некоторые предлагали создать альтернативное правительство. Если бы пользовавшийся большим авторитетом председатель совета Аттила Сигети и рабочие не выступили против, последствия могли быть самыми тяжелыми. Революционные советы создавались в органах центрального управления, министерствах, армии; главной задачей они видели

очищение своих рядов от наиболее одиозных сторонников режима Ракоши. Все это питало растущие опасения правительства, что вслед за улицами Будапешта, провинцией и прессой они могут потерять остатки влияния в бюрократическом аппарате и вооруженных силах.

Бой 30 октября перед зданием ЦР ВПТ на площади Республики красноречиво свидетельствовал о том, до чего может довести годами копившаяся ненависть. События разворачивались, как в хорошо поставленной пьесе «Улица против власти». Охрана, т. е. служащие государственной безопасности, одетые после отпуска АВХ в полицейскую униформу, схватили несколько вооруженных повстанцев, которые пытались прорваться в здание, и открыли огонь по другим вооруженным группам, подтянувшимся к зданию. Тем временем повстанцы штурмовали ЦР ВПТ. Венгерское танковое подразделение, прибывшее на помощь осажденным, перешло на сторону повстанцев, и именно в этот момент часть охраны покинула здание с намерением сдать (включая сторонника Надя, секретаря Будапештского горкома партии Имре Мезё) и оказалась безжалостно растерзана толпой. Даже если несколько революционных организаций, а также Союз писателей и независимая пресса на следующий день осудили «суд Линча», эти события серьезно осложнили ситуацию и негативно сказались на образе восстания.

Переговоры, которые Надя вел 30 и 31 октября, показали, насколько шаток баланс сил, который будет определять направление революции в последующие дни. В центре переговоров стоял вопрос о восстановлении общественной безопасности и порядка. В этой связи решающую роль сыграл генерал-майор Бела Кирай, осужденный на одном из фальсифицированных процессов в 1950-е годы и лишь недавно получивший свободу. Поскольку планы правительства в индивидуальном порядке зачислять разоружившихся повстанцев в подразделения армии и полиции потерпели провал, Кирай предложил иной путь восстановления порядка⁵ — передать армию и полицию под единое командование, которому будет также подчиняться независимая Национальная гвардия вооруженных повстанцев и других добровольцев (фабричные гвардии, рабочие и студенты). Созданный таким образом Революционный комитет правоохранительных органов состоял бы наполовину из представителей Национальной гвардии, наполовину из офицеров армии и полиции. Если у последних оставались в силе устав и дисциплина, то у Национальной гвардии сохранялась собственная организационная структура: они могли избирать своих командиров,

утверждавшихся затем Революционным комитетом. Проект Кирая, одновременно направленный на поддержку правительства и легитимацию революционных сил, предусматривал, что правом ношения оружия будут обладать только те, кто официально вступил в Национальную гвардию. Вечером 30 октября Имре Надь в присутствии членов кабинета принял плановую комиссию Кирая; их проект был принят за основу. После того как представители вооруженных формирований согласились вступить в Национальную гвардию, 31 октября в казарме Килиан, расположенной неподалеку от сердца восстания — кинотеатра «Корвин», состоялись выборы в Революционный комитет⁶.

Следующим шагом стали переговоры и консультации с широким спектром политических деятелей. Вечером 30 октября Надь в числе других принял главного редактора газеты «Фюгтетленшег» («Независимость») Йожефа Дудаша. Возглавляемый им Венгерский революционный национальный комитет представлялся важным центром сопротивления, за которым стояли вооруженные отряды и толпы сочувствовавших. Утром того дня его газета вышла с жирным заголовком «Нет коалиционному правительству», а вечером на первой странице красовалось: «Мы не признаем нынешнее правительство». Приглашение Дудаша к разговору было обусловлено рядом причин: не только тем, что 1 ноября открывался созванный им съезд «всех народно-национальных революционных организаций», но и его широким кругом знакомств с коммунистическими и некоммунистическими политиками и вовлеченной в революционные организации интеллигенцией. В жизни Дудаша было и коммунистическое подполье, и антифашистское сопротивление, и членство в НПМХ, и пребывание в лагере заключенных в Речке. На самом деле Дудаш был весьма заурядной личностью, оказавшейся в свете прожекторов в силу чрезвычайных обстоятельств революционной ситуации в Венгрии. Премьер-министр вскоре в этом лично убедился, и хотя малозначительное правительственное комюнике от 31 октября прославило Дудаша на весь мир, для правительства он больше не представлял никакого интереса. Те в военном руководстве и среди командиров повстанцев, кто выступали за «революционный порядок», считали Дудаша врагом консолидации № 1 и обращались с ним соответственно, не имея на то (по большей части) никаких оснований⁷.

Затем Надь встретился с двумя уважаемыми лидерами социал-демократической партии — Анной Кетли и Дюлой Келеменом. Поскольку в 1948 г. они не согласились с объединением рабочих партий, оба были посажены в тюрьму и вышли на свободу только в 1956 г. По понятным причинам они не испытывали доверия

к правительству во главе с Имре Надем, поскольку с их партией и ее руководством обошлись еще жестче, чем с партией мелких хозяев. Надь хотел включить представителя СДП в свое правительство и кратко изложил свое видение коалиционного правительства «на основе народной демократии» — видение, которое его собеседники отнюдь не разделяли. Социал-демократы, как единственная серьезная политическая сила, также отвергали идею восстановления хортистского режима, но излюбленные тезисы Имре Нада о «народной демократической системе», «рабоче-крестьянском союзе», «руководящей роли рабочего класса» или «безусловном сохранении и преумножении... наших социалистических завоеваний»⁸ скорее вызвали недоверие. Этот политический словарь был заимствован из той эпохи, что открылась установлением гегемонии коммунистической партии, а завершилась революцией. В последующие дни не было никаких признаков того, что социал-демократы спешили бы с принятием решения. Анна Кетли на конгрессе Социалистического интернационала 1 ноября в Вене заявила: «Мы отказались от предложенного нам места в правительстве»⁹, и, скорее, выступали за неучастие, хотя признавали, что ситуация требовала поддержать усилия по стабилизации.

Позднее в тот же день Надь вместе с Тильди, Эрдеи и Кадаром приняли представителей еще как минимум десяти местных революционных организаций. Все делегаты говорили об одном и том же: пока в стране находятся советские войска, пока страна состоит в организации Варшавского договора, пока не назначена дата выборов и министры — сторонники Ракоши — по-прежнему сидят в своих кабинетах, не может быть и речи ни о сложении оружия, ни о возобновлении работы. Впрочем, 30 октября было сделано немало для восстановления общественного порядка, и главным вопросом оставалось прекращение всеобщей политической забастовки.

Утром 31 октября мировая общественность была удивлена, когда все радиостанции в сводке новостей передали принятую накануне Декларацию Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Вечером 30 октября посол СССР в Венгрии Андропов передал Надю копию декларации. В ней, помимо прочего, говорилось:

«В целях обеспечения взаимной безопасности социалистических стран Советское правительство готово рассмотреть с другими социалистическими странами — участниками Варшавского договора — вопрос о советских войсках, находящихся на территории указанных выше стран [т. е. Венгрии

и Румынии. — Я.М.Р.]. При этом Советское Правительство исходит из того общего принципа, что размещение войск того или иного государства — участника Варшавского договора — производится по договоренности между всеми его участниками и только с согласия того государства, на территории которого по его просьбе размещены или имеется в виду разместить эти войска... Имея в виду, что дальнейшее нахождение советских воинских частей в Венгрии может служить поводом для еще большего обострения обстановки, Советское правительство дало своему военному командованию указание вывести советские воинские части из города Будапешта, как только это будет признано необходимым Венгерским правительством. Вместе с тем Советское Правительство готово вступить в соответствующие переговоры с правительством Венгерской Народной Республики и другими участниками Варшавского договора по вопросу о пребывании советских войск на территории Венгрии...»¹⁰.

На какое-то время могло показаться, что программа Имре Надя, которая постепенно выкристаллизовалась на рубеже 1955—1956 гг., может стать реальностью. Социалистические «реформистские страны» (Польша и Югославия) окажут ему поддержку, а Советский Союз к ним присоединится.

Утром 31 октября на заседании Президиума ВПТ продолжилось обсуждение внесенного накануне предложения Золтана Санта о создании новой коммунистической партии. Имре Надь и другие члены Президиума были убеждены в необходимости такого шага уже потому, что ВПТ выступала правопреемником режима Ракоши, а резолюции от 23—28 октября становились объектами нападков в рамках коалиционного правительства. Несмотря на то что Надя не было ни на учредительном собрании, состоявшемся во второй половине 31 октября, ни на дискуссии, посвященной радиообращению Кадара о создании новой партии, имя премьер-министра фигурировало в списке членов Временного исполнительного комитета. В последующие дни Надь старался избегать любых контактов со своей партией. Возможно, он находил излишним и далее соблюдать пустые формальности. Можно сказать, что именно в этот момент Имре Надь — партийный политик стал национальным политиком — членом коммунистической партии.

После сессии Президиума ВПТ на очередное заседание собралось правительство. Из советского посольства с хорошими новостями вернулся Золтан Тильди. Он только что провел переговоры с собиравшимися в обратный путь эмиссарами Москвы. «Микоян

заверил меня, что советское правительство готово обсуждать все возникшие вопросы», — сообщил он¹¹. Собственно, большая часть советских войск, введенных в столицу 23 октября, к 31 октября уже покинула город, что могло выглядеть как шаг по пути к полному выводу. (На самом деле это было не более чем тактическим маневром.) Министры правительства постановили: «Необходимо сегодня же обратиться к Советскому Союзу в связи с Варшавским договором по поводу вывода советских войск, принимая при этом во внимание заявление советского правительства»¹². Во второй половине того же дня Надь обратился к демонстрантам, собравшимся у здания парламента, с речью: «Сегодня мы приступили к обсуждению вывода советских войск из нашей страны и об отказе от наших обязательств в рамках Варшавского договора. Мы просим вас проявить чуть больше терпения. Я надеюсь, что результаты вас не разочаруют»¹³. О терпении и доверии он также просил делегации, целый день сменявшие одна другую: необходимо прекратить забастовку, приступить к работе, не следует жалеть усилий для нормализации жизни. В то же время Надь проявлял осторожность настолько, насколько может быть осторожным премьер-министр страны, вовлеченной в казавшуюся победоносной революцию. Один из членов его секретариата вспоминал о дискуссии с делегатами Задунайского национального комитета: «Имре Надь заявил, что считает независимость страны своим первейшим долгом. Относительно нейтралитета его ответ был более расплывчатым; он сказал, что независимости можно добиться и в рамках Варшавского договора. Свою позицию он подкреплял внешнеполитическими соображениями и проблемами с внешней торговлей»¹⁴.

Отвечая на вопросы иностранного журналиста, Надь предположил: «Не исключена возможность, что Венгрия может выйти из организации Варшавского договора, даже если сама организация не будет распущена, и мы будем энергично отстаивать свою точку зрения на начинающихся советско-венгерских переговорах». На вопрос, может ли Венгрия гипотетически стать ядром нейтральной зоны в Восточной Европе, Надь парировал, что «этот вопрос возникнет, раньше или позже»¹⁵. Иными словами, он даже не подозревал, что будет вынужден решать эту проблему чуть менее чем через 24 часа, и не мог предположить, что скоро у него не останется оснований ни для надежды, ни для умеренного оптимизма.

Как Надь заявил на следствии в июле 1957 г., ранним утром 31 октября к нему стали поступать тревожные сообщения «с железнодорожных узлов в Дебрецене и Ниредьхазе, с пограничного

пункта на советско-венгерской границе Захонь, позднее с воинских командных постов и административных учреждений, что на Верхней Тисе наводятся понтонные переправы и что оттуда и из Захони усиленные моторизованные соединения и танковые и артиллерийские части Советской армии пересекли границу и движутся вглубь страны. Я немедленно связался с Андроповым и попросил подтвердить новость¹⁶. Советник Надя по внешней политике Дёрдь Хельтай вспоминал, что правительство, опасаясь советской провокации, ввело запрет на распространение информации о передвижении войск¹⁷.

На очень короткое время, с 28 по 30 октября, в Москве сделали ставку на то, что венгерское правительство, основываясь на заявлении Имре Надя от 28 октября, стабилизирует положение. Коммунистическая партия останется ведущей политической силой (пусть в форме, которая ближе к «народно-демократической», чем «советской»). Там ожидали, что Венгрия после частичного и даже полного вывода войск остается частью политического и военного альянса. То, что в Москве вообще рассматривали подобный сценарий, было следствием продолжавшейся борьбы за власть в постсталинском руководстве. Процесс десталинизации усиливал нестабильность и вел к постоянному пересмотру принятых решений, что неизбежно сказывалось на советской внешней политике.

На заседании Президиума ЦК КПСС 31 октября Хрущев объяснил «пересмотр оценки», т. е. решение провести военную операцию, тем, что если Советский Союз уйдет из Венгрии, то поставит под угрозу свой статус как мировой державы. После первых успехов Израиля, Франции и Англии в войне против Египта в зоне Суэцкого канала Москва стала особенно чувствительной к таким потерям, грозившим ослаблением позиций в «третьем мире» в целом. Довод Хрущева звучал так: «Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать... К Египту им тогда прибавим Венгрию»¹⁸. Хрущев также полагал, что в сложившихся обстоятельствах даже частичное «отступление» усилит позиции сталинистов, выступавших за твердую линию в Восточной Европе: «Мы проявим тогда слабость своих позиций. Нас не поймет наша партия». Наконец, он ссылался на то, что положение в Венгрии не нормализовалось, как того ожидали: «Мы пошли на встречу, но нет теперь правительства»¹⁹. Несомненно, во внимание принимались и другие факторы, о которых Хрущев, однако, умалчал (такие как недовольство Китая процессами десталинизации и озабоченность сохранением единства социалистического лагеря

или опасность «эффекта домино» в Восточной Европе, вероятность чего нельзя было сбрасывать со счетов). Далее, 31 октября, Хрущев уже не сомневался, что американское правительство не планирует ни проведения военной операции, ни введения политических санкций относительно Венгрии и что Запад оказался разделен и глубоко вовлечен в Суэцкий вопрос²⁰.

Имре Надь столкнулся с необходимостью принять решение, какой ответ даст страна на передвижение по ее территории войск другого государства, что можно было расценивать как приготовление к вооруженному нападению. В октябре 1956 г. советское руководство персонифицировалось для него в двух высокопоставленных партийных и государственных деятелях — Микояне и Суслове. Надь полагал, что в Москве разделяют «либеральные» взгляды Микояна на то, что кризис можно разрешить политическими средствами. Но в этом венгерский премьер-министр как раз ошибался: часть кремлевского руководства с самого начала решительно противилась линии Микояна. Надю также казалось, что советский эмиссар испытывает к нему личную симпатию, на самом же деле, если судить по телефонограммам в Москву, Микоян отзывался о председателе венгерского правительства исключительно негативно. К тому времени, когда советская делегация вылетела в Москву, позиция СССР поменялась кардинально. Теперь Надь прилагал все усилия, чтобы лично связаться с самым высоким руководством в Москве, но все было тщетно.

В 9 часов утра 1 ноября началось рабочее заседание кабинета министров в составе Надя, Кадара, Тильди, Лошонци, председателя Президиума Иштвана Доби и заместителя председателя правительства Йожефа Богнара. В повестке дня стояли политические и административные вопросы, имевшие непосредственное отношение к стабилизации положения в стране. Перед началом заседания Надь лично встретился с Андроповым и по ходу неоднократно связывался с ним по телефону. Кабинет принял две резолюции, имевшие отношение к продвижению советских войск, — ноту протеста и распоряжение об усилении обороны Будапешта. Главной темой дискуссии оставался вопрос, что же на самом деле происходит на восточных рубежах страны. Спустя несколько дней, уже находясь в Москве, Кадар вспоминал:

«Андропов сказал, что это железнодорожники. Венгры с границы телеграфировали, что это [не] железнодорожники. Затем сообщили, что идут советские танки на Сольнок. Это было в полдень В правительстве нервное положение. Вызвали Андропова. Ответил: передислокация. Затем снова сообщили: советские танки окружили аэродромы. Вызвали Андропова.

Ответил: вывоз раненых воинов. Надь был убежден — готовится удар по Будапешту»²¹.

Поскольку Андропов не предоставил никакой достоверной информации, в правительство были приглашены заместитель министра обороны Пал Малетер, военный комендант Будапешта Бела Кирай и глава Генштаба Иштван Ковач, рассказавшие о передвижении советских войск и действительном положении дел. Затем кабинет перешел к обсуждению принципиальных вопросов, связанных с объявлением Венгрией нейтралитета. В неофициальной стенограмме заседания записано: «Кабинет единогласно поддерживает точку зрения, что правительство должно провозгласить нейтралитет страны»²². Хотя решение было принято около полудня, оно вступило в законную силу лишь часы спустя, когда было внесено в официальный протокол и обнародовано.

Признательные показания Надя в ходе следствия в 1957 г. довольно точно воспроизводят порядок принятия этого решения. Прежде всего он упоминает «разговоры» с Тильди, потом с Лошонци и Эрдеи. Многочасовое заседание прерывали несколько раз: члены Кабинета покидали зал заседаний, затем возвращались. Так, Кадар параллельно совещался с новым руководством ВСРП, редактировавшим текст заявления о создании коммунистической партии. Работа над резолюцией далее протекала строго по протоколу. Надь описывал это так:

«Я председательствовал на собрании. Коротко охарактеризовал ситуацию и обстоятельства, предшествовавшие принятию решения... Отметил исключительную важность вопроса, но не внес никакого предложения. Одновременно призвал членов кабинета, чтобы высказались. Обобщив прозвучавшие мнения, я сделал вывод, что все члены Кабинета без исключения выступают за выход из Варшавского договора и объявление нейтралитета. Таким образом, оба вопроса приняли форму резолюций. Поименного голосования, если не ошибаюсь, не было»²³.

Обсуждение длилось не один час. В 15 часов было сделано заявление, что Имре Надь взял на себя обязанности министра иностранных дел. Это был явный признак того, что правительство стоит на пороге принятия чрезвычайного важного внешнеполитического решения. (В этот момент «отставной» министр иностранных дел Имре Хорват должен был лететь в Нью-Йорк на сессию ООН; на самом деле он направлялся в Москву.) Около 16 часов Кабинет собрался вновь. После получения новых сведений о продвижении советских войск правительство опять пригласило

Андропова, и около 17 часов он появился в здании парламента. Согласно отчету советского посла сначала И. Надь, затем остальные члены кабинета потребовали приостановить продвижение советских войск. Андропов «в духе полученных директив» на все вопросы отвечал крайне расплывчато. По окончании встречи он сообщил в Москву:

«Он, Надь, предлагает подтвердить принятое утром решение о денонсации Венгрией Варшавского договора, объявлении Венгрии нейтральной страной и об обращении к ООН с просьбой, чтобы четыре великие державы гарантировали ее нейтралитет. Если Советское правительство немедленно приостановит продвижение своих войск и начнет отводить их к своим границам (о чем правительство ВНР будет судить по данным своих военных), то венгерское правительство немедленно отзовет свою просьбу из ООН, но Венгрия останется нейтральной»²⁴.

По окончании переговоров с Андроповым, в 18 часов 12 минут, по радио прозвучало знаменитое заявление.

«Имре Надь, председатель Совета Министров и исполняющий обязанности министра иностранных дел, сегодня, 1 ноября, вызвал к себе чрезвычайного и полномочного посла СССР в Венгрии. Премьер-министр заявил, что правительство Венгерской Народной Республики получило достоверную информацию о введении новых советских воинских подразделений в Венгрию. Он потребовал немедленного вывода этих воинских подразделений. Он заявил советскому послу, что венгерское правительство немедленно выходит из организации Варшавского договора и одновременно заявляет о нейтралитете Венгрии, обращается к Организации Объединенных Наций за помощью в защите нейтралитета страны с помощью четырех великих держав. Советский посол принял к сведению протест и заявление председателя Совета Министров и исполняющего обязанности министра иностранных дел и пообещал, что незамедлительно запросит ответ своего правительства. Председатель Совета министров проинформировал об устной ноте советскому послу глав всех дипломатических представительств, аккредитованных в Будапеште. Одновременно он направил телеграмму генеральному секретарю ООН, в которой проинформировал о событиях и решении венгерского правительства. Он попросил включить этот вопрос в повестку дня открывающейся Генеральной Ассамблеи в качестве чрезвычайного»²⁵.

Ни в ноте к дипломатическим представительствам, ни в телеграмме Генеральному секретарю ООН не говорилось о том, что бы четыре великие державы гарантировали нейтралитет Венгрии; упоминание об этом встречается только в телеграмме Андропова в Москву. Премьер-министр просил только о признании нейтралитета и защите независимости страны. Несомненно, Надь понимал: то, на что в случае с Австрией потребовались годы, не может повториться в Венгрии за часы или дни. В первую очередь ему в этой безнадежной ситуации нужно было выиграть время, заставить советских руководителей врасплох и ударить в их единственное уязвимое место смелой международно-значимой дипломатической инициативой. Прежде всего он хотел вступить в прямые переговоры с Москвой, поэтому оставил вопрос, обращенный к Генеральному секретарю ООН, в подвешенном состоянии. Вручив ноту, он имел беседу с советским послом Андроповым, и тот обещал передать просьбу о прямых переговорах своему руководству. Ответа не последовало.

Радиообращение Надя было передано в 19 часов 50 минут: Венгрия провозгласила независимость и денонсировала Варшавский договор. «Именно теперь стали подлинно истинными слова, что, вероятно, еще никогда в истории наш народ не был столь единодушен в своем решении»²⁶, — сказал премьер-министр. Кажется, что его слова впервые с тех пор, как началась революция, были абсолютно адекватны ситуации. Последствия не заставили себя ждать. Уже в 23 часа по радио прозвучал призыв рабочих советов крупнейших промышленных предприятий Будапешта о прекращении всеобщей забастовки и возобновлении работы.

Часом ранее здесь же прозвучала записанная утром на пленку речь Яноша Кадара. Он объявил о создании Венгерской социалистической рабочей партии (Magyar Szocialista Munkáspárt или MSZMP)²⁷. Вечером Надь проинформировал посла КНР о решениях, принятых в течение дня. Другие члены Исполкома ВСРП, в том числе Кадар, также присутствовали при этой встрече. Затем Янош Кадар незамеченным покинул здание парламента. Утром 2 ноября на заседание Кабинета явились только три министра (Тильди, Эрдеи и Лошонци). Они утвердили состав трех делегаций. Одна во главе с Гезой Лошонци должна была вести переговоры о денонсации членства Венгрии в Варшавском договоре. Вторая под руководством Надя должна была отправиться в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, в нее входили два важнейших министра (оба не коммунисты) Золтан Тильди, Бела Ковач и социал-демократ Анна Кетли. Наконец, поскольку совет-

ское правительство выказало готовность вести переговоры без учета последних событий, была сформирована третья делегация в составе генерал-майоров Пала Малетера и Иштвана Ковача, полковника Миклоша Сюча и Ференца Эрдеи для обсуждения условий вывода советских войск, введенных в страну после 23 октября.

В течение дня венгерская воздушная разведка внимательно следила за передвижениями войск в западном направлении. Имре Надь направил телеграмму Генеральному секретарю ООН с информацией о маневрах советских воинских формирований, в которой высказал просьбу: «Помочь... в кратчайший срок инициировать переговоры между советским и венгерским правительствами»²⁸. Нота того же содержания была направлена Андропову, и вскоре от него пришел ответ, что переговоры о выводе советских войск, введенных в страну после 23 октября, могут начаться 3 ноября в здании парламента. Однако готовность к переговорам была иллюзией. Советские лидеры избрали тактику затягивания времени, поскольку Совет Безопасности ООН должен был вернуться в венгерскому вопросу поздно ночью 2 ноября по будапештскому времени. Даже в этот день Надя не покидала надежда, что он найдет возможность вступить в прямые переговоры с советским руководством. Он попытался достичь цели окольным путем: вечером написал секретарю румынской коммунистической партии Г. Георгиу-Дежу, попросив его совета. Очевидно, Надь рассчитывал на то, что послание будет быстро передано из Бухареста в Москву (так оно и случилось) или что глава румынских коммунистов возьмет на себя миссию посредника (наивное предположение, поскольку Георгиу-Деж во время визита Хрущева в Бухарест 2 ноября предлагал использовать для военной операции в Венгрии румынские войска)²⁹.

Во время беседы с Андроповым Надь, помимо прочего, «в раздраженном тоне» потребовал дать объяснение по поводу исчезновения Яноша Кадара и Ференца Мюнниха. Поиски начались еще утром, после того как Йозеф Силади сообщил Надю об их исчезновении. В 1957 г. в Снагове Надь описал, что ему было известно о событиях вечера 1 ноября.

«Во время переговоров с китайским послом Кадар покинул кабинет председателя правительства. О происшедшем нам впоследствии удалось узнать из достоверных источников следующее... Кадар в автомобиле отправился к Мюнниху. Советский посол Андропов вскоре после приезда Кадара позвонил Мюнниху по телефону и беседовал с ним по-русски. Мюнних сообщил, что у него находится Кадар. После короткого разговора Мюнних сообщил Андропову, что они будут

у него через 10 минут. Мюнниха и Кадара отвезли к зданию Советского Посольства, они вышли из машины и позвонили в звонок у ворот. Им пришлось ждать 8 или 10 минут, пока перед зданием не остановился другой автомобиль: из него вышли двое русских, подошедших к Мюнниху и Кадару и попросивших сесть в их машину. После долгих переговоров те согласились при условии, что их привезут обратно. Получив соответствующее заверения, они отпустили свою машину и пересели в советскую машину... На основании этой информации мы пришли к выводу, что Кадара и Мюнниха, но в первую очередь Кадара заманили в ловушку и похитили. (Не исключено, что в этом им помогал Мюнних!)»³⁰

Андропов заявил в глаза Надю, что советское посольство не имеет отношения к исчезновению двух членов правительства. Между тем, по советскому сценарию, одобренному 31 октября, доставка в Москву двух ключевых венгерских политиков была частью продуманного плана интервенции. Уже 2 ноября в Кремле Янош Кадар не поддержал идею военного вторжения, но и не поставил в известность ни Надя, ни кого-либо другого, что советское руководство желает вести с ним переговоры. Именно по этой причине впоследствии не один только Надь склонялся к мысли, что Кадар, пусть не вполне осознанно, совершил предательство. Окружение Надя уже 2 ноября было уверено, что Кадар и Мюнних «вышли из правительства» и «переметнулись к русским». Однако сам Надь продолжал верить, что переговоры Кадара откроют для него самого дорогу в Москву, и дело решили огласке не придавать.

3 ноября 1956 г. так называемый внутренний кабинет был преобразован в коалиционное правительство в составе председателя правительства, министров иностранных дел и обороны, а также государственного министра. Одновременно все министры, приведенные к присяге 28 октября, члены «полупереходного правительства» были освобождены от своих обязанностей. От НПМХ в состав нового правительства вошли Золтан Тильди, Иштван Б. Сабо и Бела Ковач, который, наконец, добрался из Печа до Будапешта. Социал-демократическая партия 2 ноября заявила о своей готовности войти в правительство и назвала в качестве своих кандидатов на министерские посты, помимо находившейся за границей Анны Кетли, имена Дюлы Келемена и Йожефа Фишера. Национальная крестьянская партия, теперь носившая имя Партии Петёфи, выдвинула кандидатуры своего председателя Ференца Б. Фаркаша и Иштвана Бибо, хотя и СДП, и НПМХ заявили решительный протест против предоставления им двух министерских

портфелей. ВСРП представляли Надь, Лошонци и Кадар. Впоследствии Надь говорил, что изначально вместо Кадара рассматривалась кандидатура Золтана Сабо и имя бывшего министра и партийного руководителя попало в список по ошибке. Министром обороны стал Пал Малетер, который в начале революции боролся с повстанцами, но затем вступил в переговоры с их вождями и принял революцию.

Золтан Санто, к которому перешло место Кадара в партии, 2 ноября на заседании временного Исполкома ВСРП обвинил Надя в том, что при принятии важных правительственных решений тот действовал, не спрашивая мнения партийного руководства. Надь сослался на то, что руководитель партии Янош Кадар лично участвовал в выработке всех решений и, если бы захотел, мог в любое время созвать пленум. Этот инцидент дал пищу легенде, что Золтан Санто и Дёрдь Лукач (также член Исполкома ВСРП) голосовали против выхода из Варшавского договора. На самом деле голосования по этому вопросу не проводилось.

От правительства, собравшегося 3 ноября на свое первое и единственное заседание, на котором к тому же отсутствовало большинство министров, Надь с полным правом ожидал успешного завершения процесса консолидации. В тот день казалось, что наведение порядка в стране — вопрос времени. Все больше признаков говорило за то, что жизнь возвращалась в мирное русло. Даже заключительный аккорд того дня — вечернее радиобращение архиепископа эстергомского Йожефа Миндсенти — звучал примирительно. 31 октября кардинал был освобожден из-под домашнего ареста и 1 ноября реабилитирован правительственным декретом. Глава Венгерской католической церкви призывал людей возобновить трудовой процесс и требовал проведения «свободных от злоупотреблений выборов». Далее он сказал, что «стране сейчас требуется очень многое, но меньше всего — партии и партийные вожди... Мы живем в правовом государстве, хотим быть нацией и страной, которая стоит на основе бесклассового общества, развивает демократические традиции, поддерживает частную собственность, разумно и справедливо ограниченную социальными интересами». О церкви он заявил, что она не противник исторического прогресса, но лишь желает восстановить свою организацию. Кардинал открыто призвал к ответу «наследников рухнувшего режима», что многими было расценено как выпад против правительства Надя³¹.

Около полудня в здании парламента появилась советская военная делегация во главе с генералом армии М.С. Малининым, и начались переговоры о выводе войск. Впоследствии станет ясно,

что у представителей советской стороны не было иной цели, кроме как выиграть время для подготовки наступления. Им не хватало шестнадцати часов. Время ушло на обсуждение технических деталей вывода. Наконец, договорились о временном прекращении переговоров и их возобновлении в 22 часа на советской военной базе в Тёкёле. Советские офицеры заверили, что в это время ни одно новое воинское формирование не пересечет венгерской границы. Около 15 часов Малетер и Эрдеи доложили Надю о результатах переговоров. События, казалось, развивались благоприятно, несмотря на резкую критику со стороны коммунистической партии Китая, о чем венгерская пресса сообщила во второй половине дня. Передовица в газете «Жэньминь жибао» называла венгерскую революцию «заговором кучки контрреволюционеров», которые в Венгрии «хотят восстановить капитализм» и пытаются «разрушить единство братских социалистических стран»³². Узнав об этом, Надь отказался от участия в международной пресс-конференции, назначенной на 17 часов. В результате последнее заявление венгерского революционного правительства, которое можно расценивать как «завещание», сделал Геца Лошонци. Он в том числе заявил, что «правительство единодушно гарантирует, что ни одно из достижений последних двенадцати лет не пострадает — ни земельная реформа, ни национализация фабрик и заводов, ни одно из социальных завоеваний. Оно в равной мере привержено сохранению всех достижений протекающей ныне революции, включая национальную независимость, равенство и строительство социализма, но не путем диктатуры, а на демократических принципах»³³.

Надь, разумеется, и не думал ни о каком «прощании», но не прекращал доказавших свою тщетность попыток сблизиться с Москвой. Поэтому он в обществе других деятелей ВСРП до поздней ночи вел переговоры с заместителем министра иностранных дел Румынии А. Мэлнэшану. Он не желал отказываться от мысли, что при посредничестве румын сможет начать прямые переговоры с советским партийным и государственным руководством³⁴. Когда глубоко за полночь переговоры завершились, Надь смог отправиться спать.

4 НОЯБРЯ

Жа допросах летом 1957 г. Имре Надь по памяти восстановил ход событий в последующие несколько часов.

«Утром 4 ноября меня разбудили [в здании парламента. — Я.М.Р.], сказав, что я должен срочно идти в секретариат, поскольку получено сообщение, что советские войска начали оккупацию столицы. Тильди с помощниками, Ференц Донат... и еще несколько человек уже ждали меня там... Они сообщили мне о новостях, поступавших со всех концов страны. Непрерывно звонил телефон, и отовсюду докладывали, что советские войска перешли в наступление. У всех был только один вопрос, что делать, как быть. На том конце провода хотели говорить непременно со мной, и поскольку я не мог лично ответить всем звонившим, я дал поручение принимавшим звонки призывать не оказывать сопротивления, избегать провокаций, ни в коем случае не открывать огонь по советским солдатам»¹.

Между тем Тильди и Донат торопили премьер-министра, пока не поздно, выступить по радио с заявлением. Текст тут же набросал Донат, Имре Надь приписал к нему вступительное и заключительное предложения и в 5 часов 20 минут утра зачитал в парламентской радиостудии. Сообщение вышло в эфир под звуки автоматных очередей.

«Говорит Имре Надь, председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту. Я сообщаю эту весть народу страны и общественному мнению мира»².

Споры об этой речи начались через несколько часов после того, как она прозвучала по радио, и, пусть уже не в столь острой форме, не прекращаются по сей день.

После вводного предложения, в котором оратор представился аудитории, последовало заявление о том, что Советский Союз — ни больше ни меньше как агрессивная империалистическая держава, которая повела себя в отношении Венгрии так, как в 1939 г. Гитлер обошелся с Чехословакией или Польшей. Произнеся эти слова, Надь окончательно вывел себя за рамки международного коммунистического движения. Ранее ни один коммунистический политик не позволял себе таких высказываний. Проблема с двумя следующими предложениями заключается в том, что они не только внутренне противоречивы, но и противоречат действительности. На основании изложенных Надем фактов было бы логично ожидать каких-то заявлений о том, что же предпринять в сложившейся ситуации. Похоже, что в ту минуту Надь полагал, что наступил такой момент, когда, в буквальном смысле слова, больше ничего сделать нельзя. Не хуже Надя это понимал и генерал-майор Бела Кирай. Он одним из последних говорил с премьер-министром, и тот не просил у него новых докладов о военной обстановке³. Первое предложение, с лингвистической точки зрения, не более чем констатация факта, но в политическом смысле оно исполнено трагизма. В нем слышался не только призыв к обреченному на поражение, но героическому сопротивлению, но и признание, что любые формы активного сопротивления, в первую очередь борьба с оружием в руках, лишены всякого смысла и единственным путем остается пассивное сопротивление. Наконец, в нем звучала надежда, что международное сообщество, возможно, не допустит, чтобы ситуация в Венгрии превратилась в международный скандал. Словом, нечто похожее на знаменитое «Воззвание» государственного министра Иштвана Бибо, который в эти минуты как раз направлялся в здание парламента⁴.

Заявление Имре Надя, к сожалению, зависло где-то между двумя возможными сценариями. Он не призвал ни к тому, ни к другому. Можно назвать немало причин, объясняющих появление подобной формулировки. Надь был смущен начавшимся хаосом, на нем не могла не сказаться усталость последних двенадцати дней, он был страшно разочарован и подавлен одновременным крахом всех начинаний, перед мысленным взором премьер-министра могли возникать картины национальной и его собственной гибели. Все это так, но заявление Надя, как с моральной, так и с политической точек зрения, было неадекватно ситуации. Когда

по телефону он давал ясные указания о том, что нельзя (ибо бессмысленно) браться за оружие, им руководило стремление избежать больших человеческих жертв и урона народному богатству. Однако в радиообращении Надь сказал нечто совсем иное, а именно: «Наши войска ведут бои». Для тех, кто находились в полной боевой готовности (прежде всего для повстанцев в Будапеште) слова премьер-министра означали только одно — призыв взяться за оружие. Для военных, привыкших к четким формулировкам приказов, это означало только одно: им не отдают никакого *ясного* приказа, что само по себе таило смертельную опасность для института, основанного на повиновении. Люди в униформе, ожидавшие приказа, решили, что премьер-министр призывает к сопротивлению. Возможно, Надь хотел сказать нечто прямо противоположное, но многие из тех, кто 4 ноября взяли за оружие, за эту его фразу заплатили жизнями — в ближайшие часы, дни или годы, когда были приведены в исполнение смертные приговоры.

Если задаться вопросом, какими политическими соображениями руководствовался Надь, дать ответ нелегко. Можно лишь с уверенностью сказать, что ему так и не удалось освободиться от того политически и морально гнетущего воспоминания о ночи с 23 на 24 октября. Он так и не смог сказать просто и ясно, что ни он, ни его правительство не обращались к советским вооруженным силам с просьбой о вмешательстве, что они не имеют к этому никакого отношения. В лаконичном «правительство находится на своем посту» содержался намек на героическое поведение. Но если правительство контролирует обстановку, почему не отдает ясных распоряжений? К тому же это утверждение в ближайшие часы потеряло всякий смысл, и те, кто истолковали выступление Надя по радио как призыв к действию, с полным правом ощутили себя обманутыми.

Едва лишь отзвучали последние слова радиообращения, как Золтан Санто пригласил Надя для разговора с глазу на глаз. Оказалось, около часа ночи передали настоятельную просьбу югославского посла Далибора Солдатича о срочной встрече. Санто немедленно отправился в посольство Югославии, где Солдатич пересказал ему сообщение из Белграда: захват советскими войсками Будапешта может начаться в любой момент. На следствии Надь вспомнил, что югославский дипломат «предостерег [Санто. — *Я.М.Р.*], что венгерские товарищи находятся в опасности. Чтобы не подвергаться столь серьезной опасности, и в этом был его совет, им следует немедленно сообщить, чтобы без промедления

перебирались в здание югославского посольства, где им будет предоставлено убежище». Беспомощность премьер-министра, которого это сообщение, как и сами последние события, ввели в состояние транса, можно ощутить даже в цензурированных строках следственной стенограммы. «Я спросил, о чем, собственно, идет речь? И он [Санто. — *Я.М.Р.*] предположил, что речь идет о нападении советских войск... что опасность исходит именно отсюда»⁵.

На самом деле о планах военной операции в Венгрии президент Тито узнал еще накануне вечером, когда Хрущев гостил у него на вилле, на острове Бриони. Тогда югославы пообещали помочь вывести Имре Надя из игры и убедить его уйти в отставку, передав полномочия правительству Яноша Кадара⁶. Обо всем этом Кадар договорился 2 ноября на переговорах в Москве, когда на этих условиях согласился возглавить правительство. Имре Надь, конечно же, ничего не знал о торге в Кремле. Как не знал он о том, сколь двусмысленную роль взяли на себя в этой сложной обстановке югославы, на чью поддержку он так рассчитывал до и во время революции. В лучшем случае у него промелькнула мысль, почему об опасности не предупредили его лично и почему Санто не передал ему предупреждение немедленно. Что же касается роли советского руководства, у него не осталось никаких сомнений еще до сообщения Санто:

«Когда мне передали известие [около половины четвертого утра. — *Я.М.Р.*] о продвижении советских войск, я позвонил советскому послу Андропову. Я сообщил ему о телефонграммах, поступавших со всех концов страны, и попросил его связаться с советским военным командованием и проинформировать о происходящем. Андропов пообещал сделать это немедленно... Позднее он перезвонил мне и сказал, что, к сожалению, не смог связаться с базой в Тёкёле, где располагалось командование. Посол пообещал, что продолжит попытки дозвониться и будет держать меня в курсе. Поскольку никаких новостей от Андропова так и не поступило, я позвонил ему снова, но дежурный телефонист сообщил, что посол лег спать»⁷.

По дороге в парламентскую радиостудию от одного из офицеров охраны Надь узнал, что советские танки приближаются к зданию. О том же сообщали из полицейского управления на площади Деака, где располагалась штаб-квартира Национальной гвардии. В 5 часов 56 минут по радио было передано официальное сообщение об отзыве с переговоров с советским военным коман-

дованием в Тёкёле министра обороны Пала Малетера и главы Генштаба Иштвана Ковача. Это сообщение, как и речь премьер-министра, прозвучавшая получасом ранее, были завуалированным свидетельством о полной неспособности правительства, и только в глазах потомков оно станет драматическим напоминанием о похищении делегации, ведшей переговоры о перемирии⁸.

Непредсказуемость поступков Имре Надя явно свидетельствовала о его полном внутреннем крахе:

«После разговора с Санто я в некоторой растерянности медленно собрал свои вещи и, прихватив их, вместе с Санто и Донатом направился к северному выходу... Мы попросили подать машину, которая отвезла бы нас в посольство. О том, в какое посольство, мы не уточнили. Пока машины не было, я вернулся в кабинет с мыслью, что, возможно, мое место должно быть здесь. Тем временем Санто и Донат сообщили, что машина ждет, и мы сели в нее в сопровождении двух вооруженных полицейских»⁹.

В последующие несколько часов в югославское посольство прибыл цвет бывшей партийной оппозиции и ближайшие друзья-единомышленники Надя — Шандор Харасты, Геза Лошонци, Ференц Яноши, Силард Уйхейи, Габор Танцош, Юлия Райк, а также члены их семей. Миклош Вашархейи нашел прибежище в квартире югославского дипломата. О том, что происходит и куда им направляться, все эти люди узнали от Доната.

Две недели спустя Золтан Санто повторил слова посла Солдатича: «Югославское правительство решило предоставить политическое убежище товарищу Имре Надю, членам партийного руководства и всем тем, кого они рекомендуют»¹⁰. Если бы Надь отреагировал на слова Санто как государственный деятель, лишь недавно выступавший по радио в связи с вооруженным нападением на столицу, то слова «товарищ», «руководство», «рекомендуют» он счел бы нонсенсом или отнес ко всему правительству. Однако произошло обратное. Имре Надь, коммунистический политик и член Исполкома ВСРП, понял слова другого члена Исполкома совершенно определенным образом. Все, кого он пригласил укрыться в здании югославского посольства, были коммунистами. Покидая здание парламента, Надь ни слова не сказал находившимся там государственным министрам-некоммунистам Золтану Тильди и Иштвану Бибо, даже не попрощался. Решение Надя не дожидаться прихода советских войск, в планы которых,

несомненно, входил арест нынешнего правительства, можно понять с точки зрения человеческой и политической воли к жизни. Но тем, что он практически бросил некомунистических членов коалиционного правительства на произвол судьбы, Надь снизил революционную легитимность своего поста. С 30 октября до объявления о вторжении советских войск Имре Надь прошел долгий путь от оппозиционного национального коммуниста до премьер-министра национально-демократического революционного правительства. 4 ноября он отступил на шаг назад. Пусть Надь и не отказался от завоеваний революции, но в решающий момент, потребовавший выказать личную солидарность, он предал своих союзников.

Возможно, в тот самый день Надь получил еще один, последний удар, после чего у него не осталось иллюзий относительно подоплеки приглашения укрыться в югославском посольстве. Солдатич, если верить его более позднему признанию, заявил Имре Надю: «Посол [требует] подписать официальный документ, что Имре Надь признает новое правительство и не имеет возражений по личному составу нового правительства. Что свои последние распоряжения и поступки он сделал под давлением со стороны реакционных элементов в своем правительстве»¹¹. Это была та стадия, когда на фоне политического фиаско на мгновение замаячила возможность морального, человеческого падения. Надь отклонил идею отставки, тем самым он избежал последнего и пошел дальше по пути, который приведет его к мученической смерти.

Супруга Золтана Ваша запомнила одну реплику, которую Надь обронил во время трансляции воззвания Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства, которое он слушал 4 ноября в здании югославского посольства¹²: «Они казнят меня»¹³. То, как он вел себя в последующие дни, говорило о стоической готовности встретить собственную смерть и о нежелании отказаться от борьбы за политическое и моральное наследие. Обретя в 1956 г. множество друзей, сподвижников, сторонников и познав удивительное чувство, что за его плечами стоит народ, теперь Надь оказался один на один с самим собой и последние месяцы жизни прожил в гнетущем одиночестве.

Три недели, проведенные в югославском посольстве в поисках убежища, походили, скорее, не на тюремное заключение, а на бурное продолжение дней революции. Хотя Надь был отрезан от внешнего мира, не мог пользоваться телефоном или слушать радио, он все-таки получал достаточно информации о том, что творится вовне. Душевный кризис 4 ноября не мог длиться вечно.

Менее чем через неделю он осознал, что выезд в Югославию столь же невозможен, как и возвращение в политику. 9 ноября Надь приступил к составлению датированного задним числом заявления об отставке¹⁴. То, что он не закончил и не отослал документ, объясняется позицией руководства ВСРП, прежде всего категорическим отказом Шандора Харасты. За исключением Кадара и Шандора Копачи, арестованного уже 5 ноября, руководители новой коммунистической партии находились в посольстве — Надь, Лошонци, Донат, Санто, Лукач и главный редактор партийной газеты Харасты. На второй неделе вынужденного пребывания в посольстве в них прибавилось оптимизма, и даже Надь воспрянул духом. Ведь несмотря на то что вооруженное сопротивление было сломлено, гражданское сопротивление набирало силу, и вполне могло сложиться так, что Кадару раньше или позже пришлось бы вступить в переговоры с Надем и его товарищами.

Не Имре Надь создал в 1956 г. революционную Венгрию; скорее, он сам постепенно изменился вместе со страной настолько, что, наконец, стал с ней неразделим. Он встретил революцию коммунистическим политиком, лицезрел ту «неведомую силу», которой давно опасался и взрыв которой старался предотвратить. Он видел, шаг за шагом, что не в состоянии вернуть страну на тот путь развития, который сам считал идеальным. Все приложенные к этому усилия ни к чему не привели, и наконец он понял: страну, народ, социализм — все, что было для него значимо, он сможет спасти, только если сам вскочит на поезд революции, попытается им управлять. Он неизменно стремился к консолидации, но не нашел иного пути ее достичь, кроме как выполнить требования народа. Его решения 1 ноября 1956 г. выйти из организации Варшавского договора и объявить о нейтралитете страны родились как ответ на советское военное вмешательство, но в то же время знаменовали собой исторический выбор. Коммунист Имре Надь пошел против интересов и догм партии и международного движения и отождествил себя с национальными чаяниями. Сам он не считал это символическим или героическим жестом, и выбор свой он сделал не оттого, что в революции обрел некое новое самосознание. Однако в этой исключительной ситуации на поверхность вышли те глубинные пласты его личности — близость к земле, народу, нации, желание влиться в борьбу за свободу, которые не смогли уничтожить даже годы, проведенные в коммунистическом движении. Вся его прежняя инакость, все конфликты, казавшиеся и оказывавшиеся мелкими, незначительными, бессмысленными, обрели смысл в тот момент, когда Имре

Надь принял решение. Безответственное поведение и нехватка широты мышления, борьба с самим собой и обязанностями, возлагаемыми на него движением, — эти черты были в Наде раньше, проявлялись в нем в промелькнувшие с поразительной быстротой тринадцать дней борьбы. Ибо именно революция сделала Надя непохожим на того, кем он был в предшествующей жизни.

Можно спросить: правильное ли решение принял Надь 1 ноября 1956 г.? Если ответ отрицательный, он обусловлен «оптической» поражением. Будь Надь более осторожным, воздержись он от определенных шагов, все могло бы произойти совсем иначе. Однако финал предопределило не решение Надя, но сама революция и вооруженное восстание. Хотя сам он меньше всего вписывался в события первого дня революции и был пассивен как никогда, революция без лозунга «Имре Надя — в правительство!», по-видимому, никогда не приняла бы форму массового движения. Она могла сойти на нет, так и не начавшись, как в Польше, превратившись из студенческих демонстраций в реформистский политический курс, или вылиться в неорганизованный беспорядок. В 1956 г. в Венгрии движение за свободу нуждалось в Имре Наде, чтобы тот повел борьбу с невыносимостью бытия за ясные и достойные цели. То, что впоследствии сделал Имре Надь, коренилось в этом, возможно, не до конца осознанном стремлении. Именно поэтому он придал легитимность спонтанному народному движению и перед лицом вооруженной интервенции мужественно искал международно-правовой выход из безвыходного положения. Сначала он попытался объяснить участникам народного движения, что значит принадлежать к сфере влияния великой державы. Затем, придя к осознанию того, чего не смогли понять венгерские агенты великой державы (а именно, что наступил исторический момент, когда с народным движением нельзя говорить на языке практической политики), он избрал для себя иную аудиторию. Теперь он пытался вступить в диалог с руководством великой державы, объясняя ему суть революции. Попытка увенчалась провалом, но его усилия не пропали даром. Наступил такой редкий, эфемерный, обращающий поражение в победу исторический момент, когда общество стало единым целым со своим лидером.

ПРИГОВОР

Когда 31 октября 1956 г. Президиум ЦК КПСС обсуждал вопрос о подавлении венгерской революции силой оружия, на принятие решения оказало влияние поведение председателя революционного правительства Имре Надя. Еще 23 октября В.М. Молотов заявил: «Руками Надя Венгрия расшатывается»¹. Хрущев, даже 28 октября продолжавший верить в способность Надя справиться с кризисом, не исключал возможности, что «Надь повернет против нас»². 31 октября в телеграмме генеральному секретарю итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти советское руководство заявляло: «По нашим данным, Надь занимает двойственную позицию и все более подпадает под влияние реакционных сил»³. И все-таки в тот же самый день на заседании Президиума, где было выработано окончательное решение о вводе войск и образовании временного революционного правительства, Хрущев дал венгерскому премьер-министру последний шанс: «Если Надь согласится [на ввод войск и создание временного правительства. — *Я.М.Р.*] — ввести его зам. премьером»⁴. В последующие дни советское руководство попыталось добиться согласия Надя при посредничестве югославского президента Тито. Одновременно советские войска, направлявшиеся к Будапешту, получили приказ на арест всех членов правительства. Однако венгерский премьер, нашедший убежище в югославском посольстве, отказался подать в отставку. Тем самым он не только поставил под вопрос легитимность правительства Кадара, которое 4 ноября вылетело из Москвы в Сольнок, а оттуда 7 ноября в Будапешт, но и дал пищу мировой общественности для антикадаровских настроений.

Янош Кадар никогда не испытывал симпатии к Имре Надю. Хотя двери тюрьмы распахнулись перед ним как раз во время первого премьерства Надя, но когда через пару месяцев, осенью 1954 г., позиции главы правительства пошатнулись и тот пытался искать поддержки Кадара, как и у многих других реабилитированных политиков, найти общего языка не удалось. Надь всегда

был для Кадара чужим по целому ряду причин. Надь входил в московскую группу, а перед ними Кадар всегда испытывал чувство неполноценности. По складу ума Надь был смесью функционера и интеллигента, Кадар же никогда не доверял интеллигенции, в особенности тем, кто вмешивался в партийную политику. Наконец, Надь представлялся ему человеком нерешительным, в нем не чувствовалось столь «необходимой» коммунистическому руководителю твердости и решительности. Кадар терпеть не мог оппозиционности в организационных или идейных вопросах, поэтому начиная с 1955 г. неприязнь к Надю только возрастала. Войдя в верхушку партийного руководства, Кадар встретился с Надем 24 октября 1956 г. в здании ЦР ВПТ. На следующий день Кадара избрали первым лицом в партии, но первым лицом в стране по-прежнему был председатель правительства Имре Надь. Революционные массы и даже (по другую сторону баррикад) советское руководство, вне всяких сомнений, ждали разрешения кризиса только от него. Кадар вновь играл вторую скрипку.

Можно предположить, что когда 1 ноября 1956 г. Кадар отправлялся в Москву, в нем крепла уверенность: пришло время из второго стать первым. Когда же в Москве он обнаружил, что советская сторона уже приняла решение о судьбе Венгрии, Кадар приложил все усилия, чтобы избавиться от потенциальных конкурентов. Прибыв 7 ноября на рассвете в Будапешт, он был готов на то, чтобы депортировать в Югославию группу венгерских политиков, укрывавшихся в посольстве. Но советское руководство не хотело омрачать советско-югославские отношения, ставшие особенно доверительными накануне и во время революции, высылкой в Белград группы венгерских эмигрантов; к тому же после «действий» Надя 4 ноября его уже списали со счетов. Поэтому югославам предложили передать группу венгерским властям или, поскольку на тот момент «венгерских властей» не существовало, — советской стороне. Такое решение показалось неприемлемым даже для югославов, которые были не прочь за счет Надя улучшить отношения с СССР. Они и в самом деле хотели избавиться от находящейся под их экстерриториальной защитой группы, но так, чтобы их репутация в глазах мирового общественного мнения не пострадала.

В середине ноября в Венгрию была направлена новая высокопоставленная советская делегация во главе с Маленковым, чтобы контролировать действия Кадара. После долгих проволочек Кадар и Мюнних в соответствии с разработанным советской стороной планом, дали письменные гарантии югославам, что если

группа Надя откажется от попыток получить политическое убежище, она сможет беспрепятственно вернуться по домам. Те продолжали испытывать сомнения. На выходе из здания югославского посольства 22 ноября некоторые предупреждали Надю о подозрительных сигналах и убеждали остаться, но, по воспоминаниям, тот сказал: «Давайте посмотреть судьбе в лицо»⁵. Надя и его товарищей посадили в подогнанный к посольству советский автобус, но не развезли, как того следовало ожидать, по домам, а доставили на советскую военную базу. В тот же день их посетил Ференц Мюнних и предложил публично заявить о своей поддержке правительства Кадара или согласиться на депортацию в Румынию. Надя в том же убеждал его старый московский знакомый, член руководства румынской коммунистической партии Вальтер Роман. Свой ответ Роману Надя пересказал в письме Донату: «По своей воле Венгрию я не покину, если хотят — пусть увозят силой, и никакого заявления об отставке я не подпишу. Я был резко не согласен... с происходящим и заявил, что свои политические действия намерен обсуждать исключительно как свободный и независимый человек»⁶. Через день вся группа была самолетом вывезена в Румынию. Вопрос о судьбе депортированных некоторое время был открыт. Югославы, оказавшись в затруднительном положении, заявили официальный протест, переложили всю ответственность на СССР, но это не сняло с них ответственность за добровольное пособничество⁷.

Сначала и Кадар, и советская делегация сосредоточились на политической ответственности Надя. Президиум ЦК КПСС 27 ноября 1956 г. отдал распоряжение МИДу содействовать КГБ и Министерству обороны СССР в подготовке материалов, которые могли бы дискредитировать Надю. В списке преступлений, составленном к 4 ноября, помимо широкого спектра приписанных Надю идеологических и теоретических «заблуждений», назывались его контакты с югославами, что добавляло масла в огонь разгоравшегося нового конфликта с Тито. Для Кадара эти материалы в тот момент не представляли особого значения. Он также не знал, зачем ему могут понадобиться данные из КГБ, относящиеся к 1930-м годам. В них всего лишь говорилось, что Имре Надя — в то время руководитель «деревенского» отдела КПВ, имел контакты с лицами, подозревавшимися в шпионаже. Такие обвинения могли служить доказательством вины на старого образца показательном сталинском процессе, но к 1956 г. они безнадежно устарели⁸. В резолюции Временного исполнительного комитета ВСРП в декабре 1956 г. Кадар заклеил деятельность оппозиционной группы

Надя – Лошонци как одну, впрочем, неединственную и неглавную из причин «контрреволюции».

Вопрос ответственности Надя и остальных за события в Венгрии и их юридические последствия впервые обсуждался на встрече на высшем уровне пяти восточно-европейских коммунистических партий (СССР, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и Румынии), проходившей 1–3 января 1957 г. в Будапеште. Из источников сохранились скудные записи чехословацкой и румынской делегаций (цитаты взяты именно оттуда), однако неясно, кто из сторон первым коснулся этой темы⁹. Скорее всего это была советская сторона, но и Кадар всегда старался втянуть в принятие соответствующих решений как можно более широкие круги венгерского руководства и всё оформить документально. Однако бумаги руководящих органов ВСРП не содержат упоминаний о подобном документе, а от самой январской встречи осталось крайне мало свидетельств. Сходным образом нет надежды найти резолюцию о привлечении виновных к ответственности. Хрушев в разгар своей борьбы с махровыми сталинистами хотел закрыть венгерский вопрос новой демонстрацией власти и показать силу злобному Западу и двурушникам-югославам. Кадару же торопиться было некуда. Страна была далека от умиротворения, и в его памяти еще не стерлись гнетущие воспоминания о спорах с «мягкими ревизионистами» в партийном руководстве.

В январе 1957 г. Кадар направил в Бухарест Дюлю Каллаи с целью попытаться расколоть группу Надя и убедить их (прежде всего самого Имре Надя) выступить с самокритикой. До бывшего премьер-министра ему было мало дела, но заявление о признании ответственности давало политические преимущества. Однако Надя был непреклонен и не отказывался от своих решений, принятых в октябре–ноябре. Именно тогда, 29 января 1957 г., в отчете Политбюро (все еще носившему название Временного исполнительного комитета) ВСРП из уст Каллаи впервые прозвучало слово «суд». «В отношении Имре Надя и Яноши — активных организаторов, руководителей и идейных вдохновителей всей контрреволюции — впоследствии, возможно, следует посмотреть, не нужно ли привлечь их к суду»¹⁰. Каллаи упоминал, что в Бухаресте встречался с румынскими и советскими руководителями и «позиция была сформирована на основе моего предложения». Вряд ли идея судебного процесса принадлежала самому Каллаи; скорее, это был сам Кадар или кто-то из узкого круга руководителей ВСРП, но в любом случае формулировки указывают на венгерскую инициативу. Исполнительный комитет принял решение о «сборе факти-

ческого материала о деятельности группы Надя в октябре–ноябре». В феврале эту резолюцию подтвердил Временный центральный комитет, и в ее исполнение была издана книга, озаглавленная «От правого уклона до классового предательства: к вопросу о теоретической и практической деятельности Имре Надя и его группы, 1947–1956»¹¹. В памфлете прослеживались «правооппортунистические взгляды» и их практические результаты вплоть до 1948 г. Целью памфлета было показать, что партийный руководитель и государственный руководитель Имре Надь был скрытым предателем своего класса задолго до 1956 г. Примечательно, однако, что брошюра циркулировала исключительно в высших партийных кругах.

В начале марта 1957 г. Каллаи вновь отправился в Бухарест, где в беседе с Б.Н. Пономаревым, зав. отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, сообщил, что «хотя большинство членов Исполкома (т.т. Кадар, Марошан, Мюнних, Каллаи) договорились об организации процесса Надя и его группы», пока следственные действия ведутся только в отношении Фазекаша, Силади и Лошонци. Тогда Пономарев спросил: «Не означает ли это, что руководство ВСРП намеревается в какой-либо степени отойти от ранее намеченного плана привлечения к ответственности Надя и всей его группы?»¹².

Однако к концу марта позиции удалось привести к общему знаменателю. Тогда в Москве, на первой после подавления революции советско-венгерской встрече на высшем уровне, говоря словами Кадара, «зашла речь и о деле Надя. Вопрос подняли мы. Товарищи согласились, что к вопросу об ответственности следует подходить с должной суровостью»¹³. С этим согласился Исполнительный комитет, а 5 апреля и Центральный комитет ВСРП. К тому же в дополнение к более раннему принципиальному одобрению 9 апреля 1957 г. на Исполнительном комитете Кадар добился принятия резолюции «о взятии под арест и начале судебного разбирательства в отношении определенных элементов (езде, где возможно, Кадар избегал произносить имя Надя. — *Я.М.Р.*) по предложению Министерства внутренних дел»¹⁴. На том же заседании была детально проработана концепция расследования и судебного процесса. Ее основные положения позднее были опубликованы в докладе «Венгерские события октября–ноября в свете марксизма–ленинизма», под которым стояло имя Дюлы Каллаи. В ней «утверждалось», что Имре Надь и его группа «вместе с империалистами» сознательно подготовили восстание. Эта фраза будет затем не раз слово в слово повторена в протоколах допроса, обвинительном заключении и даже приговоре. Итак, концепция

судебного процесса была готова уже в апреле, решающий шаг был сделан еще до ареста Имре Надя — главного обвиняемого по делу, а один раз запущенный механизм продолжал работать без сбоев до самого конца. Для ареста членов группы в конце марта в Румынию была направлена делегация во главе с подполковником полиции (в прошлом — государственной безопасности) Шандором Райнаи. 14 апреля в Снагове Имре Надя официально взяли под стражу и доставили в Будапешт.

Хрущев мог праздновать победу. Февральская (1957 г.) резолюция ЦК ВСРП о предателях и решимость Кадара служили весомыми аргументами, с помощью которых он мог заставить замолчать оппозицию, пытавшуюся одно время вновь сделать ставку на Ракоши. Теперь ни у кого не вызывало сомнений, что его протеже Кадар не ступит на опасный, шаткий путь. К тому времени в нем как в политике наконец-то взаимно уравнились такие противоречивые черты, как замашки коммунистического министра полиции 40-х годов и умеренный антисталинизм реабилитированного политзаключенного. Примерно до лета 1957 г. в Москве и Будапеште на политические выгоды судебного процесса над Имре Надем смотрели примерно одинаково. Там полагали, что процесс и вполне ожидаемый смертный приговор помогут восстановить сталинизм без Сталина (Ракоши), продемонстрируют миру несокрушимую мощь социалистического лагеря и «впечатают в память» всех потенциальных мятежников и диссидентов, что сопротивление обречено на поражение. Будущие обвиняемые находились под арестом, концепция суда была готова, но процесс продвигался «в строгом соответствии с законом», т. е. медленно, и время от времени прерывался венгерско-советскими консультациями на высшем уровне.

Допросы обвиняемых начались еще в Румынии. Органы государственной безопасности руководствовались инструкциями Кадара («нужно усердно работать и принять решение в обозримом будущем, нельзя ждать 8–10 месяцев, а то и годы, пока вырвут большой зуб¹⁵⁾), но пока были сформулированы официальные обвинения, прошло как минимум полтора года.

Политическое решение о характере процесса заставило Главный департамент по борьбе с политическими преступлениями Министерства внутренних дел кардинально пересмотреть более ранние наработки и предложить совершенно новый план. Изначально предполагалось в числе «главных фигурантов» назвать «предателей» в армии и полиции и обвинить их в «контрреволюционных преступлениях». Теперь потребовалось несколько месяцев,

чтобы обозначить круг обвиняемых по главному процессу. Например, для Пала Малетера и Шандора Копачи, с 4 ноября находившихся под арестом, собирались организовать отдельный судебный процесс. Теперь же они вместе с Миклошем Гимешем, одним из активных организаторов сопротивления после поражения революции проходили по одному делу с Имре Надем. Оставалось неясным, насколько открытым будет процесс и будет ли кто-нибудь допущен в зал суда. Например, Бела Кирай, который к тому времени уже эмигрировал в США, должен был проходить по делу Надя и его группы, но затем его дело «выделили» в особое: не было никакого смысла судить эмигранта за закрытыми дверями. По замыслу Министерства внутренних дел, Золтана Тильди должны были арестовать еще в апреле, но по политическим причинам арест отложили до мая. Сбор доказательств замедлялся еще и тем, что большинство обвиняемых не признавали своей вины, а органы государственной безопасности, получившие инструкцию соблюдать «законность», не могли прибегать к «запрещенным» методам.

Имре Надя и его группу обвиняли в том, что начиная с 1955 г. они организовали заговор с целью «свержения народно-демократического государственного строя» и «захвата власти» и в октябре 1956 г. приступили к осуществлению своего секретного плана. Имре Надя и Пала Малетера также обвиняли в измене Родине. За редкими исключениями, обвинения основывались на реальных поступках обвиняемых. Их поведение в качестве партийных оппозиционеров, решения, принятые во время нахождения на ответственных постах в правительстве и администрации в дни революции, публичные выступления, дипломатическая активность — во всем этом в соответствии с заранее выработанной концепцией суда находился преступный умысел. Едва ли не все судебные процессы, организованные после 1956 г., проходили по этой схеме, что отличало их от сфальсифицированных процессов начала 1950-х годов, где суровые приговоры обычно основывались на обвинениях, взятых из воздуха.

Уже 22 июня 1957 г. на совещании, готовившем Пленум ЦК ВСРП, Кадар констатировал, что «следствие идет медленно и трудно». Тому он назвал несколько причин, умолчав лишь о главной. Из-за международного значения суда советские руководители бдительно следили за тем, чтобы процесс шел по заранее намеченному плану. Советники из Москвы скорее всего имели доступ ко всем важным документам, хотя в дошедших до нас источниках нет никаких упоминаний об их непосредственном участии в следствии. Накануне упомянутого выше Пленума ЦК Кадар

и его министр внутренних дел Бела Биску тайно летали в Москву, где наряду с информацией о подготовке I съезда ВСРП докладывали о ходе расследования. Кадар захватил с собой три документа: отчет о следствии с описанием поведения отдельных обвиняемых, список обвинений и сведения о связях Надя с югославами. Советское руководство, возможно, больше всего интересовало последнее.

В июне 1957 г. группа сталинистов-ортодоксов во главе с Молотовым предприняла попытку сместить Хрущева, при этом важную роль в «идеологическом обосновании» заговора играли обвинения в нерешительности во время венгерского кризиса. Первый секретарь одержал верх над своими оппонентами, но еще некоторое время ему требовалось «демонстрировать силу». К 1 августа 1957 г. в Министерстве внутренних дел (не в Министерстве юстиции!) подготовили обвинительное заключение, и министр Бела Биску повез его в Москву. Там он доложил, что хотя венгерское партийное руководство еще не пришло к единому мнению о суровости наказания, «в ходе обсуждения этого вопроса были высказаны мнения, что к обвиняемым надо подойти дифференцированно и в соответствии со степенью их виновности применить высшую меру наказания к Надю Имре, Лошонцы, Донату, Гимешу, Малетеру, Силади и Кирай Бела». Составленный МВД ВНР проект обвинительного заключения, по мнению советского руководства, являлся «в основном приемлемым», но нуждался «в доработке, и прежде всего в той части, где освещается связь предательской группы Надя с империалистами»¹⁶.

Но даже эти рутинные формулировки свидетельствовали, что Хрущев, став бесспорным победителем, уже не уверен в необходимости процесса так, как еще несколько месяцев назад. Не успел Биску покинуть Москву, как советская сторона в первый раз попросила отсрочить процесс. Изначально слушания должны были пройти сразу после сессии Генеральной Ассамблеи ООН, назначенной на сентябрь. В повестке дня значился доклад специальной комиссии о событиях осени 1956 г. в Венгрии, и поскольку венгерское руководство по просьбе из Москвы воздержалось от сотрудничества со специальной комиссией, ожидалось, что в докладе за подавление венгерского народного восстания будут осуждены и СССР, и Кадар. Чтобы не делать положение Советского Союза еще более уязвимым, нужно было развести во времени суд и сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Когда же сессия закончила свою работу, суд вновь отложили — до окончания встречи на высшем уровне руководителей коммунистических партий в ноябре 1957 г. в Москве.

На закрытом заседании ЦК ВСРП 21 декабря 1957 г., стенограммы которого Кадар хранил в сейфе до самой смерти, было, наконец, решено «дать зеленый свет началу судебного процесса»¹⁷. Его концепцию Кадар сформулировал в двух тезисах. Во-первых, Надь совершил «классовое предательство», когда не один год вынашивал секретный план «отстранения рабочего класса от власти, восстановления коалиционных партий и выхода из Варшавского договора». Во-вторых, он предал Народную Республику, поскольку претворял свои планы в жизнь, находясь на государственном посту. Из присутствовавших 51 члена ЦК выступили 17 и еще двое представили свое мнение в письменном виде. Все согласились с предложением, и дискуссия возникла только по вопросу о числе приговариваемых¹⁸.

О принятом решении еще предстояло доложить Хрущеву. Ответ всех удивил: он сделал вид, что «забыл», о чем его подчиненные договорились в августе, и спрашивал, каким будет приговор. В декабре Кадар докладывал: «Товарищ Хрущев заявил, что не возражал, чтобы этот вопрос мы решили по нашему усмотрению, но он хотел бы знать, какое решение мы примем: тюремное заключение, выговор или что? С тем, что решение за нами, он согласен»¹⁹.

Возможно, Хрущев был озабочен общественным мнением на Западе, чему он придавал немалое значение. Казнь Надя и членов его группы не вполне согласовывалась с новым образом Генерального секретаря, если учесть что в конце 1957 г. на обложке журнала «Тайм» появилась фотография «человека года» — симпатичное лицо главного борца за мир, у которого над головой, словно корона, угадывался спутник. Великодушный жест частичной амнистии или, по крайней мере, акт великодушия в случае Надя — от лица Кадара, но по инициативе Хрущева — казался теперь куда более уместным. Однако Кадар оставался непреклонен и не собирался ослаблять репрессий.

Безотносительно к вопросу, заданному Хрущевым, работа над текстом обвинения была вскоре завершена, и суд мог начаться уже 5 февраля 1958 г. Однако тут Москва вмешалась во второй раз, теперь еще более решительно. Суд над Надем мог негативно сказаться на краткосрочных политических планах СССР — предложении к западным державам организовать встречу на высшем уровне. По стечению обстоятельств как раз 5 февраля — в первый день судебного процесса — «суд над Имре Надем» обсуждался на Президиуме ЦК КПСС. Это был всего лишь пункт в повестке дня, и после обсуждения в стенограмму вошла только одна строчка резолюции: «Принять предложение (проявить твердость и вели-

кодушие)»²⁰. Хотя неизвестно, о каком «предложении» идет речь. Это могло означать, что советское руководство выступало за новое решение, отличное от обсуждавшегося ранее. В Москве хотели, чтобы суд вынес суровый, но не смертный приговор²¹. Возможно, именно тогда наступил поворотный момент для Надя и группы обвиняемых по его делу. И это был момент, когда Кадар — доверенный союзник Хрущева — получил некоторое поле для маневра, чтобы принять по делу Надя более мягкое решение.

Кадар не мог возразить открыто, но он не собирался проявлять покорность. На его удачу, Хрущев не дал никаких конкретных указаний, оставив право принятия решений за венграми. Кадар немедленно прервал процесс. Официально это было сделано по просьбе прокурора под тем предлогом, что необходимо собрать дополнительные доказательства. На самом деле на новом закрытом Пленуме ЦК 14 февраля 1958 г. Кадар поставил вопрос так: «Какой у нас выбор? Или мы откладываем суд, или продолжаем, но влияем на него так, чтобы он вынес вердикт, который не обострит международную обстановку. Впрочем, второй вариант был бы ошибкой». Он предложил Центральному комитету принять первое предложение и отложить суд. Один из кандидатов в члены ЦК предложил, чтобы после вынесения смертного приговора (именно тогда были впервые произнесены слова «смертный приговор»!) немедленно последовало помилование. «Это неподходящее решение», — нервно возразил Кадар. С ним согласились все; таким образом, венгерское руководство согласилось с отсрочкой суда и одновременно негласно утвердило смертные приговоры²². Янош Кадар взял на себя ответственность, какой не брал никогда ранее; впрочем, он разделил ее с членами ЦК.

В марте 1958 г. члены Политбюро коммунистической партии Великобритании Дж. Голлан, Р.П. Датт и Д. Мэтьюз спросили у Кадара, учтет ли венгерское руководство интересы других коммунистических партий в связи с судом над Имре Надем. Кадар резко возразил: «Если бы мы не думали об интересах всего мира, то банда Имре Надя давно бы находилась в земле»²³. Характерно, что он постоянно говорил об отсрочках, как, например, на Пленуме ЦК в декабре 1957 г.: «Расправа была бы наиболее уместной 4–5 ноября прошлого года, но тогда мы были особенно слабы»²⁴. И вновь 14 февраля 1958 г. во время обсуждения в Центральном комитете предложений советского руководства: «Хуже всего в этом деле то, что чем больше времени проходит, тем сложнее оно становится... Когда мы хотели его закрыть, у нас не было для этого достаточно сил»²⁵. С другой стороны, он был горд: «Мы также

смогли сохранить благоразумие, и это очень хорошо». В эмигрантский журнал «Иродалми уйшаг» в Лондоне было «благоразумно» направлено заявление Кадара, содержащее, помимо прочего, следующие слова: «Когда суд был уместен, у нас не доставало сил. Теперь, когда мы достаточно сильны, он потерял актуальность»²⁶. Впрочем, вскоре стало совершенно очевидно, что Кадара процитировали неточно. В будапештском руководстве никто не помышлял о смягчении приговора.

Тем временем позиции Кадара упрочились настолько, что теперь он мог довести свой план до конца. «Если сравнить общественные настроения полтора года назад и теперь, станет ясно, что мы добились такого успеха, о котором, — нужно признать — никто не мог даже подумать», — заявил он вскоре после визита Хрущева в Будапешт в апреле 1958 г.²⁷ В то же время Кадар проявлял в этом деле исключительную осторожность. Политбюро назначило созыв расширенного заседания Центрального комитета, где предстояло, помимо прочего, рассмотреть вопрос о суде над Надем, на конец апреля, но Кадар перенес пленум на начало июня. Между тем он побывал в Москве, где получил информацию об очередном обострении советско-югославских отношений и узнал, что Запад отклонил инициативу Хрущева о проведении встречи на высшем уровне. На секретном заседании Политбюро ЦК ВСРП 27 мая и Центрального комитета 6 июня 1958 г. была принята секретная резолюция, что «в отношении контрреволюционной группы, виновной в покушении на свержение государственного строя Народной Республики, необходимо очистить путь для законного судебного разбирательства»²⁸. В то время как Хрущев подавал знаки, которые можно было истолковать как желание проявить акт милосердия, Кадар не только не выказывал подобных намерений, но делал вид, что не понимает, что хочет сказать первый секретарь ЦК КПСС.

Слушания в суде по делу Имре Надя и его группы возобновились за закрытыми дверями 9 июня и продолжались до 15 июня 1958 г. К этому мы еще вернемся. Йожефа Силади еще в апреле приговорили к смерти и привели приговор в исполнение. Дело Надя и его группы слушал народный суд Верховного суда. Судья Ференц Вида 15 июня огласил не подлежащий обжалованию приговор. Имре Надь, Пал Малетер и Миклош Гимеш приговаривались к смерти. Приговоры другим обвиняемым были разными: пожизненное заключение для Шандора Копачи, 12 лет для Ференца Доната, 8 — для Ференца Яноши, 6 — для Золтана Тильди, 5 лет для Миклоша Вашархейи. Смертные приговоры

были приведены в исполнение 16 июня, на следующий день после оглашения. Первое официальное сообщение о суде и приговоре было напечатано 17 июня²⁹.

Весной 1958 г. уже ничто не могло поколебать авторитета Кадара, как, впрочем, и авторитета его наставника в Кремле. Суд первому секретарю ЦК ВСРП был нужен не потому, что он ждал нападения с той или иной стороны. Изначальные мотивы — показать «левакам» твердость кадаровского «центра», преподать урок «ревизионистам» и, наконец, запугать общество — со временем поблекли. Теперь свою роль играли другие, совершенно новые соображения. Суд, который завершился бы мягкими приговорами или даже амнистией, стал бы ударом по престижу и мог подать сигнал замолчавшей внутрипартийной оппозиции. Шок, полученный в 1956 г., постепенно ослабевал, в то время как желание мести усиливалось. Кадар был уверен, что живой Имре Надь представлял бы угрозу для него самого и для системы. Революционный премьер-министр зримо воплощал бы для Кадара отсутствие собственной легитимности в ноябре 1956 г., и в стенах укрепляемого им режима по-прежнему зияла бы брешь, пробитая Имре Надем еще в 1953–1956 гг. Для Кадара суд превратился в подлинное наваждение. Он настаивал, чтобы Центральный комитет вникал в мельчайшие детали процесса и высказывал мнение по всем вопросам. Кадар часто и много говорил о деле, но никогда не мог объяснить, почему суд необходим и даже неизбежен, только повторял формулировки обвинения и приговора. Даже в 1989 г., незадолго до смерти, когда состояние здоровья Кадара резко ухудшилось, его все еще волновала судьба Надя, хотя он уже вряд ли мог произнести его имя. Не совесть мучила его, скорее всего он тщетно искал нужные слова, чтобы «объяснить», как все было, что решение пришло не из Москвы, он сам его принял (что было правдой), что Надь отверг предложение о сотрудничестве, поэтому ему, Кадару, не оставалось иного выхода (что было неправдой), но об этом он уже никому не смог рассказать³⁰.

ОДИН
ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

Когда 22 ноября группу вывели из здания югославского посольства и депортировали в Румынию, они из ищущих политического убежища превратились в настоящих заключенных. Имре Надь подвергался аресту не один раз, но если не считать двух лет русского плена, пребывание в тюрьме длилось не более нескольких недель или дней. 4 ноября 1956 г. для 60-летнего Надя началось заключение, из которого его через полтора года освободила смерть. До самого дня казни, 16 июня 1958 г., вопрос свободы, жизни или смерти уже не зависел от того, что он делал или не делал. Парализующее чувство беспомощности должно было быть особенно мучительным для человека и политика, который — по крайней мере в последние двенадцать лет — привык считать, что его действие или бездействие может повлиять не только на его собственную судьбу, но и на судьбы страны и общества.

Впрочем, ситуация вначале казалась не совсем безнадежной. Заключенных разместили в доме отдыха партийных работников в Снагове. Надя разлучили с друзьями и семьей (дочерью, зятем Ференцем Яноши и внуками). Они с женой поселились в отдельном домике. В первое время условия содержания были превосходными: им позволяли ходить на прогулки, иногда показывали фильмы, снабжали книгами и газетами, их регулярно навещал врач. Супругам разрешали принимать гостей, членов румынской коммунистической партии (в основном старых знакомых еще по Москве). Чаще других их посещал Вальтер Роман. Он вел с Надем долгие идеологические дебаты и убеждал выступить с самокритикой. И все-таки они оставались пленниками, им было запрещено покидать дом и сад, за ними пристально следили румынские органы госбезопасности, их разговоры записывались (в том числе беседы с Каллаи и Романом), о чем составлялись соответствующие донесения. Рукописи Надя время от времени тайком забирали из дома и фотографировали¹.

Изымать документы для копирования охране было непросто: Надь проводил большую часть времени за письменным столом. Он не собирался выступать с самокритикой, но обнаружил в себе потребность изложить на бумаге свою деятельность, считая это, возможно, последним делом, которое, как ему казалось, он сможет довести до конца. Еще в югославском посольстве друзья во главе с Гезой Лошонци взялись за описание того, что произошло с 22 октября по 4 ноября. Надь участвовал в этой работе, но одновременно делал заметки для себя лично с целью представить свою собственную точку зрения. Судя по этим записям и завершённым частям рукописи, он не собирался создавать историю венгерской революции, но хотел дать теоретическое объяснение восстанию. При чтении снаговской рукописи складывается впечатление, что Надь готовил новый вариант «программы», над которой он начал работу в 1955 г., продолжил в 1956 г., но так никогда и не закончил. Подход в целом не изменился: сначала он последовательно отвергал обвинения, затем выдвигал «логические» доводы и, наконец, опротестовывал неуместное и несправедливое обращение. Там, где речь идет о конкретных событиях, становится очевидным стремление Надя согласовать свою собственную версию истории с теоретической схемой. Он называл это «подлинным марксистско-ленинским анализом». Рукопись объемом более 500 страниц, озаглавленная «Размышления, воспоминания», осталась незавершённой². В то же время можно сказать, что это его самая важная работа, его политическое завещание и оно заслуживает рассмотрения в отдельной главе (см. ниже).

На самом деле Надь хотел только одного — рассказать правдивую историю, изложить свою позицию, говорить о себе и о венгерской революции. Впрочем, теперь они были неразделимы. Первое время он не считал свои записи свидетельствами мученика. Даже в Снагове Надь сохранял веру в то, что в долгих и упорных политических дебатах он сможет переубедить и противников, и врагов. Он готовился к полемике, подобной той, что вел в 1947–1949 и 1955–1956 гг., с той разницей, что теперь он одной научной лекцией намеревался привлечь на свою сторону все мировое «движение». Он также писал множество писем, которые, впрочем, не дошли до адресатов (Хрущева, Тито, Георгиу-Дежа, Романа и др.), а были аккуратно сложены в специальные папки в архивах тайной полиции, где хранились до конца 1980-х годов. Надь требовал отправки всей группы в Югославию и создания международной партийной комиссии, которая выслушала бы показания участников венгерских событий, в первую очередь его собственные. Он считал недавние

события революцией, народным движением, закономерным и объяснимым с точки зрения обусловивших его обстоятельств. Но иногда Надя одолевала сомнения. Например, согласно выборочной расшифровке прослушанного румынскими спецслужбами разговора с Д. Каллаи 25 января 1957 г., он сказал: «Я полагал, что конец хаосу были в состоянии положить мы сами, своими силами... я мог бы спасти положение в Венгрии без вмешательства советских войск». Позднее, когда Каллаи спросил: «Следовательно, это была революция?», Надь ответил: «Я не могу назвать это иначе... как революцией. Но то, что произошло, я могу назвать только контрреволюцией с фашистскими элементами... я бы сказал так, но и в этом случае это была революция. В Европе говорят, что венгерские события привели бы к реставрации капитализма, но я не согласен, этого не произошло бы»³. В конце беседы он несколько раз повторил: «У меня нет определенного мнения».

Уже в начале разговора Надь сказал Каллаи, что «если они хотят предать меня суду или посадить у тюрьму, пускай, мне все равно». Все эти месяцы Надь прожил в крайнем нервном напряжении, сопровождавшемся приступами ярости. С другой стороны, отдаление и изоляция рождали в нем чувство неуверенности, провоцировали более или менее длительные приступы депрессии. Даже во сне он никуда не мог укрыться от своих гонителей. На магнитофонной ленте с записью прослушивания сохранились его слова, сказанные жене: «Сегодня ночью мне приснилось, что ни меня, ни Кадара не выбрали, проголосовали против нас обоих»⁴. В своих записях он в весьма резких выражениях высказывался о Ракоши, Ревай и Кадаре. Он проклинал их, словно ветхозаветный пророк, за подлинные и мнимые злодеяния. Перечень преступлений, имевших место в действительности, перемежался домыслами, взятыми из материалов показательных судебных процессов 1940-х годов, такими как предполагаемая вина Кадара в «ропуске» ВКП в 1943 г. Встречались и комментарии по поводу еврейского происхождения Ракоши, Герё и Ревай, из-за чего венгерский народ не смог принять их как «представителей венгерских национальных интересов, тем более своих вождей», даже если те, подобно Ракоши, старались быть «большими националистами, чем сами венгры»⁵. В середине февраля 1957 г. Надь отказался от дальнейшего систематического анализа революционных событий. Свою роль в этом решении, наверняка, сыграло то, что он перечел собственные строки, написанные о политических противниках. Ему хватило смелости завершить воспоминания следующими словами: «Перечитав эти 550 с лишним страниц, я пришел к выводу, что

лучше мне здесь поставить точку... Под впечатлением от происшедшего — и это неизбежно — верх взяли односторонность, предвзятость, недостаточно критический взгляд, неудовлетворенность и вытекающие из этого ложные выводы. Свою немалую роль сыграли личные обиды, оскорбленное самолюбие, гнев»⁶.

После визита Каллаи в январе 1957 г. Надь составил письмо к руководству ВСРП, в котором выразил намерение поддержать «консолидацию» режима Кадара. Он заявлял о прекращении оппозиционной деятельности и призывал трудящихся отказаться от забастовки как орудия политической борьбы (на самом деле он не знал, что сопротивление сломлено). Одновременно Надь предлагал отложить на более позднее время оценку событий октября 1956 г. и опротестовывал обвинения, выдвигавшиеся против него в венгерской прессе. Находясь в изоляции на отдаленном румынском курорте, он, возможно, верил, что своей готовностью к компромиссу сможет избежать самого страшного — возвращения к власти Ракоши и его сторонников. Надь не изменил своего мнения по многим вопросам, в том числе о возможности особого пути, но только под руководством партии. К тому времени ему перестали давать газеты, и прошло несколько недель, прежде чем он узнал о февральских резолюциях временного Центрального Комитета ВСРП. Только тогда он понял, что должен готовиться не к дискуссии, но к суду и смерти. Письмо с предложением «компромисса» так и осталось неотправленным⁷.

Надь прекрасно понимал, что перед лицом грядущих испытаний ему понадобятся спокойствие и уверенность в себе, способность выдержать обвинения и угрозы. Тогда мысленно он обратился к прошлому и в последние недели пребывания в Снагове забросил политические записки и засел за автобиографию под заглавием «Трудная судьба»⁸. В подзаголовке стояло: «Очерк о моей жизни, 1896–1957», обозначив тем самым, что отпускает себе еще максимум два года жизни. На самом деле жить ему оставалось год. Стиль повествования резко отличался от марксистско-ленинского «жаргона», на котором в предыдущие месяцы было написано 500 с лишним страниц воспоминаний и размышлений. Начало было традиционным и сухим: рождение, семья, социальные условия, но вскоре воспоминания увлекли его. Надь, мальчик из Капошвара, поведал о родном городе и близлежащих селах, о трудностях, которые испытывала семья, о детских проделках, о школе и учителях, о первой любви. По выдержкам, приведенным в первой главе, читатель мог убедиться, что повествование сохранило обаяние личности, отличается живым, красочным языком, как если бы

было написано не партийным функционером, а простым человеком. Воспоминания обрываются на полуслове при описании событий 1918 г., когда 14 апреля 1957 г. в дом вошла специальная группа, прибывшая в Снагов с целью арестовать Надя.

В тот же день вся группа вылетела из Снагова на советский военный аэродром в Тёкёле, близ Будапешта, а оттуда — в наручниках и с завязанными глазами, словно особо опасных преступников, — их доставили в тюрьму Министерства внутренних дел на ул. Дьоршкочи, в следственный отдел «К» («külon» — особый), созданный специально для группы Имре Надя департамент политической полиции. Следствие по делу тех лиц (всего 88 человек), «кто во время контрреволюционных событий занимался руководящей или организаторской деятельностью» возглавлял бывший офицер госбезопасности, подполковник полиции Шандор Райнай. Проходивших по делу Имре Надя и его группы разместили в одиночных камерах на 4 этаже. От камер «простых» подследственных их отделяла специально возведенная деревянная стена, так что привезенные из Румынии люди стали «невидимками». Тридцать лет спустя М. Вашархеи так описывал условия содержания:

«Те из нас, кто выжил, находились в полной изоляции с апреля 1957 по август 1958 г. ...нас содержали в тесных, одиночных, темных камерах с решеткой на оконном проеме, сквозь которую едва пробивались солнечные лучи; под потолком день и ночь горела лампочка в 25 ватт. Днем мы были обязаны сидеть на нарах, расположенных вдоль длинной стены, чтобы охранник мог в любое время видеть нас в глазок, и по той же причине ходить можно было только вдоль нар... Охрана носила войлочные тапочки, так что никогда нельзя было знать, когда они подходили к двери и заглядывали в глазок. Несмотря на предписания, нам разрешали гулять во внутреннем дворе, примерно раз в месяц и только по несколько минут в узком проходе, отделенном от тюремного двора высокой кирпичной стеной. Конечно, нас выпускали гулять по одному... Подъем был в 6 час. утра, отбой — в 9 час. вечера, между ними — уборка помещения, тюремная еда, допросы»⁹.

Изоляция была столь детально продумана и совершенно организована, что, если верить воспоминаниям, даже заключенные не догадывались, что Имре Надя и его группа все время содержались на ул. Дьоршкочи.

Хотя подготовка к судебному процессу заняла не менее двух месяцев, в распоряжении следователей, если не считать политических обвинений, по-прежнему было недостаточно «материала». Следствие в большинстве своем вели опытные сотрудники, не один год прослужившие в органах государственной безопасности, и с тех пор их методы работы мало изменились. Правда, они воздерживались от применения непосредственного физического воздействия, побоев, электрошока, лишения сна (если не считать ночных допросов). Никого из заключенных не классифицировали как «подозреваемых», ибо тогда по закону им полагался бы адвокат. Основная «работа» заключалась в том, чтобы получить от обвиняемых признательные показания, и для достижения этой цели проводились специальные «рабочие совещания», где разрабатывались, обсуждались и переносились на бумагу «планы допросов». Протоколы по окончании допроса составляли сами следователи, заключенный только подписывал, в крайнем случае мог изменить одно или два слова. Содержание составленного таким образом документа лишь отдаленно походило на то, что действительно было сказано.

Уже из первых вопросов своих следователей, полковника Йозефа Ференчика и майора Иштвана Капитаня, Надь понял, что, как он и подозревал, его готовили к фальсифицированному судебному процессу. Он решил хранить молчание, и с 16 апреля до середины июня не ответил ни на один вопрос, не подписал ни одного протокола, только подал два собственноручных заявления, датированных 10 и 15 мая, на имя Генерального прокурора, где протестовал против своего ареста. Оба заявления так и остались без ответа.

Заключенные, изолированные друг от друга и от внешнего мира, не могли бесконечно выдерживать психологическое давление. На слушаниях им предъявили обвинения в серьезных преступлениях, и большинство из них признали «ответственность», даже если они пытались сопротивляться, оспаривая интерпретацию фактов. Исключение составлял Йозеф Силади, как и Надь, отказавшийся сотрудничать со следствием, и Пал Малетер, отрицавший любую свою вину. С другой стороны, Геза Лошонци, чья психика была серьезно нарушена еще в первые месяцы следствия, окончательно сломился физически после голодовки протеста и сознался в совершении самых невероятных преступлений. Здоровье Надя к концу мая заметно пошатнулось, он был интеллектуально измотан и вновь мучался болями в сердце. Следователи неустанно твердили ему о частичном или полном признании вины

его товарищами и демонстрировали с грубыми комментариями многочисленные иллюстрированные газетные статьи о «зверствах контрреволюции». В результате Надь, до сих пор хранивший молчание, 14 июня 1957 г. решился на сотрудничество со следствием.

От него потребовали назвать, по каким обвинениям он признает свою вину, и он просто повторил: «Я не чувствую себя в чем-либо виновным, я хотел бы рассказать о своей деятельности»¹⁰. После нескольких дней допросов следователи с удивлением обнаружили, что обвиняемый взял на себя их роль и сам направляет ход следствия. Они думали, что все пойдет своим заведенным чередом: сначала запишут показания обвиняемого, затем сопоставят с «фактами» и дадут им «правовую» оценку, после чего обвиняемый сломается, признается и в самоуничтожении покается. Надь же излагал свои взгляды в разные периоды своей политической деятельности в той форме и манере, каковые считал наиболее подходящими для защиты от любых измышлений со стороны обвинения. 11 июля под конец допроса он заявил, что в дальнейшем будет отвечать только на вопросы суда.

К 10 августа 1957 г. (после согласований с Москвой) в Министерстве внутренних дел, наконец, подготовили обвинительное заключение, в котором Имре Надь представал руководителем «предательской группы», предпринявшей попытку захвата власти. С этой целью сначала были разработаны теоретические основания, затем планы практических действий, которые, пользуясь незаконными средствами, Надь осуществил в октябре–ноябре 1956 г. В обвинительном заключении не было ни слова о том, что Надь собирался восстановить капиталистический строй, просто ради осуществления «своей предательской, националистической политики» он «вступил в сговор с контрреволюционными элементами», чем «пособничал» реставрации; его же подлинными целями было не что иное, как захват власти. Далее говорилось, что обвиняемые криминализировали всю деятельность партийной оппозиции, все ее выступления и действия, начиная с меморандума, в октябре 1955 г. направленного в ЦР ВПТ. Нерешительность Надя после 23 октября называлась сознательной и «двурушнической», побудившей его, например, подделывать резолюции Политбюро и ЦР ВПТ от 28 октября, где давалась оценка событий. Образование нового кабинета толковалось как сознательный шаг по направлению к ликвидации коммунистического строя. Надю вменялось в вину, что созданием Национальной гвардии он по сути парализовал вооруженные силы всей страны. Деликатный вопрос о провозглашении нейтралитета решался путем нехитрого подлога:

в обвинительном заключении говорилось, что Надя провозгласил нейтралитет еще в своем обращении к митингующим у здания парламента 31 октября и тем самым на следующий день поставил кабинет перед «свершившимся фактом». Нота Надя к советскому правительству от 1 ноября называлась «обращением к империалистам». Сказать то же самое о его выступлении по радио 4 ноября было трудно, поэтому оно квалифицировалось как «обращение к населению с призывом оказывать сопротивление советским войскам». Наконец, «не обращая внимания на советы югославских товарищей», он не прекращал враждебной деятельности, даже находясь на территории югославского посольства. Надя обвиняли в создании и руководстве движением, направленным против народно-демократического строя, и предательстве Родины. По обоим обвинениям мерой наказания была смертная казнь¹¹.

До этого самого момента Надю не устраивали очных ставок ни с одним из обвиняемых или свидетелей, а только произвольно зачитывали выдержки из показаний. В день окончания следствия, 17 августа, его впервые ознакомили с показаниями проходящих по делу товарищей, и чтение произвело на него глубокое впечатление. Когда Надя увидел, что другие частично признали предъявленные им обвинения, он стал сопротивляться с удвоенной силой. Если раньше он решительно отрицал только толкование оппозиционной активности в обвинительном заключении, то теперь отрицал любой факт, который, по его мнению, мог послужить основанием для обвинения в преступном сговоре. Теперь он нарочно преувеличивал на самом деле существовавшие разногласия и сознательно дистанцировался по ряду вопросов от своих единомышленников.

Поскольку запланированный на сентябрь судебный процесс был официально отложен, отделу «К» приходилось делать вид, что следствие продолжается, поэтому заключенные провели в своих камерах еще несколько месяцев, хотя с ними уже не проводилось никаких следственных действий. Имре Надя не вызывали на новые допросы вплоть до конца января 1958 г. Когда же 28 января Генеральная прокуратура представила, наконец, безупречное, с формальной точки зрения, обвинительное заключение, в него было внесено три важных изменения. Поскольку в день, когда было принято решение сделать Гезу Лошонци вторым обвиняемым на процессе, он скончался в тюрьме¹², расплывчатая формулировка «враждебная группа» была заменена на «закрытая группа». В результате состав группы Надя претерпел некоторые изменения: процессы по делам Санто, Ваша, Уйхейи, Ю. Райк и некоторых

других были отделены от главного процесса. Наконец, вместо термина «движение», которое, как говорилось в официальных документах, организовали обвиняемые, им вменялось в вину создание и участие в «организации». В служебных записках о подготовке к судебному процессу говорилось, что состояние здоровья Надя было «удовлетворительным», но также упоминалась острая сердечно-коронарная недостаточность и потребность в лекарствах. Томительное ожидание открытия суда приводило обвиняемых к потере душевного равновесия, некоторые из них заболели. Имре Надь со времени депортации в Будапешт потерял в весе 15 килограммов¹³.

У Надя еще оставалась возможность воспользоваться последним словом — выступлением обвиняемого на заключительном этапе судебного процесса. Там он мечтал в очередной раз повествовать «правдивую» историю о себе и венгерской революции, и ради этого в июне 1957 г. он изменил манеру поведения на допросах. Для его версии происшедшего особым значением обладали два момента: во-первых, исключительная революционная ситуация, оправдывавшая большинство его решений; во-вторых, крайне ограниченное время для маневра, которым в тех обстоятельствах обладало руководство. Он понимал свою роль как первого среди равных, который, основываясь на жизненном опыте и своих политических убеждениях, стремился спасти то, что можно было спасти. Однако предметом следствия была не жизнь Надя и не его версия истории революции, но конструирование последней Генеральной прокуратурой. Надь пытался ответить на вопросы, задававшиеся следователями так, чтобы отмести содержащуюся в них ложь и одновременно донести свою, правдивую версию. Простой, человеческий язык его мемуаров в Снагове при обращении к теме революции вновь сменялся партийным жаргоном. И только наедине с самим собой Надь, должно быть, все чаще повторял: «Я в полном одиночестве (как это уже бывало не раз) перед лицом смерти».

5 февраля 1958 г. в 9 часов утра судья Золтан Радо объявил о начале судебного процесса. Слушания проходили не в здании Верховного суда, но в помещении военного суда, расположенном в том же комплексе зданий, что и следственный изолятор. Помимо доктора Радо, в судебную коллегия вошли четыре «народных заседателя» — все как один партийные функционеры — Михай Биро, Кальман Фехер, Лакатош Петерне* и Дёрдь Шуйян. Послед-

* Лакатош Петерне — официальное имя замужней женщины в Венгрии (в буквальном переводе — «супруга Петра Лакатоша»). — *Примеч. переводчика.*

ний, будучи военным судьей, не имел формального права именоваться народным заседателем. От вдовы погибшего во время беспорядков 30 октября Петера Лакатоша вряд ли следовало ожидать беспристрастности. Обвинение представлял Генеральный прокурор Йозеф Салаи, обязанности секретаря суда исполнял Золтан Лендел. Кроме них, обвиняемых, их адвокатов и офицеров охраны, сопровождавших заключенных, в зал суда никого не допускали¹⁴.

На политических процессах решающую роль играют обвинения, выдвинутые в ходе следствия. Прокурор следит за соблюдением формальностей, а суд создает видимость легитимности. Всё остальное, можно сказать, не играет никакой роли. Все обвиняемые по делу Имре Надя не питали на этот счет иллюзий. Большинство из них старались по мере сил защищать свое человеческое достоинство, но в конечном итоге были вынуждены играть отведенные им роли, чтобы как можно скорее покончить с этим фарсом. Однако Пал Малетер, Йозеф Силади и Имре Надь избрали иную тактику. Малетер при каждой возможности опротестовывал обвинения, которые считал необоснованными. Силади в первую очередь стремился доказать, что боролся за правое дело — участвовал в антисталинской революции. Малетер, как наиболее далекий от политики, до последней минуты не терял веры в то, что стоит только показать события в их истинном свете, и его невиновность станет всем очевидна. Впрочем, Силади тоже мало интересовали политические соображения. Его жизненный опыт подсказывал, что надежды на благополучный исход дела нет, но вел он себя совершенно иначе: отвергнув навязанные правила игры, он из обвиняемого превратился в обвинителя.

В поведении Надя прослеживалась смесь этих двух линий поведения. С одной стороны, он, подобно Силади, опровергал одно за другим предъявляемые ему обвинения. Но он также всеми силами стремился привлечь внимание к незаконности процесса и уделял преимущественное внимание соблюдению формальностей. Больше всего в тот момент он мечтал о том, чтобы оставить след в истории. Слова его были обращены к потомкам, но говорил он не о революции. Он говорил о себе, словно хотел завещать грядущим поколениям свой портрет. К этому его — в гораздо большей степени, чем Малетера или Силади — подвигла сама концепция суда. Обвинение было направлено не против политика, или венгерского патриота, или гражданина, или преступника, но против члена партии. И Надю ничего так не хотелось, как восстановить свое доброе имя как верного коммуниста и связать его с венгерской революцией. Он находил вопиющее противоречие между

своей беспримерной верностью партии и ролью козла отпущения, которую ему навязывали. Горечь и гнев его были столь сильны, что, сам того не подозревая, Надь играл на руку обвинению. Прокурор рассуждал по принципу: «если есть преступление, должен быть и преступник», и если виновен не Надь, то, значит, кто-то другой.

Однако такой подход не совсем себя оправдал на судебных слушаниях 5 и 6 февраля. Оказалось, что судья Радо изо всех сил и, очевидно, вопреки возлагавшимся на него надеждам вел процесс относительно корректно, не отдавая предпочтения ни одной из сторон¹⁵. В первые дни суда Малетер, Силади и Донат, а также (до некоторой степени) Гимеш не пожелали признать себя виновными. На вопрос, понял ли он, в чем его обвиняют, Надь дал утвердительный ответ, но на следующий вопрос, признает ли он в целом себя виновным, он парировал коротким «нет». Тогда судья предложил ограничиться рассмотрением фактической стороны дела, «поскольку суд не рассматривает вопросы политики и идеологии, это не его компетенция». Подсудимый вправе излагать на суде свои взгляды, но не должен их развивать: «Вы сможете все сказать в своем последнем слове». На вопросы Надь отвечал коротко, решительно отменяя любые инсинуации. Его защита строилась на зафиксированном в венгерском законодательстве принципе ответственности председателя правительства и министров. Он заявил, что не давал никаких руководящих указаний, целью которых был бы захват власти, и не признал себя «идейным вдохновителем». Никакой «закрытой группы» не было в помине, поскольку отсутствуют доказательства ее существования (платформа, дисциплина, сфера деятельности, состав, встречи, повестка дня, переговоры и проч.). Он последовательно изложил, что делал 23 октября, и спросил, так ли ведет себя человек, желающий захватить власть? В заключение Надь сказал, что во всех своих поступках руководствовался решениями партии, и добавил: зная о том, какую позицию заняла партия сегодня, он поступил бы иначе, чем тогда. Во время допросов остальных обвиняемых, в особенности Доната, Тильди и Копачи, он постоянно вступал в словесные баталии по процедуре ведения суда а также по конкретным фактам. Когда на другой день прокурор попросил отложить слушания для сбора дополнительного материала (на самом же деле — по политическим мотивам), все обвиняемые, не исключая Надя, были в замешательстве. Надь сказал: «Ума не приложу, у меня просто нет слов». Возможно, в нем затеплилась надежда, но всплеск оптимизма оказался недолгим и вскоре сменился привычной апатией.

Наступил период бездействия, когда ничего не происходило и обвиняемые томились ожиданием. Отчеты следователей читаются в случае Надя, как медицинские свидетельства. Так, 6 марта сообщалось: «Состояние его здоровья неизменно ухудшается, он физически слаб, мало ест и постоянно пребывает в подавленном состоянии. Его нервы расшатаны, на процессе и нередко в камере он не может сдерживать рыданий. Жалуется врачам на боли в сердце». В отчете от 15 апреля о Наде писали, что он отказывается от лекарств и «хотел бы поскорее покончить с тем положением, в котором находится». Но даже тогда он не сломался окончательно. Надь снова хотел подать жалобу, но не получил на то разрешения. Он добивался права переписки с семьей, заявил, что «если семье не позволят вернуться домой или он не получит от них письма, то начнет голодовку протеста, заявив при этом, что отдает себе отчет, к каким это может привести последствиям»¹⁶. Протесты не остались без последствий. Условия содержания несколько улучшились, обвиняемых перевели из камер в более светлые помещения.

За время «дополнительного расследования» никаких новых фактов установить, конечно же, не удалось. Когда 9 июня 1958 г. слушания в том же самом суде открыл новый судья, Ференц Вида, заместитель Генерального прокурора не добавил к обвинению ни одного нового пункта. На этом заседании органы государственной безопасности вели документальную съемку с очевидной целью предъявления общественности (после тщательного отбора) деталей процесса. Надь, воспользовавшись моментом, заявил протест против «закрытых слушаний» и вообще выглядел настроенным по-боевому. Это было не лишне, ибо Вида — старый, проверенный партиец — вел себя на суде совсем не так, как Радо, отстраненный как раз за проявленную слабохарактерность (впрочем, в документах упоминалось и состояние здоровья)¹⁷. В отличие от Радо, Вида мало интересовали факты, и он попросту зачитывал целые куски из обвинительного заключения, словно надеялся, что Надь со всем согласится. Вместо этого последовала довольно резкая словесная перепалка, обвиняемый один за другим отклонял пункты обвинения, требовал занесения своих ответов в протокол. Расшифровщик аудиозаписи в нескольких местах был вынужден сделать помету: «Нельзя разобрать ни слова, одновременно оба кричат»¹⁸. Всякий раз, когда в вопросе судьбы содержалось упоминание того или иного факта, Имре Надь немедленно хватывался за предоставлявшуюся возможность рассказать историю целиком, как все было на самом деле. В этом случае Вида старался поскорее

вернуться к заранее составленному сценарию, делал все, чтобы право выносить суждения и давать определения оставалось за ним, напоминал Надю, что ему дадут последнее слово, в котором он изложит свою точку зрения. Такие увещания не могли подействовать на Надя, который уже в первый день процесса заявил:

«Я бы не хотел, чтобы все эти проблемы, возникающие по ходу разбирательства, все эти принципиальные решения и политические вопросы были отодвинуты на второй план и я получил бы право говорить о них только по праву последнего слова... Я не имею намерения спорить здесь и не прошу принять решения по этим вопросам, но хочу изложить свою позицию. Я прошу лишь об этом»

Вида заверил обвиняемого: «Поймите, будет лучше, если Вы изложите свою позицию в последнем слове».

Еще в феврале между Надем и проходящими по его делу обвиняемыми начались довольно резкие пререкания. В связи с показаниями целого ряда свидетелей Надя требовал записать в протокол свой протест. Большинство из тех, кто давали свидетельские показания, сами были заключенными в ожидании суда, и они отдавали себе отчет в том, что суровость грозящего им наказания напрямую зависит от того, как они выступят на суде над Надем. Едва ли не все они поддерживали обвинение. Исключение составляла секретарша бывшего премьер-министра Балог Йожефне, последовательно стоявшая на его стороне и в дни революции, и на судебном процессе. По требованию прокурора 13 июня в зале заседания организовали демонстрацию пропагандистского документального фильма — одного из многих, изготовленных в то время. Сюжет — кровавая бойня перед зданием ЦР ВПТ 30 октября. Глубоко потрясенные обвиняемые, все до одного, выступили с покаянными признаниями. Все, кроме Нады, который хранил молчание. Наконец, пригласили последнего свидетеля — Золтана Санто, депортированного в Венгрию из Румынии. Имре Надя встретился лицом к лицу с соратником по подполью, своим московским коллегой, начальником, партийным руководителем, который в 1938 г. оказался единственным, кто поддержал Надя, и кого последний особенно ценил в партийном руководстве. И этот человек слово в слово повторил наиболее серьезные пункты из обвинительного заключения: Надя в декларации венгерского правительства 28 октября пошел в разрез с резолюцией партийного руководства; он несет ответственность за то, что не согласовал с Президиумом

ВКП выход из организации Варшавского договора; вооруженное восстание было подготовлено созданной им группой; он поддерживал давние связи с югославами; Надь виновен не только в антипартийном, но и в антисоветском поведении в такой мере, что даже дети, находившиеся в югославском посольстве, выкрикивали антисоветские лозунги. Надь отклонил все обвинения Санто, пункт за пунктом, неоднократно повторив свой главный довод: в период, о котором шла речь, во главе партийного Президиума и Исполкома стоял не он, а Кадар.

Выступление Санто завершало допрос свидетелей, 14 июня начались прения сторон. Обвиняемым позволили «выбирать» себе адвокатов из составленного властями списка. Надь защищал Имре Бард (его предшественник Ласло Вираг выказал пассивность на слушаниях в феврале). Бард вел себя, как прирожденный адвокат. Свое выступление он начал словами: «При оценке событий, произошедших полтора года назад, потребуется доля объективности». Бард ставил под сомнение тезис обвинительного заключения о преступном умысле, пытался пункт за пунктом отрицать, что Надь был «вдохновителем и руководителем организованного движения». Собственно, он придерживался избранной самим Надем оборонительной стратегии.

Наконец, настала та минута, которую Надь так долго ждал: ему предоставили последнее слово обвиняемого. Под этим предлогом он мог выступить с самоуничижительной критикой, повторив формулировки обвинительного заключения, мог изложить историю революции, зачитав свое политическое завещание под видом фундированной лекции. Ничего подобного он не сделал, но не потому что под конец процесса сломался. Каждое сказанное им слово было тщательно обдуманно. На обрывочных кадрах кинохроники можно видеть, как он читает по блокноту, в который во время слушаний записал текст своей речи.

«Глубокоуважаемый народный суд! Глубокоуважаемый председатель! Достойным сожаления образом на моем процессе не нашлось места для дополнительных свидетельств; вместо этого были заслушаны исключительно свидетели обвинения и к рассмотрению принимались только доказательства, предоставленные прокурором. По моему скромному мнению, на уголовных процессах важную роль, наряду с установлением вины, играет обнаружение истины. Упущенная возможность заслушать дополнительные свидетельства отражена как в обвинительном заключении, так и в речи прокурора, где моя деятельность и моя ответственность освещены не с точки зрения

объективных фактов или исторической правды. Сделав это общее заявление, я не желаю чрезмерно углубляться в детали, я лишь уверен, что уважаемый суд по ознакомлению с материалами дела рассмотрит выдвинутые против меня обвинения и мою ответственность и сделает это в полном согласии со своей совестью. Глубокоуважаемый народный суд! Глубокоуважаемый председатель! Прокурор в своей речи потребовал приговорить меня к исключительной мере наказания — смертной казни. Помимо прочего, он объяснил это тем, что нация не согласится с более мягким наказанием. Посему я вручаю свою судьбу в руки нации. После выступления моего адвоката, кроме того, что я сказал, воспользовавшись правом последнего слова, я не желаю больше жить и не собираюсь предпринимать что-либо для своей защиты. Я ожидаю справедливого приговора уважаемого народного суда»¹⁹.

Надь произнес свой приговор, но не об обвинениях; скорее, о последнем акте драмы, в которой ему отводилась роль злодея. Перед лицом вопиющей несправедливости, разыгранной в стенах суда комедии все эпизоды подлинной драмы должны были показаться ему в последний момент ничтожными. Его вежливая речь, сдержанные и точные определения говорят о готовящемся к смерти человеке, который (если суд обратил законность, честь и истину в фарс) в состоянии защитить свое достоинство.

На следующий день, 15 июня 1958 г., в 17 часов судья Ф. Вида огласил приговор.

«Именем Народной Республики! Главного обвиняемого Имре Надя — год рождения 1896, место рождения Капошвар, отец Йожеф Надь, мать Розалия Сабо, женат на Марии Эгетё, имеет взрослого ребенка, профессор, пенсия 3600 форинтов в месяц, собственности не имеет, гражданин Венгрии, ранее к судебной ответственности не привлекался, проживает по адресу ул. Оршо, д. 43 — признать виновным в руководстве созданием организации, имевшей целью свержение народно-демократического строя, а также в измене родине, и на этом основании народный суд приговаривает его к смертной казни и конфискации имущества»²⁰.

Вряд ли Надь внимательно слушал, как Вида высокопарно зачитывал приговор. Каждое предложение было ему знакомо. Он не раз встречал их в партийной газете «Непсабадшаг» в Снагове, слышал на допросах и во время прений сторон, читал в обязательном для ознакомления обвинительном заключении. Теперь

он хотел только одного — сказать последние, самые главные слова, и такую возможность ему предоставил судья, задав вопрос: намерен ли он обжаловать приговор?

«Я прошу у глубокоуважаемого народного суда дозволения в нескольких словах обосновать мою позицию по вопросу о помиловании. Я считаю смертный приговор, который мне вынес глубокоуважаемый народный суд, несправедливым, а обоснование — недостаточным, поэтому не могу с ним согласиться, хотя мне ясно, что пересмотра не будет. В этом положении единственным утешением мне служит уверенность, что раньше или позже венгерский народ и международный рабочий класс снимут тяжкие обвинения, что легли на меня непосильным бременем. Мне придется их признать и пожертвовать жизнью. Я верю, придет время, когда и в этом вопросе в более спокойной обстановке, располагая более широким кругозором и основываясь на лучшем знании фактов, справедливость и в моем деле восторжествует. Я чувствую, что стал жертвой серьезного заблуждения, судебной ошибки. И не прошу о помиловании»²¹.

В этом довольно сумбурном заявлении уже говорилось о том покое, который наполняет душу приготавливающегося к смерти и действительно служит утешением. Даже сейчас Имре Надь не потерял столь характерного для него исторического оптимизма. Он верил, что его «послание» когда-нибудь дойдет до адресата, что «приговор» при всей своей безнадежности находится не в руках доктора Ференца Виды. Со свойственной ему точностью Надь назвал тех, к кому были обращены его слова. Формула «рабочий класс» вместо «рабочее движение» — при прослушивании аудиозаписи ясно слышно, что Надь особо подчеркнул это слово, — стала извлеченным и усвоенным уроком радиообращения 4 ноября, но и свидетельством гармонии со всем своим жизненным путем. Рабочее движение под эгидой Советского Союза его больше не интересовало, но его вера в последний гарант утопии — класс — была тверда. Когда настало время, приход которого приветствовал Надь, ни движение, ни класс не существовали уже в том виде, в каком рисовались в его воображении. Венгерский народ в своей массе никогда не считал его виновным, и пусть с тридцатилетним опозданием, но послание Надя было ими получено.

Поскольку в момент оглашения приговор вступил в законную силу, Надя, Малетера и Гимеша в коридоре немедленно отделили от остальных обвиняемых и перевезли в центральную тюрьму,

расположенную в отдаленном будапештском квартале Кёбаня. После оглашения приговора и закрытия судебного процесса народный суд был преобразован в комиссию по помилованиям (в том же составе) и постановил не передавать прошения о помиловании (за Надя, по обязанности, прошение подал его адвокат) в Совет Президиума Народной Республики. Приговор вступил в законную силу. 15 июня 1958 г. в 23 часа судья городского суда огласил в помещении тюрьмы решение о приведении приговора в исполнение и отклонении прошения о помиловании. У Имре Надя оставалось шесть часов, и нам ничего не известно о том, как он провел их. Есть легенда, что он провел последнюю ночь в своей жизни за письменным столом. Возможно, это и так, но его письма или рукописи никогда не передавались адресату и вообще не были обнаружены²².

На рассвете 16 июня 1958 г., около 5 часов, Надя, Малетера и Гимеша отвели из камер к специально построенным виселицам. В 5 часов 9 минут казнили Надя, затем Малетера и Гимеша. Медицинское заключение гласит, что «сердце приговоренного Имре Надя остановилось в 5 час. 15 мин.»²³. Спустя полчаса его смерть снова подтвердили врачи. Затем тела положили в гробы и закопали без всяких опознавательных табличек в тюремном дворе. Гробы были тайно извлечены из земли 24 февраля 1961 г., завернуты в толь и свезены на соседнее кладбище, в Ракошкерестуре. Останки захоронили на участке № 301 под вымышленными именами (Имре Надь покоился под могильным камнем Пирошки Борбиро). В 1989 г. после нескольких месяцев расследования тела жертв были обнаружены и эксгумированы²⁴. 16 июня 1989 г. после многочасовой церемонии Имре Надь был перезахоронен в той же самой могиле, где покоился с 1961 г.

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства говорят о том, что в последние дни своей жизни Надь был исключительно спокоен. В ночь накануне смерти он испытывал боль от утраты родных и близких, но в остальном сохранял присутствие духа. Он понимал, что — как сам сказал на суде — «сделал все, что в человеческих силах». У него были основания надеяться, что когда предсказанное в послании время — «раньше или позже» — придет, потомки оценят его поступки, поймут его историю и признают правоту — того, как он жил и встретил смерть.

ЗАВЕЩАНИЕ

В коллективной памяти Имре Надь остался прежде всего как политик-реформатор. Вернувшись в 1944 г. из Советского Союза, он и сам думал о себе как о политике, но считал себя в первую очередь тем, кем был с 1921 г. до последних дней жизни — профессиональным революционером, партийным работником, функционером, «солдатом партии». Коммунистический политик отличается от всех прочих профессиональных политиков, вне зависимости от убеждений или партийной принадлежности, тем, что его политические взгляды, мельчайшие детали практической деятельности, язык письменных и устных выступлений, образ мысли, индивидуальность в целом определяет Партия. Для коммуниста она всегда что-то обезличенное, но в действительности эта Партия воплощается в лидерах (во времена Надя, скорее в лидере) данной партии — мирового коммунистического движения или, наконец, в одном вожде¹.

Идеология и политическая практика этого мирового движения в начале 90-х годов XX в. потерпела поражение. Сегодня коммунизм — если не считать нескольких отдаленных от Европы стран, где по-прежнему существуют его сильно видоизмененные модели — мертв. Его миссия, его видение будущего и его программа, оказавшие решающее воздействие на формирование личности Имре Надя, служившие ему всю жизнь путеводной нитью в повседневной политической практике, ныне «сданы в музей». Надь был убежденным коммунистом в 1956 г., и не будет преувеличением сказать, что на пороге смерти он продолжал считать себя коммунистом. Но в отличие от других видных деятелей коммунистического движения, он постоянно искал «национальный путь» к социализму. Как политику, ему дважды предоставлялась возможность претворить свои идеи в жизнь, но оба раза он терпел поражение — сначала в 1947–1949 гг. в сфере аграрной политики, затем в 1953–1955 гг. в области экономической и социальной политики. В обоих случаях

его программа шла в разрез с позицией руководства венгерской Партии, и он лишился возможности непосредственно влиять на события. Затем разразилась революция, которую Имре Надь встретил реформатором, хорошо вооруженным теоретически, но плохо подготовленным с точки зрения практической политики. Он попытался согласовать свои собственные идеи с идеалами социалистического движения, но цели спонтанного выступления в отношении личной, коллективной и национальной свободы — вступив в непримиримый конфликт с господствующим порядком — оказались куда более радикальными, чем все, о чем Надь когда-либо мог помыслить. Ему удалось отождествить себя с целями революции, но как практический политик, он и в 1956 г. потерпел поражение. Целый ряд реформаторских идей, за которые боролся Надь, были осуществлены позднее, в более благоприятных обстоятельствах партийными функционерами, такими как Янош Кадар, которые лучше представляли себе пределы возможного и не были столь верны коммунистическим идеям. Другие идеалисты, такие как Александр Дубчек в 1968 г. в Чехословакии, также не могли похвастаться победой. Глубокое убеждение Нады, что национальная независимость и демократизация были возможны в рамках народных демократий, в коммунистическом движении уже никто не разделял. Конечно, некоторые страны, например Венгрия в 1960-е годы, предьявляли миру свой образцовый, реформаторский фасад, но не переставали при этом быть послушными сателлитами Советского Союза. С другой стороны, появлялись страны, подобные Румынии или Северной Корее, избравшие путь «национального коммунизма» и добившиеся известной степени независимости от СССР, правда, ценой усиления диктатуры сталинского типа.

О сути политических взглядов Имре Нады долгое время знал лишь узкий круг, поскольку он писал и говорил на специфическом коммунистическом «жаргоне»; темы его работ, если они вообще печатались, не вызвали интереса ни у кого, кроме специалистов в области сельского хозяйства. Однако непохожесть Нады на всех остальных «возвращенцев» из Москвы стала очевидной сразу после его появления на венгерской политической сцене в 1944–1945 гг. Он и в самом деле ни на кого не был похож. В нем не было ни (нередко показного) аскетизма, ни скрытности характера, вызванной высокомерием или страхом — неперенных черт в ведущих коммунистических политиках, пришедших к власти в 1940-е годы. Товарищи с самого начала считали Нады изнеженным, немного ленивым и сентиментальным мелким буржуа, потому что, в отличие от них, он заботился о матери (вернувшись из Москвы, он перевез

ее из Капошвара к себе в Будапешт), находил время для дочери и двоих внуков. Он любил жизнь, домашний уют, с удовольствием читал и сам брался за перо, беседовал с людьми и не думал постоянно о спасении мира или, по крайней мере, венгерского социализма. Он говорил, рассказывал анекдоты, пил вино (зная меру) и ухаживал за розами, как самый обычный человек. Надь, должно быть, излучал какое-то особое обаяние, потому что как иначе объяснить, что в 1955–1956 гг. так много людей, ни разу с ним лично не встречавшихся, поверили ему? Сама его внешность, в которой угадывался и пожилой крестьянин, и уважаемый профессор, располагала к себе жителей венгерской глубинки, в основном занятых в сельском хозяйстве или, если им удавалось найти какую-то другую работу, по-прежнему живущих в провинции, где учитель пользовался всеобщим уважением и считался «своим». Неслучайно Шандор Копачи назвал Надя «вызывающей доверие отеческой фигурой»².

Надь преждевременно состарился. На момент возвращения из эмиграции ему не было и 50 лет, но для молодых партийных функционеров, штурмовавших после 1945 г. вершины власти, он стал просто «дядей Имре». В первое десятилетие коммунистического режима, во время, когда на новое руководство смотрели с неприязнью, большинству Надь нравился. (К нему тогда еще не успели привыкнуть, и пассивное равнодушие — явление более позднее.) Его манера говорить и вести себя на публике не раз помогали урегулировать критические ситуации. В 1956 г. вся страна знала его голос: усталый, напряженный, временами дрожащий, но глубокий, мягкий, с приятными интонациями. В 1956 г. казалось, что самое влиятельное средство массовой информации той эпохи — радио — было словно специально изобретено для него. Даже не верилось, что Надь читает заранее написанный текст. Каждое слово звучало взвешенно, произносилось заботливо и ответственно, резонируя с возбужденным голосом улиц. Эти субъективные впечатления оставили глубокий след в коллективной памяти. Многие из политических инициатив Надя забылись, за исключением, пожалуй, земельной реформы и смягчения режима в 1953 г., увековеченных в радиообращениях. Революционный премьер-министр оставил неизгладимый след в истории, но даже его трагический конец, обычно замалчивавшийся в кадаровскую эпоху, никак не повлиял на то, что при упоминании имени Имре Надя его наиболее важные политические решения (многопартийная система, нейтралитет Венгрии, выход из организации Варшавского договора) многие продолжали считать ошибочными,

вытекавшими из недостаточной информированности, характерными для «слабого политика».

Надь был не только последовательным коммунистическим политиком, но и политическим мыслителем. Он любил писать, писал довольно много и самозабвенно дискутировал по теоретическим вопросам. За это его особенно любили в кругах коммунистической интеллигенции, он знал и умел говорить с ее представителями на одном языке. Его дом на улице Оршо — один из самых красивых в районе парка Пашарет, где семейство Надь проживало с 1949 г., превратился в 1953 г. в подобие форума или политического салона коммунистической оппозиции. Всю жизнь хозяин предпочитал оттачивать свои идеи в ходе дискуссии. Он был упрямым и страстным полемистом, и благодаря этому эмоциональному напряжению даже написанные сухим, ортодоксальным партийным языком тексты легко читаются.

Впрочем, это неприменимо к работам Имре Надя, опубликованным при его жизни в Венгрии. В 1946 г. он издал сборник «Аграрные проблемы», куда вошли статьи конца 1930-х годов из издававшейся в Москве венгерского журнала «Уй ханг». Статьи отбирались, как это всегда бывало с избранными трудами коммунистических руководителей, по принципу актуальных политических тем и по канонам истории партии. Статьи 1938–1940 гг., где Надь рассматривал проблемы земельной реформы и крестьянства в духе Народного фронта, в 1946 г. были по-прежнему актуальны. То же самое можно было бы сказать и о его работах 30-х годов, но в них чувствовалось влияние внутривнутрипартийной фракционной борьбы, поэтому в 1946 г. о них старались не вспоминать. В 1950 г. Надь подготовил к печати свои лекции по аграрной политике, прочитанные им в Экономическом университете. Они, главным образом, оправдывали современную политику насильственной коллективизации. Четыре года спустя, когда он уже (еще) занимал должность председателя правительства, в партийном издательстве «Сикра» («Искра») вышли в свет два солидных тома с речами, статьями и исследованиями 1944–1954 гг. Название — «Десять лет» — указывало на то, что автор подводит итоги многолетней работе. И в самом деле, Надь включил в двухтомник свои полемические выступления 1948–1949 гг., в свое время доступные только членам Политбюро, написанные в защиту *народно-демократической* аграрной политики, свою речь 1947 г., произнесенную при вступлении в должность председателя Государственного собрания, в которой обещал стоять на страже соблюдения свободы слова. Естественно, нашлось место и для программной речи июля 1953 г. на посту премьер-министра и других выступлений,

написанных в защиту «нового курса». В то же время (по понятным причинам) в сборник не вошли тексты брошюр, написанных в период работы в Министерстве заготовок, или речь, произнесенная в парламенте по случаю смерти Сталина.

По странному стечению обстоятельств, более поздние, не менее интересные и до сих пор читаемые работы Имре Надя в Венгрии при его жизни никогда не публиковались. Его политические сочинения, написанные и тщательно отредактированные в 1955–1956 гг., были изданы на Западе в 1957 г.³ Интерес международной общественности Надя вызвал не столько как теоретик марксизма (например, его взгляды на «некоторые злободневные вопросы марксизма-ленинизма»), сколько как глава венгерского правительства в дни революции, обвиненный в измене Родине и казненный. Другая существенная часть его наследия — записки, написанные в Снагове⁴, — несмотря на свое непреходящее значение для понимания личности Надя, были опубликованы в Венгрии лишь недавно.

Том на английском языке, озаглавленный «О коммунизме», считающийся его «политическим завещанием», включает статьи и полемические работы, в основу которых лег опыт Надя на посту главы правительства. Эти тексты дают хорошее представление об убеждениях, которые направляли его на втором этапе поисков как активного политика, — поисков выхода из кризиса, ставшего очевидным к середине 1953 г. Летом того года советские лидеры и реалисты в венгерском руководстве (в первую очередь сам Надя) пришли к убеждению, что необходима смена курса. Вопрос заключался в том, что и в какой степени менять. Активные игроки на политической сцене смотрели на кризис по-разному. Сам Надя полагал, что кризис подтвердил правильность исканий 1945–1949 гг., т. е. необходимость возвращения к так называемым латентным альтернативам переходного периода, в особенности периода 1947–1948 гг., когда коммунисты составляли большинство, но еще не установили гегемонию. Институциональная модель сталинского типа, построенная в Венгрии в страшной спешке, в первую очередь в сфере экономики, и соответствующая политическая ментальность, развитая с наименьшей быстротой, таили угрозу попыток смены курса под предлогом реформ. Надя безуспешно доказывал, что когда какая-то стадия опускается, логичным становится возврат к отправной точке. Оба его поражения говорили об основополагающей природе советской модели; а именно, что речь главным образом шла не о коммунистической или социалистической системе, но об империи.

В 1955 и 1956 гг. Надь попытался извлечь уроки. Приступая к работе над полемическими статьями⁵, он изначально хотел вернуться к внутренним реформам 1953–1954 гг. и «новому курсу» 1953 г. (Не случайно, что вечером 23 октября 1956 г., прежде чем тысячи людей в преддверии революции собрались на площади Кошута, он сам настойчиво говорил о том же.) Впоследствии он осознал, что должен рассматривать советскую модель в целом, чтобы обозначить проблемы, которые, по его мнению, препятствуют успешной десталинизации. Его работа «Этика и мораль в венгерской общественной жизни», относящаяся к декабрю 1955 г., — эта страстная критика системы террора, до сих пор не утратившая своего влияния, даже если сам Надь думал, что может определять общественную нравственность по внутреннему состоянию коммунистической партии. Борьбу против упадка этических и нравственных норм в венгерской партии в эпоху сталинизма Надь считал жизненно важным политическим делом.

«Засилье бонапартизма, личной диктатуры и использование силы не принадлежали к числу неизбежных черт партийной и государственной жизни. Сталинская политика несет за это серьезную ответственность... Бонапартизм не может быть государственной властью и правовым порядком в народной демократии... Злоупотребление властью и использование запрещенных методов достигли в 1955 г. угрожающих масштабов, хуже, чем в 1950–1952 гг. ...Из того разрушительного состояния, в которое Венгрия была ввергнута режимом Ракоши, есть два выхода. Или мы сами избавимся от сталинистской политики... и таким образом избежим экономического и политического краха, или по мере роста напряженности Венгрия будет ввергнута в жестокий кризис, если мы не преуспеем в изменении хода событий... Мы должны гарантировать, что коммунисты руководствуются принципами гуманизма»⁶.

В статье «Национализм и пролетарский интернационализм», задуманной в 1955 г. как ответ на обвинения в «национализме», выдвинутые против него в партийных кругах, Надь впервые обратился к вопросам международной политики и в этой связи к отношениям между социалистическими странами и Советским Союзом.

«Как сын венгерского народа и член венгерской нации, я горд тем, что я венгр и не скрываю этого, я горячо люблю мою венгерскую родину и мой венгерский народ. Этот подлинный патриотизм, вместе с любовью и уважением к другим народам и нациям, лежит в основе моего пролетарского интернационализма»⁷.

Не случайно, что в определении пролетарского интернационализма Надь опустил обязательные в таких случаях заявления в «любви к Советскому Союзу», что в устах сталинистов служило обычным оправданием для гегемонистских устремлений СССР.

В работе сентября 1955 г., озаглавленной «Несколько злободневных вопросов применения марксизма-ленинизма», Надь рассмотрел все аспекты системы, в необходимости реформировать которую он был убежден. Здесь он заявил как никогда более определенно, что сталинистская советская модель для построения социализма обладает лишь ограниченным применением. Пространные цитаты из этой работы, как и его более ранние заявления в Центральное руководство (последовательно игнорировавшиеся теми, кому были адресованы, но снискавшие похвалы в узком кругу внутрипартийной оппозиции), ясно дают понять, сколь решительно он противостоял сталинистам в собственной партии еще до XX съезда КПСС, и последним приходилось нелегко со своими «правыми уклонистами».

«Следствием монополизации Сталиным марксизма-ленинизма стало господствующее убеждение, нечто вроде теории и практики коммунистических рабочих партий, что единственно правильным применением главных тезисов научного социализма стали путь, формы и методы строительства социализма, применявшиеся или осуществленные в СССР. Одновременно ленинское учение о социализме оттеснялось в Советском Союзе на второй план... Негибкий и догматический вариант марксизма-ленинизма разделил мир на две враждебные системы — капитализм и социализм, противоречия между ними растут и обостряются. Эти ложные и антимарксистские взгляды... ведут к отрицанию множества переходных форм, несмотря на то что мы знакомы с их довольно широким спектром. В соответствии с этими взглядами отрицаются... особенности стран и народов и прохождение народами разных стадий социального, экономического и культурного развития. Наконец, отрицается, что условия для социализма вызревают при капитализме, и различные пережитки капитализма будут еще долго встречаться при социализме... Также неверны взгляды тех, кто отрицает ленинское учение о мирном сосуществовании двух систем по мере их развития... Такая позиция предполагает, что победа социализма над капитализмом в мировом масштабе возможна только насильственным путем... Однако куда более ошибочными и опасными являются воззрения, что применение силы означает военную конфронтацию двух систем, а не революционно-освободительное движение

народов. На карту поставлено мирное сосуществование народов, в результате чего социализм может восторжествовать через диктатуру пролетариата или один из ее вариантов, через революцию или без нее, предположительно парламентским путем. Марксист не должен ограничиваться единственной альтернативой между двумя возможными путями к социализму, чтобы победить в противостоянии двух систем... Необходимо... также учитывать, что мирное сосуществование двух антагонистических систем потребует известных жертв... Теория... победы социализма мирным путем, которая застыла в своем развитии десятилетия назад и не поспевает за культурным развитием, должна быть реанимирована и творчески развита... Очевидно, что в социализме по мере его построения в Советском Союзе, Китае, Югославии или Венгрии, проявляются разные черты... Копирование и механическое заимствование советских методов и форм построения социализма и отрицание особых условий в отдельных странах народной демократии сужает борьбу международного революционного рабочего движения... Страны Центральной и Юго-Восточной Европы и не в последнюю очередь Венгрия должны при построении социализма развивать и применять формы и методы во всех сферах социальной, политической и экономической жизни и должны придерживаться ритма развития, который позволяет широким массам и всем наемным слоям и классам в капиталистических странах принять социализм и оценить его преимущества. Экономические и культурные условия, которые являются отправной точкой для построения социализма, мы можем вполне сопоставить с уровнем, который достигли западные капиталистические страны»⁸.

Из всего сказанного выше Надь заключал, что, руководствуясь правильными принципами, необходимо избрать «более постепенный и менее бурный путь перехода к социализму». Не обращая внимания на «догматиков», он писал: «Я не преувеличиваю, когда говорю, что форсированное развитие *было исторической ошибкой*» (курсив мой. — Я.М.Р.).

Надь хотел не только дать новое теоретическое определение «народной демократии» и «диктатуре пролетариата», но и доказать, что взаимоотношения в социалистическом лагере должны основываться на «пяти принципах мирного сосуществования», принятых в 1955 г. на конференции неприсоединившихся стран в Бандунге (Индонезия). Он взял эти принципы — взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение,

невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование — за отправную точку для формулирования ясных политических принципов, применимых к его собственной ситуации. В январе 1956 г., в работе «Пять принципов международных отношений и вопрос нашей внешней политики» он писал:

«Если подвергнуть их... более глубокому анализу, мы обнаружим, что пять принципов — хотя они принадлежат к сфере международных отношений — имеют значение, далеко выходящее за ее пределы: они включают многочисленные основополагающие вопросы национального существования, социального прогресса и человеческой свободы. Страны и народы, которые им не следуют, пребывают в рабском состоянии... От рабства они в состоянии освободиться, только если сумеют обеспечить национальную независимость, суверенитет, равенство, невмешательство во внутренние дела и самоопределение»⁹.

Для Надя национальная независимость стояла на первом месте, потому что «национальная независимость воплощает пять принципов, сама будучи решающим и важнейшим фактором национальной политики. Условием национальной независимости... является достижение национального единства и привлечение народных масс к борьбе за национальную независимость». Он также был убежден, что «пока существуют нации и национальные государства — а в этом случае речь идет о целой исторической эпохе, — идеи, воплощенные в пяти основных принципах, остаются движущей силой в развитии социалистической системы». Более того:

«Идея национальной независимости и суверенитета, которая столь мощно выражена сегодня в пяти принципах и которая никогда не была претворена в жизнь в старой Венгрии, досталась в наследство рабочему классу. Он должен защищать идеи национальной независимости и свободы гораздо лучше буржуазии. Рабочий класс не должен противостоять делу национальной независимости, суверенитета, свободы и равенства и подчинять общие интересы нации своим классовым интересам, ибо он может обрести свободу и должен сделать это только вместе с другими классами трудового народа и может стабилизировать свою государственную власть только в союзе с ними»¹⁰.

Что бы ни писали и ни напишут в будущем о решениях первых трех дней ноября 1956 г., нельзя утверждать, что «улица» вынудила Имре Надя обратиться к таким вопросам, как многопартийная система, нейтралитет или Варшавский договор. В работе, написанной несколькими годами ранее, выражено то, что свергнутый премьер-министр думал о пяти принципах, притом не только по поводу построения отношений со странами с иной социальной системой:

«Понятия суверенитета, независимости, самоопределения, равенства и невмешательства имеют то же значение в отношении со всеми нациями, вне зависимости от того, принадлежат они к социалистической, капиталистической, переходной народно-демократической или иной системе... Идеи, воплощенные в пяти принципах, которые в нашем случае преобладали в международных отношениях в период «нового курса», были оттеснены на второй план советско-югославской декларацией, подписанной в Белграде ... Мы, венгерские коммунисты, должны понять, что дружеские и добрососедские отношения между Советским Союзом и Венгрией являются исторической необходимостью... но советско-венгерские отношения должны основываться на пяти принципах, которые должны уважаться обеими сторонами»¹¹.

Затем Надь обозначил в общих чертах свое понимание единственно возможной внешней политики:

«Политика создания силовых блоков противоречит идеям независимости и суверенитета, а также мирного сосуществования государств, как это понимается в пяти принципах. Деление государств на силовые блоки рано или поздно ведет к вооруженным конфликтам. Именно поэтому единственным возможным путем мирного развития и предотвращения войны является не создание силовых блоков, но, скорее, роспуск уже существующих... Венгрия должна использовать все возможности, чтобы сохранить мир. Самым действенным способом представляется согласованная внешняя политика и сотрудничество прогрессивных демократических и социалистических стран или стран сходного типа... направленные против создания новых блоков на основе нейтралитета или активного взаимодействия. Для венгерского народа как в силу географического положения страны, так и исходя из общих интересов социалистических стран, в международных отношениях следует придерживаться активной политики добрососедства, будь то нейтральная Австрия, страны, вовлеченные в строительство

социализма, включая Советский Союз и Югославию... Венгерский народ, сознающий особые интересы Венгрии и общие интересы социалистических стран в международной политике, должны проводить политику активного добрососедства»¹².

Надь был безусловно убежден в необходимости политики неприсоединения, подобной той, что проводила Югославия — соседняя страна с социалистической формой государства и общества, которая постепенно освободилась от сталинской внешней политики и играла все большую роль в группе неприсоединившихся азиатских и африканских государств. Надь заявил с удивительной ясностью, что он был готов бороться как за новую, независимую концепцию венгерской политики и практическую внешнюю политику, так и за большую открытость «социалистического лагеря» (прежде всего стран Центральной и Восточной Европы) в сторону Запада.

«Венгерский народ обладает суверенным правом самостоятельно определять свое положение на международной арене, наиболее благоприятное для сохранения национальной независимости, суверенитета, равенства и мирного развития... Самоизоляция от внешнего мира и сообщества наций вредна и невыгодна для стран, занятых построением социализма, тем более для стран, которые ступят на этот путь в будущем. Но самоизоляция в экономике и культуре не может продолжаться долго, поскольку это порождает напряженность во внутренней и внешней политике отдельных стран, что рано или поздно приводит к серьезным потрясениям. Нельзя игнорировать исторически сложившиеся, традиционные отношения страны: это не гордиев узел, который нельзя развязать иначе, как разрубив»¹³.

О том, какие страны Надь считал близкими, с точки зрения исторической традиции и практической политики, становится ясно из ссылки на «План Дунайской конфедерации Лайоша Кошута», который в свете опыта двух мировых войн он считал утерянной возможностью осуществить приемлемый для Венгрии вариант.

«После поражения нашей борьбы за независимость (1848–1849) наш выдающийся национальный гений Лайош Кошут извлек великий исторический урок (с опозданием) и указал путь, по которому следовало идти. Перед мысленным взором Кошута залог независимого, суверенного, самостоятельного и свободного национального бытия для Венгрии представал не в виде присоединения к какой-либо великой державе или

альянсу великих держав, но в форме сотрудничества с соседними народами в рамках равноправного союза (федерации) свободных народов. Нам нужно вернуться к этой идее»¹⁴.

В основе тезиса Надя лежал логически стройный образ мыслей, тем более убедительный, что в нем искренний марксизм оттенялся национальным пафосом. Но его предложение об изменении внешней политики вытекало из предположения, что десталинизация, начатая Хрущевым в СССР и союзных государствах, будет продолжаться и в дальнейшем. В начале 1956 г., когда Надь работал над статьей, и в особенности после XX съезда КПСС на мгновение могло показаться, что Советский Союз намерен продолжать политику разрядки напряженности, как того и хотел Надь. Однако прогноз не оправдался. Сам Надь не стал подвергать более детальному анализу практические пути претворения в жизнь идей, которые он с таким жаром защищал. Он считал процедуру отмены зависимости «внутренним делом» Советского блока и оставил без внимания элементы внешней политики, например процессы, происходившие на Западе.

После 4 ноября у Надя не было никакой возможности существенно повлиять на политику. Его тексты, написанные в полной изоляции в Снагове в 1956–1957 гг., наряду с личными воспоминаниями содержат многочисленные наблюдения по поводу политического развития после поражения венгерской революции, но стержнем его работ оставался политический анализ самой революции. Это было непросто, потому что Надь оказался перед непреодолимой дилеммой — противоречием между его собственной готовностью к реформам и революцией как выражением политической воли. В разработанных Надем планах реформ уже содержались требования демократизации политической структуры и достижения национальной независимости, но революционное движение требовало демократизации в наиболее радикальной форме — введения многопартийной системы со свободными выборами и настаивало, что независимость страны была волей народных масс, не терпевшей отлагательства. В начале своего анализа Надь возлагал ответственность за обострение ситуации на недалекое венгерское и советское партийное руководство. Корень всех зол, полагал он, был в характеристике народного восстания как «контрреволюционного» и решении подавить его силой.

«Из этой ситуации... вытекают те требования, которые характеризуют национальное сопротивление, вызванное советской военной интервенцией: вывод советских войск, выход из организации Варшавского договора, декларация о нейтралитете».

тете, демократизация политической жизни в стране... с участием, наряду с ВПТ, других демократических и социалистических сил и партий»¹⁵.

Если «революционно-демократического» принципа придерживались бы с самого начала, «было бы возможно оставаться на июньской платформе 1953 г., не возвращаясь к платформе периода 1945–1946 гг.»¹⁶. И далее: «Мы со всей очевидностью понимали тогда и по-прежнему ясно видим сейчас, что путь демократического развития, избранный нами (в октябре 1956 г. — Я.М.Р.) был компромиссом, но в свете венгерских событий он был полностью оправдан с точки зрения максимально полного сохранения народно-демократической системы, социалистических отношений, завоеваний социализма»¹⁷.

На самом деле (и Надь знал об этом) революционные требования были сформулированы еще до попытки подавить движение силой оружия. Только очень односторонний анализ мог бы приписать эти требования вмешательству государственной безопасности или советских вооруженных сил. Ниже в своих записках Надь рассмотрел этот вопрос более детально, на этот раз склоняясь к иной точке зрения: «Требования, которые составили прогрессивное содержание революционного восстания и национальной борьбы за свободу и были тесно соединены с защитой социалистических завоеваний и требованием расширения социалистической демократии, давно пустили глубокие корни в сознании широких масс и нации в целом»¹⁸.

В снаговских записках Надь неоднократно возвращается к вопросу о развитии внутрипартийной оппозиции и ее борьбе, характеризуя оппозицию как «мощное и сплоченное движение, включавшее в себя весь народ и возглавляемое коммунистами»¹⁹, которых следует отличать не только от сталинистов типа Герё, но и от прагматичного оппонента Ракоши Яноша Кадара и его группы. Кадар и его товарищи «оставались в оппозиции до тех пор, пока не представляли угрозы для властных позиций клики Ракоши — Герё»²⁰. В июле 1956 г., после отстранения Ракоши, Надь заявляет, что резолюция Центрального руководства в то время была «платформой для достижения принципиального политического “единства” между сталинистами типа Герё и неосталинистской “оппозицией”, представленной Кадаром. Ни Герё, ни Кадар не были готовы идти дальше. На этой платформе они намеревались и далее противостоять несогласным членам партии и оппозиционно настроенным народным массам»²¹.

По октябрьскому опыту Надь знал, что речь может идти только об очень ограниченном «союзе» между внутрипартийной

оппозицией и народной оппозицией системе как таковой. До тех пор, пока у общества не было иных возможностей для выражения политической воли, партийная оппозиция на самом деле выполняла роль представителя всех несогласных. В прекращении этого союза Надя ретроспективно обвинял негибкость сталинистов, которые «вместо того чтобы создавать политические условия для дальнейшего развития, считали своей главной задачей борьбу с оппозицией. Так они не позволили оппозиции в свое время встать во главе движения, где она могла бы обеспечить возможности для развития по демократическому пути»²².

Другой проблемой, которая волновала Надя в дни его одиночества в Румынии, было нарушение «национального единства» в октябре 1956 г. При своей твердой убежденности, что такое единство существовало ранее, внятно объяснить феномен поляризации он мог только так: партийная оппозиция идейно «порвала» с партией и объединилась с массовым движением, став в важнейших вопросах единой оппозицией. Таким образом, Надя приходил к выводу, что сам он не мог позволить себе рисковать. Как он писал, партийная оппозиция и народные массы вместе «противостояли партийному руководству... бывшему по сути антимарксистской, антиленинистской кликой, которая установила в партии диктатуру, оборвала связь членов партии с руководством, народа — с партией, установила режим террора, прибегала к прямым нарушениям закона и предала основные интересы страны, ее независимость и т. д. Короче, это была клика предателей родины... Противостоять таким вождям и такой партии — не преступление, а скорее достоинство... Эта партия стала орудием террористического режима, враждебного народу, основанного на диктатуре одного человека или целой клики. С падением режима неизбежно должна была пасть и сама партия. Поэтому вопрос о партии нельзя было решить простыми переменами в руководстве. Ошибка коренилась в самой системе, в принципе действия партии, подборе и расстановке кадров, в манере поведения, в отношении к народу и государству, а не только в руководстве и его методах»²³.

Напрасно читатель будет искать в записках Надя такое определение октябрьских событий, которого автор последовательно придерживался бы. Между тем, вне всяких сомнений, он видел смысл и значение революции в стремлении к национальной независимости. Обычно он описывает события как «национально-освободительную революцию» и рассматривает стремление к независимости также в контексте демократических устремлений и требований. Антидемократический характер системы, согласно

Надь, в первую очередь определяет то, что она была установлена по чуждой, т. е. советской, модели:

«Страны и народы будут готовы принять социализм, только если он гарантирует или принесет с собой независимость, суверенитет, равенство. Суть венгерской трагедии в том, что идеи социализма и национальной независимости вступили друг с другом в противоречие. Суть венгерского восстания заключается в попытке любыми путями устранить это противоречие и восстановить необходимые единство и гармонию этих двух идей»²⁴.

Для определения такого рода критические суждения о системе или вопросы о направлении желанных изменений играли соподчиненную роль. Другая попытка дать определение, встречающаяся в записках, освещает центральную проблему:

«Впервые в венгерской истории пролетариат встал во главе освободительной борьбы за национальную независимость, автономию, суверенитет и равенство... Для этой борьбы за независимость было характерно, что рабочий класс мог опереться на союз со всей нацией. Национальное единство объяло все классы и слои общества, все политические течения от коммунистов и демократов до правых реакционеров»²⁵.

Из последнего предложения следует, что Надь ясно различал несовпадение революционных целей внутри искомого национального единства. Неизбежное признание политической поляризации затрудняло поиск доказательств для его «концепции единства». «Рабочий класс вел борьбу за национальную независимость, оставаясь на платформе народной демократии и достижений социализма. Это было второй отличительной чертой венгерских событий»²⁶. Наконец, в качестве третьей характерной черты он называл антагонистов: «Типичным для революции оказалась борьба между венгерским народом, стремившимся к независимости, и вооруженными силами Советского Союза. Венгерский рабочий класс как ведущий элемент борьбы за венгерскую независимость вступил в противоборство с советскими вооруженными силами. Поистине трагическая ситуация»²⁷.

В своем определении причин и кульминационных моментов национального восстания Надь возвращается к проблеме «народно-демократического перехода» к социализму. Как показано выше, к этой проблеме он обращался неоднократно. Обобщая свои взгляды, Надь заявляет:

«Если бы венгерская революция победила... если бы революция достигла своих социальных и национальных целей, тогда был бы найден новый путь от капитализма к социализму, новая форма демократического развития в направлении к социализму, принципиально отличный от сегодняшних однопартийных народных демократий. К тому же такие понятия, как социализм, демократия, независимость, суверенитет и т. п., обрели бы свое изначальное значение; в самом деле, вся социалистическая терминология, лишенная своего подлинного смысла сталинизмом, вернула бы себе подлинное марксистское содержание»²⁸

В своих записках Надь взялся за рассмотрение еще двух аспектов, помимо национальной независимости, которые он назвал основополагающими «составляющими переходного периода». В полемических рассуждениях и в разделах, посвященных политической истории революции, он постоянно возвращается к многопартийной системе, которую называет неизбежным и необходимым компромиссом, достигнутым между партией и восставшим народом. В некоторых местах Надь менее полемичен, подчеркивая моральное значение вопроса:

«Народная демократия — это, по форме и содержанию, слепок с советского однопартийного государства; оно перестало быть народным и демократическим, каковым по природе должно быть государственное и социальное устройство переходного периода. Таким образом, мы перескочили через один из переходных периодов в развитии... Может ли социалистическая демократия сочетаться с однопартийной системой? Возможно. Исторический опыт в этом случае не слишком убедителен. Нарушения социалистической демократии в Советском государстве и партии и серьезные деформации в экономическом базисе и настройке — закон, политика, мораль и проч. — говорят, как и в случае с Венгрией, скорее «против», чем «за» однопартийную демократию... Демократические основания общества, которые позволяют нам строить социализм, по моему мнению, лучше сохраняются в социальной и государственной форме с несколькими партиями»²⁹.

В какой-то момент Надь высказывает свое несогласие с местными демократическими организациями из-за их «партикуляристских» устремлений и «местечковой политики»³⁰. Его формулировка отражает опыт с «первичными организациями» периода револю-

ции, которые были более радикальными, чем правительство Надя, и оказывали на него сильное политическое давление. Однако в то же время Надя отмечает «весьма примечательный феномен» октябрьских событий, а именно, что «добровольная революционная организация была приведена в действие широкими слоями населения, и в то время как старый бюрократический государственный аппарат прекратил свое существование, создавались совершенно новые, демократические органы управления, в подлинном смысле слова по инициативе снизу, и брали на себя функции местных органов власти»³¹. Этим Надя хотел сказать, что объединения рабочих союзов выполняли сходные демократические и антибюрократические задачи. «Рабочий класс, борющийся за создание рабочих советов, заявил о своем намерении спасти государственную власть институционально — в форме советов и доверить им управление и строительство социализма. Рабочий класс действительно хотел взять власть... в свои руки и не допускать впредь, чтобы властью от имени рабочего класса пользовалась клика и ее бюрократический аппарат»³².

Одним из мучительных вопросов, занимавших Надя в Снагове, была роль советского руководства в эскалации кризиса. С одной стороны, Надя понимал, что советское руководство, как исполнительную власть великой державы, мало заботила судьба Венгрии. С другой стороны, он рассматривал это руководство как некий апелляционный суд высшей инстанции, как мудрого арбитра, готового выслушать убедительные аргументы и установить истину; но и как гаранта гуманистического обновления международного коммунистического движения и — в особенности после XX съезда — как источник надежды. Но события 4 ноября разрушили эту веру. Записки свидетельствуют о безграничном разочаровании, которое Надя пережил в отношении советского руководства. Сильнее были только гнев в адрес клики Герё – Ракоши и бессилие перед злодеяниями Яноша Кадара.

У Надя не было ни времени, ни возможности предпринять глубокий исторический анализ социализма советского типа и его рецепции в Центральной и Восточной Европе. Советский ответ на венгерскую революцию стал темой, к которой он не раз обращался, и всякий раз высказывал негативные суждения. Но в его рассуждениях о причинах военной интервенции постепенно происходит заметный сдвиг. В начале записок он называет две причины — живучесть сталинских методов и «советский великодержавный дух», которым не смог положить конец даже XX съезд.

«То, как события в Венгрии и Польше осмыслились и подавались (советским партийным руководством. — *Я.М.Р.*)... и то, в какой мере уход от признания собственных ошибок, как и то, что они не желали отказаться от великодержавного шовинизма ради социализма или идеологической и политической монополии, чтобы отношения между социалистическими странами не только на бумаге регулировались бы в соответствии с пятью принципами (международных отношений. — *Я.М.Р.*), и, далее, что события в Венгрии могут послужить фоном, на котором они вернуться к сталинским методам, — все это свидетельствовало: события в Венгрии не конец периода, разрушительного для дела социализма, но скорее начальная фаза, в которой станут возможны сходные или еще более ужасные национальные и международные трагедии»³³.

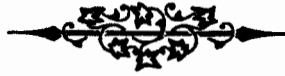
Создание организации Варшавского договора оценивается в сходном ключе: «Варшавский договор — это средство великодержавной шовинистической советской политики... поскольку государства-члены подчиняются советскому военному руководству»³⁴.

Идея возможных новых трагических событий представляется в этой связи воистину пророческой. Но нельзя не заметить, насколько Надь хотел верить, что на основе социализма, очищенного от сталинизма и соблюдающего пять принципов, возможно мирное сосуществование между маленькой страной и великой державой. Между тем Надь понимал, что сталинизм не был главной движущей силой советской политики. Если бы он всерьез задумался о подлинных интересах великой державы, вышедшей победительницей из недавней войны и веками склонной к агрессивной экспансии, его аргументы в пользу мирного сосуществования немедленно улетучились бы. Какой идеологический сдвиг или «процесс просвещения» мог изменить исторически глубоко укоренившуюся потребность к расширению? Как это не раз встречалось в записках Надя, оценки Советского Союза и социализма были полны противоречий. Если бы Надь глубоко осмыслил предмет, столпы, на которых покоилась его теория, заколебались бы. Он описывает великодержавный шовинизм всего лишь как признак сталинизма и придает ему подчиненное значение. В более поздних заметках он ведет речь исключительно о феномене сталинизма. Ему следовало бы (по крайней мере в теории) не исключать возможности, что «пролетарский интернационализм», столь часто им упоминаемый, мог бы выйти победителем, если бы стороны были более благоразумны.

Заметки Надя дают ясное представление, что к концу жизни он ушел далеко в своем непрерывном поиске новых путей, но взгляды, которые он сформулировал в Снагове, независимо от критики сталинизма, стали шагом назад по сравнению с тем, что он сделал в октябре 1956 г. Однако Надь, вынужденный готовиться к судебному процессу, хотел найти собственный путь — как человек, теоретик и политик. Если бы он основывал свою защиту исключительно на описании принятых им в дни революции решений, он пролил бы свет на очень короткий отрезок своей жизни. В заметках он пытался «реконструировать» революцию 1956 г. так, чтобы противоречия не слишком вторгались в то, что он воспринимал как целостный взгляд. В этом смысле народ хотел «социализма с человеческим лицом», венгерский вариант социализма, свободного от принуждения. Всякий, кто возьмется за анализ сегодня, даже не зная деталей, с легкостью заключит, что в октябре 1956 г. эти цели не совпадали, что венгерское общество хотело чего-то большего и иного, что социализм, как его понимал Надь, в то время никого не интересовал. Историческое значение Надя заключается не в его вкладе в теорию «социализма с человеческим лицом», но в его поведении в дни восстания и его позиции после поражения. Он остался верен своим решениям, иными словами, самому себе, до трагического конца. Чтобы оставаться верным себе, события не должны были представляться чем-то внешним по отношению к его жизни и образу мыслей, даже если заявленное единство ценностей и решений оставалось очевидным только ему самому.

POST MORTEM

*И*рагический конец Имре Надя заставил по-иному взглянуть на всю его жизнь, хотя интерес к личности премьера возник не сразу и не повсюду в одно и то же время. В странах со свободой слова это произошло едва ли не в тот самый момент, когда факт казни придали огласке. Там, где свободное выражение собственного мнения было невозможно (например, на родине Надя), говорить о нем стало возможно лишь спустя три десятилетия.

На Западе и политики, и общество с озабоченностью встретили весть о казни Имре Надя, «исчезнувшего» из поля зрения в ноябре 1956 г.¹ Даже в последние дни революции западные лидеры в большинстве своем относились к Надю с плохо скрываемой антипатией. В лучшем случае, в противовес кардиналу Миндсенти, о Наде рассуждали как о второстепенном политическом факторе. Как и во время «нового курса», в 1953–1954 гг., когда в Наде видели государственного деятеля, который с большим или меньшим успехом пытался улучшить советский строй, теперь полагали, что в 1956 г. он стал марионеткой в руках советского руководства. Начиная с конца 1940-х годов американская администрация поддерживала «уклонистов» и «национальных коммунистов», подобных Тито, способных несколько «смягчить» режим в государствах Восточного блока. Однако в то время Надь к таковым политикам явно не относился². Возможно, это объясняется тем, что в период своего первого премьерства он даже не пытался проводить самостоятельную внешнюю политику. Это ложное впечатление только усиливали некоторые венгерские эмигранты, считавшие Надя не более чем преданным Москве коммунистом. В результате, даже в дни революции в передачах радиостанции «Свободная Европа» на венгерском языке звучали серьезные обвинения в адрес Имре Надя. Это резко контрастировало с активной поддержкой Гомулки польской службой РСЕ³.

Сообщение о казни Надя произвело переворот в умонастроениях, впрочем с роковым опозданием. Теперь Надь представал

в трагическом образе главного героя антисоветской борьбы за свободу, ставшего жертвой предательства. Большинство комментаторов обвиняли в его казни советское руководство и лично Хрущева (эта точка зрения с тех пор мало изменилась)⁴. Практически ничего не говорилось об ответственности венгерского руководства, рассматривавшегося в то время как марионеточный режим, полностью зависимый от Москвы. В будущем, когда напряженность спала, это сыграло на руку Яношу Кадару. Для западных наблюдателей суд и приговор стали лишним доказательством того, что реформа советской системы была иллюзией и надежды, связанные с XX съездом, растаяли в «тени Сталина». И все-таки на фоне общей растерянности звучали голоса, обращавшие внимание на реалии силовой политики. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, например, отметил: «Гнев, который мы испытываем, не должен помешать западным державам прийти к соглашению с Советским Союзом по поводу всеобщего разоружения, осуществляемого под международным контролем»⁵. Комментарий в газете «Нью-Йорк Таймс» служит удачным примером того, как в сообщении о смертном приговоре можно лавировать между неприязнью и угрызениями совести:

«Маловероятно, чтобы много свободных людей проливали слезы о казненных, все они были коммунистами, павшими жертвой собственного учения. Но всякий свободный человек будет оплакивать и чтить патриотов и мучеников, тех, кто в критический момент восстал против учения и защитил свободу и независимость своего отечества от враждебной варварской державы. И свободные народы, особенно Организация Объединенных Наций, к которой Надь обратил свой последний, отчаянный крик о помощи, должны испытывать угрызения совести, поскольку не смогли прийти на помощь!»⁶

Более того, подавление Советским Союзом венгерской революции в октябре 1956 г. и расправа над Имре Надем в немалой мере способствовали глубокому разочарованию в рядах левой интеллигенции в Западной Европе. Конечно, многим из них потребовались новый опыт подобного рода (прежде всего ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г.), чтобы освобождение от иллюзий в отношении советского коммунизма стало полным.

Состояние шока, в которое казнь Имре Нады повергла страну, можно почувствовать даже в тщательно отредактированных аналитических записках о настроениях в венгерском обществе, адресованных политическому руководству. Например, в отчете,

подготовленном для ЦК ВСРП, говорилось, что «приговор, вынесенный по делу Имре Надя и его группы, признан и, можно сказать, в целом одобрен трудящимися массами. В особенности это справедливо в отношении рабочего класса», но «часть крестьянства находит приговор слишком суровым и сочувствует» казненным, что интеллигенция «заняла пассивную позицию и выглядит затравленной», и «по этим причинам, а также в ответ на пропаганду вражеских западных радиостанций и враждебных элементов внутри страны, а также поскольку наши партийные организации... не всегда выступают с должным единодушием... необходимо предоставить членам партии, массовым организациям и руководителям государственных учреждений более детальную информацию»⁷.

Сначала Кадар взял миссию поставить в известность о случившемся на себя. На заседании Центрального комитета в июле 1958 г. он назвал поведение Надя на суде «подлым», а самого премьера — «изворотливо-скользким лжецом»⁸. Именно этими определениями предстояло руководствоваться при доведении до сведения общественности информации о суде над Имре Надем.

Одно время обсуждалась возможность создания документального фильма о суде для «пропагандистских целей за пределами страны». По сценарию Шандора Райнаи был смонтирован сначала 100-минутный, затем 80-минутный фильм, но ни тот ни другой так и не были представлены публике. Несмотря на откровенную тенденциозность подачи материала, поведение обвиняемых, в особенности Имре Надя, было исполнено личного достоинства. Внешний вид исхудалого человека с мертвенно-бледным лицом не мог не вызвать столь нежелательного в данном случае сочувствия⁹. Между тем в 1958 г. на нескольких языках была опубликована «белая книга», озаглавленная «Контрреволюционный заговор Имре Надя и его сообщников» и содержавшая подборку свидетельств участников следствия и суда. Обвиняемые были разделены на две категории. В показаниях Надя было нелегко найти слова самокритики, поэтому ему отводилась роль бесстыдного предателя, который постоянно возражал своим товарищам, обвинял их во лжи и отрицал свою ответственность за что-либо. Обвиняемые и свидетели, напротив, представляли на страницах книги грешниками, раскаивающимися в своей вине. В книге нашли применение все известные приемы манипуляции с текстом — нагромождение фактов и цитат, вырванных из контекста, вымышленные диалоги, ложные определения и сомнительные заявления.

Несколько верных сторонников Надя, которым после подавления революции удалось бежать за границу, в скором времени

опубликовали на нескольких языках книгу «Правда о деле Имре Надя»¹⁰. Им удалось довольно убедительно показать, что и в «белой книге», и в официальных сообщениях о приговоре не было ни одного слова, за которым не стояла бы ложь и подтасовка фактов. Работы Имре Надя 1953–1956 гг. были тайно вывезены из страны и в переводах на несколько языков опубликованы в 1957–1959 гг., нередко даже до суда и казни, донося тем самым правду о политических взглядах премьер-министра. Еженедельник «Иродалми уйшаг», с 1955 г. служивший рупором внутривластной оппозиции, переместился сначала в Лондон, затем в Париж, превратившись в форум демократической политической эмиграции. С самого первого выпуска журнал хранил верность памяти Имре Надя. В 1958 г. Дёрдь Хельтаи, заместитель министра иностранных дел в кабинете Надя, основал в Брюсселе Институт политических наук им. Имре Надя. Материалы организованных институтом конференций и его периодические издания представляют собой внушительный список публикаций по истории венгерской революции. Их значение особенно велико для понимания событий, политических целей революции, поступков и намерений ее участников. Уже из названия ясно, что это был форум, где представлялись и обсуждались идеи Имре Надя и его действия в дни революции. Именно перу членов этого круга принадлежат первые, подлинно аналитические работы о роли Имре Надя в 1956 г. — «Тринадцать дней, которые потрясли Кремль» Тибора Мераи и «Имре Надь — реформатор или революционер?» Миклоша Мольнара и Ласло Надя. Две эти книги, как и более поздние труды историков и политологов¹¹, в большинстве своем не утратили своего значения по сей день. В них содержится научное осмысление событий и, вне зависимости от политических убеждений авторов, подчеркивается роль Имре Надя как главного участника событий, неотделимого от революции 1956 г.

Книга Мераи остается, пожалуй, наиболее цитируемой работой о 1956 годе и Имре Наде. Своим успехом она обязана тому обстоятельству, что в ней повествование революционных событиях, основанное на доступных автору источниках, соединено с его личным опытом. Профессиональный журналист, страстный и эмоциональный писатель, Мераи также опирался на свое близкое знакомство с Надем. Он приступил к работе над книгой, когда еще не было никаких известий об исходе судебного процесса. Надь предстает в книге человеком, который реализовал в революции главную программу своей жизни, — коммунистический политик с глубоким чувством ответственности перед народом и по этой

причине резко отличавшийся от своих товарищей. В основе этого детального повествования лежит глубочайшее уважение, даже любовь к предмету изучения.

Краткая биография М. Мольнара и Л. Надя написана со сходных, хотя более отстраненных позиций. Если Мераи рисует яркие события восстания как фон, на котором действует его герой, то эти авторы попытались рассмотреть личность Надя в контексте советской системы коммунистической Венгрии. Они уделяют больше внимания дороге, которая привела его к революции (подобное исследование Мераи предпринял в соавторстве с Т. Ацелом¹²), и ставят больше вопросов. Так или иначе, их ответ оказался сходным с тем, что дал Мераи: «Если его жизнь была знаком вопроса, его смерть стала ответом... Мы чувствуем, что этот человек, проживший бурную жизнь, заслуживает высоких слов: “он принял героическую смерть”»¹³.

Вскоре после этих важных трудов, показавших моральное и человеческое значение Надя, появились аналитические работы, где — не подвергая сомнению моральную позицию Надя, за точку отсчета бралось политическое поражение революции и ее премьер-министра. Одним из первых Жан-Поль Сартр предположил, что Надя, пусть и невольно, перестал быть коммунистом.

«На самом деле, он — искренний коммунист, самым ходом событий вовлеченный в процесс *декоммунизации*. Коммунистический лидер должен опираться на хорошо организованную партию, которая, по крайней мере, в теории, обеспечивает связь с массами. Но партия растаяла, как дым... Вот в чем беда этого доброго и искреннего человека! В душе он сохранил верность своей партии, но в действительности все произошло так, как если бы он порвал с ней... Надя, переставший по сути быть коммунистом, не представлял партию ни в глазах русских, ни в глазах повстанцев»¹⁴.

Подобные рассуждения заставляют задуматься о параллелях между Гомулкой и Надем. Так, французский социолог и политолог Раймон Арон, в противовес Сартру, считал Надя последовательным коммунистом, но объяснял его крах едва ли не теми же самыми причинами.

«Имре Надя был марксистом-ленинистом даже в то время, когда в силу обстоятельств он встал во главе революции. Он мог бы сыграть роль, которую Гомулка сыграл в Польше: он даже мог придать национально-освободительным устремлениям революции форму, приемлемую для Советского Союза,

и найти компромисс между чаяниями венгерского народа и международной обстановкой. Главная причина того, что он потерпел поражение там, где Гомулка одержал победу, и не смог предотвратить советской интервенции, заключалась в слабости и распаде венгерской коммунистической партии... Имре Надь, в свою очередь, стоял во главе правительства, которое не было в состоянии ни направить, ни остановить революцию»¹⁵.

Коммунистические убеждения Надя — в контексте его трагической гибели или причин поражения — в начале 1960-х годов отошли на второй план. Ференц А. Вали в обширной монографии о венгерской революции сравнил Надя с великими еретиками прошлого, «которые точно так же в вопросах соблюдения законности больше доверяли институтам, чем тем, кто возглавлял эти институты, вне зависимости от личных качеств людей, облеченных властью над другими... В связи с Надем особый интерес представляет то, как ему удавалось сочетать веру в собственную теорию “социализма” с подлинным венгерским патриотизмом... Надь, несмотря на школу, которую он прошел в Москве, оставался венгром до мозга костей»¹⁶. Спустя десять лет после революции Миклош Мольнар пришел к выводу, что дискуссия об «исторической роли Имре Надя и его жизни закончилась, и его идеологические построения и система ценностей не могут далее служить отправной точкой для новой эпохи»¹⁷.

В 1968 г., после Парижа и Праги, интерес к личности Надя проявился с новой силой, но под иным углом. Идеологов новых левых течений не интересовал антитоталитарный политик с моральными и национальными убеждениями, они видели (или отказывались видеть) в нем образец для подражания. Стивен (Иштван) Боршоди назвал его не больше не меньше как «мучеником еврокоммунизма»:

«Не может не вызывать восхищения (как и в случае с некоторыми советскими диссидентами), что коммунист, проживший немалую часть своей жизни в Советском Союзе, оказался в случае Имре Надя способен прийти к такому синтезу революционного коммунизма с цивилизованным еврокоммунизмом. Именно цивилизованной европейскостью, а не простым венгерским патриотизмом, который столь дорог его венгерским последователям, объясняется то, с какой удивительной легкостью коммунист Надь сумел встать во главе национальной революции, направленной против коммунистического режима, навязанного Венгрии Советским Союзом»¹⁸.

Философы (ученики и последователи Д. Лукача) Агнеш Хеллер и Ференц Фехер по праву называли Надя «первым еврокоммунистом», а также первым «евросоциалистом». Венгерский кризис 1953–1956 гг., писали они, «стал впечатляющей драмой внутренней дезинтеграции большевизма», в которой Надя «играл важную роль... через свои внутренние терзания, через борьбу с самим собой, говорившую о его выдающихся нравственных качествах, он перерос большевизм»¹⁹. Авторы попытались нарисовать портрет «нового радикального воинственного политика». Главной его чертой был постмакиавеллизм (точнее, антимакмавеллизм), или «искусство приходить к согласию (не в смысле либерального политического компромисса, но согласие нового типа, в основе которого бунт против жесточайшей диктатуры), личность, подходящая для антитоталитарного движения — не консерватор и не харизматический лидер, но человек, способный придать всему этому национальное измерение»²⁰.

Концепцию Хеллер и Фехера поддержали не все даже в их собственном идеологическом лагере. Французский социолог Корнелиус Кастириадис, например, резко критиковал Надя-политика, который не сумел «найти в себе ясности мысли и решиться опротестовать во весь голос бесчестное поведение русских, с которым он был так хорошо знаком». Вместо этого «он смутился и попытался обратиться за помощью... к Объединенным Нациям!». Это, по мнению Кастириакиса, было столь бессмысленно и смешотворно, что он позволил себе заявить (правда, лишь в примечании), что личная драма Надя «не имела никакого значения»²¹. Сходную критическую позицию занял в 1970-х годах британский историк Билл Ломакс. Для него Надя «был скорее социальным моралистом, чем радикальным политиком, и именно в силу этих особенностей его идеи так трудно классифицировать или систематизировать... его главная и трагическая слабость — отсутствие какой-либо осмысленной идеологической позиции, если не считать приверженности к неким абстрактным ценностям гуманизма и порядочности»²². Ломакс даже отказывает Надю в праве называться «коммунистом-реформатором»:

«В отличие от более радикальных сталинистов, которые, несомненно, пытались превратить бюрократию в орудие достижения своих собственных целей, или от других коммунистов-реформаторов, стремившихся ограничить влияние бюрократии, Надя очень редко, а осознанно, возможно, никогда не поднимался над уровнем функционера партийной машины, впрочем, довольно порядочного и рассудительного функционера».

В этой идеологической слабости Ломакс видел причины и поражения революции 1956 г., и краха самого Надя: «Когда началась революция, он должен был без всяких навигационных приборов определить свое положение в мире, где связи, на самом деле давно порвавшиеся, сохраняли свою силу только силой его собственной мысли»²³.

В 1980-х годах историография, похоже, отошла от подобных идеологических параметров. Все чаще в центре исследований оказывались исключительные человеческие качества Надя, которые, разумеется, и ранее никто всерьез не отрицал. Однако подлинный интерес вызывал вопрос, какую роль сыграл 1956 год в судьбе советской системы — сначала с точки зрения преемственности, затем (во все большей степени) в контексте неожиданно начавшихся необратимых перемен.

Политологов — специалистов по истории последних десятилетий Советского Союза (их еще принято называть «кремлинологами») — больше всего интересовал процесс принятия решений, политические институты и структуры. Так, например, британский историк Джордж Шёпфлин при анализе роли Надя (и других) в революции 1956 г. использовал понятие «варианты руководства». Для него взгляды премьера, высказанные во многих работах, не играли никакой роли; куда больше ученого интересовали его связи с различными венгерскими и советскими властными институтами и их отношение к Надю²⁴. Он, как и прежде, был важным действующим лицом, но превратился в пояснительный аргумент в рамках более широкого контекста. Постепенно это стало общим местом в устах историков и публицистов.

В обобщающих исторических работах 1980-х годов уделялось большое внимание роли Надя в попытках проведения реформ 1953 г., заложивших основы его политики в период революции, но в то же время авторы не могли обойти молчанием его уникальную личность. Для симпатизировавших Надю молодых реформаторов он «был подлинно отеческой фигурой и последней надеждой на “социализм с человеческим лицом”», как написал в 1986 г. американский историк венгерского происхождения Чарльз Гати. Как и ранее, в Наде видели важнейшую фигуру революции, но теперь рассматривали в национальном ключе: «Для всех венгров он стал последней надеждой на свободу и независимость»²⁵. В то же время Гати добавляет: «Одним из парадоксов восточно-европейской политической жизни было то, что до последних минут восстания Москва одновременно не отказывала Надю в доверии и собиралась спасти от него Венгрию, входившую в сферу советских интересов». Эта двойственность была устранена с повторным

введением советских войск, когда Надь в ответ объявил о выходе Венгрии из организации Варшавского договора и нейтралитете. «Надь всю свою жизнь оставался верным “москвитом”, но в тот момент он превратился в венгерского революционера»²⁶.

Биография Надя, написанная в 1991 г. бывшим послом Великобритании в Будапеште Питером Анвином, отходит от исследовательских достижений и образов прежних десятилетий. Если венгерские авторы-эмигранты подчеркивали влияние на Надя в 1955–1956 гг. внутрипартийной оппозиции, Анвин рисует его скорее «героем-одиночкой». Этот обобщающий труд вышел в свет, когда эпоха коммунизма советского типа закончилась, что очевидно, например, из следующих строк:

«В книге истории в его пользу будут говорить три обстоятельства. Во-первых, он сослужил себе хорошую службу, когда решительно выступил против армии, пришедшей восстановить иноземное господство над его страной... Во-вторых, он оказал услугу коммунистическому движению... показав коммунизму выход из той дикости, в которую его вверг сталинизм. Но самую большую услугу Надь оказал не самому себе, не своей партии, но своей стране. Он не делал революции. Но он сделал революцию возможной... Надь и Революция вместе потерпели поражение, но они позволили Венгрии вернуть уважение к самой себе»²⁷.

После падения коммунизма образ 1956 года и Имре Надя определялся новым дискурсом по истории «холодной войны». Благодаря «архивной революции», позволившей проводить детальные исследования по многим аспектам истории последних десятилетий, важность венгерской революции и ее премьера несколько отошли на второй план, прежде всего в исторической науке в Соединенных Штатах²⁸. Но несмотря на новые документальные свидетельства, исследования о кризисе 1950-х годов в Восточной Европе в той или иной мере повторяют основные выводы работ более раннего периода²⁹. Коммунизм Надя, его ереси и «ревизионизм» не вызывают интереса за пределами узкого круга специалистов. Его нравственный пример сохраняет силу канона, но с окончанием «холодной войны» утерял политическую пользу. Его жизнь и смерть заняли место на страницах книг по истории. Остался только один вопрос: обрела ли его жизнь и смерть смысл в собственной стране? и если да, то когда?

ВОСКРЕШЕНИЕ

Как мы видели, Имре Надь до самого последнего дня не терял надежды. На суде он сказал: «Придет время, когда и в этом вопросе в более спокойной обстановке, располагая более широким кругозором и основываясь на лучшем знании фактов справедливость и в моем деле восторжествует». Следовательно, он верил, что в один прекрасный день общество и суд в его родной стране помогут восстановить справедливость — и по его делу, и в отношении революции, потому что фигура Имре Надя и 1956 г. оказались после 1958 г. навечно связаны воедино в изворотливых и лживых объяснениях причин его казни. Подавление революции и нахлынувшую волну репрессий было тем легче пережить, что они связывались как бы с одним человеком. Отныне Имре Надь и революция сплелись в единое целое в горниле окружившего молчания, и стали невысказанными друг без друга.

Правительство Яноша Кадара вплоть до 1989 г. неизменно поддерживало тезис о «контрреволюции 1956 г. и предателе родины Имре Наде». Что касается недавнего прошлого, то кадаровское руководство в некоторой степени отождествляло себя с эпохой Ракоши, правление которого привело к революции, пытаясь при этом дистанцироваться от «дурной славы» режима. Таким образом, оценка 1956 г. и отношение к режиму Яноша Кадара, его природе и легитимности, оказывались неразделимы. В конце 1980-х годов это был не исторический, но такой политический вопрос, который легко мог привести к проблемам с полицией.

В оценках 1956 г. не могло произойти никаких серьезных изменений до тех пор, пока сохранялись условия, при которых Янош Кадар пришел к власти. К числу факторов, способствовавших стабильности режима, относились психологический эффект капитуляции общества в 1957–1958 гг., постепенное ослабление, но не полное исчезновение потенциальной угрозы конфликта в «холодной войне», частичное примирение с режимом, достигнутое за счет общего повышения уровня жизни. Все изменилось в середине 1970-х годов, когда перед правящими кругами вновь замаячила

проблема о законности собственной власти и вопрос об Имре Наде. При первых симптомах ослабления власти Янош Кадар предложил обществу новое понятие. По случаю своего 60-го дня рождения он заявил: хотя «все коммунисты» знают, что «научным определением» для того, что произошло в 1956 г., является понятие «контрреволюция», о событиях тех дней можно говорить иначе: «все мы согласимся», что это была «национальная трагедия»¹. Понятие это не распространялось, однако, на репрессии, казни или приговор по делу Имре Нады. Последнего, как и 1956 г., по-прежнему окружала стена молчания. Это не означало, что начиная с восьмого класса общеобразовательной школы и вплоть до университета во всех учебниках не рассказывалась бы история контрреволюции 1956 г., что там не говорилось, как Имре Нада за предательство Родины приговорили к смерти и в 1958 г. казнили. Не означает это и того, что в юбилейные годы (например, в 1981 или 1986 г.) в телевизионных программах («Живая история»), в научных журналах и общенациональных газетах не повторяли бы по заведенному ритуалу строки смертного приговора 1958 г. В то же время все заинтересованные стороны упорно избегали этой темы и ни в политической риторике, ни в «символических» речах не нарушали добровольно взятого обета молчания.

Скорее всего даже власть предрержащие не тешили себя мыслью, что венгерское общество безмолвствует, потому что забыло о революции и Имре Наде. Вряд ли они думали, что люди и в самом деле поверили в доведенные в 1958 г. до сведения общественности основания для вынесения смертного приговора. Молчание в данном случае было скорее не знаком согласия, но признаком «общенациональной амнезии» (говоря словами Ф. Мереи), означавшей, что люди просто примирились с действительностью. Молчание отнюдь не означало, что венгерский народ *снял* с Имре Нады тяжкие обвинения, на что он надеялся в своем последнем слове. Какой прок был в том, что Надь невиновен, если об этом все равно нельзя было заявить во всеуслышание? Наконец, сказывались отдаленность событий во времени и пресловутое повышение уровня благосостояния: день, когда венгерский народ, наконец, вынесет вердикт «невиновен», казалось, все откладывался и откладывался.

Демократическая оппозиция, появившаяся в Венгрии в конце 1970-х годов, наконец, пробила стену молчания, назвала в числе своих духовных истоков революцию 1956 г., отвела достойное место ее памяти и наследию. Именно тогда казненный Имре Нады, покоившийся (как и сотни других жертв кровавой расправы) в безымянной могиле на участке № 301 в отдаленном углу Ракошкерестурского городского кладбища, превратился в символ

того, что представлял собой на деле, откуда вел свое происхождение и на чем основывался кадаровский режим. Должно было пройти четверть века после казни, пока в 1983 г. не прозвучал вопрос, заданный Миклошем Вашархейи на страницах парижского еженедельника «Иродалми уйшаг»:

«Безымянные могилы, покосившиеся деревянные кресты, цветок в горшке, гвоздика в банке из-под консервов, букет из цветов шиповника. Вот и все. Вокруг — глухое молчание. Имре Надю, законному премьер-министру страны и тысячам других жертв не положено и того, чего удостаивают и грабителя-убийцу: могила, плита, табличка с именем на тюремном кладбище. Кто ответит за это?»²

В Будапеште наиболее читаемый самиздатовский журнал «Beszélő» посвятил двадцать пятой годовщине казни Имре Надя специальный выпуск. Один из лидеров венгерской демократической оппозиции, философ Янош Киш, написал: «Большая часть материалов этого сфальсифицированного процесса... не имеет сегодня никакого значения. Но пересмотра дела до сих пор не последовало. Это признак того, как крепко режим, уходящий корнями в 1956 г., связан с той ложью, которая способствовала его появлению на свет»³. Издатели подчеркивали, что пришло время, когда казненных надлежало достойно перезахоронить. Однако когда молодой поэт Гашпар Надь написал в литературном журнале, спрятав инициалы Надя в грамматической конструкции: «Однажды придется похоронИть / Прошлому мы не должны измеНИть / Имена палачей будем вечно помНИть», издание конфисковали, автора перестали печатать⁴. Члены семьи Имре Надя начиная с 1958 г. неоднократно подавали прошения о перезахоронении. Дёрдь Крашшо, один из осужденных после революции, написал: «По-моему, состояние могил на участке № 301 может изменить только сам венгерский народ»⁵. Тем самым он повторил пророчество Имре Надя, высказанное еще четверть века назад.

В 1986 г., в тридцатую годовщину революции, оппозиция организовала научную конференцию по истории 1956 г. По инициативе Ференца Доната, который не дожидаясь ее открытия, на форуме собрались представители разных поколений и политических направлений в рамках движения оппозиции⁶. В условиях углубления политического кризиса в стране и на фоне первых попыток реформировать советскую империю интерес к Венгрии усиливался. Душераздирающая картина поросшего бурьяном участка № 301 и ямин, «обозначавших» места захоронений, была показана в новостях Би-Би-Си и опубликована на страницах «Нью-

Йорк Таймс». В стране и за ее пределами набирало силу движение, выступавшее за достойное погребение жертв, и в первую очередь Имре Надя. Весной 1988 г. бывшие политические заключенные основали Комитет за восстановление исторической справедливости (ТИБ), который в тридцатую годовщину суда над Имре Надем обратился к обществу с призывом ускорить приличествующее перезахоронение казненных, их политическую реабилитацию, переосмысление и переоценку недавнего исторического прошлого, возможные при условии открытия доступа к соответствующим источникам и документам⁷. Кульминация памятных мероприятий прилась на 16 июня 1988 г., когда венгерская демократическая эмиграция по инициативе Тибора Мераи установила на парижском кладбище Пэр Лашез символический могильный камень в память об Имре Наде и его товарищах. В тот же самый час демонстранты в центре Будапешта скандировали имя Имре Надя, но были жестоко разогнаны полицией⁸. Вопрос о достойном захоронении превратился в мобилизующее политическое требование, на которое нельзя было больше не обращать внимания, и в решающей степени способствовал падению режима.

Уход Яноша Кадара с поста первого секретаря в 1988 г. позволил партийному руководству поставить в повестку дня круг вопросов, который символизировал «непогребенный покойник» Имре Надя: исторические корни кризиса и революции 1956 г. Руководство ВСРП под предлогом выработки новой партийной программы сформировало комиссию для изучения «пройденного исторического пути». После долгих приготовлений, пустых обещаний и проволочек в ноябре 1988 г.⁹ Политбюро, наконец, разрешило захоронить Имре Надя. В тот момент предполагалось, что ритуал пройдет в узком семейном кругу. Партия пыталась рассматривать вопрос с якобы «моральных», «гуманистических» позиций и избегала любых политических реминисценций, в особенности публичного характера предполагаемой церемонии. Однако председатель комиссии Имре Пожгаи в январе 1989 г. заявил, что события 1956 г. были «народным восстанием»¹⁰. Таким образом, вопрос о 1956 г. и Имре Наде, прежде обсуждавшийся лишь в узком кругу, в мгновение ока стал достоянием гласности. Заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы, причем куда более разрушительный, чем могло предвидеть партийное руководство или комиссия во главе с Пожгаи. Попытка подвести более широкие основания под партийную легитимацию привела к прямо противоположному результату.

Имя «Имре Надь» и дата «1956» в одночасье превратились в политические понятия, допускающие упоминание в положительном контексте. По результатам официальной идентификации мест захоронения 29 марта 1989 г. на участке № 301 началась эксгумация останков Имре Надя и других казненных. Пока шла подготовка к торжественному перезахоронению, имена Надя и осужденных по его делу были включены в список жертв сталинского режима. (О судьбах тех, кто был казнен до 1956 г., вот уже более года как стало возможно вести открытую общественную дискуссию.) Еще до того, как партия «выработала» некую более или менее единую оценку (начатая в феврале 1989 г. дискуссия формально так никогда и не завершилась), руководство оказалось в ситуации, когда личность Имре Надя выросла до колоссальной моральной антитезы всей эпохе, последовавшей за 1956 г. Оказывать давление на прессу и средства массовой информации (в том числе) в этом вопросе становилось все труднее, в глазах общественного мнения реабилитация Имре Надя становилась свершившимся фактом. Часть руководителей ВСРП искали «точки соприкосновения» с новым движением. Одни намеревались превратить перезахоронение в «день национального примирения», словно почувствовав смертельную опасность, которую таило для них это событие. Некоторые из них полагали, что нельзя исключать возможность связать концепцию демократического социализма не с именем Кадара, но с личностью Имре Надя. Вся его политическая карьера после 1945 г., в том числе революция 1956 г., была образцом служения коммунистическим и социалистическим идеалам и любви к Родине до последнего вздоха. Но вместо этого звучали лишь двусмысленные, вымученные заявления, в также вырванные из исторического контекста, сфабрикованные с явной целью повлиять на общественное мнение клеветнические утечки информации. Последний лидер ВСРП Карой Грос, который 11 ноября 1956 г. называл Надя «товарищем», а на суде в 1958 г. обвинил в «контрреволюционном заговоре», теперь, в сентябре 1989 г., после многих лет молчания решил выступить с докладом с претенциозным названием «О Володе, агенте НКВД»¹¹. Однако эта фальшивка, изготовленная не без «братской помощи» из Москвы, направленная на развенчание мученика, ставшего знаменем борьбы за радикальные перемены, не достигла своей цели.

16 июня 1989 г. более двухсот тысяч человек собрались на площади Героев в Будапеште, чтобы отдать последнюю дань памяти Имре Надя и других жертв расправы. Венгерское государственное телевидение (впервые в своей истории) весь день вело

прямую трансляцию с места события. Накануне вечером по радио и телевидению передавали запись голоса Имре Надя в момент произнесения им последнего слова обвиняемого и отказа от прощения о помиловании. Магнитофонные ленты были обнаружены в ходе подготовки пересмотра приговора суда: дело продвигалось с беспрецедентной скоростью, но, несмотря на все усилия Верховного суда, так и не было завершено к назначенному сроку. Так «последнее послание» Имре Надя в конце концов дошло до своего адресата.

Торжественные похороны, организованные Комитетом по восстановлению исторической справедливости, стало общим делом для всех, кто выступал за демократические перемены. На площади Героев выступили Миклош Вашархейи — обвиняемый по делу Надя; Бела Кирай — бывший главнокомандующий Национальной гвардией; Тибор Зимани — политический заключенный, вышедший на свободу во время первого премьерства Надя; студент-повстанец Имре Меч, которому в 1958 г. смертную казнь заменили на пожизненное заключение; бывший председатель Центрального рабочего совета Шандор Рац; молодой политолог (в будущем — премьер-министр) Виктор Орбан. Ораторы с восхищением говорили о покойном, вспоминали о революции, но не призывали к ее продолжению или возобновлению. Вместо этого они вели речь о мирном переходе, способном обеспечить достижение целей, поставленных в 1956 г. Все речи были политически заострены, но если большинству выступавших передалось траурное, печальное настроение церемонии, то И. Меч и Ш. Рац, как, впрочем, и В. Орбан — единственный оратор, родившийся после 1956 г., открыто заявили об актуальности требований, выдвинутых в 1956 г. (впрочем, о выводе советских войск упомянул только Орбан). Атмосфера на площади была торжественной и скорбной, даже несколько напряженной, но никаких инцидентов не произошло. По ретрансляторам передали несколько фраз из радиообращения Надя 30 октября 1956 г. — те самые, где он призывал к сохранению спокойствия и порядка. Дата 16 июня 1989 г. стала историческим и психологическим поворотным пунктом в процессе, который обычно называют сменой политического строя или демократическими преобразованиями в Венгрии. Спустя несколько месяцев Петер Кенде напишет: «Решающую роль в обрушении (старого строя. — *Я.М.Р.*), как и тогда, в 1956 г., сыграли нравственные факторы... Эта траурная церемония была подобна явлению господина во храме, от которого нечистый в страхе спасается бегством, оставляя пораженных и озадаченных верующих гадать: куда подевался ад?»¹². Янош Киш подвел такой итог: «Отныне никто не сможет

сказать ни другим, ни себе самому: это предатели, негодяи, лжецы, убийцы, но я их поддержу, потому что при них в моей жизни есть достаток»¹³. За три дня до торжественного перезахоронения ВСРП села за стол переговоров с оппозиционными партиями, которые до этого уже образовали «круглый стол». Через три недели после моральной смерти собственного режима — 6 июля 1989 г. — скончался Янош Кадар. Это произошло ровно в тот день, когда Верховный суд отменил приговор, вынесенный Ференцем Видой, и объявил Имре Надя и осужденных по его делу невиновными¹⁴.

В период, последовавший непосредственно за перезахоронением, Имре Надя превратился в символ обновления и перемен не столько как подлинная историческая и политическая фигура, но скорее как жертва, чья гибель, чья незаконная казнь проявили в одном человеке и в одном событии всю подлинную сущность режима, установившегося после 1948 г. Личность Имре Надя воскрешала в памяти время после окончания Второй мировой войны, с которым связывались самые большие надежды — 1956 г. Смерть Надя ознаменовала их крушение и обнажила замалчивавшиеся основания компромисса как раз в тот момент, когда компромисс рухнул. Теперь можно было без угрызений совести распрощаться с одряхлевшим диктатором и забыть, сколь легко он обращал на свою сторону миллионные толпы еще десять, двадцать лет назад. Сам по себе наводящий ужас акт эксгумации стал подходящим поводом для того, чтобы «разучиться забывать». Неприглядные детали — обернутые в толь трупы, захоронения лицом в землю, безымянные могилы или, как в случае Имре Надя, вымышленные имена на могильных плитах — дали людям возможность с искренним удивлением узнать страшные подробности о «зверствах» кадаровского режима. Действительно, о фактах казней все знали со школьной скамьи, но того, как обращались с казненными, никто и представить себе не мог...

Венгерское общество, которое и за несколько лет до 1989 г. старалось избегать открытой конфронтации с режимом, установленным на обломках революции, теперь, в 1989 г., «вызывало» в памяти те события, которые *ретроспективно* позволяли позиционировать себя как реальных или потенциальных противников режима. Вспоминая о мрачных временах правления Ракоши, о годах кадаровских репрессий, последовавших за подавлением революции, и конечно же, собственно октябрь 1956 г., селективная память и запоздалая оппозиционность позволяли увидеть в похоронах Имре Надя великий момент, который несмотря ни на что стал очистительным и возвышающим духовным опытом.

Это чувство не утратило своей силы и поныне, в отличие от других, подвергаемых всесторонней критике шагов на пути демократических преобразований. Торжественное перезахоронение останков Имре Надя стало похоронами режима и всей эпохи. Впрочем, вскоре возник вопрос: кто имеет право называться преемником Имре Надя и (или) революции 1956 г.? На место «объединяющей» памяти с оттенком благоговения пришла «разъединяющая» память¹⁵, и этот процесс дробления истории 1956 г. на множество индивидуальных историй еще далек от завершения.

Последнее слово Надя впервые прозвучало через 31 год после его смерти, в день перезахоронения, когда венгерский народ в самом деле признал его невиновным по всем предъявленным лживым обвинениям. Однако кульминационный момент его «жизни после смерти» не стал полностью свободен от противоречий, которые столь часто проявлялись в его жизни. Социализм советского типа — который Надь одновременно критиковал и претворял в жизнь, искал в его рамках национальный путь и сражался за его торжество в мировом масштабе — на родине героя в тот самый день ушел в мир иной. И пусть тогда никто об этом не вспоминал, тогда же сошли в могилу теоретические построения Надя, прежде всего венгерский «социализм с человеческим лицом». Собственно, судьба премьера стала лучшим доказательством того, что такая модель была неосуществима на практике. Таким образом, тот Имре Надь, что 16 июня 1989 г. казался вполне реальным «главным действующим лицом» венгерских демократических преобразований, является, конечно же, сконструированной фигурой. В центре исторической картины стоял и до сих пор стоит «революционный премьер» — воплощение борьбы за национальное единство и свободу. Казнь отвела ему определенную и неизменную роль, которую демонстранты 23 октября 1956 г. на площади Кошута чаяли увидеть, но не смогли пока разглядеть. Перед лицом величия смерти все в 1989 г. померкло — его преданность марксистско-ленинским идеалам, его роль в установлении советской власти в Венгрии и попытки реформ в 1953 г. В 1989 г. Надю досталась та же самая роль, которую он уже сыграл в 1956 г., но не столько за политические цели, которые он ставил, сколько благодаря личным качествам, человечности и судьбе. В истории его жизни каждый может найти лучшие стороны личности Надя. Из-за трагической гибели жизнь Надя представляется законченным повествованием, в котором особая природа финального действия просматривается в каждом предыдущем эпизоде. Ибо герой этой драмы в самые неподходящие для этого времена был, без преувеличения, единственным представителем политического дви-

жения, который в великий и решающий момент показал исключительную нравственную силу и решимость.

Со дня торжественного перезахоронения останков Имре Надя и смены политического строя прошло более пятнадцати лет. Драматическая кульминация его «жизни после смерти», 16 июня 1989 г., стала не более чем памятной датой, уже принадлежащей истории. То, какой окажется его «жизнь после смерти» в дальнейшем, зависит от переосмысления современной истории Венгрии, в особенности от понимания октября 1956 г.

Венгерская революция 1956 г. наряду с ее наиболее выдающейся личностью вскоре окажется канонизирована, т. е. обретет «достойное место в национальной истории» или, говоря современным языком, поселится в коллективной памяти. Надя представлен более или менее достоверно во всех школьных учебниках как важная историческая личность, его именем называют улицы и площади, в день 100-летия со дня рождения ему были установлены памятники, в том числе в Будапеште, неподалеку от здания парламента. Его славят в речах и газетных статьях в дни годовщины революции и его казни; правительство Венгерской Республики и сотни простых граждан возлагают венки и цветы на его могилу. Дом, где он проживал в последние годы, превращен в мемориальный музей. Его имя и достижения второго возглавляемого им правительства внесены в специальный статут. Его личность и заслуги увековечены в парламентском акте, и в 2002 г.¹⁶ леволиберальное правительство учредило «Орден Имре Надя», которым ежегодно награждают 23 октября. Однако всё это примеры, не выходящие за рамки традиционной мемориальной культуры. Можно утверждать, что на сегодняшний день не существует культа Имре Надя.

Однако горячие, доходившие порой до истерики политические дебаты о значении революции 1956 г. разгорелись сразу после событий 1989 г. Главной темой политических комментариев и речей партийных стратегов стало «правильное понимание». Эти споры стали естественным следствием свободы слова и показателем неизбежной дискредитации старых правил. Однако они были также обусловлены особым характером смены политического строя в Венгрии и чрезвычайным значением, которое участники дискуссии придавали памяти 1956 г.

Как историко-политический инструмент, память о 1956 г. обладала двойственной функцией. С одной стороны, октябрь 56-го работал как позитивная историческая традиция, возвышенная до антитезы советскому или коммунистическому правлению. Протагонисты демократических преобразований полагали, что революция

была историческим событием, которое не только низложило старый режим, но и легитимировало все те силы, которые выступали за более чем умеренное реформирование социализма советского образца. День перезахоронения стал для них памятным днем, когда в небытие ушла целая эпоха. С положительной точки зрения, появилась возможность «оплакивания», которой не было ранее, и в то же время освободиться от позорного клейма коллаборационистов.

Однако тема 1956 г. в период демократических преобразований получила и «негативные коннотации». В этой связи все политические силы, включая государственную партию и ее наследников, за исключением небольшой группы радикалов, разделяли мнение, что теперь, в отличие от «немирной» революции 1956 г., переход должен происходить мирным путем. (Главное — не допустить повторения 1956 года!) В ходе демократических преобразований этот консенсус никогда не подвергался сомнениям, но его символическая сторона напоминала о типе смены политического строя, который со всей очевидностью определялся как революция. Это противоречие между желаемой политической практикой и символическим контекстом оказалось решающим для историко-политического значения, придаваемого 1956 году. Политические силы, вовлеченные в процесс смены политического строя в Венгрии, привычно опирались в своей риторике на 1956 год как источник своей легитимности, но делали это, никогда не подвергая сомнению «должным образом» оговоренный порядок.

Сама возможность изменения символического контекста, его «удаления» и наполнения иным содержанием представляется в высшей степени проблематичной. Но в таком случае следовало бы ясно и четко высказаться по ряду вопросов. Во-первых, что речь шла не о простом стремлении предотвратить революцию, но о том, что в совершенно новых условиях конца XX в. политические цели революции 1956 г. более не совпадали с устремлениями, приведшими в движение механизм демократических преобразований. Во-вторых, 16 июня 1989 г. не только не была поставлена точка в пересмотре истории советской системы в Венгрии, но — и это особенно справедливо для кадаровской эры — в этот день процесс только начался. Далее, торжественное перезахоронение не могло стать актом очищения, освобождающим от всякой скверны, и «репрессии» с конца Второй мировой войны до 1989 г. не носили универсального характера: не все в равной мере стали «жертвами тирании» и потому оппозиционерами. Обо всем этом не раз говорилось в разное время и по разным поводам, и большинство, возможно, этому верили. Но ясное видение и точность

в оценках потребовали бы, однако, исторической дискуссии, которая так и не последовала. Большинство политических групп, принимавших активное участие в демократических преобразованиях, не хотели ни отказаться от «риторики 56-го», ни от «истории 1956 г.» как источника своей легитимации. Третьим важным вопросом, также оставшимся вне поля зрения, стала роль технократов и реформаторов в период после 1956 г., которые стали костяком кадаровского режима и, заняв к концу 1980-х годов важные посты в ВСРП, сыграли важную роль в смене политического строя. Для того чтобы успешно функционировать в новой, демократической системе, им требовался «запас легитимности», а это было возможно только если они не стыдились своего прошлого и выказывали достойную уважения готовность переоценить его с исторической и моральной точки зрения. Примеры тому, несомненно, были, но подобная позиция нигде не высказывалась ясно и недвусмысленно. Готовность к системному пересмотру прошлого оставалась крайне низкой.

Активные участники революции, уцелевшие после репрессий, представляли проблему иного рода. Эти бывшие члены революционных организаций и вооруженные повстанцы, неизвестные широкой публике, обрели голос только после июня 1989 г. Они не попали в ряды новой элиты, осуществлявшей демократические преобразования, даже если некоторые из них верили, что заслужили это право в силу опыта и перенесенных страданий. Эти «ветераны» не выказывали ни малейшего желания принимать участие в обсуждении событий 1956 г. или реформ переходного периода. Они держались друг друга, создавали собственные организации, тон в которых скоро начали задавать горластые и радикально настроенные критики новой политической системы.

Венгерский парламент, избранный весной 1990 г. в результате свободного голосования, начал свою законодательную деятельность с закона «Наследие революции и освободительной борьбы 1956 г.». Этому мемориальному закону, внесенному коалиционным правительством, предшествовал одобренный в первом чтении проект, где упоминалось имя Имре Надя. Однако из текста, вынесенного на утверждение, в последнюю минуту имя Надя исчезло. Это стало ясным сигналом, что правительство, большинство в котором составляли представители Венгерского демократического форума (ВДФ) вместе с национально-популистскими и христианско-демократическими консервативными силами — все сторонники «третьего пути» — пожелали дистанцироваться от левой по содержанию и левой по оценкам революции и ее символической

коммунистической фигуры. Уже летом 1990 г. в ходе дебатов по вопросу о национальном флаге и дне 23 октября, как национальном празднике, стало очевидно, что правящие партии предпочитают делать акцент на «преемственности с тысячелетним Венгерским государством», нежели на «наследии 1956 года» или ином памятном демократическом моменте в новейшей венгерской истории. «Новым» национальным флагом стало не «кошутовское знамя» — «республиканская» эмблема, использовавшаяся в 1945—1949 гг. и введенная в 1956 г. скорее как значимый символ, но флаг Венгерского королевства в период между двумя мировыми войнами, где государственный герб венчала святая венгерская корона. По тем же причинам государственным праздником был избран не день 15 марта — память о революции 1848 г. и не 23 октября, возвращающее к событиям 1956 г., но день св. Стефана (20 августа), в который поминают первого христианского и впоследствии канонизированного венгерского короля Иштвана I — «основателя государства», тысячу лет назад указавшего нации «путь на христианский Запад».

Среди проблем, связанных с коммунистической эрой и 1956 годом, центральное место вскоре занял вопрос о «восстановлении справедливости». Уже в 1989—1990 гг. прозвучали требования привлечь к суду тех, кто организовывал сфальсифицированные судебные процессы в период сталинизма, кто отдавал приказ стрелять в безоружных демонстрантов в 1956 г. и развязал террор после подавления революции. В то же время в обществе было настолько сильно желание осуществить смену политического строя мирным путем, что ни одна значительная политическая сила не была готова поставить этот вопрос в повестку дня и тем самым запустить механизм сведения политических счетов. Мирный переход, осуществляемый при строгом соблюдении закона, открыл для бывшей политической элиты спасительный выход, и никто из причастных к казням и пыткам в период коммунистического правления не понес за это наказания. Этот нравственный изъян оказался серьезным бременем для новой венгерской демократии. Отчасти именно поэтому, но также чтобы смягчить тяготы переходного периода, большинство в партиях, побеждавших на первых трех свободных выборах, требовало вернуться к «вопросу о виновности».

В начале 1990-х, когда кампания за расследование преступлений коммунистического режима набирала силу, порой звучали голоса, вzywавшие к отмщению. Венгерская социалистическая партия, правопреемница ВСРП, по понятным причинам выступала решительно против, ибо расследования и (или) суды таили угрозу для ее действующего политического руководства (например, для

Дюлы Хорна, в 1990-е годы возглавлявшего социалистическую партию и в 1994–1998 гг. занимавшего пост премьер-министра, поскольку свою политическую карьеру он начал после 4 ноября 1956 г. в коммунистических органах правопорядка). Либералы, вышедшие, главным образом, из политической оппозиции кадровой эры, занимали сходную позицию. В большинстве своем исходя из нравственных убеждений они выступали за восстановление справедливости, но требовали при этом строгого соблюдения законности. Те, кто требовал «люстрации» и кары, и те, кто мог выступить свидетелем в суде, начлись подобные процессы на самом деле, были бывшими повстанцами. Однако речь шла не только о 1956 годе. На самом деле дебаты были обусловлены положением дел в стране и причина их коренилась в конфликте интересов, характерном для переходного периода. Те, кто громче всех требовал юридических ограничений для «обломков прошлого», заняли руководящие посты в ветеранских организациях и обзывали коммунистами всех несогласных. Проклятие распространялось не только на парламентскую оппозицию правительству, но и на союзников Надя по внутривнутрипартийной оппозиции до 1956 г., которые — если были живы — уже не имели ничего общего с коммунистами. Ту же участь разделили и либералы, некогда бывшие самыми яростными противниками коммунистического режима. Президент Венгерской Республики Арпад Гёнци, за участие в революции приговоренный после 1956 г. к пожизненному заключению, выступал резко против «закона о воздаянии», за что был согнан с трибуны громкими криками своих бывших товарищей-заключенных на митинге памяти 23 октября 1992 г.¹⁷

Конфликт по «вопросу о справедливости» придал дискуссии об истории революции новое измерение. На глазах рождалась новая ортодоксия, которая вскоре начала определять всю венгерскую историю после 1945 г. Эта новая, «подлинная история» уже не опиралась на революцию: прежде всего из-за коммунистических, марксистских коннотаций этого понятия, но и в силу торжества до мозга костей консервативного, антиреволюционного подхода. 1956 год стали понимать просто как национально-освободительную борьбу — борьбу нации против «русских». Он представлял то как борьба за независимость, лишенная всякого социального наполнения, то как восстание ради восстановления некоего неопределенного (довоенного или сходного с ним) режима. Для представителей этой линии внутривнутрипартийная оппозиция и сам Имре Надь могли играть лишь второстепенную роль. В то же время творился новый миф о широком народном сопротивлении режиму Ракоши.

В конце века эти дебаты несколько утратили свою остроту и вспыхивали с новой силой только в дни памяти и в канун выборов. Политики национально-консервативного толка предпочитают позиционировать себя как единственных правопреемников освободительной борьбы 1956 г. Они называют своих левых оппонентов «посткоммунистами» и наследниками кровавой расправы над этой борьбой. На другом конце политического спектра современные социалисты сегодня пытаются сохранить «социально-либеральное наследие» революции, но успех их сомнителен. Возможно, потому, что такого наследия просто нет. Вслед за сменной строя ткань памяти о 1956 годе оказалась пронизана политической риторикой на долгое время, возможно, навсегда. Этим, помимо прочего, можно объяснить, почему молодежь, выросшая после падения коммунизма, игнорирует памятные мероприятия.

Надь как фигура современной истории появлялся в политических дебатах все реже, по мере того как первоначальный задор в них сменялся более сдержанным тоном. Даже консерваторы, которые отрицали саму возможность, что национальный коммунист или коммунистический реформ-коммунист мог сыграть решающую роль в революции, обычно предпочитают не ставить под сомнение роль личности Надя. Причины ясны: перед лицом его нравственной и человеческой позиции, скрепленной казнью и мученичеством, нельзя игнорировать его левокоммунистические убеждения. Если верить недавнему социологическому опросу, Имре Надь считают одним из самых значительных деятелей Венгрии в XX в., и все-таки он занимает строку чуть ниже, чем Янош Кадар¹⁸. Однако память об Имре Наде куда более всеобъемлюща, чем о его палаче. Возможно, что он наберет еще меньше процентов при следующем опросе, но его образ куда более расщеплен. О своем признании его заслуг заявил широкий круг респондентов, и он во многом совпадает с теми, кто назвал имена великих реформаторов и деятелей 1848 г. — графа Иштвана Сечени и Лайоша Кошута. Смерть Надя, похоже, дала некий общий ответ на вопросы его жизни. Более глубокий анализ и осмысление его жизни могут привести, однако, к разным результатам, и ни один из них не будет окончательным. В лучшем случае мы получим в итоге возможные ответы на многие вопросы, старые и новые, заданные историческим периодом и всемирно-историческим событием.

СВЕДЕНИЯ ОБ АРХИВНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ

Сохранившиеся источники подпольного коммунистического движения после 1948 г. были собраны в Институте истории венгерского рабочего движения, переименованного в 1955 г. в Институт истории партии. В настоящее время эти документы хранятся в Архиве Института политической истории (*Politkatörténeti Intézet Levéltára, PIL*) в Будапеште. Отдельные источники, касающиеся Имре Надя, также содержатся в Будапештском городском архиве (*Budapest Főváros Levéltára, BFL*). Свидетельства о легальной и нелегальной деятельности Надя в его родном городе Капошваре находятся в областных архивах комитатов Шомодь (*Somogy Megyei Levéltár, SmL*) и Бараня (*Baranya Megyei Levéltár, BmL*). Несколько ранних рукописей и писем, сохраненных членами семьи, после 1990 г. были переданы в Венгерский национальный музей.

Большая часть переписки между коммунистическим подпольем Венгрии и эмигрантскими центрами в Вене, Праге и Москве, как и почти все документы Коммунистической партии Венгрии, осели в Институте Маркса – Энгельса – Ленина, ныне — фонда Коминтерна в *Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)*. В конце 1980-х годов часть материалов была копирована и передана ВСРП. Эти документы, ныне хранящиеся в Институте политической истории, являются ценнейшими источниками о политической деятельности Надя в 1921–1930 гг. Годы, проведенные Надем в Москве, отражаются в документации различных учреждений, переданной в РГАСПИ. Там хранятся фонды Международного аграрного института, где Надя работал в 1930–1935 гг., Международной ленинской школы, архив председателя Коминтерна Георгия Димитрова. Отдел кадров Коминтерна вел личные дела на всех важных функционеров мирового коммунистического движения. После 1943 г. фонды были переданы ЦК КПСС; где дело Надя хранилось долгое время после его смерти. Эти дела, анкеты, автобиографии, характеристики и резолюции о партийных взысканиях ныне также хранятся в РГАСПИ. В то же

время некоторые документы о контактах Надя в 1930–1943 гг. с НКВД находятся в составе архива, где хранятся документы КПСС периода после Второй мировой войны — *Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ)*.

С точки зрения деятельности Надя после 1945 г., особый интерес представляют две большие коллекции: партийные фонды и правительственный архив. Бумаги ВКП за 1945–1948 гг. и ее нелегальных предшественниц собраны в Институте политической истории. Протоколы и резолюции руководства ВКП (Венгерской коммунистической партии), переименованной в 1948 г. в ВПТ (Венгерскую партию трудящихся) и в 1956 г. в ВСРП (Венгерскую социалистическую рабочую партию) и сопутствующая документация хранятся в Венгерском национальном архиве (*Magyar Országos Levéltár, MOL*), в особом фонде M-KS. В этом же архиве находятся правительственные бумаги и протоколы Совета министров и аппарата председателя Совета министров во время премьерства Надя (1953–1955), в том числе его обширная служебная переписка. Многие доклады о Наде и положении в Венгрии находятся в РГАСПИ и РГАНИ (в фондах международного отдела ЦК КПСС), а также в Архиве внешней политики Российской Федерации, в фондах советского посольства в Будапеште. До сих пор лишь малая часть материалов этих фондов была опубликована на русском или венгерском языке.

Ссылки на эти архивы даются с указанием фонда (f./F.), дела (D.) или единицы хранения (őrzési egység или б. е.), тома (к./Т.) и (если имеется пагинация) номера листа (Л.) или страницы (old./С.).

Источниками особого рода являются горы документов, имеющих отношение к следствию и судебному процессу по делу «Суд над Имре Надем и его группой». Их малая часть — так называемые оперативные документы — хранится в Историческом архиве органов государственной безопасности (*Állambiztonsági Szervek Történelmi Levéltára, ÁBTL*), остальное сосредоточено в колоссальном по размеру фонде Венгерского национального архива (MOL. XX-5-h. Nagy Imre és társai pere), на который в тексте дается ссылка «Nagy pere». В нем хранятся протоколы следствия, или vizsgálati iratok (vizsg. ir.); оперативные документы (протоколы органов государственной безопасности, или operatív iratok (op. ir.); и протоколы суда или bírósági iratok (bír. ir.). В некотором смысле следственное дело и материалы судебного процесса вобрала в себя всю жизнь Имре Надя. Он описывал свою историю на допросах в полиции, а затем вновь, уже в ходе следствия, в мельчайших деталях. Все

бумаги, которые Надя хранил дома (например, копии всех статей, начиная с 1930 г.), были конфискованы при аресте и присовокуплены к следственному делу. Там же хранится 550-страничная рукопись «Размышления и воспоминания», написанная в Снагове (Румыния), записные книжки и переписка того периода. Наконец, в упомянутый фонд включены машинописные стенограммы бесед с Надем и другие документы румынских секретных служб периода интернирования бывшего премьер-министра в Румынии. Однако в последнее время появилось много новых документов, часть которых хранится в Институте истории и документации венгерской революции 1956 г. (*Az 1956-os Intézet*). Показания Надя, касающиеся, главным образом, революции 1956 г., занимают несколько больших томов. Стенограммы показаний свидетелей и признания обвиняемых по его делу еще объемистее. В институте хранятся аудиозаписи, сделанные в ходе процесса, их неполная расшифровка, а также фрагменты фильма, снятого в зале суда. Наряду с собственно судебным делом в ходе предварительного расследования было создано дело современных документов в качестве «доказательств», в том числе правительственные акты времени восстания, тексты речей, объявления, записки и проекты самого разного характера.

Имре Надю посвящена обширная мемуарная литература. В большинстве своем эти тексты были написаны через много лет после 1956 г. и после его казни, поэтому неизбежно пронизаны глубочайшим сожалением о его трагической судьбе. Интересная коллекция подобных свидетельств хранится в Архиве устной истории (*Oral History Archivum, OHA*) Института истории и документации венгерской революции 1956 г. Ссылки на них даются по номеру интервью.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
ÁBTL — Állambiztonsági Szervek Történelmi Levéltára
BmL — Baranya Megyei Levéltár
BFL — Budapest Főváros Levéltára
Bír. ir. — bírósági iratok
MOL — Magyar Országos Levéltár
Nagy pere — MOL. XX-5-h. Nagy Imre és társai pere
ОНА — Oral History Archivum
Op. ir. — operatív iratok
PIL — Politikatörténeti Intézet Levéltára
SmL — Somogy Megyei Levéltár
Vizsg. ir. — vizsgálati iratok

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ

Предисловие к русскому изданию

¹ Rainer M.J. Homenaje a Imre Nagy // Hungria. 1989. № 8. P. 4–6.

² Méray T. Thirteen Days that Shook the Kremlin (*далее* — Méray. Thirteen days) / Transl. by H. L. Katzander. New York, 1959; Molnár M., Nagy L. Imre Nagy, réformateur ou révolutionnaire? Genève; Paris, 1959 (Publications de l'Institut Universitaire de Hautes Études Internationales. 3); The Truth About the Nagy Affair: Facts, Documents, Comments / Ed. by P. Kende; preface by A. Carnus. London, 1959; Unwin P. Voice in the Wilderness. Imre Nagy and the Hungarian Revolution. London, 1991.

³ Rainer M.J. Nagy Imre. Politikai életrajz 1896–1953; 1953–1958. [Имре Надь. Политическая биография]. Budapest, 1996; 1999. 1–2. köt.

⁴ Rainer M.J. Nagy Imre. Budapest, 2002.

⁵ Rainer M.J. Imre Nagy. Biografia polityczna. [Имре Надь. Политическая биография]. Warsaw, 2003.

⁶ Rainer M.J. Imre Nagy 1896–1958: Präsident der Ungarischen Revolutionsregierung 1956 / Übersetzt von A. Nass. Paderborn, 2006.

⁷ Rainer M.J. Imre Nagy 1896–1958. The Premier of the Hungarian Revolution of 1956. A Political Biography. [London, 2007].

⁸ Nagy I. Viharos emberöltő [Трудная судьба]. Budapest, 2002. На последней странице рукописи (С. 147) Надь записал о пребывании в лагере для военнопленных в Березовке: «В первые месяцы 1918 года...». Он также детально изложил свой жизненный путь в первый день судебного процесса, 9 июня 1958 г. См.: Nagy Imre. Egy magyar miniszterelnök [Имре Надь — венгерский премьер-министр] / Szerk. Déz F. Pécs, 1993. 12–24. old.

⁹ См., например: Döntés a Kremlben, 1956. A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról. [Решения Кремля, 1956. Дискуссии о Венгрии на заседаниях Президиума ЦК КПСС] / Szerk. V.T. Sereda, Rainer M.J. Budapest, 1996; Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы / ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Середя, А.С. Стякалин и др. М., 1998. Многие из этих документов, как и материалы, отражающие процессы принятия решений в США, см.: The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents / Ed. and introd. by Cs. Békés, M. Byrne, J.M. Rainer. Budapest; New York, 2002 (*далее* — 1956: A History in Documents).

¹⁰ Nagy I. Snagovi jegyzetek. Gondolatok, emlékezések 1956–1957 [Снаговские заметки. Раздумья, воспоминания 1956–1957] (*далее* — Nagy. Gondolatok) / Szerk. Vida. I. Bp., 2006. 200. old. При работе над книгой я пользовался копией полного текста рукописи, сделанной в полиции: Nagy I. Gondolatok, emlékezések [Раздумья, воспоминания]. 1956–1957. В настоящее время данная копия хранится в библиотеке Института истории и документации венгерской революции 1956 г. (инвентарный номер: Ki-593).

Глава 1

¹ См.: «Предисловие к русскому изданию».

² Nagy I. Viharos emberöltő. 5. old.

³ Запись в ведомости капошварской королевской государственной гимназии, в журнале V класса за 1911–1912 учебный год см.: SmL. Nagy Imre különgyűjtémény [Особый фонд Имре Надя].

⁴ Nagy I. Viharos emberöltő. 71–75. old.

⁵ Ibid. 75. old.

⁶ Ibid. 91–92. old.

⁷ Ibid. 75–76. old.

⁸ Ibid. 93. old.

⁹ Ibid. 95. old.

¹⁰ Ibid. 89–91. old.

¹¹ Ibid. 99–101. old.

¹² Ibid. 115–117. old.

¹³ Ibid. 123. old.

¹⁴ Ibid. 123–124. old.

¹⁵ См.: Józsa A. Háború, hadifogság, forradalom. Magyar internacionalista hadifoglyok az 1917-es oroszországi forradalomban [Война, плен, революция: Венгерские военнопленные-интернационалисты в Русской революции 1917 года]. Budapest, 1970. 43–50. old. В русском переводе см.: Йожа А., Милей Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977.

¹⁶ Nagy I. Viharos emberöltő. 65. old.

¹⁷ Ibid. 129. old.

¹⁸ См.: Nejez Bradley J.F. The Czechoslovak Legion in Russia, 1914–1920. Boulder (Co), 1991.

¹⁹ Hadifogoly magyarok története [История венгерских военнопленных] / Szerk. Baja B. Budapest, s. d. 2. k. 236–237. old.

²⁰ См.: Déz F. Nagy Imre. 12–24. old; несколько анкет, заполненных И. Надем в 1920–1921 гг. при вступлении в ВКП(б), см.: PIL. 501 f. 1/27 б. е.

²¹ Его именем подписаны несколько статей в двух газетах, издававшихся в Иркутске; он также мог публиковаться не подписываясь.

²² О Венгерской Советской Республике (21 марта — 1 августа 1919 г.) см.: Tökés R. L. Béla Kun and the Hungarian Soviet Republic: The Origins and Role of the Communist Party of Hungary in the Revolutions of 1918–1919, New York, 1967; Revolution in Perspective: Essays on the Hungarian Soviet Republic of 1919 / Ed. by A.C. Janos, W.B. Slotzman. Berkeley, 1971. О Б. Куне см.: Borsányi Gy. The Life of a Communist Revolutionary. Béla Kun (далее — Borsányi. Béla Kun) / Transl. by M.D. Fenyó. Boulder (Co); Highland Lakes (NJ), 1993. P. 79–206 (Eastern European Monographs. 263); Romsics I. Hungary in the Twentieth Century / Transl. by T. Wick. Budapest, 1999. P. 99–108.

²³ См.: A magyar internacionalisták a nagy októberi forradalomban és a polgárháborúban. Dokumentumgyűjtémény [Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской Социалистической революции и Гражданской войне. Документы] / Ed. by G.D. Obichkin, H. Wass, et al. Budapest, 1967. Vol. 1. 517. old.

²⁴ См.: Molnár M. From Béla Kun to János Kádár: Seventy Years of Hungarian Communism (далее — Molnár. Seventy Years) / Transl. by A.J. Pomerans. New York, 1990. P. 31–33; Kovrig B. Communism in Hungary: From Kun to Kádár (далее — Kovrig. Communism). Stanford (Ca), 1979. P. 69–91.

Глава 2

¹ В мирном договоре, подписанном близ Парижа 4 июня 1920 г., историческая Венгрия потеряла две трети своей территории и около 60% населения. Около 3 млн венгров оказались по другую сторону вновь проведенных границ, в государствах-наследниках. См.: *Romsics I. Hungary in the Twentieth Century*. P. 117–125.

² О венгерских коммунистах в эмиграции и их первых попытках воссоздать организацию см.: *Molnár. Seventy Years*. P. 30–36; *Kovrig. Communism*. P. 81–101.

³ Согласно документам, хранящимся в Архиве комитата Шомоль, И. Надь был принят на службу 20 июля 1922 г. (См.: SmL. Főisp. eln. bizalmas 1914/29).

⁴ Описание внешности Надя содержится в материалах дела Санто (1927 г.). См.: BFL. Budapesti kir. Büntetőtörvényszék. VII. 5. c. B. XIV. 5506/1927. См. также илл. 7.

⁵ Социал-демократическая партия взяла обязательство использовать свои международные связи для признания интересов Венгрии за границей, в обмен ей позволили восстановить свои организации (за исключением железных дорог, почтамтов и администрации) в городах, но не в деревнях. Социал-демократы также могли попасть в реорганизованное Государственное собрание. См.: *Romsics I. István Bethlen: A Great Conservative Statesman of Hungary, 1874–1946* / Transl. by M.D. Fenyo. Boulder (Co), 1995. P. 174–176.

⁶ Личное дело И. Надя за март 1940 г. см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 54. Л. 171.

⁷ A MSZDP 1924 április 20., 21 és 22. napjain Budapesten megtartott XXII. pártgyűlésének jegyzőkönyve [Материалы XXII съезда СДПВ, проходившего 21–23 апреля 1924 г. в Будапеште]. Budapest, 1924. P. 151–153.

⁸ См. фонды архива полиции комитата Бараня: BmL. Pécsi kir. ügyészség. 1927-IV-165.

⁹ См.: *Borsányi. Béla Kun*. P. 300–310; *Kovrig. Communism*. P. 92.

¹⁰ *Kovrig. Communism*. P. 93–101. В Коминтерне национально-государственную принадлежность секции было принято обозначать с помощью предлога «в» или притяжательной конструкции. Социалистическая рабочая партия Венгрии (MSZMP), просуществовавшая с 1924 по 1928 г., следовала в русле этой традиции. Та же аббревиатура в венгерском языке была у основанной в 1956 г. Венгерской социалистической рабочей партии (MSZMP), которая при кадаровском режиме превратилась в государственную партию и в этом статусе просуществовала до 1989 г.

¹¹ *Dér. Nagy Imre*. 19. old.

¹² См. полицейский архив комитата Бараня: BmL. Pécsi kir. ügyészség. 1927-IV-1475. 4. old; и судебные материалы: BFL. Budapesti kir. Büntetőtörvényszék. VII. 5. c. B. XIV.5506/1927.

¹³ Мемуары З. Санто см.: PIL. 867. f. sz. 2. 2. k. Szántó Zoltán visszaemlékezése. 338. old; его отчеты об И. Наде в СССР см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 54.

¹⁴ BFL. Budapesti kir. Büntetőtörvényszék. VII. 5. c. B. XIV.5506/1927. Материалы судебного процесса над З. Санто; PIL. 652 f. N-211. Дело, заведенное на И. Надя в полиции.

¹⁵ PIL. 878. f. 8/33. б. е. 5-20. old; 8/283. б. е. Переписка Загранбюро КПВ с подпольным секретариатом в Будапеште, 1927 г.

¹⁶ BmL. Pécsi kir. ügyészség. 1929-IV-545.

¹⁷ PIL. 787. f. 8/284. б. е. Переписка Загранбюро КПВ с подпольным секретариатом в Будапеште, 1928 г.

¹⁸ «Журнал», который Надя издавал с Арпадом Мольнаром (в прошлом несостоявшимся кандидатом в депутаты), был посвящен вопросам крестьянского землевладения и подобным вопросам.

¹⁹ «Тезисы Блюма» (полное название: «Проект тезисов о политической и экономической ситуации в Венгрии и задачах КПВ») и развернувшаяся вокруг них дискуссия подробно рассмотрены в: *Molnár. Seventy Years*. P. 40–47. Историк называет работу Лукача «стремлением к невозможному, а именно попыткой добавить минимум реализма в новую линию Коминтерна по отношению к деятельности КПВ — карликовой партии, к тому же находившейся в глубоком кризисе». См. также: *Lukács G. Record of a Life. An Autobiographical Sketch* / Ed. by I. Eörsi, transl. by R. Livingstone. London, 1983. P. 78–81.

²⁰ См.: Nikolai Bukharin. 1929 — das Jahr des großen Umschwungs / Hrsg. von W. Hedeler, R. Stoljarowa. Berlin, 1991.

²¹ Из обширной литературы о Н.И. Бухарине и его влиятельной работе «Экономика переходного периода» (1920 г.) см.: *Bukharin N. The Politics and Economics of the Transition Period* / Ed. with an introd. by K.J. Tarbuck; transl. by O. Field, London etc, 1979. См. также: *Cohen S.F. Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938*. Oxford, 1980 (в русском переводе — *Козн С. Бухарин. Политическая биография, 1888–1938* / пер. с англ. Е. Четверговы, Ю. Четвергова, В. Козловского. М., 1988); *The Ideas of Nikolai Bukharin* / Ed. and introd. by A. Kemp-Welch. Oxford, 1992; *Gluckstein D. The Tragedy of Bukharin*. London, 1994.

²² P.I.L. 878. f. 8/234. ö. e. 76-81. old, здесь — 76. old. Статья датирована 12 ноября 1928 г.

²³ P.I.L. 878. f. 8/285. ö. e. 154. old. Письмо «Кемenea» (псевдоним Й. Реваи) в Загранбюро КПВ, 12.XII.1928 г.

²⁴ P.I.L. 878. f. 2/63. ö. e. Протокол заседания ЦК КПВ, 23.II.1930 г.

²⁵ *Molnár. Seventy Years*. P. 40–49; *Kovrig. Communism*. P. 107–116; *Borsányi. Béla Kun*. P. 364–383.

²⁶ P.I.L. 878. f. 1/27. ö. e. 48. old. Материалы II съезда КПВ.

²⁷ P.I.L. 878. f. 2/75. ö. e. 1. old. Протоколы заседания ЦК КПВ, 16.III.1930 г.

²⁸ См.: *Nagy Imre a magyar parasztságról és a mezőgazdaságról* [Имре Надь о венгерском крестьянстве и сельском хозяйстве] / Szerk. Sipos J. Nyiregyháza, 1996. 88–123. old.

²⁹ О Крестьянском Интернационале см.: *Jackson G.D. Comintern and Peasant in East Europe, 1919–1930*. New York, 1966.

³⁰ P.I.L. 878. f. 8/234. ö. e. 149–165. old.

Глава 3

¹ См.: *Petrák K. Magyarok a Szovjetunióban* [Венгры в СССР]. Budapest, 2000.

² *Dér. Nagy Imre*. 20. old.

³ P.I.L. 878/291 ö. e. Письмо Барны (Йожефа Бергмана) в Загранбюро КПВ, 22.XII.1930 г.

⁴ См.: *Borsányi. Béla Kun*. 383–284. old.

⁵ Из новейших работ, посвященных этой школе, см.: *Cohen G., Morgan K. Stalin's Sausage Machine. British Students at the International Lenin School, 1926–1937* // *Twentieth Century British History*. 2002. Vol. 13. P. 327–355; см. также: *Borsányi. Béla Kun*. 381. old.

⁶ Об этом говорится, например, в интервью И. Ковача, впоследствии одного из лидеров ВПТ, который именно в те годы обучался на курсах. См.: ОНА. № 158.

⁷ *Надь И. Положение крестьянства в Венгрии*. М., 1933.

⁸ Воспоминания В.М. Турока-Попова цитируются по переводу на венгерский язык см.: P.I.L. 867. f. t-74.

⁹ РГАСПИ. Ф 536. Оп. 1. Д. 318.

¹⁰ О частной жизни семейства Надя в 1995 г. рассказала автору дочь Имре Надя Эржебет.

¹¹ Имре Надя ссылался на более раннее решение КПВ, согласно которому члены партии, которые работали в венгерском подполье, не были обязаны принимать советское гражданство. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 54. Л. 164–166.

¹² Там же. Л. 167. Письмо Б. Куна в отдел кадров Коминтерна от 5.I.1936 г.

¹³ Там же. Л. 141, 144. Принятое решение не отражено ни в одном документе, но дату можно установить по косвенным свидетельствам.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 259.

¹⁵ Там же. Ф. 495. Оп. 205. Д. 54. Л. 164.

¹⁶ Там же. Л. 161–163. Точную дату, когда И. Надя получил советское гражданство, установить не удалось, но, судя по заявлению от 4.IV.1936 г., в то время он уже был советским гражданином. Мне не удалось найти никаких документальных свидетельств, когда и как И. Надя впоследствии отказался от гражданства СССР, но в июне 1953 г. (!) его имя было исключено из списка членов КПСС.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 54. Л. 157 (от 22.V.1936 г.).

¹⁸ Там же. Л. 150, 156. Положительные отзывы З. Санто об Имре Наде содержатся, например, в его письме в Центральную контрольную комиссию КПСС от 14.II.1937 г.

¹⁹ Об аресте Д. Лукача см. публикацию документов: Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача / под ред. В.Т. Середы, А.С. Стыкалина. М., 1999. Архивные свидетельства о заступничестве — по его и другим делам — Евгения Варги, Золтана Санто, Георгия Димитрова см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 310; Оп. 74. Д. 104; Оп. 73. Д. 60, 69 и др. Вспоминая об этом случае, Лукач замечал, что в Москве «почти все раньше или позже подвергались аресту». Цит. по: *Lukács G. Record of a Life. An Autobiographical Sketch* / Ed. by I. Eörsi; transl. by R. Livingstone. London, 1983. P. 98–99.

²⁰ РГАНИ. Ф. 89. П. 45. Док. 80. С. 1. Доклад Альтмана об аресте И. Надя, 10.III.1938 г. Вскоре после освобождения Надя просил, чтобы сняли наблюдение, обосновывая сотрудничеством с НКВД. См.: *Мусатов В. Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 168.*

²¹ РГАНИ. Ф. 89. П. 5. Д. 82. Записка В.А. Крючкова в Политбюро ЦК КПСС, 16.VI.1989 г. об архивных материалах касающихся деятельности И. Надя в СССР. Опубликовано в: *Источник. 1993. № 1. С. 71–72.*

²² Автор выражает признательность коллеге В.Л. Мусатову за возможность ознакомиться с этими списками, датированными 20.IV.1939 г., 15.VI.1940 г. и без даты. В них содержится, соответственно, 38, 150 и 15 имен.

²³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 54. Л. 137–148

²⁴ Там же. Л. 141–145.

²⁵ *Nagy I. Agrárproblémák: Tanulmányok, bírálatok* [Аграрные проблемы: исследования, обзоры]. Budapest, 1946. 4. old.

²⁶ *Szentmiklóssy L. [Molnár E.]. A magyar agrárkérdéshez.* [Об аграрном вопросе в Венгрии]. Budapest, 1936.

²⁷ *Nagy I. Egy brosúra margójára* [На полях одной брошюры] // *Új Hang. 1938. № 4*; репринт см.: *Idem. Agrárproblémák.* 12–13. old.

²⁸ *Révai J. Marxizmus és népiesség.* 1938; репринт см.: *Idem. Marxizmus, népiesség, magyarság* [Марксизм, популизм и венгерскость]. Budapest, 1949.

²⁹ MOL. XX-5-h LB Nb. Nagy pere. Op. ir. 34. k. 99–103. old. Недатированная записка, конфискованная во время обыска в 1956 г.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 54. Л. 146–149.

³¹ Там же. Л. 130; см также: Оп. 73. Д. 147. Л. 12–13.

³² Там же. Ф. 495. Оп. 174. Д. 189; Д. 208. Оп. 205. Д. 54. Л. 132.

³³ Там же Ф 495. Оп. 74. Д. 116. Л. 76.

³⁴ Литература об этих событиях необъятна. См., например: *Macartney C.A. October Fifteenth: A History of Modern Hungary 1929–1945*. Edinburgh, 1956–1957. Vol. 2. P. 319–470; *Braham R.L. Politics of Genocide: the Holocaust in Hungary*. New York, 1994; *Ungváry K. The Siege of Budapest*. New Haven (Ct), 2005.

³⁵ См.: *Gati Ch. Hungary and the Soviet Bloc*. Durham, 1986. P. 21.

³⁶ См. статью И. Надя, опубликованную посмертно: *Nagy I. Az 1945-ös földreformban betöltött szerepem meghamisítása* [Фальсификация моей роли в проведении земельной реформы 1945 г.] // *Irodalmi Újság*. Paris, 1988. № 2. 12. old.

³⁷ PİL. 274. f. 7/8 б. е. 2–3. old.

Глава 4

¹ См., например: *Mastny V. The Cold War and Soviet Insecurity: The Stalin Years*. New York; Oxford, 1996; *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe 1944–1949* / Ed. by N. Naimark, L. Gibianski. Boulder (Co), 1997; *Gleichschaltung unter Stalin? Die Entwicklung der Parteien im östlichen Europa, 1944–1949* / Hrsg. von S. Kreuzberger, M. Görtemaker. Paderborn, 2002. S. 319–352.

² См., например: *Bibó I. Democracy, Revolution, Self-Determination. Selected Writings* / Ed. by K. Nagy. Boulder (Co), 1991.

³ *Szabó Z. Batthyáni sors* (далее — *Batthyáni sors*) [Судьба Баттяни] // *Irodalmi Újság*. London. 15.VII.1958. P. 3.

⁴ Обзор реформы со статистическим анализом см.: *Volgyes I. The Impact of Communism in the Rural Sphere // The Modernisation of Agriculture: Rural Transformation in Hungary, 1848–1975* / Ed. by J. Held. Boulder (Co), 1980. P. 351–373.

⁵ PİL. 274. f. 4/77. б. е. Протокол заседания Центрального секретариата ВКП (далее — Секретариат), 21.VIII.1945 г.

⁶ *Ibid.* 4/73. б. е. Секретариат, 15.III.1945 г.

⁷ *Ibid.* 3/7. б. е. Протокол заседания Политбюро ВКП (далее — Политбюро), 15.VIII.1945 г.

⁸ Письмо М. Ракоши к Г. Димитрову от 3.IX.1945 г. опубликовано в: *Vass H. Dokumentumok Rákositól — Rákosiról* [Документы Ракоши и о Ракоши] // *Múltunk*. 1991. № 2–3. 287. old.

⁹ *Bibó István* (1911–1979). *Életút dokumentumokban* (далее — *Életút*) [Иштван Бибо. Жизненный путь в документах] / Szerk. Huszár T. Budapest, 1995. 255. old.

¹⁰ PİL. 274. f. 3/22 б. е. Политбюро, 31.I.1946 г.

¹¹ Решение об отставке Надя принималось на заседании Политбюро от 8 марта 1946 г. (см.: PİL. 274. f. б. е.) и было утверждено спустя 10 дней (*Ibid.* 4/123. б. е. Секретариат, 18.III.1946 г.). Произошедшие перемены точно отражены в анекдоте того времени. Ласло Райк на своем первом заседании коллегии министерства в качестве министра обращается к начальнику политической полиции Габору Петеру со словами: «Я слышал, что однажды министр Надь вызвал тебя и ты не нашел времени прийти. Если это повторится, придется доставить тебя в сопровождении двух полицейских!»

¹² *A magyar parlament 1944–1949* [Венгерский парламент, 1944–1949]. Budapest, 1991. 268–320. old.

¹³ *Nagy F. The Struggle Behind the Iron Curtain* / Transl. by S.K. Sift. New York, 1948. P. 180.

¹⁴ *Kovács I. Magyarország megszállása* [Оккупация Венгрии]. Budapest, 1990. P. 229.

¹⁵ *Életút*. P. 258.

¹⁶ ОНА. № 87. Р. 87. Интервью с Артуром Шибелка-Перлебергом.

¹⁷ ОНА. № 110. Р. 170–171.

¹⁸ См.: Batthyány-sors.

¹⁹ В этой связи см. детальный анализ ситуации в Восточной Германии: *Naimark N.M. The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949.* Cambridge (Ma), 1995. P. 467.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 54. Л. 106.

²¹ См.: *Bethell N. Gomułka: His Poland, His Communism.* New York, 1961; *Paczkowski A. The Spring Will Be Ours: Poland and the Poles from Occupation to Freedom.* Penn State University Press, 2003.

²² Материалы дискуссии по аграрной политике см.: MOL. M-KS. 276. f. 62/1 ђ. е. III. dossz. И. Надь опубликовал большую часть своих выступлений в сборнике статей: *Nagy I. Egy évtized. Válogatott beszédek és írások* [Десять лет. Избранные речи и статьи]. Budapest, 1954. 2. k. 119–152. old.

²³ MOL. M-KS. 276. f. 52/9 ђ. е. Протокол заседания ЦК ВКП от 31.IX.1949 г.

²⁴ По этому делу не сохранилось никаких документов, подготовительные материалы к готовившемуся показательному суду были в 1960-е годы уничтожены. Бывший офицер Управления государственной безопасности, однако, в 1954 г. признал, что в 1949 г. вставал вопрос об аресте Имре Надя. См.: MOL. M-KS. 276. f. 74/35 ђ. е.

²⁵ См.: *Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953* / под ред. Т.В. Волокитиной и др. Москва; Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 180–181.

²⁶ *Szász B. Volunteers for the Gallows: The Anatomy of a Show Trial* / Transl. by K. Szász. London, 1971. P. 160; в русском переводе см.: *Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса* / пер. Е.И. Малыхиной; коммент. и послесл. В.Т. Середы. М., 2003.

²⁷ Об этом см., например: *Varga E.S. Капитализм XX века.* М., 1961.

Глава 5

¹ Опубликовано в: *Nagy I. Agrárpolitikai tanulmányok. Előadások az Agrártudományi Egyetemen és a Mezőgazdasági Akadémián* (далее — *Agrárpolitikai tanulmányok*) [Исследования по аграрной политике. Лекции в Сельскохозяйственном университете и Сельскохозяйственной академии]. Budapest, 1950. Оригинал университетской лекции хранится в материалах дела Имре Надя.

² ОНА. № 23. Интервью с А. Денешем.

³ ОНА № 13. Интервью с Ф. Фекете. 152–154. old.

⁴ См.: *Agrárpolitikai tanulmányok.*

⁵ В 1956 г. и позднее мало кто из них поддержал своего учителя, но впоследствии они принимали активное участие в политике реформирования сельского хозяйства в 1960-е гг.

⁶ MOL. M-KS. 276. f. 53. Политбюро, I.VI.1950 г.

⁷ *Ibid.* 276. f. 54/101. Секретариат, 24.V.1950 г.; *Ibid.* 145. old. Предложение Э. Герё, 23.V.1950 г.

⁸ *Ibid.* 276. f. 53/54. Политбюро, I.VI.1950 г.

⁹ *Kádár János — végakarat* [Я. Кадар — завещание] / Interview A. Kanyó; szerk. M. Veres. Budapest, 1989. 54. old.

¹⁰ По данной теме отсутствуют публикации на иностранных языках, поэтому см.: *Orbán S. Két agrárforradalom Magyarországon. Demokratikus és szocialista agrárátalakulás 1945–1961* [Две аграрные революции в Венгрии: демократические и социалистические преобразования, 1945–1961]. Budapest, 1972. 87–130. old;

Erdmann Gy. Begyűjtés, beszolgáltatás Magyarországon 1945–1956 [Заготовки и реке- визиции в Венгрии, 1945–1956]. Békéscsaba, 1992. 7–87. old.

¹¹ Речь И. Надя на заседании ЦР ВПТ, 27.VII.1953 г., впервые опубликована Яношем Кишем и Иваном Петё в самиздате, см.: *Beszélo*. 1984. № 10. См. также репринтное издание: *Beszélo összkiadás*. 1981–1989 [Полное издание «Beszélo»]. 3 к. / Szerk. Havas F. Budapest, 1992. 1. k. 636. old.

¹² Надя не включил эту памятную речь в том своих избранных выступлений и статей, опубликованный годом позднее, в 1954 г., поэтому с ней можно озна- комиться только по протоколам заседаний Государственного собрания.

¹³ 1953 — Krisenjahr des Kaltes Krieges in Europa / Hrsg. von Ch. Klessmann, B. Stöver. Köln; Weimar; Wien, 1999; *Жуков Ю.Н.* Борьба за власть в партийно-го- сударственных верхах СССР весной 1953 года // Вопросы истории. 1996. № 5–6; [*Khrushchev N.*], Khrushchev Remembers / Introd., commentary and notes by E. Crank- shaw; transl. and ed. by S. Talbott. London, 1971; *Наумов В.П.* Борьба Н.С. Хрущева за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 10–31.

¹⁴ Запись встречи членов Президиума ЦК КПСС с делегацией Политическо- го Комитета ВПТ в Москве 13 и 16 июня 1953 г. см.: 1956: A History in Documents. P. 14–23.

¹⁵ *Hegedüs A.* Élet egy eszme árnyékában [Жизнь в тени одной идеи]. Budapest, 1985. 192. old.

¹⁶ См.: Uprising in East Germany, 1953: The Cold War, the German Question, and the First Major Upheaval Behind the Iron Curtain / Ed. by Ch.F. Ostermann. Budapest, 2001.

¹⁷ По слухам, на переговорах в Москве советское руководство, в особенности Берия, критиковали Ракоши за то, что на ключевые посты в Венгрии он назна- чил лиц еврейской национальности. По легенде, Берия заявил Ракоши: «Мы знаем, что Венгрией правили и турецкий султан, и Габсбургский император, и трансильванский князь, но еврейскому королю — не бывать, а Вы, похоже, захо- телы им стать». См.: *Aczel T., Meray T.* The Revolt of the Mind. New York, 1959. P. 159. Примечательно, на заседании ЦР в Будапеште только Ревай заявил в этой связи, что, несмотря на свое еврейское происхождение, он считает себя венгром.

¹⁸ MOL. M-KS. 276. f. 52/24. 2–31. old. Протокол заседания ЦР ВПТ, 27–28.VI.1953 г.

¹⁹ *Ibid.* 32–51. old.

²⁰ MOL. M-KS. 276. f. 53/170. 103. old. Протокол заседания ЦР ВПТ, 14.IV.1954 г.

²¹ В 1953 г. резолюция так и осталась неопубликованной. Впервые она была напечатана в самиздатском журнале «Хирмонда» («Hírmondó») в 1985 г. Затем ее опубликовал партийный журнал «Пропандишта» («Propagandista») (1986. № 4. P. 136–167). Ее незначительно сокращенный текст в переводе на английский язык см.: 1956: A History in Documents. P. 24–33.

²² Опул. в: Szabad Nép. 5.VII.1953. См. также: *Nagy.* Egy évtized. 2. k. 349–377. old.

Глава 6

¹ *Rákosi M.* Visszaemlékezések 1940–1956 [Мемуары, 1940–1956]. Budapest, 1997, 2. k. 932. old. Здесь цит. по: «Людам свойственно ошибаться». Из воспомина- ний М. Ракоши / Публикация, вводные статьи и комментарии А.С. Стыкалина, В.Т. Середы и др. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 35.

² *Rákosi M.* Válogatott beszédek és cikkek [Избранные речи и статьи]. Budapest, 1955. 567. old.

³ Nagy I. Egy évtized. 2. k. 377–388. old.

³ Nagy I. On Communism: In Defense of the New Course. New York, 1957. P. 270.

⁵ MOL. XIX-A-83-a. Протокол заседания Совета Министров, 10.VII.1953 г.

⁶ См.: Szovjet nagyköveti iratok Magyarországról 1953–1956. Kiszeljov és Andropov titkos jelentései (далее — Baráth. Nagyköveti iratok) [Бумаги советского посольства в Венгрии, 1953–1956. Секретные донесения Киселева и Андропова] / Szerk. M. Baráth. Budapest, 2002. 54–72. old.

⁷ Опул. в: Правда. 9.VIII.1953 г.

⁸ Rákosi M. Visszaemlékezések. 2. k. 897–900. old.

⁹ См.: Romsics. Hungary in the Twentieth Century. P. 293–300; об экономической политике подробнее см.: Pető I., Szakács S. A hazai gazdaság négy évtizedének története 1945–1985. 1. k. Az újjáépítés és a tertvasításos irányítás időszaka 1945–1968 (далее — Pető — Szakács. A hazai gazdaság) [История четырех десятилетий отечественной экономики, 1945–1985. Т. 1. Период реконструкции и планоно-командной экономики]. Budapest, 1985. 246–261. old.

¹⁰ О важности ослабления политических репрессий см.: Kornai J. The Socialist System. The Political Economy of Communism. Oxford, 1992. 409–418. old.

¹¹ См.: Жуков Ю.Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 39–57; Кокурин А.И., Пожаров А.И. «Новый курс» Л.П. Берии в 1953 г. // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132–164; из обобщающих работ см.: Knight A. Beria. Stalin's First Lieutenant. Princeton, 1995.

¹² Цифры опубликованы в: Iratok az igazságszolgáltatás történetéhez [Документы по истории отправления правосудия] / Szerk. P. Solt et al. Budapest, 1993. 2. k. 586–587. old. Из тюрьмы вышло 15 761 человек из 40 тыс. заключенных. Из более, чем 5 тыс. лиц, содержавшихся в лагерях АВХ в Речке, Кишгарце, Казинцбарцике, Тисалёке, к концу октября были освобождены 3234 человека. В то же время против 659 человек завели судебные дела по обвинению в шпионаже, военных преступлениях, незаконном пересечении границы и проч. Иностранцев граждан, содержавшихся в Тисалёкском лагере военнопленных (около 1200 человек), выслали в Федеративную Республику Германию. Лица (всего около 22 тыс. человек), которые были высланы из Будапешта и приграничных городов в Хортобадьский лагерь, получили свободу передвижения. Для 427 тыс. человек отменили денежные штрафы, и почти с 230 тыс. человек были сняты обвинения в нарушении общественного порядка. Всего в результате амнистии были прекращены судебные процессы, прокурорские или полицейские расследования в отношении 20 тыс. человек. Наконец, в отношении 4500 человек был отменен полицейский надзор.

¹³ MOL. XIX-A-2-v. Nagy Imre miniszterelnöki (miniszterelnök-helyettesi) iratai [Бумаги Имре Надя на посту премьер-министра и вице-преьера]. 70 d. № 177–178. Отчет главы государственного департамента по делам церкви о встрече и обсуждавшихся на ней вопросах.

¹⁴ Решение о роспуске колхоза могло принять только общее собрание двумя третями голосов в ходе открытого поименного голосования. В случае если хотя бы десять членов кооператива высказывались за дальнейшее совместное ведение хозяйства, колхоз сохранялся, все остальные же считались из него вышедшими (вместе со всеми причитающимися им долгами). Вообще выйти из кооператива или распустить его можно было только по завершении осенних полевых работ. Местные власти еще более ужесточили это правительственное распоряжение.

¹⁵ Pető — Szakács. A hazai gazdaság. 256–258. old.

¹⁶ MOL. M-KS. 276. f. 52/25 ö. e. Протокол заседания ЦП ВПТ, 31.X.1953 г.

¹⁷ См.: Baráth. Nagyköveti iratok. 103–111. old.

¹⁸ См., например, материалы «Радио Свободная Европа»: Open Society Archive (Budapest). File Imre. 9.IX.1953. P. 7–21. См. также: Osteuropa-Bibliothek (Bern). David Irving Kollektion. USA Department of State. Office of Intelligence Research. Intelligence Report No. 6424. «New Course» in Hungary: Policies and Prospects. 29 Sept., 1953; NSC 174, 'United States Policy Towards the Soviet Satellites in Eastern Europe' December 11, 1953 // 1956: A History in Documents. P. 34–53.

¹⁹ Nagy I. Egy évtized. 2. k. 429–480. old.

²¹ Цит по: Baráth. Nagyköveti iratok. 122. old.

²¹ Ibid. 137–147. old.

²² Nagy I. Problémák [Проблемы]. 1954 (рукопись). В настоящее время хранится в материалах следственного дела И. Надя. См.: Nagy pere. Op. ir. 22. k. 68–82. old

²³ Nagy I. Egy évtized. 2. k. 407. old.; см. также протокол заседания ЦР ВПТ от 19 декабря 1954 г.: MOL. M-KS. 276. f. 52/26 б. е.

²⁴ Отчет о переговорах между членами Президиума ЦК КПСС и делегацией руководства ВПТ в Москве 5 мая 1954 г. опубликован в: 1956: A History in Documents. P. 54–59.

Глава 7

¹ A MDP III. kongresszusának rövidített jegyzőkönyve [Сокращенные протоколы III Съезда ВПТ]. Budapest, 1954. 159–179. old; здесь — 169. old.

² Ibid. 225. old.

³ MOL. M-KS. 276 f. 53/179 б. е. Заседание Политбюро ВПТ, 3.VI.1954 г.

⁴ Ibid. 53/181 б. е. 8–17. old. Заседание Политбюро ВПТ, 16.VI.1954 г.

⁵ С одной стороны, Бела Салаи, Иштван Фриш, Андраш Хегедюш и Йозеф Мекиш, министр финансов Карой Ольт, с другой — руководитель секретариата Совета министров Золтан Ваш из числа сторонников Надя. Ibid. 53/187 б. е. Заседание Политбюро ВПТ, 28.VII.1954 г.; см. также: Nagy I. On Communism (см. прим. 4 к гл. VI). P. 269–277.

⁶ MOL. M-KS. 276 f. 53/191 б. е. 44. old. Заседание Политбюро ВПТ, 25.VIII.1954 г.

⁷ Ibid. 53/187 б. е. Заседание Политбюро ВПТ, 28.VII.1954 г.

⁸ Ibid. 53/190 б. е. Заседание Политбюро ВПТ, 18.VIII.1954 г.

⁹ Ibid. 53/193 б. е. Заседание Политбюро ВПТ, 8.IX.1954 г.

¹⁰ Ibid. 53/194 б. е. Заседание Политбюро ВПТ, 15.IX.1954 г.

¹¹ О переложениях и планах молодых экономистов-идеологов Нового курса, см.: Kornai J. A gondolat erejével: Rendhagyó életrajz [Силой мысли: произвольно написанная биография] Budapest, 2005. 71–106. old.

¹² MOL. M-KS. 276 f. 52/27 б. е. Заседание ЦР ВПТ, 15.X.1954 г.

¹³ Ibid. 65/256 б. е.

¹⁴ Донесение Ю.В. Андропова о переговорах с И. Надем 11 октября 1954 г. см.: Baráth. Nagyköveti iratok. 200–203. old.

¹⁵ Baráth M. Az MDP vezetése és a rehabilitáció (1953–1956) [Руководство ВПТ и реабилитация] // Múltunk. 1999. № 4.

¹⁶ MOL. M-KS 276 f. 62/1 б. е. 181–208. old. Меморандум генерального прокурора К. Цако, адресованный И. Надю (ноябрь 1954 г.).

¹⁷ Nagy I. A Központi Vezetőség ülése után [После заседания Центрального руководства] // Szabad Nép. 20.X.1954 г.

¹⁸ A Hazafias Népfrent I. Kongresszusa [I съезд Отечественного народного фронта]. Budapest, 1954. 62. old.

¹⁹ См., например: Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War: from Stalin to Khrushchov. Cambridge (Ma); London, 1996. P. 137–173; Лихоя P.I. О внутриполитической борьбе в советском руководстве, 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 3–14; Он же. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998.

²⁰ *Hajdu T.* Szovjet diplomácia Magyarországon Sztálin halála előtt és után [Советская дипломатия в Венгрии до и после смерти Сталина] // Magyarország és a nagyhatalmak a 20. században. Tanulmányok. [Венгрия и великие державы в XX веке. Исследования] / Szerk. Romsics I. Budapest, 1995. 200. old.

²¹ См.: *Vásárhelyi M.* Ellenzékben [В оппозиции]. Budapest, 1989. 64. old. О демонстрациях см.: *Aczel — Meray.* Revolt. P. 242–243. Этот вопрос обсуждался в высшем партийном руководстве, см.: MOL. M-KS. 276. f. 53/184 б. е. Заседание ЦР ВПТ, 7.VII.1954 г.

²² По поводу демонстраций венгерских болельщиков Ракоши был вынужден давать разъяснения в присутствии советского посла. Донесение Ю.В. Андропова, 11.VIII.1954 г., см.: *Baráth.* Nagykövetségi iratok. 175. old.

²³ Массовый митинг в пролетарском районе столицы в сентябре, призывавшем к забастовке против Будапештской транспортной кампании, был разогнан полицией; информация об этом дошла до администрации председателя правительства. См.: MOL. XIX-A-2-v. 69. № M-1356.

²⁴ *Irodalmi Újság.* 13.X.1954 г.

²⁵ См.: *Aczel — Meray.* Revolt. P. 270–290.

²⁶ *Rákosi.* Visszaemlékezések. 2 k. 970. old.

²⁷ MOL. M-KS. 276. f. 53/206 б. е. Заседание Политбюро ВПТ, 1.XII.1954 г.

²⁸ *Ibid.* 276. f. 53/208 б. е. Заседание Политбюро ВПТ, 9.XII.1954 г.

²⁹ Запись беседы между членами Президиума ЦК КПСС и делегацией руководства ВПТ в Москве 8 января 1955 г. см.: 1956: A History in Documents. P. 60–65; см. также: *Rákosi.* Visszaemlékezések. 2. k. 974. old. Сокращенный русский перевод описания встречи 8 января см.: Людям свойственно ошибаться... // Исторический архив. 1998. № 5–6. С. 174–184 (см. прим. 1. к гл. VII).

³⁰ MOL. M-KS. 276. f. 62/1 б. е. 62–63. old. Заседание ЦР ВПТ, 8.I.1955 г.

³¹ *Ibid.* 276.f. 52/28 б. е. Заседание ЦР ВПТ, 2–4.III.1955 г.

³² Проект письма опубликован в: *Varga Gy. T.* Nagy Imre politikai levelei. 1954. dec. 14 — 1956. okt. 9. [Политические письма Имре Надя, 14 декабря 1954 г. — 9 октября 1956 г.] (далее — Nagy levelei) // Új Fórum. 1989. № 4. 18–25. old.

³³ MOL. M-KS 276. f. 52/29 б. е. Заседание ЦР ВПТ, 14.IV.1955 г.

³⁴ *Kornai J.* The Socialist System. P. 383.

³⁵ См.: *Schöpflin G.* Politics in Eastern Europe 1945–1992. Oxford; Cambridge, 1993. P. 105–107.

³⁶ *Nagy.* Gondolatok. 200. old.

Глава 8

¹ Nagy levelei. 26–27. old.

² *Ibid.* P. 27.

³ *Varga Gy. T.* Levéltári dokumentumok Nagy Imréről 1955–1956 (далее — Dokumentumok Nagy Imréről 1955–1956). I–VI. rész. [Архивные документы об Имре Наде 1955–1956. Ч. I–VI]. Új Fórum. 1989 (5, 6, 7, 8, 9, 10)

⁴ *Vásárhelyi.* Ellenzékben. P. 106–165, 238–315.

⁵ Так названа глава в книге М. Мольнара, см.: *Molnár M.* Budapest 1956: A History of the Hungarian Revolution. London, 1971. P. 58.

⁶ Nagy levelei. 11–39. old.; Dokumentumok Nagy Imréről 1955–1956. 3. rész. Új Fórum, 1989 (7).

⁷ О написании работ см.: *Nagy I.* On Communism. P. xxix–xliv; Более детально о наиболее крупных работах см. ниже, в гл. XIV.

⁸ *Ibid.* P. 14.

⁹ Nagy pere. Vizsg. ir. 2. k. 35. old. Протокол допроса И. Надя, 16.VII.1957 г. Обычно Надя писал о «внутрипартийной оппозиции» в самых общих выражениях (см., например: Nagy. Gondolatok. 113–121., 128–134., 202–207. old) и после него не осталось упоминаний о том, как формировался его дружеский круг. Тем не менее он различал «единомышленников» (таких как Харасты, Лошонци, Донат, Яноши, Вашархейи, Йозеф Силади, Уйхейи, Дюла Хайду, Беньямин, Коня) и «сторонников» (Гимеш, Фазекаш, Лёчеи, Янош Мико, Балаж Надя, Йозеф Шурец, Дёрдь Радо, Дери). С некоторыми из них (например Донагом) он сблизился только в 1956 г. и причислил их к дружескому кругу после того, как наблюдал их поведение во время и после революции. См. также: Ibid. 1. k. Протокол допроса И. Надя, 15.IV.1957 г. Следователи полагали, что «группа Надя – Лошонци» совпадала с кругом лиц, интернированных в Румынию. См. также: *Vásárhelyi. Ellenzékben*. P. 304–311.

¹⁰ См., например: *Aczel–Meray. Revolt of the Mind*. P. 345–363; *Molnár. Budapest 1956*. P. 80–81; *Rainer M.J. Az író helye [Место писателя]*. Budapest, 1990. 192–221. old.

¹¹ *Dokumentumok Nagy Imréről 1955–1956. 3. rész. 47. old.*; *A Magyar Dolgozók Pártja határozatai 1948–1956 [Решения ВПТ 1948–1956 гг.]* Budapest, 1998. 387. old.

¹² Nagy pere. Vizsg. ir. 15. k. 54–57. old. Обращение И. Надя в ЦР ВПТ, июнь 1956 г.

¹³ *Méray. Thirteen Days*. P. 41.

¹⁴ *Rainer M.J. National Independence, Neutrality, and Cooperation in the Danube Region: Imre Nagy's Foreign Policy Ideas // Geopolitics in the Danube Region. Hungarian Reconciliation Efforts, 1848–1998 / Ed. by Romsics I., Király B.K. Budapest, 1998. P. 281–304.*

¹⁵ MOL. M-KS 276. f. 52/33. ó. e. Заседание ЦР ВПТ, 12–13.III.1955 г.

¹⁶ *Aczel–Meray. Revolt of the Mind*. P. 383–415; *Hegedűs A.B. The Petőfi Circle: The Forum of Reform in 1956 // Hungary 1956 — Forty Years On / Ed. by T. Cox. London, 1996. P. 108–134; Rainer M.J. Az író helye. 222–272. old.; Vásárhelyi. Ellenzékben. 237–317. old.*

¹⁷ Ср.: ÁBTL V-150.000/85. Доклад генерал-лейтенанта Шандора Райнаи и капитана Золтана Коморника о «контактах Имре Надя и его группы предателей с сотрудниками Югославского посольства в Будапеште», 31.V.1957 г.; Nagy pere, Op. ir. 35. k. Служебная записка Министерства внутренних дел от 12.I.1958 г. по поводу югославских контактов в деле И. Надя. Скорее всего все эти отчеты были составлены для того, чтобы проинформировать советскую сторону. На их основании 31 мая 1957 г. Ю.В. Андропов, в то время ответственный за контакты ЦК КПСС с коммунистическими партиями соцстран, разослал отчет всем членам Президиума ЦК. См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 5.35. Л. 117–137.

¹⁸ Ференц Яноши и Йозеф Шурец как обвиняемые по делу И. Надя, дали показания о передаче отчета в Москву (см.: Nagy pere. Vizsg. ir. 34. k. 112–113. old; 35. k. 232–233. old. 142); ÁBTL V-150.016/1. dossz. 57–58. old. Сам Надя признавался на суде, что направил свой отчет в Москву. См.: Nagy pere. Bír. ir. 27. d. 2. dossz. 30–31. old.

¹⁹ ОНА. Kerekasztal. 203. old. Воспоминания А.Б. Хегедюша.

²⁰ Ibid. 216–217. old. Воспоминания М. Вашархейи.

²¹ Телефонogramму М.А. Сулова из Будапешта в ЦК КПСС о настроениях в венгерском обществе и беседах с руководством ВПТ см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы (далее — Советский Союз и венгерский кризис) / редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин и др. М., 1998. С. 85–87. MOL. M-KS 276. f. 53/310. ó. e. 20., 22. old. Запись переговоров членов Политбюро ВПТ с М.А. Суловым, 8.VI.1956 г.

²² О «дискуссии о прессе» см.: A Petőfi Kör vitái hiteles jegyzőkönyvek alapján. 4. k. Partizántalálkozó — Sajtóvita. [Дискуссия в кружке Петёфи по аутентичным стенограммам. Т. 4. Встреча бывших партизан — Дискуссия о прессе] / Szerk. Hegedüs A.B., Rainer M.J. Budapest, 1991. Выдержки из стенограммы в русском переводе см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 107–117.

²³ Запись беседы Ю.В. Андропова с А. Хегедюшем, позднее 27.VI.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 122.

²⁴ MOL. M-KS. 276. f. 52/34. ő. e. Заседание ЦР ВПТ, 30.VI.1956 г.

²⁵ MOL. M-KS. 276. f. 54/403. ő. e. Заседание секретариата ВПТ от 2.VII.1956 г.

²⁶ Телеграмму Ю.В. Андропова в МИД СССР о беседе с Э. Герё, датированную 9.VII.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 137–142, здесь — С. 140.

²⁷ MOL. M-KS. F. 2431. Заседание Политбюро ВПТ.

²⁸ Запись бесед Ю.В. Андропова с И. Ковачем и Э. Герё от 11.VII.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 143–147.

²⁹ Протокольную запись заседания Президиума ЦК КПСС от 12 июля 1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 149. Документ в английском переводе см.: 1956: History in Documents. P. 129–135; в венгерском переводе см.: Döntés a Kremleiben, 1956. A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról. [Решение в Кремле в 1956 г.: Дискуссия советского партийного руководства о Венгрии] / Szerk. V. Szereda, Rainer M.J. Budapest, 1996. 19–21. old.

³⁰ Телеграмму А.И. Микояна из Будапешта в ЦК КПСС см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 152–184. Ср.: *Rákosi. Visszaemlékezések*. 2. k. 1018–1020. old., *Hegedüs A. A történelem és a hatalom ígérzetében. Életrajzi elemzések*. [Завороженный историей и властью. Биографический анализ]. Budapest, 1988. 266–268. old.

³¹ MOL. M-KS. 276. f. 52/35. ő. e. Стенограмма пленума ЦР ВПТ, 18–21.VII.1956 г.; см. также: Szabad Nép. 19.VII.1956 г.

³² *Losonczy G. Az értelmiségi határozatról* [О резолюции об интеллигенции] // *Művelt Nép*. 2.IX.1956 г.

³³ См., например: *Gluchowski L. Poland 1956. Khrushchev, Gomulka and the «Polish October»* // *Cold War International History Project Bulletin*. 1995 (Spring). Vol. 5. № 1. P. 38–49.

³⁴ Nagy pere. *Vizsg. ir.* 2. k. 71–80. old. Протокол допроса И. Надя, 19.VII.1957 г.; *Ibid.* 9. k. 191–201. old. Протокол допроса Г. Лошонци, 22.VII.1957 г.; *Ibid.* 3. k. 92–101. old. Протокол допроса З. Ваша, 24.V.1957 г.; *Ibid.* 208–214. old. Протокол допроса И. Карцага, 26.VI.1957 г.

³⁵ На студенческом собрании 22 октября в Будапештском техническом университете несколько тысяч студентов приняли участие в формулировании требований, которые предполагалось вручить на следующий день. Вдобавок к типичным для программы внутрипартийной оппозиции требованиям (Имре Надя — в правительство, созыв партийного съезда, реформа сельского хозяйства) они вели речь о демократических и национальных правах, многопартийной системе, свободных выборах, экономической независимости и восстановлении традиционных национальных праздников и символики, наконец, о выводе советских войск. Спонтанный характер этого списка подтверждается фактом, что знаменитые «пункты технического университета» различались по количеству (10, 14 или 16) в зависимости от того, как их запомнил очевидец. На русском языке текст «16 пунктов» см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 316–318; в английском переводе см.: 1956: A History in Documents. P. 188–190.

³⁶ Черновик речи уцелел в блокноте, который Надя захватил с собой в Румынию. См.: Arhiv SRI (Bucharest). Dosar fond penal № 40041. Vol. 11. 1/2. P. 149–153.

Некоторые обороты этой речи довольно резки по тону, например: «Страна разорена, разрушена, отстала. Позор! ...Пороки системы: бесчеловечная, антинародная, чуждая... В прошлом мы проводили ошибочную политику. — Однажды ступив на путь, были вынуждены идти по нему. — Что случилось? Кто несет ответственность? — Страна заплатила за это большую цену. — Необходимо восстановить справедливость по отношению к народу, рабочему классу, интеллигенции!»

³⁷ Опубликовано в: Losonczy Géza sajtókezű feljegyzése az október 23-án Losonczy lakásán tartott megbeszélésről [Рукописные заметки Гезы Лошонци на собраниях, проходившем в его квартире 23 октября] // *História*. 1990. 12. k. 2. sz. 3. old.

Глава 9

¹ О событиях революции и библиографию см.: *The Hungarian Revolution of 1956. Reform, Revolt and Repression 1953–1963* / Ed. by Litván Gy., English version by J.M. Bak, L.H. Legters. London; New York, 1996; далее также см.: *1956: A History in Documents; The Ideas of the Hungarian Revolution, Suppressed and Victorious 1956–1999* / Ed. by L.W. Congdon, Király B.K. Boulder (Co); Highland Lakes (NJ), 2002. Удачные подборки источников в английском переводе см. в: *Zinner P.E. National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe*. New York, 1956; *Lasky M.J. The Hungarian Revolution. A White Book* (далее — *Lasky. White Book*). London, 1957. См. также библиографию в данном томе. За новейшей информацией читателю можно рекомендовать обратиться на официальный сайт Института истории революции 1956 года: www.rev.hu (английская версия).

² Nagy pere. *Vizsg. ir.* 1. k. 21. old. Протокол допроса И. Надя, 16.IV.1957 г.; *Ibid.* 17. k. Протокол допроса М. Гимеша, 19.IV.1957 г.; *Ibid.* 9. k. 109. old. Протокол допроса Г. Лошонци, июнь 1957 г.

³ На допросе Ф. Эрдеи заявил следователям, что заместители председателя правительства пригласили И. Надя по своей инициативе и только потом поставили об этом в известность Герё, но он согласился с их решением. Nagy pere. *Vizsg. ir.* 3. k. Протокол допроса Ф. Эрдеи, 19.VII.1957 г.

⁴ *Ibid.* 1. k. 73. old. Протокол допроса И. Надя, 14.VI.1957 г.

⁵ В материалах следствия содержится текст Венгерского телеграфного агентства (МТИ), который был также напечатан в газетах от 24 октября, но они не поступили в розничную продажу. См.: *Ibid.* 8. k. 12–13. old.

⁶ Здесь мне хотелось создать аллюзию со знаменитым возгласом «Даем!», прозвучавшим в стенах венгерского парламента осенью 1849 г., когда Л. Кошут попросил утвердить бюджет и всеобщую мобилизацию против наступающих Габсбургских сил.

⁷ Nagy pere. *Vizsg. ir.* 1. k. 75. old. Протокол допроса И. Надя, 14.VI.1957 г.

⁸ 1956: *A History in Documents*. P. 217. Ср.: Протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС от 23.X.1956 г. в: Советский Союз и венгерский кризис. С. 356.

⁹ Nagy pere. *Bir. ir.* 352. old.

¹⁰ На III съезде были избраны 70 членов и 19 кандидатов в члены Центрального руководства, еще 9 человек были кооптированы в ЦР в июле 1956 г. Однако многие из тех, кто проживали за пределами Будапешта, не смогли присутствовать на ночном пленуме, в то время как некоторые министры, даже не из членов ЦР, могли там находиться.

¹¹ Стенограммы пленума не сохранилось, но Золтану Риппу удалось восстановить последовательность событий. См.: *Ripp Z. A pártvezetés végnapjai* [Последние дни партийного руководства] // *Ötvenhat októbere és a hatalom* (далее — *Horváth-Ripp. Ötvenhat októbere*) [Октябрь 1956 г. и власть] / Szerk. Horváth J., Ripp Z.

Budapest, 1997. 190–209. old. Запись о первой части работы пленума полностью соответствует его реконструкции, ср.: ÁBTL. V-150.006/6. dossz. 293–294. old.

¹² A forradalom hangja. Magyarországi rádióadások 1956. október 23. — november 9. (далее — Voice) [Голос революции: радиопередачи из Венгрии 23 октября — 9 ноября 1956 г.] / Szerk. Varga L., Kenedi J. Budapest, 1989 29–30. old. См. также: *Lasky. White Book*. P. 58.

¹³ Nagy pere. Vizsg. ir. 1. k. 83. old. Протокол допроса И. Надя, 14.VI.1957 г.; *Ibid.* 2. k. 99. old. Протокол допроса И. Надя, 30.VII.1957 г.

¹⁴ Voice. 31–32. old; *Lasky. White Book*. P. 59–61. На русском языке текст радиовыступления И. Надя от 24 октября 1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 369–370.

¹⁵ Nagy pere. Vizsg. ir. 1. k. 109–110. old. Протокол допроса И. Надя, 24.VI.1957 г. Все материалы датированы 24 июня, но из контекста следует, что речь идет о следующем дне.

¹⁶ Voice. P. 72; *Lasky. White Book*. P. 75. На русском языке текст радиовыступления И. Надя от 25 октября 1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 383–384.

¹⁷ «Szuronyok hegyén nem lehet dolgozni!» Válogatás 1956-os munkástanácsvezetők visszaemlékezéseiből [Нельзя работать на острие штыка: Подборка воспоминаний руководителей рабочих комитетов 1956 г.] // Kozák Gy., Molnár F. Budapest, 1993. 349–351. old.

¹⁸ *Donáth F. A forradalom első napjai* [Первые дни революции] // *Donáth F. A Márciusi Fronttól Monorig* [От Мартовского фронта до Монара]. Bp, 1992. 109. old. Выдержки из стенограммы заседания ЦР ВПТ от 26.X.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 390–399.

¹⁹ Телефонограмму А.И. Микояна из Будапешта в ЦК КПСС от 26.X.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 387–389; в английском переводе см.: 1956: A History in Documents. P. 235–236.

²⁰ A Magyar Dolgozók Pártja vezető testületeinek dokumentumai 1956. október 24 — október 28 [Документы руководящих органов ВПТ, 24–28 октября 1956 г.] // *Horváth-Ripp. Ötvenhat októbere*. P. 57–71; в русском переводе см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 393.

²¹ О переговорах см.: ÁBTL V-150.001/5. dossz. 56–58. old. Протокол допроса И. Пожара, 11.VI.1957 г.; Nagy pere. Vizsg. ir. 2. k. 274–277. old. Протокол допроса И. Пожара, 9.VIII.1957 г.; *Ibid.* 3. k. Протокол допроса Л. Кардоша, 17.VIII.1957 г.

²² *Horváth-Ripp. Ötvenhat októbere*. 79–81. old; в английском переводе см.: 1956: A History in Documents. P. 237; телефонограмму А.И. Микояна и М.А. Суслова из Будапешта с текстом Декларации ЦР ВПТ в русском переводе см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 407–408.

²³ *Donáth. A forradalom első napjai*. 114–115. old.

²⁴ Телефонограмму А.И. Микояна и М.А. Суслова из Будапешта в ЦК КПСС см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 403–406, здесь С. 405; в английском переводе см.: 1956: A History in Documents. P. 237–239.

²⁵ Венгерский представитель при ООН получил инструкции из Министерства иностранных дел в Будапеште противодействовать любым попыткам вмешательства во внутренние дела Венгрии и включению вопроса о положении в Венгрии в повестку дня заседания Совета Безопасности ООН. Сходные инструкции получил советский представитель. См.: 1956: A History in Documents. P. 270–271.

²⁶ *Hegedüs A. Élet egy eszme árnyékában* [Жизнь в тени одной идеи]. 263. old. Текст письма опубликован в: A Jelcin-dosszié. Szovjet dokumentumok 1956-ról [Досье Ельцина: советские документы по 1956 году] / Szerk. Gál É., Hegedüs B.A., Litván Gy., Rainer M.J. Budapest, 56–57. old. Неподписанный оригинал письма

с собственноручной пометой Надя «Aláírásra átadták okt. 27-én» [Представлено на подпись 27 октября] см.: Nagy pere. Op. ir. 1. k. 157. old.

²⁷ В ходе следствия Надя неоднократно допрашивали об обстоятельствах визита этой делегации. См.: Nagy pere. Vizsg. ir. 2 k. 131–135, 223–224. old. Протоколы допросов, 19, 21, 24.VI.1957 г.; см. также многочисленные свидетельства в протоколах допросов П. Йожи, М. Гимеша, Й. Силади.

²⁸ *Horváth-Ripp. Ötvenhat októbere.* 96. old. № 10.

²⁹ Nagy pere. Vizsg. ir. 7. k. 99–100. old. Недатированные записки И. Нады.

³⁰ *Horváth-Ripp. Ötvenhat októbere.* 106. old. В русском переводе см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 420–430, здесь С. 426–427.

³¹ Под предлогом размежевания земельных участков [*tagosítás*] у крестьян-единоличников регулярно отчуждали наделы плодородной земли в пользу кооперативов и давали взамен малоплодородные почвы, расположенные вдали от деревни.

³² *Voice.* P. 131–132; *White Book.* P. 115–116; 1956: *A History in Documents.* P. 284–285; Декларацию венгерского правительства от 28 октября 1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 441–443.

³³ Стенограмма заседания правительства опубликована в: 1956: *A History in Documents.* P. 273–283.

³⁴ Протокольную запись заседания Президиума ЦК КПСС, 28.X.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 432–439; в английском переводе см.: 1956: *A History in Documents.* P. 262–269.

³⁵ *Méray. Thirteen Days.* P. 134.

³⁶ См.: *Eörsi L. Iván-Kovács László a forradalomban. Részlet Iván Kovács László önvallomásából (1957.III.16.)* [Л. Иван-Ковач в революции. Из показаний Л. Ивана-Ковача, 16 марта 1957 г.] // 1956-os Intézet Évkönyve. 1993. № 1. 213. old.

Глава 10

¹ *Voice.* P. 211; *Lasky.* *White Book.* P. 114.

² Nagy pere. Vizsg. ir. 1. k. 230. old. Протокол допроса И. Нады, 8.VII.1957 г.

³ Советский Союз и венгерский кризис. С. 457, 460; в английском переводе см.: 1956: *A History in Documents.* P. 297–298.

⁴ *Voice.* P. 226; *Lasky.* *White Book.* P. 139; на другой день, 31 октября выступление И. Нады перепечатали ежедневные газеты; в русском переводе см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 470–471.

⁵ Опубликовано в: *Párttörténeti Közlemények.* 1957. 140–144. old.

⁶ *Voice.* P. 245; *Lasky.* *White Book.* P. 139. Оригинал, подписанный И. Надем см.: Nagy pere. Vizsg. ir. 8. k. 106. old. Протокол допроса И. Нады, 27.VI.1957 г. О собрании см.: *Ibid.* 1. k. 140–150. old; См. также: *ÁBTL. V-150.* 393/3. 54–61. old. Протокол учредительного собрания комитета.

⁷ Репутация стоила Дудашу жизни: он был одним из первых привлечен к военному суду и казнен 19 января 1957 г.

⁸ Nagy pere. Vizsg. ir. 1. k. 218–222. old. Протокол допроса И. Нады, 6.VII.1957 г.

⁹ *Kéthly A. Szabadságot Magyarországnak! Írások, beszédek, tanúságtétel a magyar szabadságért a száműzetésben.* [Свободу для Венгрии! Статьи, выступления, речи как свидетельство в пользу венгерской свободы в изгнании] Budapest, s. d. 7. old.

¹⁰ Текст Декларации опубликован в: Советский Союз и венгерский кризис. С. 464–466. См. также: *Zinner. National Communism.* P. 485–491; *Lasky. White Book.* P. 146; 1956: *A History in Documents.* P. 300–302. Декларация была передана по московскому радио поздно вечером 30 октября. На следующий день венгерские газеты перепечатали ее полностью или с сокращениями.

¹¹ Nagy pere. Vizsg. ir. 19. k. 34. old. Протокол допроса З. Тильди, 28.V.1957 г.

¹² 1956: A History in Documents. P. 314–315; в русском переводе также см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 477–478.

¹³ Voice. P. 292–293, *Lasky*. White Book. P. 155. Полная аудиозапись этой речи в настоящее время хранится в Институте истории и документации революции 1956 г.

¹⁴ Nagy pere. Vizsg. ir. 3. k. Протокол допроса Е. Села, 28.VI.1957 г.

¹⁵ Voice. P. 293.

¹⁶ Nagy pere. Vizsg. ir. 1. k. Протокол допроса И. Надя, 1.VII.1957 г.

¹⁷ *Heltai G.* November 1956: The End in Budapest // *East Europe*. S. d. P. 11.

¹⁸ Интересно, что тремя днями ранее, получив первые известия о бомбежке Суэца, Хрущев отреагировал совершенно противоположным образом, сказав: «Англичане и французы в Египте заваривают кашу. Не попасть бы в одну компанию». См.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 439. В тот момент он желал показать, что Москва не будет «вмешиваться» в дела другой страны.

¹⁹ Там же. С. 479; в английском переводе см.: 1956: A History in Documents. P. 307–308.

²⁰ О позиции США см. документы в: 1956: A History in Documents. P. 231–233, 240–245, 324–325. Полную подборку документов в контексте региональной политики см.: *Foreign Relations of the United States, 1955–1957 // Eastern Europe*. 1990. Vol. XXV. Из богатой литературы в особенности см.: *Gaddis J.L.* We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford, 1997; *Borhi L.* Hungary in the Cold War, 1945–1956. Between the United States and the Soviet Union. Budapest, 2004; *Békés Cs.* The 1956 Hungarian Revolution and World Politics // *Cold War International History Project*. Washington (D.C.), 1996 (Woodrow Wilson International Center for Scholars. Working Paper № 16).

²¹ Протокольную запись заседания Президиума ЦК, 2.XI.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 518; в английском переводе см.: 1956: A History in Documents. P. 338–339.

²² Nagy pere. Vizsg. ir. 12. k. Протокол заседания венгерского Национального правительства, 1.XI.1956 г.; в русском переводе см.: Союз и венгерский кризис. С. 490–492.

²³ Nagy pere. Vizsg. ir. 1. k. 180. old. Протокол допроса И. Надя, 2.VII.1957 г.

²⁴ Телеграмму Ю.В. Андропова из Будапешта в МИД СССР, 1.XI.1956 г. см.: Союз и венгерский кризис. С. 499–500; в английском переводе см.: 1956: A History in Documents. P. 331.

²⁵ Voice. P. 357–358; *Lasky*. White Book. P. 181; 1956: A History in Documents. P. 332.

²⁶ Voice. P. 361; *Lasky*. White Book. P. 182, 1956: A History in Documents. P. 334; в русском переводе см.: Союз и венгерский кризис. С. 502.

²⁷ Неизвестно, почему для партии было выбрано название, столь явно напоминавшее имя организации, служившей прикрытием для коммунистов в 1924–1928 гг. «Партия Ваги» не оставила по себе памяти как об удачной странице в истории коммунистического движения. Впрочем, в 1956 г. мало кто вспомнил бы об акрониме MSZMP. Впрочем, две ключевые фигуры новой коммунистической партии — Надь и Санто — были активными членами СРПВ в 1924–1928 гг.

²⁸ 1956: A History in Documents. P. 346.

²⁹ О советско-румынских переговорах см. выдержки из мемуаров посла Югославии в Москве Велько Мичуновича: 1956: A History in Documents. P. 348–354. Об отношении румынского руководства к венгерской революции 1956 г. см.: *Magyar-román kapcsolatok 1956–1958. Dokumentumok*. [Венгерско-румынские отношения. Документы] / Szerk. Lipcsey I. Budapest, 2004.

³⁰ Nagy. Gondolatok. 69–70. old.

³¹ *Lasky*. White Book. P. 216; в русском переводе см.: Союз и венгерский кризис. С. 538–541.

³² Текст статьи «Да здравствует единство социалистических стран» из центрального печатного органа КПК в венгерском переводе см.: *Magyar Nemzet*. 4.XI.1956 г.

³³ Стенограмму пресс-конференции см.: *Lasky*. White Book. P. 224–226.

³⁴ *Lipcsey*. *Magyar-román kapcsolatok*. P. 130–137, 145–146.

Глава 11

¹ *Nagy pere*. *Vizsg. ir.* 1. k. 252. old. Протокол допроса И. Надя, 9.VII.1957 г.

² См.: 1956: A History in Documents. P. 383; в русском переводе см.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 578.

³ *Király B.* An Abortive and the First Real War Between Socialist Countries // The Ideas of the Hungarian Revolution. P. 60; см. также: *Nagy pere*. *Bír. ir.* 1. k. 75–76. old.

⁴ См.: *Bibó I.* For Freedom and Truth. Proclamation on 4 November 1956 // *Bibó I.* Democracy, Revolution, Self-Determination (см. выше прим. 2 к гл. IV). P. 325–326; также см.: *Bibó I.* The Hungarian Revolution: Scandal and Hope (1957) // *Ibid.* P. 331–356; в русском переводе см.: *Бубо И.* Воззвание // Венгерский меридиан: Журнал общественных наук. 1992. № 2. С. 108–109.

⁵ *Nagy pere*. *Vizsg. ir.* 1. k. 252–254. old. Протокол допроса И. Надя, 9.VII.1957 г.

⁶ Радио Ужгорода в Закарпатье передало речь Яноша Кадара 4 ноября в 5 ч 5 мин. на волне радиостанции в Сольноке. Тогда Кадар объявил, что порывает с правительством Надя и создает революционное рабоче-крестьянское правительство. Черновой вариант воззвания с правкой опубликован в: Советский Союз и венгерский кризис. С. 549–553.

⁷ *Nagy pere*. *Vizsg. ir.* 1. k. 258–259. old.

⁸ *Voice*. P. 488; *Lasky*. White Book. P. 228. О похищении делегации, которая вела переговоры о выводе войск см.: *Kő A., Nagy J.L. Tököl* 1956. Budapest, 1992.

⁹ *Nagy pere*. *Vizsg. ir.* 1. k. 254. old. Протокол допроса И. Надя, 9.VII.1957 г.

¹⁰ Top Secret. *Magyar-jugoszláv kapcsolatok, 1956* [Совершенно секретно. Венгерско-югославские отношения в 1956 г.] / Szerk Kiss J. et al. Budapest, 1995. P. 228.

¹¹ *Glatz F.* Az MSZMP Intéző Bizottsága a jugoszláv követségen 1956. november 5. — november 22. [Исполком ВСРП в Посольстве Югославии, 5–22 ноября 1956 г.] // *História*. 1989. 11. k. 4–5. old.

¹² См. прим 6.

¹³ *Ember J.* Menedékjog — 1956. A Nagy Imre-csoport elablása [Убежище: Похищение группы Имре Надя]. Budapest, 1989. P. 6.

¹⁴ Надя набросал черновик этого письма в небольшом блокноте, который был у него изъят во время обыска в Румынии. В настоящее время хранится в: *Nagy pere*. *Vizsg. ir.* 7. k. P. 107–110. О дискуссии вокруг заявления см.: *Ibid.* 1. k. 266. old. Протокол допроса И. Надя, 9–10.VII.1957 г.; *Ibid.* *Bír. ir.* 3. dossz. 2–3. old. Очная ставка И. Надя и Ф. Доната в суде, 9.VI.1958 г.

Глава 12

¹ Протокольную запись заседания Президиума ЦК КПСС, 23.X.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 356–357; в английском переводе см.: 1956: A History in Documents. P. 217.

² Протокольную запись заседания Президиума ЦК КПСС, 28.X.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 432–439, здесь С. 435; в английском переводе см.: 1956: A History in Documents. P. 264.

³ Советский Союз и венгерский кризис. С. 486; в английском переводе см.: 1956: *A History in Documents*. P. 311.

⁴ Протокольную запись заседания Президиума ЦК КПСС, 31.X.1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис. С. 479–481, здесь С. 480; в английском переводе см.: 1956: *A History in Documents*. P. 308.

⁵ Об этих словах вспоминали супруга Й. Силади и Миклош Вашархейи, см.: *Ember J. Menedékjog* — 1956. P. 28, 145.

⁶ Письмо И. Надя к Ф. Донату от 23 ноября 1956 г. было опубликовано в 1982 г. в венгерском самиздатском журнале «Beszélő», см.: *Beszélő Összkiadás 1981–1989*. 1. k. 103. old.

⁷ 3 декабря 1956 г. Тито написал Хрущеву: «Для нас тяжело, что Вы полностью игнорируете нашу точку зрения и обязательства нашего правительства как в отношении конституции, так и в отношении международного права в этом вопросе, и мы думаем, что было бы весьма хорошо, чтобы и Вы нам помогли в том, чтобы вопрос о Наде был как-то решен». Цит. по: Советский Союз и венгерский кризис. С. 734; в английском переводе см.: 1956: *A History in Documents*. P. 457.

⁸ Меморандум в поддержку И. Надя, врученный югославами главе V департамента МИД СССР И. Замчевскому см.: АВПРФ. Ф. 077. Оп. 37. Л. 191. Д. 39. Л. 82–93.

⁹ См: 1956: *A History in Documents*. P. 489–495.

¹⁰ *A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületeinek jegyzőkönyvei 1956–1957* [Протоколы временных руководящих органов ВСРП, 1956–1957] (далее — *MSZMP ideiglenes jegyzőkönyvei*) / Szerk. Némethné Vágyi K., Urbán K. Budapest, 1993. 2. k. 79, 76. old.

¹¹ *A jobboldali nézetektől az osztályáruulásig. Adalékok Nagy Imrének és csoportjának elméleti és gyakorlati tevékenységéhez, 1947–1956*, Budapest, 1957.

¹² Доклад Б.Н. Пономарева, 12.III.1957 г., опубликован А.С. Стыкалиным и В.Т. Середой в: Исторический архив. 1993. № 6. С. 138–140; в венгерском переводе см.: *Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SZKP KB Levéltárából* [Недостающие страницы из истории 1956 года. Документы из бывшего архива ЦК КПСС] / Szerk. V. Sereda, A. Stikalin. Budapest, 1993. 257–263. old.

¹³ *MSZMP ideiglenes jegyzőkönyvei*. 2. k. 348. old.

¹⁴ *MSZMP ideiglenes jegyzőkönyvei* / Szerk. Baráth M., Feitl I. Budapest, 1993. 3. k. 69. old.

¹⁵ *MSZMP ideiglenes jegyzőkönyvei*. 2. 348. old.; ср.: 1956: *A History in Documents*. P. 517–523, здесь — P. 520.

¹⁶ Записка Ю.А. Андропова, Р.А. Руденко, П.И. Ивашутина в ЦК КПСС, 26.VIII.1957 г., опубликована А.С. Стыкалиным и В.Т. Середой в: Исторический архив. 1993. № 6. С. 141–142; в английском переводе см.: 1956: *A History in Documents*. P. 539–540.

¹⁷ *A Magyar Szocialista Munkáspárt Központi Bizottságának 1957–1958. évi jegyzőkönyvei*. [Протоколы ЦК ВСРП 1957–1958] (далее — *MSZMP KB jegyzőkönyvei*) / Szerk. Némethné Vágyi K. et al. Budapest, 1997. 168. old.

¹⁸ *Ibid.* 153–163. old.

¹⁹ MOL. M-KS. 288. f. 5/59. ő. e. 10. old. Заседание Политбюро ВСРП, 28.XII.1957 г.

²⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. 2-е издание, испр. и доп. / гл. ред. А.А. Фурсенко; отв. сост. В.Ю. Афиани; сост. и авт. комм. А.М. Орехов, А.С. Стыкалин. М., 2003. С. 293. Выражение «твердость и великодушие» звучит как отголосок формулы из римского права и христианской теологии «милосердное правосудие».

²¹ Такого же мнения придерживаются и авторы комментариев. См. там же. С. 1027.

²² MSZMP KB jegyzőkönyvei. 239–244. old.

²³ Из дневника В.С. Байкова. Запись беседы с кандидатом в члены Политбюро ВСРП 29 марта 1958 г. Опубликована в: *Sereda V., Orekhova J. V. Sz. Bajkov szolgálati naplójából* [Из дневника В.С. Байкова] // *Tekintet*. 1995. № 5–6. 201. old.

²⁴ MSZMP KB jegyzőkönyvei. 163. old.

²⁵ *Ibid.* 243. old.

²⁶ Budapesti jelentés [Репортаж из Будапешта] // *Irodalmi Ujság*. London, 1.V.1958.

²⁷ MOL. M-KS 288/5/75. ő. e. 34. old. Заседание Политбюро ЦК ВСРП, 15.IV.1958 г.

²⁸ Протоколов заседания Политбюро 27 мая не сохранилось, но его решения были опубликованы в факсимильном издании: *Iratok az igazságszolgáltatás történetéhez* [Документы по истории исполнения правосудия] / Szerk. Horváth I., Solt P. Budapest, 1992. 1. k. 640. old. В решениях упоминается неформальное заседание Политбюро, запланированное на 2 июня, но о его проведении нет никаких сведений. Заседание Центрального комитета 6 июня отражено в: MSZMP KB jegyzőkönyvei. 325–417. old. См. также: *Litván Gy. The Political Background of the Imre Nagy Trial // The Secret Trial of Imre Nagy* (далее — *The Secret Trial of Imre Nagy*) / Ed. by L. Dornbach. London; Westport (Ct), 1994. P. 161–182.

²⁹ Népszabadság. 17.VI.1958 г.

³⁰ Последняя попытка вернуться к этому вопросу была предпринята 12 апреля 1989 г. на заседании ЦК ВСРП. См.: *A Magyar Szocialista Munkáspárt Központi Bizottságának 1989. évi jegyzőkönyve*. [Протоколы ЦК ВСРП за 1989 г.] / Szerk. Kosztricz A.S. et al. Budapest, 1993. 1. k. 758–767. old.

Глава 13

¹ Об условиях пребывания в Снагове см. материалы, хранящиеся в Институте истории и документации венгерской революции 1956 года: *Romániai 1956-os vonatkozású iratok gyűjteménye* [Собрание румынских документов, относящихся к 1956 г.] (далее — *Romániai iratok*): переписка И. Надя за ноябрь 1956 — апрель 1957 г.; аудиозаписи. См. также: Nagy pere. Op. ir. 1. k. Письмо Надя к В. Роману, 9.II.1957 г. Документы из архива органов государственной безопасности Румынии, переданные Венгерскому государственному архиву, в том числе протоколы переговоров румынских ответственных партийных работников с венгерским руководством, политическая переписка и бумаги членов снаговской группы см.: *A snagovi foglyok. Nagy Imre és társai Romániában. Iratok* // Baráth M., Sipos L. Budapest, 2006.

² См. прим. 9 из Предисловия.

³ *Romániai iratok*. Беседа И. Надя с Д. Каллаи, 25.I.1957 г. Отчет Каллаи Исполкому ВСРП, 29.I.1957 г. см.: MSZMP ideiglenes jegyzőkönyvei. 2. k. 76–79. old. Согласно Каллаи, Надя сказал, что «он не чувствует себя виновным в чем-либо, считает свои решения правильными и присоединяется к требованиям рабочих и студентов о выводе советских войск... Партии было известно о его действиях в те дни. Он готов подписаться подо всем, что он тогда сказал, считает события революционным восстанием, а призыв советских войск и действия нового правительства в этой связи — ошибкой. Он отрицает, что когда-либо поощрял контрреволюцию».

⁴ *Romániai iratok*. Аудиозапись, 10.XII.1956 г.

⁵ *Nagy. Gondolatok*. 93–94. old.

- ⁶ Ibid. P. 186–187.
- ⁷ Nagy pere. Op. ir. 1. k. 214. old. Черновик письма И. Надя ко временному ЦК ВСРП, февраль 1957 г.
- ⁸ Nagy. Viharos emberöltő; см. прим. 7 к Предисловию к русскому изданию.
- ⁹ *Vásárhelyi*. Ellenzékben. 179–180. old.
- ¹⁰ Nagy pere. Vizsg. ir. 1. k. 51–53. old. Протоколы допрос И. Надя, 14.VI.1957 г.
- ¹¹ Ibid. Op. ir. 18. k. 69–133. old.
- ¹² О последних месяцах его жизни и до конца не выясненных обстоятельствах смерти во время голодовки протеста см.: *György K. Losonczy Géza 1917–1957*. Budapest, 1998. 337–354. old.
- ¹³ В тюремном архиве сохранилось несколько рапортов об ухудшении здоровья заключенных, см., например: Nagy pere. Op. ir. 18. k. Рапорт, 28.XII.1957 г.). Катастрофическая потеря веса очевидна на фотографии И. Надя, сделанной во время процесса.
- ¹⁴ Nagy pere. Bír. ir. 2–3. k. Протоколы заседания суда, 5.II.1958 г., расшифрованные по магнитофонной записи. Далее материалы процесса, кроме особо оговоренных случаев, цитируются по этим записям. Обвинительное заключение и приговор (15.VI.1958 г.) в английском переводе опубликованы в: *The Secret Trial of Imre Nagy*. P. 27–119.
- ¹⁵ В то время З. Радо было 56 лет, с 1948 г. он служил судьей в военном суде, а в апреле 1957 г. возглавил Верховный суд.
- ¹⁶ Nagy pere. Op. ir. 18. k. P. 28–33. Отчет Й. Ференчика о заключенных «специальной группы».
- ¹⁷ По выздоровлении Радо до выхода на пенсию в 1971 г. продолжал работать судьей в Верховном суде. Он умер в 1977 г. Ференц Вида (1911–1990) начал в коммунистическом подполье, в 1942 г. посажен в тюрьму. После 1945 г. работал в том числе в Министерстве внутренних дел. С весны 1957 г. «специализировался» на подготовке судебных процессов против «контрреволюционеров» и председательствовал на первом громком судебном процессе против писателей, проходившем по делу Т. Дери. См. ОНА. *Vida F., Faragó J. Perbe fogott ítélet. Interjúk a Nagy Imre-per tanácsvezető bírájával*. [Вердикт по суду. Интервью с судьей, председательствовавшим на суде И. Надя]. 50–58. old (рукопись).
- ¹⁸ Свидетельства об июньском судебном процессе сохранились в двух видах. Во-первых, машинописный текст объемом 495 с. — неотредактированная дословная расшифровка магнитофонной записи (см.: Nagy pere. Bír. ir. 1–7. dossz.). Эта рукопись неполна, в ней отсутствует несколько показаний, зато каждое слово И. Надя сохранилось. Я использовал именно ее. Во-вторых, есть сокращенная официальная стенограмма процесса (см.: Nagy pere. Bír. ir. 1. k. 346–438. old).
- ¹⁹ Nagy pere. Bír. ir. 7. dossz. 127. old.
- ²⁰ Ibid. 129. old.
- ²¹ Ibid. 129–130. old.
- ²² *Méray*. Thirteen Days. 281. old.; *Vásárhelyi*. Ellenzékben. 188. old. Не исключено, что судебный медицинский эксперт доктор Эндре Келемен — последний, кто говорил с Надем, — спустя годы передал семье содержание письма или их последнего разговора. Мерай утверждает, что семья получила «подлинное» послание от приговоренного к смерти, но нам ничего не известно о содержании. Если верить А. Кё и Л.Й. Надю, письмо вместе с другими личными вещами Имре Надя было выброшено с тюремного склада. См.: *Kő A., Nagy L.J. A titkok országútján* [Дорогами тайн] // *Új Magyarország*. 24.VI.1995 г.
- ²³ Nagy pere. Bír. ir. 1. k. 393. old. Протокол приведения в исполнение смертного приговора, 16.VI.1958 г.
- ²⁴ *Pajcsics J. Nagy Imre és mártírtársai sírhelyének felkutatása* [Поиск могил Имре Надя и его товарищей] // *Rendészeti Szemle*. 1993. № 10. 89–106. old.

Глава 14

¹ Koestler A. *Darkness at noon*. New York etc, 1984. P. 37; в русском переводе см.: Кёстлер А. *Слепящая тьма*. Ленинград, 1989.

² Kopácsi S. *In the name of the working class: the inside story of the Hungarian Revolution*. New York, 1986. P. 31.

³ Nagy I. *A magyar nép védelmében. Vitairatok és beszédek 1955–1956*. [В защиту венгерского народа. Poleмические сочинения и речи 1955–1956]. Paris, 1984; Далее ссылки на сочинения И. Надя даются по английскому изданию: *Nagy I. On Communism: In the Defense of the New Course (далее — Nagy. On Communism)*. New York, 1957. В некоторых случаях цитаты выверены по венгерским оригиналам.

⁴ Nagy. *Gondolatok, emlékezések*.

⁵ Этой работе И. Надя предпослал слова: «Я хочу отметить в самом начале, что приступил к работе над этим исследованием летом 1955 г., еще до XX съезда КПСС, и завершил рукопись к сентябрю. Я надеялся, что смогу высказать свою позицию Центральному руководству ВПТ осенью того же года». См.: *Nagy. On Communism*. P. xxix.

⁶ Ср.: *Ibid.* P. 50–51.

⁷ Ср.: *Ibid.* P. 244.

⁸ Ср.: *Ibid.* P. 8–10.

⁹ Ср.: *Ibid.* P. 21.

¹⁰ Ср.: *Ibid.* P. 24.

¹¹ Ср.: *Ibid.* P. 28.

¹² Ср.: *Ibid.* P. 32–33.

¹³ Ср.: *Ibid.* P. 36.

¹⁴ Ср.: *Ibid.* P. 34.

¹⁵ *Nagy. Gondolatok, emlékezések*. 56. old.

¹⁶ *Ibid.* 57. old.

¹⁷ *Ibid.* 73. old.

¹⁸ *Ibid.* 123. old.

¹⁹ *Ibid.* 114. old.

²⁰ *Ibid.* 132. old.

²¹ *Ibid.* 132. old.

²² *Ibid.* 117. old.

²³ *Ibid.* 130–133. old.

²⁴ *Ibid.* 127. old.

²⁵ *Ibid.* 98. old. Вторая часть последнего предложения была вычеркнута в рукописи самим Надем. Благодаря строгому надзору румынской тайной полиции почти все удаленные части текста восстановлены. Рукопись хранится в Институте истории и документации венгерской революции 1956 года, см.: 1956-os Intézet Könyvtára. Ki-593. *Nagy I. Snagovi jegyzetek. Gondolatok, emlékezések 1956–1957*. 32. old (рукопись).

²⁶ *Nagy. Gondolatok, emlékezések*. 98. old.

²⁷ *Ibid.* 98–99. old.

²⁸ *Ibid.* 127. old.

²⁹ *Ibid.* 136–138. old.

³⁰ *Ibid.* 139–140. old.

³¹ *Ibid.* 139. old.

³² *Ibid.* 157. old.

³³ *Ibid.* 77. old.

³⁴ *Ibid.* 80. old.

Глава 15

¹ О международной реакции на известие о казни см.: *The Truth About the Nagy Affair*. P. 163–215 (см. прим. 2 Предисловия).

² См.: *Békés Cs. Cold War, Détente and the 1956 Hungarian Revolution // Project on the Cold War as Global Conflict*. New York, 2002 (International Center for Advanced Studies. Working paper № 7); *Borhi L. Hungary in the Cold War, 1945–1956* (см. прим. 20 к гл. X); *Granville J.C. The First Domino. International Decision Making during the Hungarian Crisis of 1956*. Texas, 2004. P. 158–202.

³ Бывший директор радиостанции «Свободная Европа» Уильям Э. Гриффит на конференции в 1996 г. предположил: те, кто отвечали за редакционную политику в 1956 г., высказывали в эфире свое личное, не всегда объективное мнение: «Можно сказать, что величайшей ошибкой РСЕ в дни революции была клевета и нападки на Имре Надя. Это было ошибкой еще и потому, что таким образом из Имре Надя делали коммуниста просоветского толка, вместо того чтобы указывать на его долгие недостатки». См.: 1956-os Intézet Évkönyve 1996/1997, Вр., 1997. 265. old.

⁴ См., например: *Gaddis. We Now Know*. P. 211 (прим. 20 к гл. X),

⁵ Agence France Presse. 20.VI.1958 г. Цит. по: *The Truth About the Nagy Affair*. P. 180.

⁶ *The New York Times*. 18.VI.1958 г. Цит. по: *The Truth About the Nagy Affair*. P. 187–188.

⁷ MOL. M-KS. 288 f. 22/1958 l. ő. e. 80. old.

⁸ MSZMP KB jegyzőkönyvei 1957–1958. 426. old.

⁹ Даже если несколько кадров появились в разных документальных фильмах, «работа» в целом никогда не демонстрировалась. Все остальные пленки из зала суда были уничтожены в 1961 г. в Министерстве внутренних дел.

¹⁰ См. прим. 1.

¹¹ Ссылки на монографии Кечкемети, Ломакса, Мольнара, Вали и некоторые коллективные труды даны ниже, а также в библиографии.

¹² *Aczel-Meray. The Revolt of the Mind*.

¹³ *Molnár-Nagy. Imre Nagy*. P. 218 (см. прим. 2 к предисловию).

¹⁴ *Sartre J.-P. The Ghost of Stalin // The First War Between Socialist States: The Hungarian Revolution of 1956 and its Impact / Ed. by B.K. Király, B. Lotze, B.F. Dreisiger*. New York, 1984. P. 116.

¹⁵ *Aron R. The Meaning of Destiny // Ten Years After. The Hungarian Revolution in the Perspective of History // Ed. by T. Aczel*. London, 1966. P. 24–25.

¹⁶ *Váli F.A. Rift and Revolt in Hungary*. Oxford, 1961. P. 186, 198–199.

¹⁷ *Molnár M. The Heritage of Imre Nagy // Aczel. Ten Years After*. P. 172.

¹⁸ *Borsody S. Imre Nagy and Eurocommunism // The Hungarian Revolution of 1956 in Retrospect / Ed. by B.K. Király, P. Jónás*. Boulder, 1978. P. 129.

¹⁹ *Fehér F., Heller A. Hungary 1956 Revisited. A Message of a Revolution — a Quarter of a Century After*. London, 1983. P. 118.

²⁰ *Ibid.* P. 126–130.

²¹ *Castoriadis C. The Hungarian Source // Telos*. 1979. № 29. P. 4–5.

²² *Lomax B. Hungary 1956*. London, 1976. P. 52.

²³ *Ibid.* P. 53–54.

²⁴ *Schöpflin G. Leadership Options and the Hungarian Revolution // The First War Between Socialist States / Ed. by B.K. Király et al.* P. 535–548, здесь: P. 543–545.

²⁵ *Gati Ch. Hungary and the Soviet Bloc*. Durham, 1986. P. 126–127.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Unwin. Voice in the Wilderness*. P. 187–189 (см. прим. 2 к предисловию).

²⁸ См., например: *Gaddis. We Now Know*. P. 211–212, 235–236.

²⁹ См., например: *Granville. The First Domino*.

Глава 16

¹ Цит. по: Gyurkó L. Arcképvázlat történelmi háttérrel [Штрихи к портрету на фоне истории]. Budapest, 1982. P. 221–222.

² Négy névtelen sírhant [Четыре безымянные могилы] // Irodalmi Újság. 1983. № 1. Статья вышла без указания имени автора; имя автора назвал мне в личном разговоре главный редактор Т. Мераи.

³ Kis J. Kirakatper zárt ajtók mögött [Показательный судебный процесс за закрытыми дверями] // Beszélő. № 8; см.: Beszélő Összkiadás. 1. k. 444. old.

⁴ Új Forrás. Tatabánya, 1984 (Október).

⁵ Emlékezés halottakra... [Памяти покойных...] // AV Hírmondó. 1984. № 4.

⁶ Материалы конференции опубликованы в: Ötvenhatról nyolcvanhatban [О пятьдесят шестом в восемьдесят шестом] / Szerk. Hegedűs A.B. Budapest, 1992.

⁷ Впервые опубликовано в: Beszélő. № 25; см.: Beszélő Összkiadás. 3. k. 603–604. old.

⁸ См.: See Tetemrehívás 1958–1988 [Призыв к действию 1958–1988]. Paris, 1988; Kenedi J. Kis állambiztonsági olvasókönyv [Краткий справочник о государственной безопасности]. Budapest, 1996. 2. k. 188–217. old.

⁹ См.: Kenedi. Op. cit. 2 k. 218–229. old.

¹⁰ Заявление было сделано 28 января 1989 г. в эфире одной из наиболее популярных телевизионных программ, «168 часов».

¹¹ Предысторию см. выше: гл. III.

¹² Kende P. Mitől omlott össze? [Почему все обрушилось?] // Idem. A párizsi toronyból. Válogatott politikai írások 1957–1989 [С высоты парижской башни: избранные политические произведения]. Budapest, 1991. 154. old.

¹³ Kis J. Between Reform and Revolution: Three Hypotheses About the Nature of the Regime Change // Lawful revolution in Hungary 1989–1994 / Ed. by B.K. Király, A. Bozóki. Boulder, 1996. P. 45. В этом сборнике статей, посвященном смене политического строя, рассматривается ряд вопросов, которые я намереваюсь рассмотреть ниже, не вдаваясь в документальные подробности. См. также: The Roundtable Talks of 1989. The Genesis of Hungarian Democracy / Ed. by A. Bozóki. Budapest, 2002.

¹⁴ Ходатайство Генерального прокурора о пересмотре вступившего в законную силу приговора и вердикт Верховного суда см.: The Secret Trial of Imre Nagy. P. 119–160.

¹⁵ См.: Litván Gy. A Forty-Year Perspective on 1956 // Hungary 1956 — Forty Years On / Ed. by Terry Cox. London; Portland (Or.), 1997. P. 14–26.

¹⁶ Издание закона в память о великом человеке можно считать особенностью венгерской парламентской традиции, начавшейся с Лайоша Кошута (в конце XIX в.) и продолжившейся И.В. Сталиным в 1953 г.

¹⁷ Премьер-министр Йозеф Анталл (молодой учитель, практически не принимавший участия в революции и не подвергшийся никаким репрессиям) не дистанцировался от требований ветеранов. Но он и не сделал ничего особенного для восстановления справедливости. Его скептический комментарий, передававшийся только неофициально, из уст в уста, был: «Нужно было заставить себя сделать революцию!»

¹⁸ Опрос проводился в 2001–2004 гг. исследователями из группы теории коммуникаций Венгерской академии наук и Будапештского университета им. Л. Этвеша под руководством Марии Вашархейи, которой я выражаю признательность за возможность воспользоваться результатами. По пятибалльной шкале Кадар получил 3,5 балла, Надь — 3,4.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК*

Алшари Дюла [Юлиус] (1882–1942) — журналист и деятель коммунистической партии, основатель КПВ. В 1919 г. заместитель комиссара иностранных дел. Эмигрировав в Берлин, издавал журнал Коминтерна «Инпрекорр». Бежал во Францию после прихода к власти нацистов, арестован гестапо в Париже, погиб в концентрационном лагере Заксенхаузен.

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) — советский государственный деятель. В 1951–1953 гг. работал в аппарате ЦК КПСС. С 1953 г. на дипломатической работе: зав. отделом МИД СССР, советник посольства в Венгрии, с 1954–1957 гг. посол СССР в Венгрии. Играл важную роль в осуществлении советской политики в Венгрии в канун и во время революции 1956 г., а также первые месяцы консолидации Кадара. С 1957 г. зав. созданным в это время отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, одновременно в 1962–1967 гг. секретарь ЦК КПСС. В 1967–1982 гг. председатель КГБ. В ноябре 1982 г., после смерти Брежнева, генеральный секретарь ЦК КПСС, одновременно с июля 1983 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Андял Иштван (1928–1958) — прораб-строитель, в дни революции один из самых знаменитых командиров повстанческих отрядов, сражался в рабочем квартале на улице Тюзолто. После подавления революции привлечен к суду и казнен.

Апро Антал (1913–1994) — строительный рабочий, профсоюзный активист, вступил в коммунистическую партию до 1945 г. В 1956–1958 гг. председатель Всевенгерского совета Отечественного народного фронта, в 1957–1971 гг. заместитель председателя Совета министров, представлял Венгрию в СЭВе. В 1971–1984 гг. председатель Госсобрания и член Президиума ВНР. В 1980 г. ушел с поста члена Политбюро, в 1989 г. вышел на пенсию.

* Уточнен и дополнен А.С. Стыкалиным.

Ацел Тамаш (1921–1994) — писатель и журналист, после 1945 г. активный член Венгерской коммунистической партии и Венгерского союза писателей. Лауреат Сталинской премии в области литературы. После 1953 г. один из лидеров оппозиционной интеллигенции, группировавшейся вокруг Имре Надя, в 1966–1994 гг. профессор Массачусетского университета.

Ач Лайош (1922–1968) — экономист, деятель ВПТ, в 1953–1956 гг. член Политбюро. С 1958 г., после стажировки в Министерстве финансов США, работал в Национальном банке Венгрии. Покончил с собой в своем кабинете.

Бата Иштван (1910–1982) — профсоюзный активист с 1930 г., учился в Военной академии в Москве, в 1953–1956 гг. министр обороны. Во время революции бежал в Москву, по возвращении в 1958 г. исключен из ВСРП и до выхода на пенсию работал в городской транспортной компании.

Беньямин Ласло (1915–1986) — писатель и поэт, после 1945 г. журналист-коммунист и редактор литературных периодических изданий. После 1953 г. член близкой к Имре Надю группы оппозиционной интеллигенции; член руководства Союза писателей в 1956 г. С 1956 г. библиотекарь, позднее — главный редактор еженедельника.

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) — советский политик, с 1921 г. работал в ЧК в Закавказье, в 1931–1938 гг. первый секретарь КП(б) Грузии. В 1938–1945 гг. нарком внутренних дел СССР. В 1941–1953 гг. зам. председателя Совнаркома (с 1946 г. — Совета министров) СССР. Маршал Советского Союза (1945 г.). Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1946–1953 гг. После смерти Сталина в марте–июне 1953 г. первый заместитель председателя Совмина и министр внутренних дел СССР. 26 июня 1953 г. вследствие заговора, инициированного Хрущевым, арестован и снят с занимаемых постов. 7 июля на пленуме ЦК КПСС выведен из состава Президиума и ЦК, исключен из партии как враг Коммунистической партии и советского народа. 23 декабря 1953 г. приговорен Специальным военным присутствием Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

Бетлен Иштван, граф (1874–1947) — консервативный государственный деятель. В 1921–1931 гг. премьер-министр Венгрии. В 1945 г. арестован советскими спецслужбами и вывезен в СССР, где скончался на Лубянке.

Бибо Иштван (1911–1979) — юрист, историк, политолог. В 1946–1950 гг. профессор Сегедского университета. В 1945–1946 гг.

возглавлял департамент в МВД. Государственный министр от партии Петёфи в последнем кабинете Надя, в 1958 г. приговорен к пожизненному заключению. Амнистирован в 1963 г. Работал научным сотрудником в библиотеке. Интерес к трудам и взглядам Бибо возродился в Венгрии и за ее пределами после его смерти.

Биро Золтан (1898–1988) — политик-коммунист, брат Матяша Ракоши. В 1948–1956 гг. член ЦР КПВ (с 1948 г. — ВПТ), до октябрьских событий — директор Высшей партийной школы. В 1956 г. бежал в СССР; вернулся в 1958 г. и работал в Институте экономики Венгерской академии наук.

Биску Бела (р. 1921) — вступил в коммунистическую партию до 1945 г., занимал различные партийные и государственные посты. В 1955–1956 гг. секретарь райкома партии в Будапеште, в 1957–1961 гг. — министр внутренних дел, в 1961–1962 гг. зам. председателя Совета министров, в 1962–1978 гг. секретарь ЦК ВСРП; в партии был одним из последовательных сторонников проведения жесткой линии.

Богнар Йожеф (1917–1996) — экономист, политик. Был членом НПМХ. В 1947–1949 гг. мэр Будапешта, в 1949–1956 гг. министр торговли в нескольких правительствах. В кабинете Надя, сформированном 27 октября, получил должность зам. председателя Совета министров ВНР. После поражения революции и вплоть до выхода на пенсию в 1993 г. занимался научной работой, руководил исследовательскими институтами.

Боер Ференц (1899–1980) — слесарь, член подпольной организации КПВ, в 1930 г. исключен из партии. В 1945 г. военнопленный в СССР, по возвращении заключен в тюрьму по ложному обвинению; в 1956 г. реабилитирован, работал управляющим на государственном сельскохозяйственном предприятии.

Булганин Николай Александрович (1895–1975) — советский государственный деятель. В 1938–1944 гг. зампред Совнаркома СССР, одновременно (с перерывом) до 1945 г. председатель правления Госбанка СССР. В 1947–1949 гг. министр Вооруженных сил СССР, в 1953–1955 гг. министр обороны СССР, одновременно в 1947–1955 гг. заместитель, первый заместитель председателя Совмина СССР. С 1948 г. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. Маршал Советского Союза (1947 г.). В июне 1957 г. поддержал попытку Маленкова, Кагановича и Молотова сместить Хрущева с должности первого секретаря ЦК КПСС, что в марте 1958 г. дало повод для освобождения Булганина от обязанностей председателя Совмина СССР и вывода из Президиума ЦК. В ноябре 1958 г. решением Президиума ЦК КПСС понижен в воинском звании

до генерал-полковника. В 1961 г. не переизбран в ЦК КПСС, но из партии не исключался.

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — советский партийный деятель, публицист, теоретик большевизма. В революционном движении с 1906 г. В 1917 г. избран в ЦК РСДРП(б), в 1917–1929 гг. (с перерывом) ответственный редактор газеты «Правда». С 1919 г. в Исполкоме Коминтерна и его Президиуме. В 1924 г. избран в Политбюро ЦК партии, в 1926 г. возглавил Коминтерн (до 1929 г.). После смерти Ленина поддержал Сталина в борьбе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, но в конце 1920-х годов выступил против форсированной коллективизации. В ноябре 1929 г. выведен из Политбюро по обвинению в «правом уклонизме». В 1934–1937 гг. ответственный редактор газеты «Известия». Действительный член АН СССР (1929 г.). В феврале 1937 г. арестован. В марте 1938 г. приговорен к смертной казни на показательном судебном процессе и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

Ваги Иштван (1883–1940) — плотник, левый социал-демократ. После падения Венгерской Советской Республики возглавил лево-радикальную оппозицию внутри социал-демократической партии. В 1925 г. исключен из СДПВ и основал Социалистическую рабочую партию Венгрии, служившую прикрытием для КПВ. После 7 лет тюремного заключения в Венгрии эмигрировал в СССР, работал в Профсоюзном интернационале (Профинтерне), стал жертовой партийных чисток.

Варга Енё [Евгений Самуилович] (1879–1964) — экономист. Начинал как радикальный социал-демократ, входил в число основателей компартии Венгрии. В 1919 г. нарком Венгерской Советской Республики. Во время эмиграции в СССР работал в структурах Коминтерна. В 1927–1947 гг. директор Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. Академик АН СССР (1939). В августе 1946 г. один из «архитекторов» успешно проведенной финансовой реформы в Венгрии, куда больше не приезжал до конца жизни. В СССР подвергся резкой критике за тезис о мирной эволюции стран Восточной Европы от капитализма к социализму, уволен с поста директора.

Ваш Золтан (1903–1983) — коммунистический политик и писатель, член компартии с 1919 г. Провел 14 лет в венгерских тюрьмах, в 1940 г. вместе с Ракоши получил разрешение на выезд в СССР. С 1945 г. мэр Будапешта; в 1946–1949 гг. секретарь Высшего экономического совета; в 1949–1952 гг. председатель Госплана ВНР; в 1954–1955 гг. зав. секретариатом Совета министров Венгрии. Поддерживал Надя, участвовал в дискуссиях кружка Петёфи. 27 октября 1956 г. назначен председателем правительственной ко-

миссии по снабжению населения. В ноябре 1956 г. вместе с Надем и др. депортирован в Румынию. В 1958 г. получил разрешение вернуться на родину. Занимался литературной и переводческой деятельностью, выступал как мемуарист.

Вашархей Миклош (1917–2001) — журналист, политик, вступил в коммунистическую партию до 1945 г. С 1945 г. редактор международного отдела газеты «Сабад неп» («Свободный народ»); впоследствии сотрудничал с редакциями различных газет. Член внутривластной оппозиции, один из ближайших сподвижников Надя. В 1955 г. исключен из ВПТ. В 1956 г. в правительстве Надя руководил прессой; депортирован в Румынию, в результате суда по делу Надя приговорен к 5 годам тюремного заключения. Первый президент Комитета исторической справедливости (ТІВ), в 1990–1994 гг. депутат Государственного собрания Венгрии.

Вейсхаус Аладар (1887–1963) — служащий, социалист, впоследствии коммунист, не связанный с Москвой. Активный член профсоюзного движения, в 1923 г. вступил в подпольную организацию КПВ, затем исключен как «фракционист», но сумел организовать довольно крупное независимое коммунистическое движение. В 1947 г. арестован, в 1956 г. освобожден.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — советский государственный и военный деятель, один из создателей советской политической полиции. В годы Гражданской войны (1918–1920) на командной и военно-политической работе в Красной армии. Член ЦК партии в 1921–1961 гг. и Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)/КПСС в 1926–1960 гг. В 1925–1934 гг. нарком по военным и морским делам СССР и председатель Реввоенсовета СССР. В 1934–1940 гг. нарком обороны СССР. Первым удостоен звания Маршал Советского Союза (1935 г.). В 1940–1953 гг. зампред Совнаркома (с 1946 г. — Совмина) СССР. В годы Второй мировой войны в Государственном комитете обороны, в 1942 г. назначен главнокомандующим всех партизанских отрядов. В 1945–1946 гг. председательствовал в Союзной контрольной комиссии в Будапеште. В 1953–1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. В июне 1957 г. поддержал заговор, направленный на отстранение Хрущева, отмежевавшись затем от заговорщиков. В 1966 г. вновь избран в ЦК КПСС.

Гёгёш Игнац (1893–1929) — плотник, в 1918 г. в Советской России вступил в коммунистическую партию. В 1923–1925 гг. один из создателей Социалистической рабочей партии Венгрии, служившей прикрытием для КПВ. В 1925 г. арестован, в 1929 г. амнистирован по болезни, полученной в тюрьме, и вскоре скончался.

Герё Эрнё (1898–1980) — коммунистический политик, в 1919–1922 гг. находился в Вене, в эмиграции, в КПВ входил во фракцию Ландлера. Арестован в Венгрии, но в 1924 г. обменен на заключенных. В 1939–1941 гг. работал по линии Коминтерна в ряде европейских стран, в 1936–1939 гг. участвовал в гражданской войне в Испании. В ноябре 1944 г. вернулся в Венгрию, входил в Политбюро ЦР ВКП (с 1948 г. ВПТ) и неформальное узкое руководство партии, был секретарем и заместителем генерального секретаря ЦР, отвечавшим за экономическую политику. Занимал также должности министра транспорта, финансов, внутренних дел, был заместителем председателя Совета министров. После отставки Ракоши занимал пост первого секретаря ЦР ВПТ с 18 июля по 25 октября 1956 г. Во время октябрьских событий выехал в СССР, где находился до 1960 г. Исключен из ВСРП в 1962 г.

Гимеш Миклош (1917–1958) — журналист, в 1954 г. иностранный корреспондент газеты «Сабад неп» («Свободный народ»), затем главный редактор газеты «Мадяр немзет» («Венгерская нация»). В 1955–1956 гг. самый активный и радикальный из единомышленников Надя в рядах оппозиции. 30 октября 1956 г. основал газету «Мадяр сабадшаг» («Венгерская свобода») и после ввода советских войск продолжил сопротивление и подпольно издавал газеты, агитировавшие против правительства Кадара. Привлечен к суду вместе с Надем и казнен.

Гомулка Владыслав (1905–1982) — польский коммунистический политик. В коммунистическом движении с 1926 г. В 1934–1935 гг. слушатель Международной Ленинской школы в Москве. В 1943–1945 гг. секретарь ЦК Польской рабочей партии (ППР). В 1944–1949 гг. первый заместитель председателя Совета министров Польши, в 1945–1949 гг. министр по делам возвращенных земель. В 1945–1948 гг. генеральный секретарь ЦК ППР, выступал с концепцией польского пути к социализму. На пленуме ЦК ППР 31 августа — 3 сентября 1948 г. обвинен в правонационалистическом уклонизме и снят с партийных должностей. В 1951–1954 гг. находился в заключении. 2 августа 1956 г. восстановлен в ПОРП. На пленуме ЦК ПОРП 19–21 октября 1956 г., вопреки давлению Москвы, избран первым секретарем ЦК ПОРП, осенью 1956 г. отстаивал в диалоге с СССР национальные приоритеты. К 1958 г. отошел от реформаторской программы. В августе 1968 г. поддержал советскую интервенцию в Чехословакии. Освобожден от своих обязанностей вследствие событий декабря 1970 г. в Гданьске. (Огонь, открытый по демонстрации рабочих, выступавших с экономическими требованиями, привел к человеческим жертвам.)

Громов Евгений Иванович (1909–1981) — советский дипломат, в 1957–1959 гг. посол в Будапеште, затем возглавлял IV Европейский отдел МИД СССР.

Денеш Антал (1920–1996) — экономист и писатель, член коммунистической партии с 1941 г. Некоторое время был председателем НЕКОСа, позднее преподавал в Сельскохозяйственном университете. В 1956 г. занимал пост министра продовольствия в правительстве Надя. С ноября 1956 по 1957 г. входил во Временный ЦК ВСРП, выражал несогласие с началом подготовки суда над Надем, за что получил взыскание по партийной линии. Занимался научной деятельностью.

Дери Тибор (1897–1977) — один из крупнейших венгерских писателей-прозаиков. В 1920-е годы примкнул к левым политическим движениям, после войны вступил в коммунистическую партию. После 1955 г. ведущая фигура среди оппозиционных писателей в окружении Надя. В июне 1956 г. исключен из партии после дискуссии о прессе в кружке Петёфи 27 июня. Стоял во главе движения писателей с требованием сохранения революционных завоеваний. В 1957 г. приговорен к 9 годам тюремного заключения, амнистирован в 1960 г. Выдвигался на Нобелевскую премию по литературе (не получил).

Димитров Георгий (1882–1949) — болгарский коммунист, один из лидеров Коминтерна. Жил в Берлине, где нацисты обвинили его в поджоге рейхстага. Освобожден после показательного суда. В 1935 г. избран генеральным секретарем исполкома Коминтерна. После роспуска Коминтерна, в 1943–1945 гг., зав. отделом ЦК ВКП(б), занимавшимся проблемами международного коммунистического движения. С 1946 г. председатель Совета министров Болгарии.

Доби Иштван (1898–1968) — фермер и политик; член НПМХ, позднее ВПТ. В 1948–1952 гг. председатель Совета министров ВНР, в 1952–1967 гг. председатель Президиума ВНР. В 1959 г. вступил в ВСРП и был избран в ее ЦК.

Донат Ференц (1913–1986) — экономист-аграрник, юрист, политик. В коммунистическом движении с 1930-х годов. После 1945 г. зав. сельскохозяйственным отделом ЦР ВПТ, член ЦР ВКП (ВПТ). Был госсекретарем в Министерстве сельского хозяйства. В 1948–1951 гг. руководитель секретариата Ракоши. В 1951 г. арестован по ложному обвинению, приговорен к 15 годам тюремного заключения, в 1954 г. освобожден, затем реабилитирован. Входил в окружение Надя. 24 октября 1956 г. кооптирован в ЦР ВПТ и избран его секретарем, подал в отставку в знак несогласия с линией

на подавление повстанцев. С 1 ноября член Исполкома вновь образованной ВСРП. 4 ноября вместе с Надем укрылся в югославском посольстве. В ноябре в числе других активных сторонников Надя депортирован в Румынию. В июне 1958 г. приговорен к 12 годам тюремного заключения (согласно первоначальной концепции процесса предполагалось вынесение смертного приговора). После освобождения в 1960 г. занимался научной деятельностью. В письмах, адресованных Кадару, выступал за полную реабилитацию участников событий 1956 г. В 1980-е годы стал видной фигурой демократической оппозиции.

Дубчек Александр (1921–1992) — словацкий коммунистический политик, член антифашистского движения Сопrotивления, секретарь Словацкой коммунистической партии. В 1962–1968 гг. первый секретарь ЦК КП Словакии, в январе 1968 г. избран первым секретарем ЦК КПЧ. Поддерживал реформаторское движение «Пражская весна». Вследствие интервенции войск стран Варшавского договора 21 августа был освобожден в апреле 1969 г. от обязанностей первого секретаря. В 1970 г. исключен из партии. В 1989 г. избран председателем Федерального собрания свободной Чехословакии. Погиб в автомобильной катастрофе.

Дудаш Йожеф (1914–1957) — по образованию инженер. С 1930-х годов активный участник коммунистического движения в Трансильвании (Румыния). В 1944 г. участник антифашистского подполья в Венгрии, в сентябре 1944 г. член неофициальной делегации, прибывшей в Москву для ведения переговоров о перемирии. С 1945 г. активист НПМХ, в 1946–1954 гг. в заключении по обвинению в причастности к антиреспубликанскому заговору. В октябре 1956 г. организовал Венгерский национальный революционный комитет и выдвинул ряд ультимативных требований к правительству Надя. 19 января 1957 г. был среди первых казнен за участие в революции.

Зелк Золтан (1906–1981) — социалист, впоследствии коммунист, поэт. С 1953 г. член оппозиционного движения коммунистов. В сентябре 1956 г. член руководства Венгерского союза писателей. В 1957 г. приговорен к трем годам тюремного заключения, в 1958 г. амнистирован.

Зимани Тибор (р. 1922) — экономист, политик. Участвовал в антифашистском движении Сопrotивления, в 1945–1948 гг. офицер полиции, затем приговорен к четырем годам исправительных работ в лагерях. После революции вновь заключен в тюрьму, после освобождения сменил несколько мест работы. В 1989 г. возглавил организацию бывших политических заключенных и вступил в Венгерский демократический форум (MDF).

Иван-Ковач Ласло (1930–1957) — шахтер и футболист. Во время революции командовал одним из повстанческих отрядов, сражавшихся в районе кинотеатра «Корвин». Казнен по приговору суда.

Кадар Янош (1912–1989) — коммунистический политик. С 1931 г. активист профсоюзного и подпольного коммунистического движения, в годы Второй мировой войны один из секретарей ЦК подпольной КПВ. С 1945 г. член Политбюро, в 1946–1951 гг. зам. генерального секретаря ЦР ВКП (с 1948 г. — ВПТ). В 1948–1950 гг. министр внутренних дел, сыграл важную роль в подготовке показательного суда над Райком. Весной 1951 г. арестован органами госбезопасности по обвинению в сотрудничестве с хортистскими спецслужбами, приговорен к пожизненному заключению. После освобождения и реабилитации летом 1954 г. в партийном аппарате. В июле 1956 г. избран членом Политбюро и секретарем ЦР ВПТ, 25 октября ее первым секретарем, затем председателем Президиума. После самороспуска ВПТ в конце октября один из основателей ВСРП. Государственный министр в последнем кабинете Надя. Вечером 1 ноября тайно выехал в Москву и вернулся в должности председателя просоветского Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства. Стоял во главе правительства и правящей партии Венгрии, занимая различные руководящие должности, до мая 1988 г.

Каллан Дюла (1910–1996) — журналист и коммунистический политик; в время Второй мировой войны активный участник движения сопротивления. В 1945–1951 гг. член ЦР ВКП (с 1948 г. — ВПТ), в 1949–1951 гг. министр иностранных дел, в 1951 г. осужден по ложному обвинению, в 1954 г. реабилитирован. В 1955–1956 гг. зам. министра просвещения, затем зав. отделом ЦР ВПТ. 4 ноября 1956 г. избирался в высшие органы ВСРП, был секретарем ЦК по идеологии, министром культуры. В 1965–1967 гг. председатель Совета министров ВНР, в 1967–1971 гг. председатель Госсобрания ВНР.

Кардош Ласло (1918–1980) — этнограф. В 1940-е годы директор Коллегиума им. Дёрфи, в 1946–1948 гг. генеральный секретарь НЕКОСа. Осенью 1956 г. один из руководителей Революционного совета венгерской интеллигенции. В 1958 г. приговорен к пожизненному тюремному заключению. Освобожден в 1963 г., посвятил себя научной работе.

Кёбёл Йожеф (1909–2000) — партийный деятель, член компартии с 1928 г. После 1945 г. занимал различные партийные и профсоюзные должности: в 1948–1956 гг. член ЦР ВПТ, в 1954–1956 гг.

зав. отделом ЦР ВПТ, с конца октября — секретарь Будапештского горкома ВПТ. После 4 ноября 1956 г. член Временного ЦК ВСРП, в 1957 г. был выведен из состава высшего партийного руководства за несогласие с привлечением Нады к суду. В 1961–1973 гг. работал в Госплане; в 1979 г. подписал «Хартию 79» в знак солидарности с движением за гражданские права в Чехословакии.

Келемен Дюла (1897–1973) — механик, социал-демократ; в 1945–1948 гг. государственный секретарь Министерства промышленности. При Ракоши приговорен к тюремному заключению на основании ложных обвинений. В 1956 г. избран генеральным секретарем реорганизованной ВСДП; государственный министр в последнем правительстве Нады.

Кенде Петер [Пьер] (р. 1927) — журналист и политолог. С 1947 г. работал в газете «Сабад неп» («Свободный народ»), в 1955 г. уволен как оппозиционер. Активный участник венгерской революции 1956 г., эмигрировал во Францию, жил в Париже. Редактор эмигрантского издания «Венгерские тетради» («Magyar Füzetek»); с 1989 г. председатель Совета Института истории и документации венгерской революции 1956 г. в Будапеште.

Кетли Анна (1889–1976) — служащая; активистка социал-демократического и профсоюзного движения, в 1920-е годы депутат Венгерского парламента. В правление Ракоши приговорена к пожизненному тюремному заключению, в 1954–1956 гг. под домашним арестом. 31 октября 1956 г. избрана председателем ВСДП, 3 ноября вошла в правительство Нады в качестве государственного министра. Эмигрировала, в 1957 г. возглавила Венгерский революционный совет в Страсбурге.

Кирай Бела (р. 1912) — кадровый офицер и историк. Генерал и начальник Военной академии им. Зрини. В 1951 г. арестован по ложному обвинению и приговорен к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением. Освобожден в 1956 г. Во время революции командовал Национальной гвардией, был военным комендантом Будапешта. В 1957 г. эмигрировал в США, где стал профессором истории, редактором и автором книг по истории Венгрии и событий 1956 г. В 1990–1994 гг. депутат Государственного собрания Венгрии.

Киселев Евгений Дмитриевич (1908–1963) — советский дипломат. В 1949–1954 гг. посол СССР в Венгрии. Во время Суэцкого кризиса осени 1956 г. был послом СССР в Египте. Впоследствии возглавлял протокольный отдел МИД СССР; в 1962 г. назначен заместителем Генерального секретаря ООН.

Киш (Кишш) Карой (1903–1983) — коммунистический политик, член КПВ с 1923 г., до 1945 г. неоднократно подвергался тюремному заключению. В 1946–1956 гг. был депутатом Государственного собрания, занимал государственные посты, возглавлял Центральную контрольную комиссию КПВ (с 1948 г. — ВПТ). После 1957 г. принимал активное участие в кадаровской реорганизации ВСРП, был членом в Президиума ВНР, сохранил членство в Политбюро и ЦК партии до 1962 г. Вышел в отставку в должности зам. председателя Всевенгерского совета профессиональных союзов (SZOT).

Ковач Бела (1908–1959) — член НПМХ, генеральный секретарь Всевенгерского крестьянского союза; в 1945–1946 гг. министр сельского хозяйства. В 1947 г. арестован советскими военными властями и приговорен к тюремному заключению, до 1956 г. был узником нескольких советских лагерей, затем встал во главе возрожденной НПМХ. 27 октября стал министром сельского хозяйства в правительстве Надя, 3 ноября в реорганизованном правительстве занял пост государственного министра, но реального участия в работе правительства не принял. Позже с оговорками поддержал правительство Кадара, в 1958 г. избран депутатом Госсовета ВНР.

Ковач Иштван (1917–2000) — генерал-майор, в дни революции 1956 г. начальник оперативного управления Генштаба; член Революционного комитета обороны. Арестован 3 ноября 1956 г. во время переговоров в Тёкёле; приговорен к шести годам тюремного заключения; освобожден в 1963 г.

Ковач Иштван (р. 1911) — активный член коммунистической партии со времен подполья (в молодежном движении с 1927 г.), занимал различные посты в КПВ и ВПТ, в 1954–1956 гг. первый секретарь Будапештского горкома партии. 28 октября 1956 г. отбыл в Москву. Вернулся на родину в 1958 г., работал в Министерстве легкой промышленности. В 1962 г. исключен из ВСРП. До выхода на пенсию занимал административные должности.

Коня Лайош (1914–1972) — поэт, писатель. В 1950-е годы секретарь Союза венгерских писателей и «официальный поэт» режима. Поддержал Надя, лишился поста в 1956 г., работал школьным библиотекарем.

Копачи Шандор (1922–2001) — рабочий, после 1945 г. сотрудник полиции; получил звание полковника, в 1956 г. возглавил Будапештское управление внутренних дел. Поддержал Надя, наладил сотрудничество с повстанческими отрядами, назначен зам. главнокомандующего Национальной гвардией. В ходе суда над

Надем приговорен к пожизненному заключению. Освобожден с 1963 г., в 1975 г. эмигрировал в Канаду. В 1989 г. вернулся в Венгрию, занимался общественной деятельностью, выступал как мемуарист.

Корнай Янош (р. 1928) — экономист, получил мировую известность трудами по экономике дефицита. До 1955 г. работал в редакции газеты «Сабад неп» («Свободный народ»), затем занимался исключительно научной и преподавательской работой; автор ряда книг по социалистической экономике.

Кошпа Иштван (1904–1965) — экономист, политик. Трудовую деятельность начал вагоновожатым, участвовал в профсоюзном движении, вступил в социал-демократическую партию. В 1930-е годы установил контакты с не связанными с Москвой венгерскими коммунистами. В 1945–1948 гг. генеральный секретарь Венгерского совета профсоюзов, в 1945–1951 гг. избирался в ЦР и Политбюро ВКП (с 1948 г. — ВПТ). 27 октября 1956 г. стал министром финансов в правительстве Надя, с 7 ноября 1956 г. по май 1957 г. выполнял ту же функцию в правительстве Кадара, затем до 1963 г. министр транспорта и почты.

Крашио Дёрдь (1932–1991) — экономист; участник революционных событий 1956 г. В 1957 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения, освобожден в 1963 г. Основал самиздатовское издательство «Мадьяр октобер» («Венгерский Октябрь»). В 1989 г. основал Венгерскую октябристскую партию, во главе которой стоял до конца жизни.

Кун Бела (1886–1939) — коммунистический политик. Работал журналистом и активно участвовал в социал-демократическом движении в Трансильвании. Будучи военнопленным в 1917 г., вступил в партию большевиков. В 1918 г. председатель венгерской группы РКП(б). Вернулся в Венгрию, в 1918 г. основал КПВ, с 21 марта по 1 апреля 1919 г. в качестве народного комиссара иностранных дел возглавлял Венгерскую Советскую Республику. После падения коммуны бежал в Вену и вернулся в Советскую Россию. В 1928–1935 гг. член Исполкома Коминтерна и его Президиума. Параллельно в 1921–1936 г. возглавлял ЦК зарубежного комитета КПВ. В 1936 г. снят со всех постов, в 1937 г. репрессирован, погиб в ГУЛАГе.

Ландлер Енё (1875–1928) — адвокат, юрисконсульт Венгерского союза железнодорожников, защищал в суде рабочих-социалистов, член СДПВ с 1908 г.; в 1918 г. вошел в состав Национального совета демократической революции, поддержал объединение с КПВ; в 1919 г. главнокомандующий Венгерской Красной армии.

После поражения революции фактический лидер фракции реалистов в среде венгерской коммунистической эмиграции Вены. Умер в Франции, захоронен в Кремлевской стене в Москве.

Лёчеи Пал (р. 1922) — журналист и социолог. В 1954 г. уволен из газеты «Сабад неп» («Свободный народ»). Во время октябрьских событий основал газету «Мадяр сабадшаг» («Венгерская свобода»). В 1958 г. приговорен к восьми годам тюремного заключения; амнистирован в 1963 г. В конце 1980-х годов один из основателей Комитета за восстановление исторической справедливости (ТІВ), научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук.

Лощонци Геза (1917—1957) — журналист, вступил в компартию до 1945 г. После 1945 г. работал в редакции газеты «Сабад неп» («Свободный народ»), занимал пост зам. министра народного просвещения. Кандидат в члены ЦР ВПТ. В 1951 г. репрессирован, после освобождения в 1954 г. в газете «Мадяр немзет» («Венгерская нация»). Один из лидеров внутрипартийной оппозиции, соратник Нада. 24 октября кооптирован в ЦР ВПТ и избран кандидатом в члены Политбюро, последовательно выступал за признание требований повстанцев. 1 ноября избран в исполком образованной ВСРП. Государственный министр в последнем правительстве Нада. В ноябре 1956 г. вместе с Надем депортирован в Румынию, в апреле 1957 г. арестован и доставлен в Венгрию. Умер в заключении в Будапеште во время голодовки протеста.

Лукач Георг [Дёрдь] (1885—1971) — философ, классик западного неомарксизма, повлиявший своими работами на Франкфуртскую школу и движение «новых левых». В 1919 г. стоял во главе культурной политики Венгерской Советской Республики. До 1945 г. жил в эмиграции в Вене, Берлине и Москве. Автор «Тезисов Блюма», отвергнутых КПВ. Ведущий идеолог КПВ, после 1949 г. отстранен от политики. В 1956 г. министр просвещения в последнем правительстве Нада. Вместе с ним депортирован в Румынию; по возвращении посвятил себя научной работе.

Маленков Георгий Максимилианович (1902—1988) — советский государственный деятель. В большевистской партии с 1920 г. С 1925 г. в центральном аппарате ВКП(б). В 1934—1939 гг. зав. отделом ЦК ВКП(б). В 1939—1946, 1948—1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б) — КПСС, одновременно в 1944—1953 гг. зампред Совнаркома (с 1946 г. — Совмина) СССР. После смерти Сталина в марте 1953 г. возглавил Совмин СССР, выступал за приоритетное развитие легкой промышленности и производства предметов потребления. На пленуме ЦК КПСС в январе 1955 г. по инициативе

Хрущева раскритикован, в феврале освобожден от обязанностей председателя Совмина. В 1955–1957 гг. зампред Совмина и министр электростанций СССР. В 1956 г. находясь в Будапеште, оказывал содействие консолидации правительства Кадара. В июне 1957 г. был одним из инициаторов заговора с целью отстранения Хрущева от руководства партией; на Июньском 1957 г. пленуме выведен из высших органов партии. До 1961 г. был директором электростанций. В 1961 г. исключен из КПСС.

Малетер Пал (1917–1958) — кадровый офицер. Во время Второй мировой войны попал в советский плен, сражался с нацистской Германией в составе одного из партизанских отрядов. С 1945 г. служил в Министерстве обороны, в 1956 г. — один из военных руководителей революции. Получил звание генерал-майора, в Кабинете Надя возглавлял Министерство обороны. Приговорен к смерти и казнен.

Малинин Михаил Сергеевич (1899–1960) — советский военачальник, генерал армии. Участник Великой Отечественной войны, дошел до Берлина. С 1952 г. и до смерти первый зам. начальника Генштаба Вооруженных сил СССР. Во время революции 1956 г. вместе в председателем КГБ И.А. Серовым был направлен в Венгрию в составе советской военной комиссии.

Марошан Дёрдь (1908–1992) — пекарь, один из лидеров левого крыла социал-демократической партии. После объединения двух партий вошел в Политбюро ЦР ВПТ. Несмотря на активное участие в разгроме ВСДП при Ракоши, был осужден по сфабрикованному обвинению. Реабилитирован в 1956 г., в июле вновь избран в Политбюро ВПТ, стал зампредом Совета министров ВНР. После 4 ноября входил в состав правительства, сформированного Кадаром, был членом Политбюро, секретарем ЦК ВСРП. Один из наиболее последовательных сторонников репрессий. В 1957–1959 гг. первый секретарь Будапештского горкома. Демонстративно вышел в 1962 г. из высших органов из-за разногласий с Кадаром.

Мезё Имре (1905–1956) — портной, коммунистический политик; участник гражданской войны в Испании и движения Сопротивления во Франции. С 1945 г. профсоюзный и партийный функционер; в 1954 г. второй секретарь Будапештского горкома партии; сторонник Надя. Погиб 30 октября 1956 г., получив смертельное ранение во время штурма повстанцами здания горкома.

Мекиш Йозеф (1910–1984) — коммунистический политик, в 1950–1953 гг. директор Чепельского металлургического комбината им. М. Ракоши, в 1952–1954 гг. председатель, генеральный секретарь Всевенгерского совета профсоюзов. Член Политбюро ЦР ВПТ.

С 1954 по октябрь 1956 г. зампред Совета министров ВНР. В дни революции 1956 г. снят со всех партийных и государственных постов. В 1957–1966 гг. зам. министра труда.

Мераи Тибор (р. 1924) — писатель и редактор. С 1945 г. работал в газете «Сабад неп» («Свободный народ»). В 1953 г. Партийный секретарь Венгерского союза писателей. С 1954 г. активный участник оппозиции, группировавшейся вокруг Надя. В 1956 г. эмигрировал во Францию. В Париже издавал еженедельник «Иродалми уйшаг» («Литературная газета»); опубликовал несколько книг о венгерской революции 1956 г. и о Наде.

Мерен Ференц (1909–1986) — психолог и пионер современной детской психологии и педагогики в Венгрии. В 1956 г. преподавал в Будапештском университете, был одним из руководителей революционного студенческого комитета. В 1959 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения. Освобожден в 1963 г., возглавлял психодиагностическую лабораторию.

Меч Имре (р. 1934) — инженер-электрик и политик. В 1956 г. участник студенческого движения Технического университета; приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение; в 1963 г. амнистирован. Активный участник демократической оппозиции, в конце 1980-х годов один из основателей Комитета за восстановление исторической справедливости (ТІВ); с 1990 г. депутат Государственного собрания Венгрии.

Микоян Анастас Иванович (1895–1978) — советский государственный деятель. В 1923–1976 гг. член ЦК партии, в 1935–1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. В 1926–1955 гг. в разное время занимал должности наркома (министра) торговли, снабжения, пищевой промышленности, внешней торговли. В годы Второй мировой войны занимался вопросами снабжения и эвакуации. В 1937–1955 гг. (с перерывом) зампред Совнаркома (с 1946 г. — Совмина) СССР, в 1955–1964 гг. первый зампред Совмина СССР. На протяжении многих лет курировал внешнеэкономические связи СССР. В годы хрущевской «оттепели» последовательнее других представлял либерально-реформаторское крыло в руководстве КПСС. В июле 1956 г. участвовал в работе пленума ЦР ВПТ, отстранившего Ракоши от руководства партией. 24–30 октября 1956 г. в качестве эмиссара КПСС пытался содействовать урегулированию венгерского кризиса. В октябре–ноябре 1956 г. на заседаниях Президиума ЦК КПСС последовательно выступал против применения советской военной силы в Венгрии и Польше. В 1964–1965 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. В октябре 1964 г. в условиях заговора, направленного на свержение Хрущева, выступил

за компромиссное решение. После добровольного ухода с должности председателя Президиума ВС СССР работал в структуре Президиума ВС СССР, был членом Президиума до 1974 г.

Миндсенти Йозеф (1892–1975) — архиепископ эстергомский, кардинал, примас венгерской католической церкви (с 1945 г.). В 1944 г. арестовывался нилашистами за противодействие попыткам посягательства на церковное имущество. В 1949 г. осужден на пожизненное заключение по сфальсифицированному обвинению. С лета 1956 г. под домашним арестом. После освобождения из изоляции 31 октября выступал с программными заявлениями, в наиболее полной мере отразившими позицию правоконсервативного фланга венгерской политической жизни. 4 ноября получил политическое убежище в посольстве США в Будапеште, в 1971 г. покинул Венгрию.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) — деятель КПСС и Советского государства. В 1930–1941 гг. Председатель Совнаркома; в 1939–1949 гг., а также с марта 1953 по май 1956 г. нарком (министр) иностранных дел СССР. В разное время до июня 1957 г. заместитель, первый заместитель председателя Совнаркома (Совмина) СССР. В 1956–1957 гг. министр государственного контроля СССР. В 1921–1957 гг. член ЦК партии; в 1926–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. Главный оппонент Хрущева в послесталинском руководстве КПСС, один из руководителей заговора против него. На июньском 1957 г. пленуме ЦК выведен из высших органов партии. Был послом в Монголии, представителем СССР в МАГАТЭ. В 1962 г. исключен из партии, в 1984 г. восстановлен.

Мольнар Миклош (1918–2003) — журналист, историк; в 1950–1955 гг. ответственный редактор еженедельника «Иродалми уйшаг» («Литературная газета»). Активный член внутривластной оппозиции; в октябре 1956 г. был в числе основателей газеты «Мадяр сабадшаг» («Венгерская свобода»). В 1957 г. эмигрировал; профессор в Женеве, автор ряда книг по венгерской истории.

Мэлэшану Аурел (1911–1986) — румынский политик, в 1949–1952 гг. посол в Будапеште, в 1952–1954 гг. посол в Риме, в 1955–1963 гг. зам. министра иностранных дел.

Мюллер Эрнё (1886–1937) — портной, большевик с 1918 г. Жил в СССР; неоднократно ездил в Венгрию с секретными заданиями, был арестован, но выпущен на свободу. С 1928 г. член руководства КПВ в эмиграции и советских партийно-государственных органах. Пал жертвой сталинских чисток.

Мюнних Ференц (1886–1967) — юрист и коммунистический политик; один из основателей КПВ, комиссар в Венгерской армии.

Член фракции Б. Куна в эмиграции в Вене, с 1922 г. жил в СССР. Во время гражданской войны в Испании сражался в интернациональных бригадах, был начальником штаба дивизии. В 1942–1945 гг. возглавлял службу Венгерского радио (Радиостанция «Кошут») в Москве. По возвращении в Венгрию назначен начальником полиции Будапешта, был послом в нескольких странах. В 1956 г. министр внутренних дел во втором кабинете Надя, но тайно вылетел в Москву и сыграл важную роль в формировании просоветского правительства Я. Кадара. Сформировал специальные силы, а впоследствии коммунистическую рабочую милицию для борьбы с революционерами. В 1957–1966 гг. член Политбюро ВСРП; в 1951–1955 гг. государственный министр, в 1958–1961 гг. председатель Совета министров.

Надь Балаж (р. 1927) — социолог и политик; в 1956 г. секретарь кружка Петёфи. Эмигрировал, основал Институт Имре Надя в Брюсселе, но ушел из него, чтобы участвовать в троцкистском движении. Живет в Франции.

Надь Гашпар (р. 1949) — поэт и редактор. В 1981–1985 гг. секретарь Венгерского союза писателей, был вынужден подать в отставку из-за поэмы, посвященной Надю. С 1988 г. редактор, член исполкома Союза писателей.

Надь Ференц (1903–1979) — в 1930 г. был одним из основателей НПМХ; в 1945 г. министр строительства, в 1946–1947 гг. председатель Совета министров ВНР. В мае 1947 г., находясь на Западе, был вынужден подать в отставку под нажимом ВКП, обвинившей его в причастности к антиреспубликанскому заговору. Остался в эмиграции. Во время венгерских событий 1956 г. австрийские власти не разрешили Надю приехать в Вену, опасаясь обвинений СССР во вмешательстве во внутренние дела соседей. Один из видных деятелей венгерской эмиграции в США.

Немет Ласло (1901–1975) — классик венгерской литературы XX в. Педагог, по образованию врач. В межвоенный период влиятельный идеолог движения «народных писателей». В конце 1940-х — первой половине 1950-х годов присутствовал в литературной жизни почти исключительно как переводчик (например, романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»).

Ногради Шандор (1894–1971) — коммунистический политик, член КПВ с 1919 г., работал в словацком и румынском коммунистическом движении, сражался с нацистами в партизанских отрядах на территории Словакии и Венгрии. С 1948 г. министр обороны, один из «архитекторов» показательных процессов. Во время революции бежал в СССР, позднее был послом в Пекине и Ханое, председателем Центральной контрольной комиссии ВСРП.

Ольт Карой (1904–1985) — экономист, в период правления М. Ракоши министр финансов, в 1956–1959 гг. секретарь в правительстве Я. Кадара.

Орбан Виктор (р. 1963) — юрист, политик. Основатель Партии молодых демократов (FIDESZ), с 1990 г. депутат Государственного собрания Венгрии, в 1998–2002 гг. премьер-министр Венгрии.

Палинкаш-Палавичини Антал (1922–1957) — кадровый офицер, происходил из аристократической семьи. В 1956 г. майор Венгерской народной армии, сопровождал кардинала Миндсенти с места задержания в Будапешт, сохранил пост командира его личной охраны. В 1957 г. арестован, казнен по приговору суда.

Петер Габор (1906–1993) — коммунистический политик. Трудовую деятельность начинал портным. В 1931 г. вступил в подпольную организацию КПВ. В январе 1945 г. назначен начальником политической полиции — Отдела государственной безопасности (АВО), впоследствии Управления государственной безопасности (АВХ), главный «архитектор» показательных судов. В 1953 г. арестован за «преступления против социалистической законности» и приговорен к пожизненному заключению, после пересмотра дела — к 14 годам. В 1960 г. амнистирован.

Пирош Ласло (р. 1917) — коммунистический политик, профсоюзный лидер. Трудовую деятельность начал мясником. В 1950 г. начальник пограничной полиции, в 1954–1956 гг. министр внутренних дел. Во время революции бежал в Москву, вернулся 4 ноября вместе с оккупационными частями Советской армии. Был директором комбината по производству салями в Сегеде.

Пожгаи Имре (р. 1933) — политик. В 1957–1989 занимал различные должности в ВСРП, был членом Политбюро. В начале 1989 г. прославился официальным заявлением, что в 1956 г. «в Венгрии произошла национальная демократическая революция». В 1990 г. размежевался с социалистами, участвовал в различных политических объединениях или действовал независимо.

Полл Шандор (1898–1937) — книготорговец, политик. В 1920-е годы участник коммунистического движения. Эмигрировал в Германию, затем в СССР. В 1930–1932 гг. член Загранбюро КПВ и активный подпольщик в Венгрии. После четырех лет тюремного заключения вернулся в Москву, вскоре умер.

Понграц Гергей (1932–2005) — агроном, служащий. Во время революции командовал вооруженным отрядом, сражавшимся в районе кинотеатра «Корвин». Эмигрировал в США, где стал фермером. В 1990 г. вернулся в Венгрию, где был председателем различных организаций участников революции 1956 г.

Пономарев Борис Николаевич (1905–1995) — деятель КПСС, идеолог. Работал в структуре Коминтерна, ИМЭЛ, Совинформбюро, аппарате ЦК ВКП(б)–КПСС. В 1955–1986 гг. зав. отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями (международным отделом ЦК КПСС); в 1956–1989 гг. член ЦК КПСС; в 1961–1989 гг. секретарь ЦК КПСС; в 1973–1986 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Академик АН СССР (1962 г.).

Райк Ласло (1909–1949) — до 1944 г. один из руководителей коммунистического подполья в Венгрии, сражался в интернациональных бригадах во время гражданской войны в Испании. Один из руководителей КПВ, впоследствии — ВПТ. В 1946–1948 гг. министр внутренних дел. Осенью 1949 г. приговорен к смертной казни по ложному обвинению в ходе фальсифицированного открытого процесса, имевшего широкий международный резонанс. Суд над Райком дал Сталину повод для дальнейшего нагнетания антиюгославской кампании, возведения ее на новый виток (от обвинений в ревизионизме и национализме к резолюции «Югославская компартия в руках убийц и шпионов»). В 1956 г. реабилитирован и торжественно перезахоронен 6 октября 1956 г.

Райк (Фёльди) Юлия (1914–1981) — член коммунистической партии до 1945 г. и библиотекарь. В 1949 г. арестована вместе с мужем Л. Райком и приговорена к пяти годам тюремного заключения. Реабилитирована в 1954 г., стала активным членом внутрипартийной оппозиции, депортирована с Надем в Румынию. По возвращении на родину работала архивистом, расследуя преступления сталинистского режима.

Райнаи Шандор (1922–1994) — офицер государственной безопасности, дипломат. С 1946 г. работал в системе государственной безопасности (АВО, АВХ), следователь на фальсифицированных сталинских процессах; после 1956 г. полковник следственного отдела Министерства внутренних дел, вел следствие по делу Надя и его единомышленников. В 1962–1966 гг. работал в венгерском посольстве в Москве, в 1966–1976 г. вернулся в систему государственной безопасности в Будапеште, в 1978–1982 гг. посол в Бухаресте, в 1982–1989 гг. — в Москве. В 1992 г. эмигрировал в Израиль, затем в США.

Ракоши Матяш (1892–1971) — коммунистический политик. В период Венгерской Советской Республики заместитель комиссара торговли, затем командир Красной гвардии. В 1920 г. эмигрировал в Москву, в 1921 г. назначен секретарем Исполкома Коминтерна. В 1924 г. направлен на родину, в Венгрию, арестован, приговорен к восьми с половиной годам тюремного заключения. Повторно

арестован в 1934 г., когда международные протесты спасли ему жизнь. В ноябре 1940 г. получил разрешение на депортацию в СССР, стал фактическим лидером венгерской коммунистической эмиграции. Стал видным деятелем среди венгерских коммунистов-эмигрантов. В 1945 г. вернулся в Венгрию, избран первым секретарем ЦР КПВ. На посту первого секретаря ВКП (с 1948 г. — ВПТ) и председателя Совета министров (1952–1953) превратился в ключевую фигуру сталинистского диктата в Венгрии: называл себя лучшим венгерским учеником Иосифа Сталина. Летом 1956 г. смещен с поста, жил в СССР, с весны 1957 г. фактически на положении политического ссыльного. Оставил мемуары.

Рац Шандор (р. 1933) — рабочий-инструментальщик. В 1956 г. член рабочего совета завода Белоянниса в Будапеште; председатель Центрального рабочего совета. В 1958 г. приговорен к пожизненному заключению, амнистирован в 1963 г., работал инструментальщиком.

Реван Йозеф (1898–1959) — коммунистический политик и партийный функционер. В 1919 г. работал в газете «Вёрёт уйшаг» («Красная газета»). После первого съезда КПВ в 1925 г. избран главой секретариата. Долгие годы жил в эмиграции в СССР, во время войны руководил радиостанцией «Кошут», вещавшим на венгерском языке. В 1944 г. вернулся в Венгрию, в течение нескольких десятилетий отвечал за идеологическую работу КПВ и ВПТ, был членом Политбюро, главным редактором газеты «Сабад неп» («Свободный народ»). В 1949–1953 гг. министр народного просвещения.

Роман Вальтер (Нойландер Эрнё) (1913–1984) — румынский коммунистический политик, венгероязычный еврей. По образованию инженер. В 1930 г. участник коммунистического движения в Чехословакии, гражданской войны в Испании. Некоторое время жил во Франции и СССР. В годы Второй мировой войны работал в Коминтерне. Выступил с идеей самостоятельной Трансильвании. С середины 1940-х годов работал в Румынии, участвовал в создании Секуритате. В 1947–1951 гг. возглавлял политическое управление армии, занимал ряд министерских постов. С 1956 г. член ЦК РРП.

Ронаи Шандор (1892–1965) — каменщик и ведущий социал-демократический политик. С 1948 г. член Политбюро ВПТ, министр, председатель Государственного собрания ВНР.

Рудаш Ласло (1885–1950) — философ коммунистических убеждений, один из основателей КПВ, с 1922 г. профессор различных партийных школ в СССР. В 1948 г. назначен ректором Экономи-

ческого университета им. Карла Маркса в Будапеште, один из самых ярких критиков Д. Лукача и других уклонистов.

Сабо Ференц С. (р. 1912) — политик-аграрий, один из основателей НКП. В 1948–1957 гг. директор Сельскохозяйственного музея. Осенью 1956 г. попытался возродить НКП под названием Партии Петёфи. Активный участник экологического движения в Венгрии.

Сабо Золтан (1912–1981) — писатель и социолог, в 1930-е годы участник социографического изучения деревни. В 1945 г. председатель движения демократической молодежи, в 1949 г. покинул Венгрию и проживал в Англии и Франции. Генеральный секретарь Венгерского союза писателей за границей.

Сабо Иштван Б. (1893–1976) — деятель НПМХ, активный участник процесса возрождения партии в 1956 г., государственный министр в последнем кабинете Надя. В 1957–1959 гг. отбывал тюремное заключение.

Салаи Бела (р. 1922) — коммунистический политик, в 1953–1954 гг. председатель Госплана ВНР, впоследствии министр и секретарь ЦР ВПТ (в 1954–1956 гг. член Политбюро). С 1957 г. на дипломатической службе.

Санто Бела (1881–1951) — служащий, социалист, с 1919 г. — коммунист, политик, в межвоенный период жил в эмиграции в Австрии, Германии и СССР, где работал в Профинтерне. С 1945 г. возглавлял кооперативное движение, в 1948–1951 гг. посол в Варшаве.

Санто Золтан (1893–1977) — коммунистический политик, один из основателей венгерской компартии. В Венгрии приговорен к восьми годам тюремного заключения. В 1930-е годы один из лидеров венгерской коммунистической эмиграции в СССР. С 1945 г. партийный деятель и посол. В 1956 г. член Исполкома воссозданной ВСРП. 4 ноября укрылся в посольстве Югославии, 22 ноября вместе с Надем и его соратниками депортирован в Румынию, где отмежевался от прежних товарищей. В 1958 г. вернулся на родину.

Сас Бела — писатель и журналист. В 1949 г. пресс-секретарь Министерства сельского хозяйства. Приговорен к десяти годам тюремного заключения на фальсифицированном судебном процессе, связанном с делом Райка. В 1957 г. эмигрировал в Англию. Работал комментатором на «Би-Би-Си», в 1959–1963 гг. редактор журнала «Семле» («Обозрение»), издаваемого Институтом Имре Надя в Брюсселе.

Селл Енё (1912–1994) — вступил в коммунистическую партию до 1945 г., политик и писатель, посол в Бухаресте, основатель Института народной культуры. Активный участник внутривластной оппозиции; в 1956 г. директор Венгерского радио. Приговорен к пяти годам тюремного заключения; амнистирован в 1962 г., работал переводчиком и редактором.

Серени Шандор (р. 1905) — столяр-краснодеревщик, член КПВ в подполье, в 1931 г. под именем Шаш эмигрировал в СССР; боролся с Куном за руководство эмиграцией. В 1933 г. арестован, провел 17 лет в ГУЛАГе. В 1947 г. вернулся в Венгрию, работал научным сотрудником, с 1958 г. возглавлял отдел культуры ЦК ВСРП.

Силади Йозеф (1917–1958) — политик, в 1945 г. начальник областной полиции. Активный член внутривластной оппозиции во главе с Надем. Во время революции возглавлял секретариат Надя. В 1958 г. казнен по приговору на закрытом судебном процессе.

Сирмаи Иштван (1906–1969) — коммунистический политик и журналист из Трансильвании. В 1949 г. председатель Венгерского радио. В 1953 г. арестован с связи с подготовкой показательного процесса над сионистами (прекращен после смерти Сталина), в 1954 г. освобожден, в 1955 г. реабилитирован. В 1956 г. при Кадаре возглавлял отдел информации в аппарате Совета министров, контролировавший прессу, с 1963 г. член Политбюро ВСРП.

Солдатич Далибор (1909–?) — югославский дипломат. Служил в Вашингтоне, Буэнос-Айресе и Риме, в 1953–1956 гг. посол в Венгрии. С января 1957 г. возглавлял отдел протокола в Государственном секретариате по иностранным делам ФНРЮ.

Сулов Михаил Андреевич (1902–1982) — деятель ЦК КПСС. В аппарате ЦК ВКП(б) с 1946 г. В 1947–1982 гг. секретарь ЦК ВКП(б)–КПСС, занимался вопросами идеологии и международного рабочего движения. В 1952–1953 и 1955–1982 гг. член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС. Сыграл положительную роль в подготовке XX съезда партии, однако в дальнейшем в качестве главного идеолога КПСС стремился к сдерживанию процессов десталинизации в СССР и мировом коммунистическом движении. В июне–декабре 1956 г. не менее четырех раз выезжал в Венгрию в целях урегулирования острого политического кризиса. Принимал активное участие в отстранении Хрущева от власти в 1964 г.

Сюч Миклош (1921–1998) — кадровый офицер. В 1945 г. вступил в ряды Красной армии, обучался в советских военных академиях, получил звание полковника. Должен был командовать

операцией против повстанцев в районе кинотеатра «Корвин», отмененной по приказу Надя. В ночь на 4 ноября, на переговорах о выводе советских войск из Венгрии арестован КГБ вместе с другими членами венгерской делегации. Вскоре отпущен на свободу. В 1958 г. вышел в отставку, занимался издательской деятельностью.

Танцош Габор (1928–1979) — философ, педагог, молодежный лидер и руководитель кружка Петёфи. Депортирован вместе с Надем в Румынию, в 1958 г. приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. В 1963 г. амнистирован, занимался социологией и журналистикой, изучал положение венгров в соседних странах. Вел правозащитную деятельность. Поддержал чехословацкую Хартию-77. Покончил жизнь самоубийством.

Тардош Тибор (р. 1918) — писатель, активный участник французского движения Сопротивления. В 1947–1954 гг. сотрудничал с газетами «Сабад неп» («Свободный народ») и «Сабад ифьюшаг» («Свободная молодежь»). Исключен из ВПТ за речь на дискуссии о прессе в кружке Петёфи 27 июня 1956 г. В 1957 г., на процессе писателей приговорен к восемнадцати месяцам тюремного заключения. В 1963 г. эмигрировал во Францию.

Тильди Золган (1892–1961) — реформатский священник и деятель НПМХ. В 1945–1946 гг. председатель Совета министров Венгрии; в 1946–1948 гг. президент республики. В годы режима Ракоши содержался под домашним арестом. Государственный министр в последнем правительстве Надя. Приговорен к 6 годам тюремного заключения, в 1959 г. амнистирован.

Уйхейи Силард (1915–1996) — юрист, политик, вступил в коммунистическую партию до 1945 г. В 1945 г. государственный секретарь в Министерстве социальной политики. В 1948 г. назначен генеральным секретарем Института культурных связей, в декабре 1949 г. заместитель генерального директора Венгерского радио. В 1951 г. арестован и приговорен к 8 годам тюремного заключения, реабилитирован в 1954 г. Активный член внутрипартийной оппозиции, депортирован в Румынию с группой соратников Надя. После освобождения работал в кинематографии.

Фазекаш Дёрдь (1913–1984) — журналист и редактор. Будучи военнопленным, вступил в Красную армию. Работал в газете «Сабадшаг» («Свобода»); был членом внутрипартийной оппозиции, группировавшейся вокруг Надя и его секретариата во время революции. В 1958 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения; освобожден в 1963 г.; работал редактором.

Фаркаш Михай (1904–1965) — активный член венгерской компартии до 1945 г., член секретариата Коммунистического интерна-

ционала молодежи (КИМ). С 1921 г. член Коммунистической Партии Чехословакии, участник гражданской войны в Испании. После 1945 г. в качестве секретаря и заместителя генерального секретаря ЦР ВКП (ВПП) курировал работу с профсоюзами, молодежью, массовыми организациями, позднее также финансы и контроль за Вооруженными и специальными силами. Занимал посты министра внутренних дел и министра обороны. Летом 1956 г. исключен из партии за участие в «нарушениях закона». В 1957 г. приговорен к 16 годам тюремного заключения; освобожден в 1960 г.

Фаркаш Ференц [Бистраи] (1903–1966) — издатель и политик, руководитель Национальной крестьянской партии. Осенью 1956 г. один из инициаторов возрождения НКП под названием Партии Петёфи. Занимал пост государственного министра в последнем кабинете Надя. В ноябре–декабре 1956 г. вместе с Бибо работал над проектами компромисса. Отошел от политики в 1958 г.

Фельдвари Рудольф (р. 1921) — слесарь и партийный функционер. В 1953–1954 гг. член Политбюро ЦР ВПП, первый секретарь Будапештского горкома партии, в 1954–1956 гг. первый секретарь комитета ВПП в области Боршод-Абауй-Земплен. В 1956 г. член и затем председатель областного рабочего совета. В 1956 г. приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1961 г., работал переводчиком и техническим редактором.

Фехер Лаош (1917–1981) — журналист, политик. Вступил в коммунистическую партию до 1945 г., редактор крестьянской газеты «Сабад фельд» («Свободная земля»), в время «нового курса» поддерживал Надя. Входил в состав ЦК ВСРП (1956–1981), в 1957–1975 гг. также член Политбюро ЦР, непродолжительное время был главным редактором центрального печатного органа партии — газеты «Непсабадшаг» («Народная свобода»). Освобожден от должности за проюгославские ориентации. После 1956 г. возглавлял сельскохозяйственный отдел в аппарате ЦК ВСРП, представлял правый фланг в руководстве партией. Пытался, отмежевавшись от Надя, вместе с тем сохранить важнейшие положения его реформаторской программы. На посту зам. председателя Совета министров (1962–1974) провел ряд сельскохозяйственных реформ; после свертывания «нового экономического механизма» был выведен из Политбюро по требованию советского руководства.

Фишер Йожеф (1901–1995) — архитектор, деятель венгерской социал-демократии. Государственный министр в последнем кабинете Надя. С 1956 г. жил в эмиграции в США.

Фришш Иштван (1903–1976) — экономист, политик. Вступил в коммунистическую партию до 1945 г., в 1935 г. эмигрировал.

В 1945–1954 и 1956–1962 гг. заведывал отделами ВКП (с 1948 г. — ВПТ). В 1954–1974 гг. директор Института экономики ВАН. Был также редактором теоретического журнала «Таршадальми семле» («Общественное обозрение»), в 1956–1957 гг. редактор газеты «Непсабадшаг» («Свобода народа»).

Хай Дюла [Гай Юлиус] (1900–1975) — писатель и драматург, писал на венгерском и немецком языках. В 1920–1945 гг. жил в эмиграции в Вене, Берлине и Москве. Активный член внутрипартийной оппозиции, за деятельность в период революции приговорен к шести годам тюремного заключения. После освобождения в 1964 г. эмигрировал в Швейцарию, оставил известные мемуары «Geboren 1900».

Харасти Шандор (1897–1982) — редактор, журналист и коммунистический политик. В 1951 г. приговорен к смертной казни по сфальсифицированным обвинениям, освобожден в 1954 г. Один из соратников Надя по внутрипартийной оппозиции, с 1 по 3 ноября 1956 г. издавал газету «Непсабадшаг» («Свобода народа»). Вместе с Надем депортирован в Румынию, в 1958 г. приговорен к шести годам тюремного заключения, освобожден по амнистии в 1963 г.

Хевеши Акош (1884–1937) — агроном, политик, член КПВ с 1919 г. С 1922 г. жил в эмиграции в СССР, долгое время был зам. председателя Крестьянского интернационала (Крестинтерна). Погиб во время гражданской войны в Испании, где командовал венгерским батальоном интернациональных бригад.

Хегедюш Андраш (1922–1999) — социолог и коммунистический политик. До 1956 г. был активным проводником сталинской политики; в 1953 г. зам. председателя Совета министров; в 1955–1956 гг. председатель Совета министров. В 1956–1958 гг. эмигрировал в Москву. В начале 1960-х годов организовал и возглавил социологическую исследовательскую группу при Венгерской академии наук. В 1968 г. ушел в отставку из-за несогласия с интервенцией в Чехословакию.

Хегедюш Б. Андраш (1930–2001) — экономист, социолог, в 1956 г. секретарь кружка Петёфи. Активный член внутрипартийной оппозиции, в 1959 г. приговорен к двум годам тюремного заключения. Основатель и член Комитета исторической справедливости (ТІВ); в 1989–2001 гг. содиректор Института истории и документации венгерской революции 1956 г.

Хельгаи Дёрдь (1914–1994) — политолог, осужденный по ложному обвинению в эпоху Ракоши. Во время революции занимал пост зам. министра иностранных дел. Эмигрировал в Бельгию,

где основал Институт политических исследований им. Имре Надя, впоследствии стал профессором в США.

Хидаш Иштван (р. 1918) — коммунистический политик, токарь по профессии. В 1945 г. перешел на партийную работу, в 1950–1952 гг. возглавлял Будапештский горком партии. В 1951 г. избран членом Политбюро ЦР КПВ, в 1952–1956 гг. входил в состав нескольких правительств. Снят со всех постов 23–24 октября 1956 г. С 1957 г. до выхода на пенсию возглавлял отдел в министерстве тяжелой промышленности.

Хорват Мартон (1906–1987) — журналист, политик. В коммунистическую партию вступил до 1945 г., несколько лет провел в заключении. После 1945 г. главный редактор газеты «Сабад неп» («Свободный народ»), активный проводник сталинской культурной политики. Заведовал отделом агитации и пропаганды ЦР ВПТ, избирался в Политбюро ЦР ВКП (с 1948 г. — ВПТ). В 1953–1956 гг. симпатизировал Надю, поддержал его во время революции. Не примкнул к группировке Кадара, после 1957 г. до выхода на пенсию в 1966 г. на музейной работе.

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) — советский партийный и государственный деятель. В большевистской партии с 1918 г. В 1934–1938 гг. на руководящей работе в Московском горкоме и обкоме ВКП(б). В 1938–1949 гг. (с перерывом) первый секретарь ЦК КП(б) Украины; был также председателем Совнаркома (Совмина) Украины. В 1949–1953 гг. первый секретарь Московского горкома партии, одновременно секретарь ЦК ВКП(б)—КПСС. В сентябре 1953 г. избран первым секретарем ЦК КПСС, в марте 1958 г., устранив к этому времени всех своих политических конкурентов, стал председателем Совмина СССР. Доклад Хрущева о преступлениях Сталина, зачитанный 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда, стал поворотной точкой в истории коммунистического движения. В октябре 1964 г. вследствие заговора снят со всех постов, обвинен в волонтаризме. Находясь на пенсии, продиктовал мемуары, в которых нашли отражение и венгерские события 1956 г.

Эгетё Мария (1902–1978) — супруга Имре Надя. Родилась в семье социалистов, в 1925 г. вышла замуж за Надя и родила ему дочь Эржебет (р. 1927 г.). Сопровождала мужа во время его ссылки в Москве, всю жизнь вела домашнее хозяйство и не вмешивалась в политику. Ее короткая поездка в Венгрию, к родителям в 1935 г. стоила супругу дисциплинарного взыскания. Депортирована в Румынию, в 1958 г. получила разрешение вернуться на родину.

Эрдеи Ференц (1910–1971) — социолог и политик. Один из основателей, вице-председатель и затем генеральный секретарь Национальной крестьянской партии; в 1948–1956 гг. занимал различные министерские посты, в том числе в правительстве Надя осенью 1956 г., был заместителем председателя Совета министров. В ноябре 1956 г. возглавлял венгерскую делегацию на переговорах о выводе советских войск в Тёкёле, в ночь на 4 ноября был арестован КГБ, через несколько недель освобожден по настоянию Кадара, видевшего в Эрдеи потенциального члена правительства в случае создания фиктивной многопартийности и формирования правительства с участием крестьянских партий. В 1965–1971 гг. член Президиума ВНР, в 1964–1970 гг. генеральный секретарь Патриотического народного фронта, в 1957–1971 гг. генеральный секретарь, позднее вице-президент Венгерской академии наук.

Эри Карой (1898–1946) — столяр-краснодеревщик, в 1924–1925 гг. один из руководителей КПВ, после четырех лет тюремного заключения эмигрировал в Москву, где был репрессирован.

Янза Карой (р. 1914) — венгерский министр обороны. По профессии рабочий-металлист, в 1949 г. стал офицером Народной армии, в 1951–1956 гг. занимал пост зам. министра обороны. Осенью 1956 г. в течение нескольких дней был министром обороны в национальном правительстве Надя, затем его сменил Малетер. Вел переговоры с повстанцами и запретил оказывать сопротивление советским вооруженным силам, введенным в страну 4 ноября. В 1958 г. был лишен всех званий; реабилитирован в 1990 г.

Яноши Ференц (1916–1968) — реформатский (кальвинистский) священник и капеллан, зять Надя. С 1945 г. деятель Отечественного народного фронта, в 1954–1955 гг. его генеральный секретарь. Член внутрипартийной оппозиции, был депортирован с Надем в Румынию; впоследствии приговорен к восьми годам тюремного заключения, амнистирован в 1963 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник. 1993. № 1. С. 71–73; Родина. 1993. № 2. С. 55–57.
- Алексеев В.* Венгрия, 1956. Прорыв цепи. М., 1996.
- Анишеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.
- Бекеш Ч., Райнер Я.* Венгерская революция 1956 года // Россия и современный мир. 1997. № 3. С. 128–148.
- Бибо И.* «О смысле европейского развития» и другие работы. М., 2004.
- Венгрия 1956 года: очерки истории кризиса / отв. ред. Ю.С. Новопашин. М., 1993.
- Венгрия 1956. Документы // Исторический архив. 1993. № 4–6.
- Гибанский Л.Я.* Н.С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 10–29.
- Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / отв. ред. К. Аймермахер; отв. сост. В.Ю. Афиани. М., 2002
- Дюрко Л.* 1956: предварительное исследование и прагматическое изложение событий. Главы из книги // Иностранная литература. 1988. № 7, 8.
- Желички Б.Й.* Будапешт–Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995.
- Желички Б.Й.* Венгрия 1956 года. Эволюция оценок венгерских историков // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 18–35.
- Желички Б.Й.* Имре Надя // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 50–77.
- Исламов Т.М.* Венгерское восстание 1956 г. в отечественной историографии // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 42–55.
- Как решались «вопросы Венгрии». Рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Июль — ноябрь 1956 г. / публ. В.Т. Середы, С.А. Мельчина, Е.Д. Ореховой // Исторический архив. 1996. № 2, 3.
- Киссинджер Г.* Венгрия: тектонический сдвиг в империи // Он же. Дипломатия. М., 1997.
- Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
- Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран / отв. ред. Ю.С. Новопашин. М., 1997
- Кыров А.М.* «Гром-444». Первая война между социалистическими странами (о подавлении восстания в Венгрии советскими войсками, 1956 г. // Родина. 1997. № 6. С. 74–78.
- «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши / публ. В.Т. Середы, А.С. Стыкалина и др. // Исторический архив. 1998. № 3, 5–6; 1999. № 1.
- Малашенко Е.И.* Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 10–12; 1994. № 1.

Медведев Р.А. Андропов. М., 2006 (серия ЖЗЛ).

Мусатов В.Л. Кем был Имре Надь: путь из сексотов в национальные герои // Новое время. 1993. № 19. С. 40–42.

Мусатов В.Л. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996.

Мусатов В.Л. События 1956 г. в Венгрии и позиция Кремля // Осмысление истории. М., 1996. С. 135–150.

Мусатов В.Л. СССР и венгерские события 1956 г.: новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 3–22.

Мусатов В.Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 164–173.

Мусатов В.Л. Янош Кадар и время реформ в Венгрии // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 138–156.

«Мы навели порядок в Венгрии...» (Как возник режим Кадара? Документы бывшего архива ЦК КПСС, ноябрь 1956 г.) / предисловие В.Т. Середы, публ. и комм. Е.Д. Ореховой, В.Т. Середы, А.С. Стыкалина // Континент. Москва-Париж. 1995. № 85. С. 210–242.

Надь был агентом НКВД // Родина. 1993. № 3.

Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005.

Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе / отв. ред. Ю.С. Новопашин. М., 1993.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Глав. ред. А.А. Фурсенко, отв. сост. В.Ю. Афиани. М., 2003.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958 / глав. ред. А.А. Фурсенко, отв. сост. В.Ю. Афиани. М., 2006.

Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса / ред., коммент. и послесл. В.Т. Середы. М., 2003.

Серета В.Т. На волосок от свободы // Итоги. 19.XI.1996 г.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Серета, А.С. Стыкалин. М., 1998.

Стыкалин А.С. 1956-й: XX съезд и «венгерские события» // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 101–114.

Стыкалин А.С. Еще раз о трактовке венгерских событий 1956 года // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 172–175.

Стыкалин А.С. Об одном из свидетельств о венгерской революции 1956 года (В.А. Крючков и его воспоминания) // Славяноведение. 1998. № 4. С. 75–82.

Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

Стыкалин А.С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 г.) // Славяноведение. 2000. № 1. С. 70–81.

Стыкалин А.С. Советско-югославское сближение (1954 — лето 1956 г.) и внутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб., 2002. С. 323–345.

Стыкалин А.С., Орехова Е.Д. Венгерские события 1956 г. и позиция руководства СССР (по материалам ЦХСД) // Славяноведение. 1994. № 3. С. 51–61.

Стыкалин А.С. СССР — Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х — начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3. С. 95–102.

Таубман У. Хрушев. М., 2005 (серия ЖЗЛ).

Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива / отв. ред. А.О. Чубарьян, Н.И. Егорова. М., 2003.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: в 4 кн. Кн. 3. М., 1999.

The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents / Ed. by Cs. Békés, M. Byrne, J.M. Rainer. Budapest, 2002.

Aczél T., Meray T. The Revolt of the Mind. London, 1960.

Arendt H. Totalitarian Imperialism: Reflections on the Hungarian Revolution // The Journal of Politics. 1958. Vol. 20. P. 5–43.

Argentieri F. The Role and Limits of Reform Communism in East-Central Europe: Is Anything Left Still Left? // Moscow and the Global Left in the Gorbachev Era / Ed. by J.B. Urban. Ithaca (NY), 1992.

Bain L.B. The Reluctant Satellites. New York, 1960.

Békés Cs. The 1956 Hungarian revolution and world politics // The Hungarian Quarterly. 1995. Vol. 36. № 138. P. 109–121.

Békés Cs. The 1956 Hungarian Revolution and World Politics. Washington D.C., 1996 (Woodrow Wilson International Center for Scholars. Cold War International History Project. Working Paper No. 16).

Bibó I. Democracy, Revolution, Self-Determination / Ed. by K. Nagy; transl. by A. Boros-Kazai. Boulder, 1991.

Borhi L. Hungary in the Cold War, 1945–1956. Between the United States and the Soviet Union. Budapest, 2004.

Borsányi Gy. The Life of a Communist Revolutionary, Béla Kun / Transl. by M.D. Fenyo. Boulder, 1993 (Eastern European Monographs. Vol. 263).

Calhoun D. F. Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History. Lanham (Md), 1991.

Campbell J.C. The Soviet Union the United States and the twin crisis of Hungary and Suez // Suez 1956. The Crisis and its Consequences / Ed. by W.M. Louis, O. Reds. Oxford, 1989.

Cohen S.F. Bukharin and the Bolshevik Revolution: a political biography, 1888–1938. Oxford, 1980.

The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe 1944–49 / Ed. by N.M. Naimark, L. Gibianski. Boulder, 1997.

Fehér F., Heller F. Hungary 1956 Revisited: The Message of a Revolution. London, 1983.

Fejtő F. A History of the Peoples' Democracies. London, 1971.

Fejtő F. Behind the Rape of Hungary. New York, 1957.

The First War Between Socialist States: The Hungarian Revolution of 1956 and its Impact / Ed. by B.K. Király, B. Lotze, N. Dreiszigler. New York, 1984.

Foreign Relations of the United States, 1955–1957 // Eastern Europe. XXV. 1990

Gaddis J.L. We Now Know. Rethinking Cold War History. Oxford, 1997.

Gati Ch. Hungary and the Soviet Bloc. Durham, 1986.

Gati Ch. Imre Nagy and Moscow 1953–1956 // Problems of Communism. 1986. Vol. 33. P. 32–49.

Gati Ch. The Democratic Interlude in Post-War Hungary // Survey. 1984. Vol. 28. № 2. P. 99–134.

Gibianskij L., Afiani V., Stykalin A. Zur sowjetischen Außenpolitik im Herbst 56 // Tauwetter ohne Frühling. Das Jahr 1956 im Spiegel blockinterner Wandlungen und internationaler Krisen / Hrsg. von I. Kircheisen I. Berlin, 1995.

Granville J. C. Imre Nagy, aka «Volodya» — a Dent in the Martyr's Halo? // Cold War International History Project Bulletin. 1995. Vol. 28. № 5. P. 34–37.

- Granville J.C.* The First Domino. International Decision Making during the Hungarian Crisis of 1956. College Station (Tx). 2004
- Griffith W.E.* The Revolt Reconsidered // East Europe. 1986. Vol. 9 № 1. P. 12–20.
- Halasz de Beky I.L.* A Bibliography of the Hungarian Revolution 1956. Toronto, 1963.
- Hay J.* Born 1900. London, 1974.
- Hegedűs A.* Additional remarks by a major participant in the Hungarian Revolution of 1956 // Studies in Comparative Communism. 1985. Vol. 18. P. 115–123.
- Hollander P.* Political Will and Personal Belief. The Decline and the Fall of Soviet Communism. New Haven, 1999.
- The Hungarian Revolution of 1956 A Collection of Documents from the British Foreign Office / Ed. by Haraszi-Taylor E. London, 1995.
- The Hungarian Revolution of 1956 in Retrospect / Ed. by B.K. Király, J. Pál. Boulder, 1977.
- The Hungarian Revolution of 1956. Reform, Revolt and Repression 1953–1963 / Ed. by Gy. Litván, J.M. Bak, L.H. Legters. London, 1996.
- The Hungarian Revolution: A White Book / Ed. by M.J. Lasky. London, 1957.
- Hungarian People's Republic.* The Counter-Revolutionary Conspiracy of Imre Nagy and his Accomplices. Budapest, 1958.
- Hungarian Social Science Reader: 1945–1963 / Ed. by W. Juhasz. New York, 1965.
- Hungarian Workers' Councils in 1956 / Ed. by B. Lomax. Boulder, 1990.
- Hungaricus [Fekete S.]* On a Few Lessons of the Hungarian National-Democratic Revolution. Brussels, 1959.
- Hungary 1956 — Forty Years On / Ed. by T. Cox. London, 1997.
- The Ideas of the Hungarian Revolution, Suppressed and Victorious 1956–1999 / Ed. by W. Congdon Lee, B.K. Király. Boulder, 2002.
- Jackson G.D.* Comintern and Peasant in East Europe, 1919–1930. New York, 1966.
- Kádár J.* Socialist Construction in Hungary: Selected Speeches and Articles: 1957–1961. Budapest, 1962.
- Kállai Gy.* The Counter-Revolution in Hungary in the Light of Marxism-Leninism. Budapest, 1957.
- Kecskeméti P.* The Unexpected Revolution: Social Forces in the Hungarian Uprising. Stanford, 1961.
- Kenez P.* A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. Cambridge, 1999.
- Khrushchev N.S.* CPSU CC Presidium meeting on East European crises, 24 October 1956 / Introduction, translation and annotation by M. Kramer // Bulletin. 1995. Issue 5 (Cold War International History Project).
- Kissinger H.* Diplomacy. New York, 1994
- Kopácsi S.* In the Name of the Working Class: The Inside Story of the Hungarian Revolution. New York, 1986.
- Kornai J.* The Socialist System, The Political Economy of Communism. Oxford, 1992.
- Kövágó J.* You are All Alone. New York, 1959.
- Kovrig B.* Communism in Hungary: From Kun to Kádár. Stanford (Ca), 1979.

Kramer M. New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises // Cold War International History Project Bulletin. 1996–1997. Vol. 8–9. P. 358–384.

Lawful revolution in Hungary 1989–1994 / Ed. by B.K. Király, A. Bozóki. Boulder, 1996.

Lomax B. Budapest 1956. London, 1976.

Lukács G. Record of a Life. An Autobiographical Sketch / Ed. by I. Eörsi, transl. by R. Livingstone. London, 1983.

Macartney C. A. October Fifteenth: A History of Modern Hungary 1929–1945. Edinburgh, 1956–1957.

Mastny V. The Cold War and Soviet Insecurity: The Stalin Years. New York, 1996.

Mičunović V. Moscow Diary, 1956–1958. New York, 1980.

Molnár M. Budapest 1956: A History of the Hungarian Revolution. London, 1971.

Molnár M. From Béla Kun to János Kádár: Seventy Years of Hungarian Communism / Transl. by A.J. Pomerans. New York, 1990.

Musatow V. What Was Imre Nagy? // New Times International. 1993. Vol. 20. P. 13–15.

Nagy F. The Struggle Behind the Iron Curtain. New York, 1948.

Nagy I. On Communism: In the Defense of the New Course. New York, 1957.

Naimark N.M. The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. Cambridge (Ma), 1995.

National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe / Ed. by P.E. Zimmer. New York, 1956.

One Sentence on Tyranny: Hungarian Literary Gazette Anthology // Ed. by Gy. Pálóczi-Horváth. London, 1957.

Paczkowski A. The Spring Will Be Ours: Poland and the Poles from Occupation to Freedom. University Park (Pa), 2003.

Péteri Gy. New Course Economics: The Field of Economic Research in Hungary after Stalin, 1953–1956 // Péteri Gy. Academia and State Socialism. Boulder, 1998. P. 155–207.

Rácz S. Hungary 56: the workers' case // Labour Focus on Eastern Europe. 1984. Vol. 7. № 2. P. 2–17.

Radvanyi J. Hungary and the Superpowers: the 1956 Revolution and Realpolitik. Stanford, 1979.

Rainer M.J. National Independence, Neutrality and Cooperation in the Danube Region: Imre Nagy's Foreign Policy Ideas // Geopolitics in the Danube Region. Hungarian Reconciliation Efforts, 1848–1998 / Ed. by I. Romsics, B.K. Király. Budapest, 1998. P. 281–304.

Rainer M.J. The 1956 Revolution in the provinces // Budapest Review of Books. 1992. Vol. 2. № 2. P. 64–68.

Rainer M.J. The Development of Imre Nagy as a Politician and Intellectual // Intellectual Life and the First Crisis of State Socialism in East Central Europe, 1953–1956 / Ed. by Gy. Péteri. Trondheim, 2001 (Trondheim Studies on East European Cultures and Societies. 6).

Rainer M.J. The Malin Notes // Encounters. A Hungarian Quarterly Reader / Ed. by Zs. Zachár. Budapest, 1999. P. 189–214.

Rainer M.J. The New Course in Hungary in 1953. New York, 2002 (The Woodrow Wilson Center Cold War. International History Project. Working Paper № 38).

- Rainer M.J.* The Reprisals // Encounters. A Hungarian Quarterly Reader / Ed. by Zs. Zachár. Budapest, 1999. P. 249–261.
- Review. Quarterly Journal of the Imre Nagy Institute for Political Research, Brussels, 1959–1963.
- Romsics I.* Hungary in the Twentieth Century / Transl. by T. Wick. Budapest, 1999.
- The Roundtable Talks of 1989. The Genesis of Hungarian Democracy / Ed. by A. Bozóki. Budapest, 2002.
- Schöpflin G.* Politics in Eastern Europe, 1945–1992. Oxford; Cambridge, 1993.
- The Secret Trial of Imre Nagy / Ed. by L. Dornbach. London; Westport (Ct), 1994.
- Shawcross W.* Crime and Compromise: János Kádár and the Politics of Hungary Since the Revolution. London, 1974.
- Soviet Military Intervention in Hungary, 1956 // Ed. by J. Györkei, M. Horváth, Budapest, 1999.
- Stykalin A.* Soviet-Yugoslav Relations and the Case of Imre Nagy // Cold War History. London. 2005 (February). Vol. 5. № 1. P. 3–22.
- Stykalin A.* The Hungarian Crisis of 1956: The Soviet Role in the Light of New Archival Documents // Cold War History. London. Vol. 2. N 1. October 2001. P. 13–44 (см. также: www.tandf.co.uk/journals).
- Szász B.* Volunteers for the Gallows: The Anatomy of a Show-Trial / Transl. by K. Szasz. London, 1971.
- Sztáray Z.* Books on the Hungarian Revolution: A Bibliography. Brussels, 1960.
- Ten Years After / Ed. by T. Aczél. London, 1966.
- Time-Life Hungary's Fight for Freedom — A Special Report in Pictures. New York, 1956.
- Tökés R.L.* Béla Kun and the Hungarian Soviet Republic: The Origins and Role of the Communist Party of Hungary in the Revolutions of 1918–1919. New York, 1967.
- The Truth About the Nagy Affair, Facts. Documents. Comments / Preface by A. Camus. London, 1959.
- Ungváry K.* The Siege of Budapest. New Haven (Ct), 2005.
- United Nations Report of the Special Committee on the Problem of Hungary. New York, 1957.
- Unwin P.* Voice in the Wilderness: Imre Nagy and the Hungarian Revolution. London, 1991.
- Uprising in East Germany, 1953: The Cold War, the German Question, and the First Major Upheaval Behind the Iron Curtain / Ed. by Ch.F. Ostermann. Budapest, 2001.
- Váli F.A.* Rift and Revolt in Hungary. Oxford, 1961.
- Volgyes I.* The Impact of Communism in the Rural Sphere // The Modernization of Agriculture: Rural Transformation in Hungary, 1848–1975 / Ed. by J. Held. New York; Boulder, 1980. P. 351–373.
- Woroszyński W.* Diary of a Revolt: Budapest Through Polish Eyes. London, 1957.
- Zinner P.E.* Revolution in Hungary. New York, 1962.
- Zubok V., Pleshakov P.* Inside the Kremlin's Cold War: from Stalin to Khrushchov. Cambridge (Ma), 1996.

Общественно-политическое издание

Райнер М. Янош

**ИМРЕ НАДЬ — ПРЕМЬЕР МИНИСТР
ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1956 ГОДА**

Политическая биография

Редактор *Н.П. Колобова*

Корректор *Л.И. Трофимова*

Оформление *Т.Ю. Хрычева*

Компьютерная верстка *Ю.В. Одинцовой*

Подписано в печать 24.10.06. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5.
Тираж 2000 экз. (1-й завод 1 - 1000 экз.). Заказ 7064.

Издательская группа "Логос".
105318, Москва, Измайловское шоссе, 4.

Отпечатано в ФГУП "Производственно-издательский комбинат ВИНТИ",
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403. Тел. 554-21-86.

По вопросам приобретения литературы обращаться по адресу:

105318, Москва, Измайловское ш., д. 4

Тел./факс: (495) 369-5819, 369-56-68, 369-77-27

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте: <http://logosbook.ru>

Биография Имре Надя, премьер-министра Венгрии в дни революции 1956 года — это настоящее исследование, основанное на богатейшем архивном материале. С исключительной эмоциональной напряженностью автор биографии историк Янош Райнер повествует о том, как вернувшийся в 1945 г. из Москвы «солдат партии» вырос в самостоятельно мыслящего политика. Взгляды Надя до конца оставались коммунистическими. Он хотел не иного, чем его единомышленники, а «всего лишь» иначе, медленнее, без потрясений. Но именно это «всего лишь» сделало его изгоем в глазах членов коммунистической партии сталинского типа и лучом надежды для интеллигенции, а затем и для широких народных масс.